

**ИЩЕНКО
ГЕННАДИЙ**

ПРОВЕРКА

КНИГА 2

Вернуться домой — это только полдела, нужно еще найти свое место в жизни. Превенная жизнь школьницы больше не интересна, а использовать магические способности только для себя и от всех таиться не в характере четырнадцатилетней Насти Никитиной. В конечном итоге она оказывается на службе у государства и начинает оказывать магические услуги, занимаясь в первую очередь массовым исцелением людей. Всю свою работу Настя проводит скрытно, но все же о ней и ее возможностях узнают на Западе. Те, кто правит миром, не желают смириться с тем, что новая сила есть только у России. Дело чуть не кончается войной...

Ищенко Геннадий
Проверка 2 (СИ)

— Уже можно открывать глаза, — сказала Настя сестре. — Марк, ты мне всю шею исцарапал!

— Прости, хозяйка! — пропищал домовой. — Лучше было утопиться, чем на такое смотреть!

— А почему все вокруг белое? — растерянно спросила прижимавшая к груди куклу малышка. — И темно. Как может быть ночь, когда только что было утро? И что это за яркие огоньки?

— Я на твои вопросы, отвечу позже, — сказала девочка, — а сейчас быстро одеваемся и уходим, пока сюда никого не принесло. Давай я тебе помогу. Марк, тебе тоже требуется помощь? Сейчас исчезнет шар, и вы сразу замерзнете!

Сапоги у них уже были обуты, а головы прикрывали капюшоны, поэтому требовалось только надеть шубы. Настя быстро одела Лиссу и оделась сама. Рядом пыхтел пытавшийся застегнуть пуговицы домовой.

— Марк, иди ко мне на руки, приказала ему девочка. — Тебе по такому снегу будет трудно идти. Лисса, дай мне руку, а то упадешь.

Сфера исчезла, и Настя с трудом удержалась на ногах. Не успевшие ее послушаться спутники упали в снег. Она подняла и отряхнула сестру, а дрожащий домовой вскарабкался по ней сам.

— Где дом-то, хозяйка? — пропищал он. — Сейчас кончусь от холода! Рук уже не чувствую!

— Щеки щиплет, — пожаловалась Лисса, — и рукам больно и мокро. Где моя Джана?

— Вот твоя кукла, — сказала ей девочка. — Поднимай ноги, сейчас выйдем на дорожку, там снег убирают. Мой дом сразу за сквером. Марк, когда придем в дом, у меня будут разборки с родителями и сестрой. Я на них столько всего вывалю, что мама точно не поверит. Тебя я им покажу позже, поэтому сразу же спрячешься. Сейчас отдай силу браслету. Вы оба не знаете языка, поэтому сегодня лучше помалкивайте. Перед сном я вас ему научу.

— Силу я получил, — сказал Раш. — В этом мире ее больше, чем в том, откуда мы ушли, поэтому восстанавливаться будешь быстрее. Ты почувствовала в себе изменения?

— Почувствовала, — ответила ему Настя. — Стала раз в десять сильнее, но без тебя все равно ни на что серьезное не гожусь.

— Почему заранее не дала знания языка, — спросил он, — были причины?

— Мне придется разбираться с родителями, — объяснила девочка, — не хочу, чтобы они это слушали, особенно Лисса. Сейчас такое будет...

— Примени магию, — посоветовал Раш. — Ментальная магия тебе полностью доступна даже без моей помощи.

— Не хочу я ее к ним применять! — сердито сказала она. — Может, применю к сестре, чтобы не болтала... Постараюсь их уломать без магии.

Они вышли из сквера и пробежались в проходе между домами.

— Дыши носом! — приказала Настя малышке. — Застудишь горло, и его придется лечить. Так, это наш подъезд, подождите, сейчас я достану ключи.

С тех пор как девочка попала в лес орков, ключи всегда были с ней. Сначала Настя

носила их в карманах шорт, потом привязала колечко с ключами к поясу жрицы, а когда от него избавилась, чтобы не потерять, повесила на шею. Перед отправлением она сняла и оставила на столе алмазный знак богини, а ключи положила в карман шубы. Домофон исправно сработал от таблетки ключа и отпер им дверь в подъезд. Лифт в доме был, но подниматься в нем на третий этаж... Потом замучаешься отвечать на вопросы сестренки. Нетерпение подгоняло подниматься по лестнице бегом, но в то же время Настя стала ощущать растущую неуверенность и даже страх. Она слишком долго отсутствовала и слишком сильно изменилась, и не знала, как на эти изменения отреагируют отец с матерью. Магия решала все проблемы, вот только применять ее не хотелось. Перед дверью квартиры сердце колотилось как сумасшедшее, и девочка не сразу обратила внимание на то, что родители поменяли оба замка. Почему-то закрыв глаза, она нажала на кнопку звонка. За дверью послышался пересвист какой-то птицы, а потом легкие шаги.

— Кто там? — спросил мамин голос.

— Это я! — севшим голосом ответила Настя.

— Сколько раз я тебе говорила, чтобы не забывала ключи? — недовольно сказала мама, отпирая дверь. — Ты хоть не забыла купить хлеб?

Распахнув дверь, она подслеповато посмотрела на девочек. Со зрением у мамы было все в порядке, просто она не включила свет в прихожей, а лестничная площадка плохо освещалась одной, тускло горящей лампой.

— Вы к кому, девочки? — спросила мама, не узнав сильно изменившуюся и одетую в шикарную шубу дочь. — Если к Татьяне, то ее еще нет дома.

— Мама, это я! — срывающимся от волнения голосом сказала Настя. — Я вернулась!

Сначала стоявшая в дверях женщина не поняла того, что ей сказали, потом ее глаза широко раскрылись, а кровь разом отлила от лица. Не сказав ни слова, она покачнулась и упала спиной в прихожую.

Глава 1

— И ты хочешь, чтобы мы поверили в эту галиматью? — спросил Настю отец. — Ты у нас была заброшена какой-то трехглазой богиней в другой мир и стала в нем магом и королевой? Я ничего не перепутал? Ты, случайно, не лишилась девственности? Что ты на меня так смотришь? Дочь исчезает на девять месяцев и появляется холеная в шикарном костюме и в шубе стоимостью в несколько сотен тысяч рублей! И эти твои серьги... Я на работе имел дело с камнями. Почти наверняка это алмазы, причем немаленькие! И как все это может заработать такая сопля, как ты?

Девочка вместе с родителями сидела в гостиной за стоявшим в центре комнаты круглым столом, а освобожденная от шубы и сапог Лисса забралась с куклой на диван и оттуда с опаской смотрела на взрослых. Наверное, у старшей сестры были с родителями какие-то сложности, потому что никто из них не радовался ее возвращению. Точнее, радость была, но очень недолго. Когда упавшую в обморок мать привели в чувство, сестру обнимали и целовали, а потом начался этот непонятный для нее, но, видимо, неприятный разговор.

— Зачем ты нам врешь? — со слезами на глазах спросила мать. — Я тебя сама проверять не буду, но завтра же пойдешь со мной в женскую консультацию!

— Подожди, Надя! — остановил отец жену. — Ты понимаешь, дочь, что это не шутки? Ты пропала и была объявлена в розыск. Я рад, что ты жива, но хотелось бы узнать, о чем ты думала и с кем связалась. Своим исчезновением ты принесла нам горе, пропустила учебный год и задала много работы нашим сотрудникам! А сейчас вернулась и вместо объяснения говоришь такое... Я пока не спрашиваю, откуда этот ребенок...

— Может, ты спросишь, откуда он? — сердито спросила Настя, приказав Марку показаться.

Домовой подошел к ней и был взят на руки.

— Что это? — пролепетала мать и трясущейся рукой допила стоявшую перед ней воду.

— Он живой? — спросил отец. — Откуда взяла?

— Живой и разумный, — ответила дочь. — Нашего языка пока не знает, но завтра уже сможете общаться. Я вам о себе рассказала очень коротко, поэтому он в этот рассказ не попал. Это мой домовой Марк. Ладно, вижу, что вы мне без доказательств не поверите. Стол слабый, но это он должен выдержать.

В центре стола возникла небольшая куча кожаных мешочков.

— Ты у нас крутой полицейский, который разбирается даже в алмазах, — сказала она ошарашенному отцу. — Значит, и в золоте должен разобраться.

— Странные монеты... — сказал отец, развязав один из кошель и высыпав на стол золотые. — Почти наверняка золото или очень искусная подделка.

— Золото, но с большой примесью меди, — пояснила Настя. — Ее в нем примерно треть. Таких монет у меня несколько тонн. Есть и более чистое золото, но его немного. И эти серьги не единственные мои драгоценности, у меня их навалом. Это мой меч.

На столе возник меч паладина, который отец взял в руки и наполовину выдвинул из ножен.

— Несомненно, боевое оружие, — сделал он вывод после осмотра. — Не муляж и не новодел. Покажешь что-нибудь еще?

— Мое парадное платье, — сказала девочка, поднимая с пола возникшую на нем

одежду. — В нем я проходила коронацию.

— Куча драгоценный камней и, похоже, все настоящие, — сказал отец и передал платье матери. — Посмотри ты.

— Ткани очень дорогие и, по-моему, ручной работы, — ответила она. — Швы тоже обрабатывались вручную, но очень качественно. А это... точно шитье золотом. Что обозначает этот узор, вышитый камнями?

— Это королевский герб, — ответила Настя. — Мы пришли налегке, потому что все наши вещи хранятся в таком месте, откуда я их всегда могу достать.

— Свою магию показать можешь? — спросил отец.

— Я сейчас не очень сильный маг, — ответила она. — Могу вертеть людьми, но к вам это применять не хочу, иначе вы бы мне сразу поверили, и не было бы этого неприятного разговора. Могу лечить, могу создавать качественные иллюзии, например, такие.

В руках Насти появились розы, которые она отдала родителям.

— Пахнут... — растерянно сказала мать, понюхав цветы. — Настоящие розы.

Цветы задрожали и все сразу исчезли.

— Значит, на нас ты не действуешь? — спросил отец, посмотрев ей в глаза. — Спрашиваю, потому что все это очень похоже на гипноз. А другим что можешь внушить?

— Я уже говорила, — ответила Настя. — Если бы я вас гипнотизировала, вы бы меня сейчас по очереди целовали, а не допрашивали. А с другими... Да все, что угодно, папа. Я приказала жрецу перерезать себе горло, и он это сделал. Не надо бледнеть, мама, это была война, и он перед этим то же самое сделал с человеком, который несколько раз спасал мне жизнь. И после этого они убивали близких мне людей. Это другой мир, у которого свои законы!

— И многих ты убила? — спросил отец, который воспринимал ее слова гораздо спокойнее, чем мать.

— В битве примерно сотню, — ответила девочка. — Когда усаживали дворянство, убила примерно столько же. Часть сама при штурме замков, остальных казнили по моему приказу. Зря мама на меня так смотрит. Если бы распалось королевство, погибли бы тысячи! Лично мне ни одно убийство не доставило удовольствия. Где могла, я без них обходилась. Чтобы вы меня лучше поняли, нужно обо всем рассказать подробно, но такой рассказ займет пару часов. Давайте его отложим на более позднее время. Когда должна прийти Таня?

— Да уже скоро, — посмотрев на часы, сказал отец. — Она у своего жениха. Что вытаращилась? Через несколько месяцев она окончит школу и выйдет замуж. Ее жених вроде собирается учиться, а ей это не нужно. Будем считать, что кое в чем ты нас убедила. В связи с этим встает вопрос, что говорить твоей сестре. Ты можешь все это убрать? Подожди, я возьму монеты для анализа.

Он взял несколько золотых, а остальные ссыпал обратно в кошель и положил его на стол. Приказ — и все золото вместе с мечом и платьем исчезло. Исчез с глаз и домовой.

— Не будет ей никаких подробностей, — ответила Настя. — Скажу только, что была далеко и не по своей вине и ничего не могла вам сообщить. Все это секрет следствия, и я дала подписку о неразглашении. Я на нее и магией подействую, чтобы не болтала, иначе она все выложит своему жениху. Что я Таньку не знаю?

— А это чудо на диване? — спросил отец.

— Взяли в детском доме, — ответила девочка. — Я с ней поговорю, чтобы не болтала лишнего, но даже если что и ляпнет, что вы хотите от семилетней малышки? Она такая

фантазерка...

— Только решили взять, и нам тут же выдали ребенка? — сказала мама. — Да еще в субботу. Твоя сестра не дура, чтобы в такое поверить.

— Она поверит во все, что мне нужно, — заверила Настя. — Остается решить три вопроса: прекратить мои поиски, легализовать в нашей семье Лиссу, и мне экстернатом сдать пропущенный седьмой класс. Ну и еще нужно будет перевести часть золота в наличность, чтобы купить нормальную квартиру и не считать деньги до зарплаты.

— А чем тебя не устраивает эта квартира? — спросила мама. — Пока немного тесновато, но Таня после свадьбы уйдет...

— Мама, у меня спальня была в два раза больше всей этой квартиры, — со вздохом ответила девочка. — Я не претендую на королевский дворец, но зачем жить здесь, если есть возможность устроиться лучше? Знаешь, что у меня спросит сестра, когда мы с ней останемся вдвоем? Спросит, как можно жить в таком маленьком доме, в котором даже нельзя как следует разбежаться.

— Следствие я прекращу, — пообещал отец. — Раз ты нашлась, это будет нетрудно. Придется тебе прогуляться в полицию, ответить на несколько вопросов и кое-что подписать. О том, что отвечать, мы с тобой еще поговорим. С экстернатом тоже не вижу проблем, если у тебя хватит на него способностей. А вот с твоей приемной сестрой... Проще всего объявить ее потерявшейся, поискать родителей, а потом сдать в детский дом и удочерить. Надо только подумать над тем, что ей о себе говорить.

— Если будет детский дом, то только на бумаге, — перебила отца Настя. — Я ее никому не отдам! Кто занимается такими крохами?

— Органы по вопросам семьи, опеки и попечительства в нашей администрации, — ответил он. — Нам, чтобы идти к ним, нужно собрать уйму бумаг.

— Папа, ты еще не знаешь моих способностей, — усмехнулась девочка. — Я сделаю проще. Схожу в этот отдел, скажу им, что нужно сделать, и они дружно всем отделом мне это сделают. Потом можно будет заставить все забыть, оставив лишь нужные нам воспоминания. И такое внушение будет держаться всю жизнь. Я думаю, что до камер в рабочих кабинетах еще не додумались?

— В опеке их нет, — внимательно глядя на нее, сказал отец, — а у нас кое-где стоят, имей это в виду. Ты очень сильно изменилась, дочь. Смотри, если у тебя действительно такая сила, не нарвись на неприятности. Сила бесхозной не бывает, и на твою найдется немало желающих. Не будь самоуверенной и хорошо продумывай все, что собираешься сделать, а еще лучше, советуйся с нами. Молодые всегда мнят себя умнее родителей, а потом кусают себе локти. Ты не дура, но опыта здешней жизни у тебя маловато. Не для той жизни, какую ты вела до своей пропажи, а для той, какую хочешь вести сейчас. Тебе ведь теперь будет трудно быть тихой и незаметной?

— Тихой и незаметной не буду, но и своими способностями постараюсь не светить, — пообещала Настя. — И буду советоваться с тобой. А ты подумай, кому можно продать много золота. Я слышала, что армяне на рынке за дворцом спорта скупают все, в чем оно есть, но не с моими же монетами к ним идти! Надо продать один раз и много.

— Посмотрим, — ответил он. — Это дело очень непростое, а мне им заниматься...

— Николай, ты ей поверил? — спросила мать.

— Почти, — сказал отец. — Бред, но я не могу игнорировать фактов. Позже она нам все подробно расскажет, тогда будет видно, во что верить, а во что нет. Настя сама может в чем-

то заблуждаться, например, в том, кто на самом деле ее богиня. Так, заканчиваем разговоры: Татьяна пришла.

Сестра открыла дверь и вошла в прихожую. Сняв пальто и сапоги, она заглянула в гостиную и удивленно уставилась на Настю.

— Здравствуй! — сказала ей девочка. — Запоминай! Я была далеко и не по своей воле. Вам ничего сообщить не могла. Тебе никаких подробностей не скажу, потому что идет следствие. Маленькая девочка на диване — это наша с тобой приемная сестра из детского дома. Никаких подробностей о ней пока не выспрашивай. У малышки погибли родители, поэтому такие расспросы вызовут психическую травму. Лучше тебе с ней пока вообще не разговаривать. Завтра я тебя с ней познакомлю, а со временем ты многое узнаешь. Сегодня, после ужина, побудь в своей комнате. Ничему не удивляйся и никому из знакомых, включая своего жениха, о нас не рассказывай. Все ясно?

— Да, я все поняла, — покорно ответила Таня. — Все сделаю, как ты сказала.

После этого она, ни на кого не глядя, ушла в свою комнату.

— С вами я не хотела так поступать, — сказала Настя со страхом смотревшей на нее матери, — а с ней иначе не могу. Я не один раз читала, что для многих женщин главное — это их любовь, а все остальное, включая родных, где-то на втором плане, и Танька как раз из этих многих. Мама, не нужно меня бояться! Я по-прежнему ваша дочь и вас люблю. Я даже Таньку люблю, и мне неприятно с ней так поступать, хотя от моей магии вреда не будет, в отличие от ее болтовни.

— Я не могу ждать! — сказала мать. — Татьяна после поездки к своему Олегу дома не ужинает. Вы есть не хотите? Ну тогда садись и начинай рассказывать!

На этот раз Настя рассказывала очень подробно, и ее рассказ занял больше двух часов.

— Бедная моя! — всхлипнула мать, прижав ее к себе. — Досталось тебе, а тут еще мы так встретили! Но ты должна нас понять: поверить в такой бред, как трехглазые богини и твоя магия... Я знаю, что ты нам не врешь, а в голове все равно не укладывается. Может, она все-таки какая-нибудь инопланетянка?

— Вселенную она не создавала, и молитвы ей не нужны, — сказал отец, — но всех несогласных может сломать об колено, будь их хоть миллиарды! Бог она или пришелец, но нам придется под нее прогнуться. Конечно, это при условии, что она сюда придет и все, сказанное дочерью, правда. Мы разговорами усыпили твою сестру. Надо бы ей выбрать другое имя, а то в школе задразнят. Лисой еще зовут Василису, но от этого имени все сокращения какие-то неудачные. Дочь, уже девятый час. Поздновато, но, может быть, поужинаете?

— Поедим, — согласилась Настя. — У нас сейчас время обеда. Ничего, я сестру все равно разбужу учить язык. Если потом будет плохо засыпать, усыплю магией. Домовому тоже надо будет дать поесть.

— Я не понял, зачем ты его с собой взяла? — спросил отец, когда мама ушла на кухню готовить ужин. — Мало тебе забот с этой девочкой?

— Марк может быть очень полезным, папа, — ответила Настя. — У меня благодаря ему теперь в запасе в три раза больше силы. И прячется он так, что никто не увидит. А жить совсем без риска... Это у меня не вышло там, да и здесь не получится. Если я попробую жить тихо, Верона мне обязательно что-нибудь подбросит. Лучше уж я что-нибудь намучу сама, так будет больше шансов выкрутиться. Когда я ее спросила, что мне здесь делать, она сказала, что ей это все равно. Только я думаю, что ей будет все равно до тех пор, пока за

мною интересно наблюдать, а если станет скучно, она быстро что-нибудь придумает.

— А чего хочешь ты? — спросил он. — Хочешь, чтобы она осталась?

— Я не знаю! — девочка передернула плечами. — В обоих случаях будет плохо, только без нее будет плохо всем и немного позже. Мне страшно, папа! Если она, глядя на меня, не просто развлекается, а решает...

— Наплюй, — посоветовал отец. — Живи как хочешь, только будь очень осторожной. Вокруг слишком много тех, кто захочет тебя использовать. Хорошо, если при этом оставят хоть какую-то свободу, но я бы на это сильно не рассчитывал.

Мама позвала ужинать, и Настя пошла будить Лиссу. К счастью, малышка не только легко засыпала, она и просыпалась без капризов. Домовому отдельного приглашения не требовалось. Как только с кухни запахло омлетом, он туда прибежал раньше других и терпеливо ждал возле холодильника, когда хозяйка разрешит показаться. Омлет съели быстро, после чего девочка повела обоих в гостиную учить язык. Уже освоенное заклинание из тех, которыми с ней поделился Раш, позволяло выучить любой язык за одну ночь, но оно обучало только разговору. Для письма использовали совсем другое, и для него одной ночи было мало. Было и универсальное заклинание, но с ним язык полностью усваивался только за пять дней. С домовым у нее были сомнения. Уже опробованная магия на него не действовала, поэтому могла не подействовать и эта.

— Где будешь спать, здесь или в моей спальне? — спросила Настя сестру.

— В спальне вместе с тобой! — выбрала она.

— Так не получится, — покачала головой девочка. — Пойдем, я тебе покажу спальню.

Они прошли в ту комнату, которая раньше была комнатой Насти. Именно из нее она отправилась в мир Вероны.

— А почему здесь все такое маленькое? — недовольно сказала Лисса. — Спальня должна быть большой! И кровать должна быть большой, а она здесь для грудничка!

— Вот продадим золото и купим большую квартиру, — пообещала Настя, — тогда и кровати будут больше, а пока выбирай или эту кровать, или диван, на котором ты спала.

— Диван, — выбрала Лисса. — Там комната больше. Только ты сделай так, чтобы я ночью не просыпалась, а то мне здесь одной страшно.

— Если хочешь, я могу спать с тобой, — великодушно предложил Марк.

Настя с помощью кольца достала пижамы, и они переоделись. Мама принесла на диван подушку и одеяло и постелила простынь. По их внутренним часам был день, а сестра еще недавно поспала, поэтому у нее ничего не получилось со сном, и пришлось применить магию. К себе ее Настя не применяла, но сразу заснула. Проснулась почти в восемь утра, сходила мимо спящей Лиссы в туалет, а когда вернулась, включила свой компьютер. За прошедшие девять месяцев комнатой никто не пользовался, и все вещи так и лежали на своих местах, а вот с компьютером кто-то возился. Раньше, чтобы войти в систему, нужно было ввести пароль, теперь загрузка прошла без него. Кто бы ни работал с компом, он не тронул ее рабочий стол и записи. Наверное, после пропажи в них искали хоть какую-то зацепку для ее поисков. От возни с компьютером отвлекла Танька.

— Слышу, что работает компьютер, значит, ты не спишь, — сказала она, заходя в комнату. — Классная у тебя пижама. Родители купили?

— Как они мне могли что-то купить, если я вернулась перед твоим приходом? — ответила Настя. — Пижаму шили на заказ.

— А ты сильно изменилась, — заметила сестра. — Была просто славная, а сейчас прямо

красавица. Это твоя шуба в прихожей?

— Моя, — недовольно ответила девочка.

Ей не нравились эти расспросы, но не будешь же на каждом шагу действовать на сестру магией. Ладно, может, это и не понадобится.

— Удачно ты исчезла, — с ноткой зависти сказала Танька. — У меня такой шубы никогда в жизни не будет. В серьгах стразы?

— Обо мне мы еще поговорим, — ушла от ответа Настя, — ты лучше расскажи, что это за фигня со свадьбой. Твой жених — тот самый тип, фотографией которого ты любовалась после ваших вылазок на природу?

— Нет, это Олег Волошин из нашего класса, — сказала сестра. — И почему фигня?

— Мне напомнить, в какой институт ты хотела поступать? — спросила Настя. — Сейчас твой замечательный парень пойдет учиться, а ваша молодая семья дружно усядется на шею родителям и свесит ножки. Ты будешь маяться от безделья, поэтому через год будет ребенок. Пять лет твой парень будет грызть гранит науки... Или он поступает не в технический?

— Он хочет поступить в экономический университет, — с удивлением глядя на сестру, ответила Таня. — Ты так говоришь из-за денег? Думаешь, что из-за нашей свадьбы меньше достанется тебе?

— Вообще-то, так бы и было, — согласилась Настя. — Открою тебе секрет. Я в деньгах не нуждаюсь, смогу даже помочь вам. Я просто не хочу, чтобы ты осталась домохозяйкой. Что за радость свести свою жизнь к заботе о муже и детях? Вряд ли твой Олег станет крутым менеджером и будет возить тебя на Канары, во всяком случае, это случится еще очень нескоро, да и то только в том случае, если вы не разбежитесь. И не нужно мне говорить о вашей неземной любви. Ты знаешь, что сейчас распадается каждый второй брак?

— Ты мне не отец и не мать, чтобы я от тебя такое выслушивала! — рассердилась сестра. — Сама с кем-то сбежала, а мы здесь переживали! И после этого еще смеешь меня учить!

«Ну вот, я и обошлась без магии, — подумала Настя, когда Таня вышла из ее спальни, хлопнув дверью. — Три дня она точно не будет задавать никаких вопросов».

Открылась дверь, и в спальню зашла Лисса.

— Почему здесь все такие сердитые? — спросила она, зевая. — Вчера сердились твои родители, а сегодня сердится сестра. Так бабахнула дверью, что я перепугалась!

— Потом объясню, — по-русски сказала Настя. — Давай сначала проверим, как ты знаешь наш язык. Забирайся в мою кровать.

— Все понятно, — тоже по-русски ответила малышка, забираясь к сестре под одеяло. — Так все можно учить?

— Только немного, — сказала девочка. — Учиться будешь по книгам, когда пойдешь в школу. Лисса, нам с тобой нужно поговорить. Во-первых, тебе нужно выбрать другое имя. У нас таких имен нет, а лисой зовут мелкого хищника, не знаю, есть ли он у вас. Дураков много, поэтому тебя будут дразнить.

— Кто будет дразнить принцессу? — удивилась Лисса. — Долго, что ли, наказать?

— А вот о том, что мы с тобой принцессы, никто не должен знать. Если ты на это не согласна, то вернешься к Ларре. Тебе действительно так хочется, чтобы все об этом знали?

— А что в этом плохого? — не поняла она. — Я привыкла...

— У тебя много друзей? — спросила Настя и сама же ответила: — Ни одного! Только

играешься со своими куклами! Здесь можно будет подружиться с мальчишками и девочками и очень весело проводить время. И никто тебе не будет на каждом шагу говорить, что можно делать, а что нельзя. Это не значит, что можно все, просто запретов для тебя станет гораздо меньше. А когда станешь девушкой, сможешь сама выбирать себе мужа. Помнишь, как Ларра не хотела уезжать в Омгар? Она даже плакала.

— А потом влюбилась в своего мужа, — возразила Лисса. — Теперь она будет реветь, если с ним что-нибудь случится.

— Ей повезло, — сказала девочка. — Любви могло и не быть. Вообще-то, тебя нужно отдавать Недору, а уж он выберет, за кого тебя выгодней отдать замуж. Я буду скучать, но если ты так решила...

— Я еще ничего не решала! — запротестовала малышка. — Настя, а можно остаться принцессой, пока я не подрасту?

— Ты и так ею останешься, — терпеливо ответила Настя, — только знать об этом будем мы с тобой и наши родители. Может быть, когда-нибудь потом...

— А если меня будут дразнить или стукнут?

— У тебя нет старшей сестры? Ты просила научить драться, вот я тебя и научу. Так врежешь в ответ, что в другой раз никто не полезет.

— Так я согласна! — обрадовалась Лисса. — Когда будешь учить?

— Скоро. Давай сейчас выберем имя. Я тебе назову разные, а ты скажешь, какое понравилось.

В результате перебора женских имен Лисса выбрала себе имя Ольга.

— Хорошее имя, — по-русски пропищал домовой. — Хозяйка, когда будем жрать?

— Подействовала магия? — сказала Настя. — Это хорошо. А есть будем скоро. Сегодня такой день, когда никто не работает, поэтому и завтрак немного позже. Сейчас я встану и, если мама еще спит, приготовлю что-нибудь сама. Марк, то, о чем я говорила с сестрой, касается и тебя. О том, кто мы и откуда пришли, можно говорить только с моими родителями и только тогда, когда рядом нет посторонних! Ты вообще не должен никому показываться, кроме нас и отца с матерью. Пока о тебе лучше не знать даже моей старшей сестре, поэтому кушать тебе будем приносить сюда. Вопросы есть?

— Мне все равно, где жрать, лишь бы вовремя, — буркнул он. — Это у вас большие животы, а в моем ничего долго не залеживается.

Насте не пришлось ничего готовить, потому что этим уже занялась мать. От предложения помочь она отказалась.

— Проголодалась? — спросила она. — Ах, домовой. Все будет готово через полчаса, так что пусть ждет. Не скажешь, что у тебя с Таней? Я ее давно не видела такой сердитой, а вышла она от тебя. Поссорились?

— Она начала задавать вопросы, а я не захотела прибегать к магии, — созналась Настя. — Высказала ей, как отношусь к ранним бракам, и к тому, что она останется без высшего образования, ну и выслушала кое-что в ответ. Теперь вопросов не будет. Да, Лисса уже знает русский и согласна забыть о своем происхождении и называться Олей, ну или Оленькой. Подойдет вам дочь с таким именем?

— Староваты мы уже для таких дочерей, — вздохнула мать. — Мы ее удочерим и постараемся относиться, как к родной, но ведь многое будет зависеть и от нее.

— Она с рождения обделена родительским теплом, — сказала Настя. — И моя любовь его не заменит. Попробуй ее приласкать, сама увидишь. Она вас немного побаивается после

вчерашнего.

— Что у вас с вещами? — спросила мать. — Все платья вроде того с камнями?

— Наши платья можно носить только на новогодний бал, — засмеялась Настя. — Есть и поскромнее, но все длинные с нижними юбками. Ничего, сейчас холодно, поэтому в костюмах будет даже удобней. Оле пока лучше сидеть дома, а я выберусь только в полицию. Учебники остались, поэтому начну готовиться к экстернату и приучать сестру к нашей жизни. Лучше, чтобы меня пока не видел никто из знакомых. Платьями займемся позже, сначала золото.

— Боюсь я твоего золота! — призналась мать. — Как бы отец с ним не погорел! Его ведь мало продать, потом еще нужно объяснить, откуда у него взялись такие большие деньги. Не та у него работа, чтобы на это посмотрели сквозь пальцы. Даже если не потребуют ответа, многие сослуживцы будут смотреть, как на дерьмо. Тогда ему придется увольняться.

— Ну и уволится, — сказала она. — Ему в этой полиции медом намазано? Работает часто с одним выходным, а сколько приходится задерживаться? Людей не хватает, а прав с гулькин нос. Сама помню, как он жаловался. Ты уволилась из экспертов и не умерла, и он тоже сможет найти себе занятие. Пусть откроет охранное агентство. Будет работать не для денег, а для души.

— Умная ты у нас, только отца тебе не понять. Он в полиции почти двадцать лет, дослужился до подполковника и никуда сам не уйдет, пока не уберут. Все его друзья там, а ты хочешь, чтобы он утерся и ушел?

— Не волнуйся, что-нибудь придумаем, — сказала Настя. — В конце концов, можем же мы найти клад? Сколько за него дадут, двадцать пять процентов?

— А это смотря где найдешь, — улыбнулась мать. — Если раскопаем на своей даче, то получим половину. Неизвестные монеты обязательно признают археологической ценностью, невзирая на то, сколько их там будет. Главное, чтобы твое золото не отличалось от земного, а над тем, кто и когда его чеканил, пусть ломают голову археологи. Надо будет подумать, в чем они могли храниться. Кладу необязательно должно быть сотни лет, главное, чтобы у него не было хозяев. Может, все это золото нашли в могильниках и закопали на том месте, где мы получили участок. Нас это не касается и ни на что не повлияет. Концов все равно никто не найдет, а если хорошо подготовиться, нас тоже ни в чем не уличат. Даже если у кого-то останутся подозрения, что с того? С кладом ты неплохо придумала, только все надо будет хорошо подготовить и заниматься этим после того, как решим все твои дела. Так, пока мы с тобой болтали, я уже все приготовила. Наверное, сначала сядете вы, а потом поедем мы с отцом, а то все на кухне не поместится.

— Отложи домовому, я ему отнесу в спальню, — попросила дочь. — Пусть ест там, а мы позавтракаем с Таней.

Она забрала тарелку с гречкой и котлетой и отнесла Марку, поставив ему еду на свой письменный стол. Домовой забрался на стул, взял у нее из рук ложку и хлеб и начал быстро и очень аккуратно есть. Оставив его, девочки отправились на кухню.

— Может, меня хоть сейчас познакомят с сестрой? — спросила уже сидевшая за столом Таня. — Как тебя зовут?

— Теперь можешь звать Олей, — разрешила малышка. — Твое имя мне Настя сказала. Где мое место?

— Садись сюда, — рукой показала Настя и сама села рядом. — Если что-нибудь будет непонятно, спрашивай.

Три сестры быстро поели и освободили кухню для родителей. Таня отправилась собираться к своему Олегу, а Настя решила показать сестренке какой-нибудь мультфильм и включила компьютер. Когда закончился мультик «Холодное сердце», малышка потребовала показать его еще раз. Оля была очарована волшебным окном, а у Насти появилась возможность бескровно добиваться ее послушания.

Глава 2

— Сегодня нужно подумать о том, что ты завтра будешь говорить моим коллегам, — сказал отец. — Мысли есть? Нужно придумать что-то такое, чтобы не выглядеть полной идиоткой и не опозорить меня. Придумаешь сама или переложешь это на меня?

— Сейчас займусь, — пообещала Настя, — только вы тогда возьмите к себе Олю, а то она или будет мне мешать, или опять будет разговаривать со своей Джаной. В ее мире это нормально, а здесь назовут чокнутой.

Отец ушел, забрав с собой малышку, а девочка села за компьютер.

— Показала бы еще раз эту, которая все морозит, — попросил домовый, заставив ее вздрогнуть от неожиданности. — Мне понравилось. Теперь понятно, почему у вас так холодно!

— Марк, мне нужно поработать, — сердито ответила она. — Закончу, тогда дам что-нибудь посмотреть. Домовенка Кузю для тебя скачаю.

— Сама говорила, что сегодня не работают, — пискливо проворчал домовый. — Сказала, что приведешь в дом, а это твоя квартира на дом не тянет. Чем здесь заниматься домовому?

— Я тебя еще обработаю магией, — пообещала девочка. — Если сработает и на этот раз, научишься читать. Книг у меня много, а чтение еще интересней фильмов, и никому не будешь мешать. Заодно то же самое сделаю сестре.

— Сработает, — продолжал он ворчать, забираясь на ее кровать. — На меня магия не действует, когда я сам этого не хочу. Ладно, тогда не шуми, я, пожалуй, посплю.

Настя долго не искала. Мысли о том, что сказать, у нее были, а поисковик помог найти нужное. Она быстро запомнила то, что посчитала важным, и пошла советоваться с отцом. Родители вместе с Олей были в спальне. Новая дочь что-то увлеченно рассказывала, а они с интересом слушали.

— Папа, ты мне нужен, — сказала Настя отцу. — Выйди, чтобы им не мешать.

— Придумала? — спросил он, выходя в гостиную.

— Придумала, — кивнула дочь. — После йоги я увлеклась вайрагья. Ну это такая индийская философия, которая проповедует уход от мирской суеты. Что ты кривишься! Забью я мозги твоим операм, добавлю капельку магии, и съедят как миленькие. Это лучше многого из того, что пришло в голову. Теперь нужно придумать место, где я могла девять месяцев валять дурака. Дед Спиридон не подойдет? Живет отдельно от остальных деревенских, и к нему почти никто не ходит. В станице его считают чокнутым и, по-моему, правильно. С моей магией все равно никто ничего проверять не станет.

— Вообще-то, жизненная версия, — подумав, сказал отец. — Села в электричку, потом автобусом до станицы... Дед с прибабахом, так что мог и не прогнать. Ты у него целый месяц покупала козье молоко, когда мы там отдыхали, поэтому вроде как знакомая. Соседей у него нет, а участковому он на фиг не нужен. Если сама никуда не бегала, никто мог и не увидеть.

— Ну да, — сказала Настя. — Письмо я вам бросила перед тем, как сесть в автобус. Написала, что жива и здорова, а почему вы его не получили, я не знаю. Может, я волновалась и ошиблась с адресом.

— А почему не оставить дома записку? — спросил он.

— Что возьмешь с дурочки? — пожалала она плечами. — Хотя... Мама тогда была дома, просто ненадолго вышла. Если бы она раньше времени наткнулась на записку, я бы далеко не уехала.

— Хорошо продумай над тем, что будешь говорить, — предупредил отец. — В том кабинете, куда я тебя поведу, стоит камера. Все подряд не пишут, но ты у меня красавица, поэтому могут записать.

— Похуже оденусь и потеряю половину красоты, — засмеялась дочь. — Во сколько туда пойдем?

— Не пойдем, а поедем, — ответил он. — Я вчера взял машину и оставил возле дома. Завтра поеду на работу, потом обрадую Фадеева и договорюсь, когда тебя привезти.

— Ладно, пойду все разложу по полочкам и займусь учебой, — сказала Настя. — Хочется побыстрее со всем разделаться. О чем вы там говорите?

— Говорит преимущественно Оля, — улыбнулся отец. — Тема разговоров — ты. Не знаю, полюбит ли она нас, но ты у нее уже любимая сестра.

Когда девочка вернулась в спальню, выключенный ею компьютер опять работал, а на стуле, подложив под себя подушку, сидел домовой и стучал пальцами по клавиатуре.

— Ничего не получается! — сердито пропищал он. — Куда здесь тыкать?

— Сейчас сделаю, — сказала она, решив пока не заниматься его воспитанием. — Подожди, подключу тебе наушники, чтобы не мешал.

Настя надела на голову Марку наушники, улыбнулась его потешному виду и запустила ему «Снежную королеву». Сама собрала все учебники за седьмой класс, которых оказалось четырнадцать, забралась с ними на кровать и стала составлять для себя план учебы. Английский отпал сразу. Богиня не соврала: язык девочка знала не хуже англичанки. Наверное, и со всеми остальными языками было то же самое. Решив, что начнет с алгебры, она убрала остальные учебники на стол и опять легла на кровать. Два часа занятий пролетели незаметно. Настя прочитала половину учебника, не встретив ничего такого, что требовало бы дополнительных объяснений. Все прочитанное легко уложилось в голову и прекрасно запомнилось. Теперь нужно было заняться решением задач.

«Неужели это из-за магии? — подумала она. — Так я за месяц подготовлюсь ко всем экзаменам! Лишь бы потом в голове не было каши. Наверное, нужно будет все-таки делать перерывы».

До обеда Настя успела провести ревизию своей одежды и убедиться в том, что ни во что не может влезть. Она не только стала выше, но и обросла мышцами. Не очень сильно, но достаточно, чтобы выбросить все платья. Домовой давно досмотрел свой мультик и теперь наблюдал за ее тщетными попытками разнообразить гардероб.

— Зачем выбрасывать? — сказал он, когда хозяйка бросила на пол очередное платье. — Можно разрезать и чего-нибудь вшить. Вещи-то почти ненадеванные.

— Ты бы хоть помолчал! — сердито сказала она. — Королевских портных здесь нет, а деньги за мое золото в далекой перспективе. Мать не работает, а нас пятеро на отцову зарплату. Мы с Олей не будем своими платьями подметать улицу, а одних костюмов мало! Я хотела завтра надеть что-нибудь похуже, а теперь даже не знаю... Хорошо, что налезло пальто, если бы я пошла в полицию в своей шубе, мне бы там и объяснять ничего не пришлось. Молодая, сказали бы, да ранняя!

— Не хочешь продавать золото, продай какое-нибудь барахло, — посоветовал Марк. — Сама говорила, что у тебя много всего.

— А ведь действительно... — задумалась Настя. — Там несколько кинжалов, которые мне совсем не нужны. На них куча камней, поэтому должны стоить дорого. Вопрос в том, кому их продать и при этом не засветиться. Уходи от компьютера, буду искать.

Поиски заняли минут десять и увенчались успехом, когда она набрала в поисковике: Ростов–на–Дону и клуб любителей холодного оружия. Написав на сайте объявление, она не дала номера телефона, предложив желающим указать свой адрес.

— Все коллекционеры немного чокнутые, — объяснила девочка, — а оружие такое, что оторвут с руками, лишь бы у того, кто отзовется, были деньги. А память я ему подчищу.

Она забрала с хранения все кинжалы, которые когда–то взяла в пещере Чуп–чи, и выбрала из них тот, на котором был только один камень. Правда, рубин в навершии кинжала был крупнее других камней на ее клинках.

«Черт его знает, сколько он может стоить, — думала Настя, рассматривая камень. — Может, его оттуда выковырять? Ну нет у меня ничего дешевого! Что за жизнь! До фига золота и драгоценностей, и ничего нельзя быстро продать. Отец этим заниматься не будет, да и мать тоже, а у меня никто ничего не купит. С магией, конечно, купят все, можно даже просто забрать все деньги, ничего не давая взамен, но как выйти на нужных покупателей?»

— Ну как успехи? — спросил вошедший в спальню отец, который вел за руку Олю. — Забирай сестру и срочно начинай ее учить мыть руки. Как мы выяснили, она их не мыла уже два дня. И с этим не тяните, потому что скоро обед, а грязнуль за стол не пустим. Что это ты разбросала платье?

— Я из всего выросла, — сердито ответила дочь. — Ничего не смогла надеть. Не то что жмет, вообще не сходится!

— Подросла, — сказал он, — и стала шире в плечах и в бедрах. Да и грудь уже видно. И не нужно краснеть, тебе уже скоро четырнадцать. Ты, кажется, говорила, что занималась с железом? Вот тебе и результат. До исчезновения у тебя были одни кости, на них вся одежда и покупалась. Ничего, у нас с матерью есть сбережения, так что все для вас купим. А это что еще за кинжал? Можно посмотреть?

Отец взял из ее рук кинжал, вынул его из ножен и долго смотрел.

— Музейная вещь, — сделал он вывод после осмотра. — Рубин не меньше десяти карат и странный узор на клинке. Сколько ему лет?

— Больше тысячи, — сказала Настя. — Папа, а сколько он, по–твоему, может стоить?

— Трудно сказать, — ответил отец. — В таких вещах, как это оружие, в основном оценивают его уникальность. Если он из мира нашей Оли, то не имеет цены, вот только никому об этом не скажешь. Ты его хочешь продать?

— Не хочется проводить кровопускание семейному бюджету, — призналась она, — а золото быстро не продадим. Даже в качестве клада его государству зимой не подсунешь. Отвыкла я экономить деньги, и не хочется опять к этому привыкать, а нас теперь пятеро, и у меня с Олей многого нет.

— И не жаль продавать такую вещь?

— У меня они есть еще, этот самый дешевый на вид, — объяснила Настя. — Они мне и там не были нужны, а здесь и подавно. Взяла когда–то на всякий случай. Я закинула удочку через интернет...

Она рассказала о своей затее с клубом.

— Может получится, а можешь вляпаться в неприятности, несмотря на свою магию, — неодобрительно сказал он. — Кто–то, по–моему, обещал советоваться. У твоей силы есть два

больших недостатка, поэтому не стоит считать себя неуязвимой. На каком расстоянии она действует?

— Метров на пятьдесят, а что?

— А то, что влепят в тебя шприц со снотворным, и никакая магия не поможет. Я уже не говорю о пулях. И от технических средств ты не защищена.

— Не все так просто, папа, — возразила Настя. — Есть заклинание, которое не даст заснуть, а моя магия — это не только управление людьми, я и по-другому могу врезать! Но я не собираюсь здесь ни с кем воевать.

— Вы скоро? — спросила заглянувшая в дверь мать. — Все уже на столе, так что мойте руки и идите есть. Татьяна еще не пришла, поэтому сядем все.

Все пообедали, после чего разговор о кинжале возобновился уже с участием матери.

— Что скажет наш эксперт-криминалист? — спросил отец, отдав ей оружие.

— Без оборудования я вам много не скажу, — ответила она. — Вещь, несомненно, старая и ценная, но в прекрасном состоянии. По всей видимости, очень хорошая сталь. Странная огранка у рубина, я такой не знаю. Наверное, это парадный кинжал, а не боевой, на боевых не делали рукоятки из золота. Хоть она и не вся золотая, все равно в мокрых руках плотного хвата не будет. Обычно на рукоятке делают насечки или ее оборачивают в кожу, а здесь что-то гравировали, только рисунок от времени стерся. Это откуда?

— У меня такой тоже есть, — встряла в разговор Оля. — Только здесь один камень, а на моем кинжале их много. Где он, Настя?

— Все наше оружие хранится отдельно, — ответила ей Настя. — Пока оно нам не нужно.

— Я не буду ничего обещать, просто поговорю с одним человеком, — сказал отец. — Он очень богат и коллекционирует такие вещи. Если заинтересуется, и нас устроит цена, можем продать. У этой сделки будет один плюс: что бы ни случилось, на меня потом не сошлются. Я только гарантирую, что это оружие не числится в розыске, а в каталогах он его и сам не найдет. Если все получится, с золотом можно не спешить, а вас мы оденем и обуем и летом хорошо отдохнем. Как вам план?

— Если хочешь предложить Самойлову, тогда хороший, — сказала мать. — От Виталия неприятностей не будет. Чем сейчас займетесь?

— Я буду смотреть мультики! — выкрикнула малышка. — Настя, ты обещала!

— Я им включу мультики, а сама пойду в гостиную заниматься, — сказала девочка. — Все очень легко учится, поэтому я быстро подготовлюсь.

— Кому им? — не поняла мать.

— Марк на них тоже подсел, — объяснила дочь. — Сегодня обоих обучу чтению и письму. Точнее, обучаться будут три дня, а потом дам книги, а то они меня скоро к компу не подпустят. Надо будет срочно посмотреть, что есть новенького, а то у меня на диске не так уж много мультфильмов.

Настя запустила «Рапунцель» и ушла в гостиную добивать алгебру. Когда закончился фильм, она не поддавалась на уговоры и шантаж сестры и выключила компьютер, а заодно наложила на любителей мультиков заклинание грамотности.

— Разбежались! — приказала девочка обоим. — Мне нужно заниматься, а вы уже достаточно развлеклись. Будете мне мешать, к компьютеру не подпущу!

После этого заявления Оля ушла на диван к своей Джане, а домовая заснул, чтобы быстрее прошло время до ужина. Вскоре пришла сестра, да не одна, а с Олегом. О такой

возможности Настя почему-то не подумала. Получилось плохо. Он знал, что у невесты пропала сестра, а теперь оказалась, что она уже дома, а ему об этом почему-то не сказали. Пришлось срочно применить магию. После этого удивление и обида юноши прошли без следа, и он даже не полюбопытствовал, где чуть ли не год могла болтаться такая девчонка. Прибавление в семействе Никитиных его тоже не удивило, и вечер провели весело. Поужинали вместе в гостиной, раздвинув стол. Вот так и прошло воскресенье.

Утром первыми завтракали отец с Таней. После этого он уехал на службу, а сестра ушла в школу. Школа была в нескольких минутах ходьбы от дома, поэтому в нее шли пешком. Настя проснулась из-за того, что кто-то совсем рядом громко вздыхал.

— Марк! — сердито сказала она домовому. — Еще раз разбудишь, уши оторву! Голодный, так иди к матери, она тебя накормит. Танька уже должна быть в школе, поэтому можешь завтракать на кухне. Все понял?

— Ты тоже вставай, — сказала слышавшая их разговор мать. — Отец сказал, что может скоро приехать. Олю не будите, я ее позже сама подниму.

Они позавтракали, потом Настя оделась и расчесала волосы. Она хотела заняться решением задач, но приехал отец.

— Все бросай и быстрее одевайся, — сказал он дочери. — Нужный человек сейчас на месте и нас ждет. Если его куда-нибудь пошлют, ждать придется уже тебе.

Ехать в Управление внутренних дел пришлось минут десять не из-за того, что оно было далеко от дома, просто на улицах было слишком много машин. Отец провел Настю на второй этаж к кабинету с табличкой, которую она не успела прочитать, и открыл дверь.

— Принимай, — сказал он сидевшему за столом майору. — Это мой блудный ребенок. А это, дочь, майор Фадеев, который по твоей милости сжег немало нервных клеток.

— А они, как известно, не восстанавливаются! — без улыбки сказал майор. — Снимайте пальто, барышня, и начинайте каяться. Николай, ты можешь идти к себе. Когда я закончу, позвоню.

Девочка послушно сняла пальто и положила его на стоявшие у стены в ряд стулья, а сама села на стул напротив майора.

— Чего молчишь? — спросил он. — Я жду! Пришла каяться, значит, кайся!

— А в чем мне каяться? — не поняла Настя. — У меня в жизни пошла полоса неудач. С учебой не заладилось, в личной жизни тоже...

— Убежала с каким-то парнем? — попробовал догадаться он.

— На фиг мне нужны ваши парни! — возмутилась девочка. — Сколько я ни старалась, ничего не получалось. Я раньше немного занималась йогой...

— При чем здесь йога? — перебил он ее. — Рассказывай о побеге!

— Как я вам что-нибудь расскажу, если вы меня все время перебиваете? — зло спросила Настя. — Между прочим, этот разговор нужен вам, я и без него прекрасно обойдусь. Сдам экстернат за седьмой класс и до осени буду заниматься своим духовным миром!

— Рассказывай, — сказал майор. — Не буду я тебя перебивать.

— Так вот, я в интернете натолкнулась на вайрагью, — начала рассказывать девочка. — Это такая индийская философия, которая позволяет совершенствоваться, отстраняясь от материального мира.

— Кришнаиты? — с опаской спросил он.

— Вы меня с этими придурками не ровняйте! — опять рассердилась она. — Я хотела

совсем другого! Нужно было отречься от вещей, привычек и привязанностей, но разве это сделаешь дома, а тем более в школе! Я смогла только достичь ятамана, а на вьятиреке обломалась! Пришлось все бросить и уехать. Но я отправила родителям письмо! Сама его бросила в ящик, не знаю, почему оно до них не дошло.

— И далеко ты уехала? — спросил он.

— Станица Старощербиновская, — ответила Настя. — Это недалеко, и добраться было нетрудно. Сначала...

— Как ты туда добралась, я догадываюсь, — перебил он ее. — Расскажи, кто там такой дурной, что почти на год приютил чужого сбежавшего ребенка! И никто из соседей ничего не сказали участковому?

— Мы там отдыхали, — начала она объяснять. — Не прошлым летом, а на год раньше. Каждый день я бегала покупать козье молоко у одного старика. Он жил не со всеми, а в стороне, но электричество к нему протянули. Родни у деда Спиридона нет, а те, кто живут поблизости, считают его чокнутым и почти не общаются. По крайней мере, я у него за все девять месяцев никого из них не видела. Сама я тоже никуда с его двора не выходила, а забор там в мой рост.

— А с какого бодуна он тебя приютил? — с недоумением спросил майор. — Каким бы он ни был придурком, зачем ему такая обуза?

— Во-первых, я ему заплатила, — сказала Настя. — В голове у него давно ничего не держится, так что я ему об этой плате периодически напоминала. Во-вторых, я ухаживала за козами, помогала ему в огороде, и мы вместе копали картошку. А потом откуда вы взяли, что я ему мешала? Я все лето и большую часть осени, когда не занималась его хозяйством, просидела в позе лотоса у него на сеновале. Когда уже сильно похолодало, пришлось спуститься.

— И какие результаты девятимесячного сидения на чердаке? — с сарказмом спросил майор.

— На сеновале, — поправила его девочка. — Вот вы смеетесь, а мне удалось достичь уровня васирара! Осталась только одна ступень, и я достигну мокши! К вашему сведению, я легко научилась говорить по-английски, а вчера за один день выучила всю алгебру. Правда, нужно еще заняться практикой, но думаю, что за сегодня это успею, если вы не будете меня долго мурьжить.

— Я бы тебя долго мурьжил! — мечтательно сказал майор. — Жаль, что у меня нет таких прав! Значит, свободно говоришь по-английски? Сейчас проверим, далеко ли ты до мокши!

Он позвонил и попросил подойти какого-то Владимира. Через пару минут в кабинет вошел молодой капитан.

— Проверь, пожалуйста, познания этой девицы в английском, — попросил его майор.

Минут пять Настя болтала с капитаном на языке Шекспира, узнала, что его зовут Владимиром Дмитриевичем, и несколько раз сделала замечания, когда он ошибался.

— Все в порядке, — обратился Владимир к майору. — Язык она знает лучше меня.

— А в школе у меня по нему были одни тройки! — вставила девочка и уже не в первый раз подействовала на майора магией.

В результате она через десять минут вместе с отцом ехала домой.

— Ты не перестаралась? — спросил он. — Фадеев выглядел каким-то пришибленным.

— У него проблемы с индийской философией! — прыснула Настя. — Путаает

последователей вайрагья с кришнаитами! Так, один пункт из трех мы выполнили. Или еще нет?

— Выполнили, — успокоил отец. — Дело он закрывает. Не знаю, о чем вы говорили, но разговор записывался. Интересно, что о тебе будут говорить в управлении.

— Скажут, что твоя дочь большая чудачка, но умница и вундеркинд, — засмеялась девочка. — Ничего порочащего говорить не будут, разве что кто-нибудь из начальства посоветует отодрать меня ремнем. Ты такой совет переживешь, а я и тем более. Хорошо, теперь можно не скрываться и заняться школой!

— Школой займешься с матерью, когда тебе купим форму и все остальное, — сказал он. — Не будем ждать, пока я продам твой кинжал. Скажешь матери, чтобы сняла деньги с карточки. Заодно экипируете Олю. Сегодня можно и сходить, все равно вы вряд ли управитесь за один день.

Отец остановил машину у подъезда, высадил Настю и поехал на службу. Она открыла дверь своим ключом и бегом поднялась по лестнице. На площадке ее увидела соседка.

— Господи, Настенька! — запричитала она. — Нашлась! А мы уже чего только не передумали! Куда же это ты пропала?

— Не могу ответить, тетя Надя! — сделав круглые глаза, ответила девочка. — Со мной ничего страшного не случилось, но идет следствие, а я дала подписку о неразглашении. И хотела бы вам все рассказать, но не имею права.

Открыв дверь, она зашла в свою квартиру, гадая, какие сплетни о ней сегодня разнесет соседка. Есть такие, кого хлебом не корми, дай только почесать языком. Ну и ладно, это было ожидаемо. Живем не в деревне: сплетниц в доме немного, а большинству остальных Настя до лампочки, многие ее даже не знают.

— Мама, ты сейчас чем занята? — спросила она сидевшую у телевизора мать. — Я имею в виду не твой сериал, а вообще.

— Если вообще, то ничем, — ответила она. — Через десять минут досмотрю и свободна. Обед приготовлен вчера, нужно только разогреть. А ты почему спрашиваешь? И скажи в двух словах, что у тебя с полицией.

— Дело закрыли, — уложились в два слова Настя. — А спрашиваю потому, что нужно совершить променад. Отец сказал, что не будет торопиться с продажей кинжала, а нам нужно снять деньги и пробежаться по магазинам. Надо купить мне и Оле по одному платью и еще чего-нибудь вроде юбки, блузки и джемпера. Нижнее белье нужно купить. У меня еще кое-что есть, а у Оли одни панталоны на завязках. В общем, нужно прибарахлиться. Отец хотел, чтобы мне купили школьную форму, но я думаю, что обойдемся платьем. Зачем мне форма, если она понадобится только к следующему учебному году? Пойти на разборки в школу и сдать экстернат можно и в платье. Как тебе такая программа?

— Нормальная программа, — кивнула мать. — Сейчас досмотрю сериал, а ты пока объясни Оле, куда и зачем идем. Потом будет меньше вопросов.

Настя зашла в спальню и увидела на своей кровати сестру, ее куклу и домового. Все трое молча лежали на ее подушке.

— Подъем! — разбудила она Олю. — Ты, Марк, можешь дрыхнуть и дальше, а эту красавицу я забираю. Положи куда-нибудь куклу и снимай пижаму, будем надевать костюм.

— Зачем? — спросила сестра. — Не хочу на улицу, там холодно.

— Сейчас поедem покупать нам одежду, — объяснила девочка. — На улицу выйдем ненадолго, в основном будешь ехать в троллейбусе и гулять в магазине. Оля, раздевайся

быстрее! Я тебе не буду все объяснять: это слишком долго. Сейчас все увидишь сама. И учти, что одежду мы тебе подберем сами, потому что ты в нашей не разбираешься. Чтобы в магазинах не было капризов.

Капризы все равно были. Малышка с удовольствием прокатилась в троллейбусе, да и магазины вызвали интерес, но предложенное платье мерить отказалась. Дошло даже до слез.

— Как такое можно носить? — всхлипывала она. — У меня все колени голые! Ни одна женщина такого не наденет, потому что это урон чести!

— Давай примерим, а дома спрячем в шкаф, — предложила мать. — Никто тебя это платье сейчас носить не заставляет.

С трудом уломали надеть в примерочной сначала платье, а потом джинсовую юбку.

— Надо ей не мультики показывать, где у всех платья с подолами до земли, — сердито сказала мать Насте, — а какие-нибудь фильмы про детвору ее возраста. Не знаю, снимают ли такие сейчас, но есть много советских. Она лучше узнает нашу жизнь и привыкнет к одежде.

По магазинам ходили два часа, но купили все, что им было нужно на первое время. Когда хотели уходить, к несчастью, натолкнулись на кукол.

— Ну хоть одну! — взмолилась Оля. — Настя, у них открываются глаза! Я даже согласна надеть платье... дома.

— Ладно, — со вздохом согласилась мама. — Пусть выбирает, какая больше нравится. До школы еще полгода, так что можно и поиграть. Но, вообще-то, тебе надо будет с ней серьезно заняться. Я тоже займусь, но ты для нее авторитет, а я пока нет.

Обратно тоже ехали троллейбусом. Людей на этот раз было много, и Настя часто ловила на себе мужские взгляды. Смотрели на нее саму или на ее шикарную шубу — она не знала, но это было приятно. Почему-то внимание мужчин в мире Вероны, которого ей перепало гораздо больше, не вызывало ничего, кроме раздражения.

Дома мама побежала на кухню разогревать обед, Оля переоделась и пошла знакомиться с новой куклой, а Настя занялась разбором покупок. Вскоре на обед приехал отец.

— Запись вашего разговора посмотрели почти все офицеры управления, — посмеиваясь, сказал он дочери. Я тоже посмотрел. А Фадеева застучали за изучением в интернете твоей философии и теперь зубоскалят. Да, мне пока предложений насчет ремня не поступало.

Он уехал в свое управление, а Настя после обеда собралась с матерью в школу. Девочка включила утюг и погладила новое платье.

— Положи в сумку туфли, — сказала мать. — Мы идем не на пять минут, а в школе жарко. У тебя не сапоги, а унты, поэтому все ноги взопреют. Волнуешься?

— Есть немного, — призналась девочка. — Там будет слишком много народа, и все друг друга знают, поэтому не всегда можно будет пользоваться силой. Ладно, мне с ними еще долго не учиться, а сейчас как-нибудь отбрешусь. Пойдем быстрее, а то через пару часов заканчиваются занятия.

Говоря, что немного волнуется, Настя слукавила. Она училась в своем классе все шесть лет и со многими девчонками была в дружеских отношениях, поэтому ей было не все равно, что они о ней скажут или подумают. Симпатия к Сашке Васильеву как-то истаяла, да и вообще одноклассники ее интересовали мало, но подруги — это другое дело!

Мама взяла на всякий случай документы, привела себя в порядок, и они ушли в школу, сказав перед уходом Оле никуда не лезть и никому не открывать дверь. Пришли очень

удачно, за десять минут до окончания урока. Директорши на месте не было, была завуч.

— Здравствуйте, Маргарита Ивановна! — поздоровалась с ней мать. — Я Надежда Никитина, а это наша пропажа.

— Подождите... — сказала завуч, растерянно всматриваясь в Настю. — Никитина? Неужели нашлась? И где же ты, голубушка, до сих пор гуляла? Вид у тебя цветущий.

— Изучала индийскую философию на сеновале у одного не совсем нормального старика, — ответила за девочку мать. — Мы как-то летом отдыхали в казачьей станице, там они и познакомились. В полиции уже во всем разобрались. Нет в ее исчезновении криминала, одна глупость.

— Да, умным такой поступок не назовешь, — покачала головой завуч. — Учебный год ты потеряла. Стоила этого твоя философия?

— Конечно, стоила, — без тени сомнения ответила Настя. — Это не просто философское учение, но и совершенствование тела и духа! Я вам седьмой класс легко сдам экстернатом, да еще до лета отдохну.

— Легко, говоришь, — усмехнулась завуч. — Учти, что экзамены будут по всем предметам. Английский тоже сдашь легко? Я его преподаю только в старших классах, но Алла Петровна говорила, что в вашем седьмом у нее по языку только пять успевающих, и ты в их число неходишь.

— Теперь войду, — перешла на английский девочка. — У меня было много свободного времени, а когда у человека просветленное сознание, все учится без труда. Я бы хотела узнать, смогу я сдать все экзамены через месяц? Мне этого времени должно хватить на подготовку.

Маргарита Ивановна так растерялась, что пришлось применить магию. В результате она заверила Настю, что никаких проблем с экстернатом не будет, но все же нужно поговорить с директором.

— Сегодня Алла Константиновна уехала по работе и уже не вернется, но ты можешь зайти в любой другой день. Вам, Надежда Викторовна, больше приходить не нужно.

Они простились с завучем и вышли в коридор, в котором столкнулись с идущими в спортивный зал ребятами из ее класса. Сначала никто из них Настю не узнал, узнали ее мать, потом Борьку Васильева осенило.

— Надежда Викторовна, это не Настя? — неуверенно спросил он.

— Я это, — ответила за мать девочка. — Неужели так сильно изменилась? Привет, ребята! У вас сейчас физра? Мама, подожди возле раздевалки, я долго не задержусь. Пойдемте, провожу вас до зала, а то опоздаете и влетит от Семеныча. А где девочки?

— Они уже переодеваются, — ответил Николай Поляков — самый высокий и сильный мальчишка в классе. — Это мы немного задержались. А ты откуда свалилась, и почему так изменилась, что трудно узнать?

— Не так уж сильно я изменилась, — ответила Настя. — А о своем отсутствии я вам, ребята, пока ничего говорить не буду. Нет для этого ни времени, ни желания. Ничего страшного не случилось, просто пришлось какое-то время пожить в другом месте. Доучитесь без меня, а я скоро все сдам экстернатом, так что в восьмом классе будем учиться вместе.

Она дошла с ними до спортзала и простилась. Были желающие задержаться и поговорить, но зазвонил звонок, и Настя дополнительно подтолкнула их магией. Когда девочка возвращалась в вестибюль к раздевалке, почему-то стало так грустно, что на глаза навернулись слезы. Конечно, мать это сразу заметила.

— Расстроилась? — спросила она, обняв дочь. — Ты очень быстро повзрослела, и теперь жить прежней жизнью будет скучно. Что-то приобрела, чего-то лишилась. Если ты, как планируешь, сама за какой-то месяц пройдешь программу седьмого класса, то и в восьмом с ними не усидишь. Позанимаешься месяц-другой и опять подашь заявление на экстернат. И вряд ли тебе будет интересно дружить со школьными подругами, слишком у вас будет мало общего. Вот когда они повзрослеют...

— Весело, — сказала Настя. — Из детства вытурили, а во взрослую жизнь меня никто не пустит. Сейчас я спешу разделаться со школой, а что потом? Хотя... Один умный мертвый человек мне часто говорил о бесполезности для меня что-то надолго планировать.

— Как мертвый? — испугалась мать.

— Я же вам говорила о духе паладина, — напомнила девочка. — Жаль, что его забрала богиня. И моему браслету без него скучно. В последнее время он со мной почти не разговаривает. Давай оденемся и уйдем, пока не принесло кого-нибудь из учителей. Нет у меня сейчас желания отвечать на их вопросы.

Они оделись и вышли из школы.

— Надо будет купить тебе пальто, — сказала мать, глядя на шубу дочери. — Не знаю, что это за мех, но видно, что натуральный и очень дорогой, а ты его бросаешь в неохраняемой раздевалке. Девочка в такой шубе может попасть в неприятность. Вот что ты

сделаешь, если тебя из нее попытаются вытряхнуть?

— Никого без необходимости убивать не буду, — пообещала Настя. — Забудут они о моей шубе, а в наказание отдадут всю свою наличность. Карточки, так и быть, забирать не стану. Что ты на меня так смотришь? Считаешь, что таких нужно прощать? Сдать их в полицию я не могу, поэтому накажу по-своему.

— А если попробовать запретить им этим заниматься? — спросила мать. — Ты же можешь внушать...

— Внушением не сделаешь подонка порядочным человеком, — объяснила девочка. — На этом давно обожглись и предпочитают не переделывать преступников, а их казнить. Если запретить убийце убивать, а грабителю грабить, то запрет продержится недолго. Такой тип просто свихнется. Для таких насилие, как наркотик для наркомана: лишишь — и он начнет сходить с ума от ломки. А на безумцев ментальная магия не действует. Он такого натворит...

— Я поняла, — сказала мать. — Скажи, а чего ты хочешь от жизни? Вот продадим мы этот кинжал или золото, и будет много денег. Эти деньги или квартира, которую ты хотела купить — всего лишь средства, делающие жизнь удобней и приятней. Твой экстернат — тоже средство, которое позволит не потерять год.

— Ты хочешь поговорить о смысле жизни или узнать, чем я хочу заниматься? — с улыбкой спросила Настя. — Если о смысле, то у меня о нем своих мыслей нет, могу повторить чужие, а если о моей профессии... Я, мама, пока сама не знаю, чего хочу. Когда-то хотела стать учительницей, но этого желания давно нет. К силе и власти быстро привыкают. Они дают человеку совсем другие возможности. Меня власть тяготила, хотелось не тратить время и силы на других, а просто жить своей жизнью. А сейчас я от нее отказалась и как будто лишилась части себя. Образовалась пустота, которую нечем заполнить. Я так привыкла решать за других и обо всех заботиться, что теперешние заботы кажутся какими-то мелкими и не достойными внимания. Мне тебе трудно объяснить...

— Не старайся, я тебя прекрасно понимаю, — обняла ее мать. — Когда-то я, несмотря на юный возраст, была одним из лучших специалистов в своем деле. Из-за вас пришлось все бросить и посвятить себя семье. Мне ведь тоже пришлось нелегко! Ладно, в четырнадцать большинство подростков еще не определяют в выборе цели, так что у тебя еще есть время.

— Я стараюсь не думать о богине, — сказала девочка. — Мысли о ней рождают страх. Я говорю не о судьбе Земли и человечества, об этом вообще не хочется думать, а о своей собственной. Она бросила меня в свой мир и наблюдала, как я в нем барахтаюсь. И хорошо, если только наблюдала, я думаю, что она постаралась, чтобы я не жила спокойной жизнью. И здесь наверняка будет то же самое.

— Отец передал мне ваш разговор, — сказала мать. — И о том, что ты хочешь сама себе создавать трудности, чтобы это не сделали вместо тебя. По-моему, это глупость. У тебя и так был непоседливый характер, а после той жизни, которую ты вела в другом мире, и этой силы... Девочка моя! Боюсь, что никакой спокойной жизни у тебя не будет, и твоя богиня здесь ни при чем! Знаешь, что такое адреналиновые наркоманы?

— Ну спасибо! — обиделась Настя. — Хочешь сказать, что мне скучно жить нормальной жизнью, и я сама обязательно куда-нибудь влезу?

— Ты уже чуть было не влезла, когда решила заняться продажей кинжала, — сказала мать, — так что зря обижаешься на мои слова. Скажи, в том месте, в котором хранились кинжалы, было очень сухо?

— Большой влажности там не было, но и сухим я бы его не назвала. Совсем рядом течет река, да и дожди идут три–четыре раза в месяц. Это летом, зимой они идут почти непрерывно. А почему ты спрашиваешь?

— Тысячу лет сталь может сохраниться только в очень сухих местах, например, в пустынях Африки, — пояснила мать. — В нашем климате она превращается в труху, а твои клинки совсем как новые. О чем это говорит? Или о том, что в них совершенно необыкновенный металл, или о том, что их что–то сохраняет от разрушения. Может это делать магия?

— Магия может сохранять, но в них ее почти нет, — ответила Настя. — Если она и предохраняла их от порчи, то это было давно. Ты боишься результатов экспертизы?

— Конечно, — подтвердила мать. — Я просто не представляю, что в них могут обнаружить, но не сомневаюсь, что будет что–то феноменальное. Экспертизу будут проводить по договору, а в таких случаях результаты не разглашаются, но в некоторых случаях могут наплевать на договор. Не хотела бы я, чтобы ты связалась с государством. Оно и раньше не больно считалось с теми, кого использовало, а сейчас и подавно, потому что наверху столько дерьма...

Они подошли к своему дому и поднялись в квартиру. Оля была занята куклами и на их появление не отреагировала, а домовый спал на кровати. Перед тем как заснуть, он сделал себя невидимым, за что и поплатился.

— Я из–за тебя стану зайкой! — сердито сказала ему Настя. — Зачем было скрываться от глаз?

— А не надо так падать на кровать! — хныкал придавленный Марк. — Могла бы и пощупать! Я лег спать, а скоро должна прийти твоя сестра. Ты бы уже с ней разобралась, что ли?

— Ладно, пожалуй, ты прав, — согласилась девочка. — Попробую с ней поговорить. Если не получится, потом можно стереть память.

— Ты меня покалечила, — пожаловался он, — теперь показывай мультик, а лучше два.

— Десять, — ответила девочка. — Разогнался! Вы у меня будете смотреть свои мультики вперемишку с фильмами. Сейчас чего–нибудь найду. А тебя, если не будешь сопротивляться, могу подлечить магией.

— Обойдусь, — пропищал домовый, — для этого у меня есть своя магия. А ты быстрее ищи свою фильму, а то ужин не скоро, а спать больше не хочется. Когда будет нормальный дом?

— В будущем он будет, — сказала она, включая компьютер. — Не мешай, а то долго буду искать.

Итогом ее поисков был советский фильм «Кыш и Двапортфеля» о двух первоклашках. Сама она его не смотрела, но решила, что для первого раза сойдет. Собрав перед экраном изнывающих от нетерпения зрителей, Настя запустила фильм и предупредила, что в нем может быть много непонятного.

— Если чего–нибудь не понимаете, жмите на эту клавишу, — показала девочка. — Фильм остановится, а вы бегите к маме и спрашивайте. Потом опять нажмете, и смотрите дальше. А мне не мешайте, буду заниматься.

Решение задач по алгебре оказалось делом не сложным, но требующим гораздо больше времени, чем чтение учебника. Скоро устала писать рука, и Настя решила сделать перерыв.

— Раш, ты еще жив? — спросила она браслет.

— Неужели я тебе понадобился? — язвительно отозвался он. — А я уже думал...

— Раньше тебе не нужно было разрешение для болтовни, — перебила девочка. — Кто говорил, что он часть меня? Это, случайно, был не ты? Ладно, ты мне лучше ответь, что можно делать с металлами магией. В том курсе для студентов Академии, который ты заложил в мою голову, ничего такого не было.

— До фиги всего можно делать, — ответил Раш ее любимым словом, — только там какая-то своя магия, которую студентам не преподают. Зачем она им, если они не будут заниматься кузнечным делом? Я ее тоже не знаю, слышал только, что она требует много силы и каких-то особых способностей. Спрашиваешь из-за разговора с матерью?

— Ну да, — сказала Настя. — Неохота сидеть без денег, но попасть под колпак ФСБ хочется еще меньше.

— Зачем мне-то врать? — ехидно спросил он. — Деньги нужны, но тебе нужны и приключения. Мать правду сказала про шило в одном месте. Сейчас ты будешь готовиться к сдаче экзаменов, и свободного времени будет мало, а потом? Чем будешь заниматься? Мне на ум приходит немало такого, чем можно заняться, особенно при наличии денег, но все это только развлечения. Многим другим этого было бы достаточно, но не тебе.

— Можешь что-нибудь предложить? — спросила девочка.

— Посмотри в интернете, кто отозвался на твоё объявление, — посоветовал Раш. — Если такие есть, отдай отцу, пусть он их проверит по своим базам. К порядочному и денежному можно и подкатиться. Если подойти с умом, ты почти ничем не рискуешь. В результате пополнишь бюджет и немного пощекочешь себе нервы. На какое-то время этого хватит, а потом я что-нибудь придумаю.

— Авантюрист, — сказала она браслету, решив, что действительно надо посмотреть реакцию на своё объявление.

— От авантюристки слышу, — отозвался он. — Не забыла, что твоя личность теперь часть моей?

— И как бы ты действовал? — поинтересовалась Настя.

— Элементарно, Ватсон! — ответил Раш. — Идешь по известному адресу и подчиняешь себе всех, кто там будет. Если есть какие-то системы наблюдения, приказываешь их отключить и стереть записи. Потом отпускаешь контроль над клиентом и договариваешься, мягко подталкивая его к сделке и внушая доверие. Расчет только наличными. Скорее всего, столько денег у него не будет, поэтому потребуешь их приготовить и придешь в условленное время. Продаешь кинжал, берешь деньги и делаешь так, чтобы он никогда тебя не вспомнил. Напоследок я бы его предостерег от экспертизы в солидных организациях.

— Жизненный план, — согласилась девочка, — только как я ему сотру в памяти свою внешность, не стирая всего остального?

— Ты будешь думать своей головой или только пользоваться заклинаниями? — рассердился он. — Зря я, что ли, улучшил твои мозги?

— Это когда ты мне их улучшал? — спросила она. — Я такого не помню.

— А я разве не говорил? — задумался Раш. — Может, и забыл. Перед тем как сбросить все свои знания, я тебя на всякий случай немного улучшил. Есть у меня такая возможность.

— А Олю улучшить можешь? — спросила Настя. — У нее в голове ничего не держится.

— Я с твоей руки не уйду, — отказался он, — а без этого улучшение будет, но не такое сильное и потребуются больше времени. Ладно, я на нее буду действовать, а ты попробуй подумать о том, о чем мы только что говорили.

— Прямой запрет? — спросила девочка. — В мою улучшенную голову больше ничего не приходит.

— Ну наконец-то! — с облегчением сказал он. — Устанавливаешь запрет на свое изображение, и память клиента будет его пропускать. Помнить он тебя будет, а вспомнить не сможет. Вот произвольная реакция может остаться, особенно если вы встретитесь, но это мелочь.

— Ладно, посмотрю, есть ли отклики, и отдам отцу, а там посмотрим, — пообещала Настя, — а сейчас продолжу решение задач. Одного дня мне на них не хватит.

Она немного позанималась, а потом алгебру пришлось отложить, потому что из школы вернулась Татьяна.

— Занимаешься? — спросила она, войдя в гостиную. — Бросай свою писанину и выходи на суд и расправу!

— А в чем дело? — не поняла Настя. — В чем я виновата?

— Не знаю, но хочу узнать! — сердито сказала сестра. — Ты сегодня была в школе?

— Ходили с мамой насчет экстерната, а что?

— Мальчишки из твоего класса всем растрепали о твоём возвращении. Меня одноклассники в раздевалке спрашивают, что с сестрой, а я им ничего не могу ответить, потому что сама не знаю! Не объяснишь, как могло получиться, что ты уже несколько дней дома, а я до сих пор ничего не слышала о твоих похождениях? Неужели я такая нелюбопытная? Колись, твоя работа?

— Ну моя, — созналась Настя. — Не хочу я, чтобы правду обо мне знали за пределами нашей семьи, а твой Олег мне пока не родственник, я его вообще не знаю. А ты бы ему наверняка все выложила. Родители все знают и будут молчать, а вот в тебе я не уверена.

— Я такая дура и болтушка, что мне нельзя доверять? — обиделась Таня. — Подумаешь, вселенские тайны! Очень это Олегу интересно!

— А если такие тайны, от которых тебя будет распирать? — спросила девочка. — И твой Олег, если их узнает, будет писать кипятком. И тогда будешь молчать и ничего не скажешь любимому человеку? Мне почему-то кажется, что ты не выдержишь.

— А ты попробуй! — стала настаивать сестра. — Я Олегу верю, но если потребуешь, я и ему не скажу.

— Ладно, — сдалась Настя, — только это долгий разговор, поэтому иди обедать, а я пока закончу свои дела.

Она зашла в спальню и увидела Олю с домовым на своей кровати.

— Как фильм? — спросила она, садясь за работающий компьютер. — Неужели все было понятно? По-моему, никто из вас к маме не бегал. Или вы его не смотрели?

— Все посмотрели, — оторвавшись о кукол, ответила Оля. — Было непонятное, но немного. Я потом у тебя сама спрошу.

Настя вышла на сайт клуба и увидела десяток отзывов на свое предложение. Посмотреть кинжал с целью покупки предлагали трое. Их адреса она и записала. После этого выключила компьютер и вернулась к алгебре. Минут через десять с кухни пришла сестра, которой пришлось рассказывать о своих приключениях. На этот раз она уложились в час.

— И ты хочешь, чтобы я поверила в эту галиматью? — спросила Таня.

— Отец мне сказал то же самое и почти теми же словами, — засмеялась Настя. — Поверил, когда я перешла к доказательствам.

— Переходи, — согласилась сестра. — С доказательствами, может быть, поверю и я.

— Мой меч, — комментировала девочка появление на столе вещественных доказательств, — золотые монеты, кинжалы, метательные ножи, мое парадное платье, драгоценности. Хватит или добавить еще?

— Как ты это все делаешь? — спросила ошарашенная Таня. — Это гипноз? Ты им на меня действовала, когда вернулась?

— Какой, к черту, гипноз! — сердито сказала Настя. — Осторожней с мечом, а то останешься без пальцев! Это не тот алюминиевый, которым ты махала в посадке. Вот, кстати, моя кольчуга. Легкая, но ее ничего не берет.

— Это драгоценные камни? — спросила зачарованная сестра, взявшая в руки весь усыпанный рубинами кинжал Оли.

— Да, это рубины, — ответила девочка, — но они здесь мелкие. Посмотри это кольцо.

Она развязала кошель с драгоценностями и извлекла из него рубиновое кольцо императрицы.

— Я должна убедиться, что это не гипноз! — решительно сказала Таня. — Можно его показать маме?

— Пожалуйста, — разрешила Настя. — Родители все знают и многое из этого видели. Драгоценности я, правда, не показывала.

Сестра ушла в спальню родителей и вернулась с взволнованной матерью.

— Много у тебя такого? — спросила она Настю. — Ты говорила о драгоценностях, но я тогда была взволнована и как-то пропустила твои слова мимо ушей. Видела только те серьги, которые ты сняла.

— Колье только одно, — ответила девочка, — а серег, колец и кулонов много. Это кольцо из того места, где нашли много вещей семьи последнего императора, поэтому я думаю, что оно принадлежало императрице. А что тебя в нем так взволновало?

— В нем нет ни одного рубина меньше пяти карат, — ответила мать, а самые большие примерно на двадцать. Но не это главное. Большинство рубинов ценится не очень высоко, но эти пойдут по самому высокому разряду. Цвет, чистота, блеск и размеры... Я даже с увеличительным стеклом не смогла обнаружить ни одного дефекта. Огранка не совсем обычная, но камни от этого только выигрывают. Я затрудняюсь даже примерно сказать, сколько оно может стоить. И в то же время для тебя это бесполезная вещь: ни надеть ее, ни продать не получится. Можно я посмотрю другие драгоценности?

— Смотрите, ради бога, — пожалала плечами Настя. — Можете себе выбрать что-нибудь неброское, чтобы потом не оторвали с ушами или пальцами. Таня, тебе остальное не нужно? Тогда я все убираю.

Все вещи, кроме кошеля с драгоценностями, исчезли, а женщины высыпали их на стол и принялись рассматривать.

«Удивительно, как быстро она пришла в себя, как только увидела эти безделушки, — подумала о сестре девочка, которая давно привыкла к изобилию драгоценностей. — И мама в них роется как девчонка».

Осмотр украшений плавно перешел в их примерку, поэтому Настя опять взялась за решение задач. За этим занятием их и застал вернувшийся со службы отец.

— Я рад, что ты доверилась сестре, но эти висюльки ты им дала зря, — недовольно сказал он девочке. — Даже у матери отшибло мозги. Здесь нет ничего дешевого, что можно было бы безопасно носить. Даже если вас из-за них не ограбят, вы скомпрометируете меня. Подождите, пока разбогатеет, потом будете себя этим украшать.

— А мы должны разбогатеть? — спросила Таня. — Это не из-за того, что привезла сестра?

— Тебе Настя сказала, чтобы держала рот на замке? — сказал отец. — Вот и молчи. Скажешь своему Олегу когда-нибудь потом, если вы с ним не разбежитесь.

— Могли бы и не предупреждать, — ответила она. — В такой бред и с доказательствами верится слабо, а без доказательств любой только покрутит пальцем у виска, даже мой Олег.

— Вот и молчи, а что говорить о Насте другим, она тебе скажет. Какой результат вашего похода в школу?

— Пришлось демонстрировать завучу свое знание английского, — ответила Настя. — Она выпала в осадок, поэтому пришлось успокаивать магией. В общем, у школы ко мне претензий нет, и к экстернату они меня допустят, но оформлять его нужно с нашей директоршей, а ее сегодня не было. Мама им больше не нужна, так что завтра схожу сама.

— Сегодня мне сделали анализ твоего золота, — сказал отец. — Конечно, делал не у себя и не в виде монеты, сначала расплавил в гараже паяльной лампой. Как ты и говорила, примерно тридцать процентов — это медь, остальное — обычное золото. Звонить насчет кинжала не хочу, лучше на днях договорюсь о встрече. С этим не горит. Вы ведь все купили?

— Я ей хочу купить пальто, — сказала мать. — Не везде удобно ходить в такой шикарной шубе. Но деньги еще есть.

— Папа, сможешь посмотреть на службе, кто эти типы? — спросила Настя, отдавая ему в руку свой лист с адресами. — Здесь нет фамилий, только адрес, по которому нужно прийти.

— Ты все-таки не оставила свою затею с продажей кинжала, — сердито сказал он. — Мы же вроде договорились!

— Ты не шуми, а сначала выслушай, — тоже рассердилась дочь. — Ты просто не понимаешь моих возможностей! Я все сделаю абсолютно безопасно, а вот у тебя так может не получиться. Тебе и к твоему Самойлову нужно идти со мной. Тогда он потом при всем желании не сможет вспомнить, у кого купил клинок. Мне только нужно, чтобы ты узнал, кто живет по этим адресам. Не просто фамилии, а чем они занимаются, и у кого могут быть деньги.

— Ладно, посмотрю, — нехотя согласился он. — Только ты мне расскажешь, что задумала. Опыта у тебя в таких делах никакого.

— Постой, значит, новая сестра — это та самая принцесса? — дошло до Тани.

— Пойдем, я ей скажу, что от тебя уже не нужно таиться, а заодно еще кое с кем познакомлю, — встав из-за стола, предложила Настя.

Появившийся на кровати домовый сестру удивил, но не больше. Она завладела рукой Оли и увела малышку в свою комнату.

— Сейчас будет допрос с пристрастием, — фыркнул Раш. — Принцесса ей такое расскажет!

— Пусть общаются, — сказала девочка. — Теперь хоть от Таньки не таиться, да и Оле будет веселей.

Остаток дня она решала задачи и ненадолго оторвалась от занятий только для того, чтобы запустить Оле с домовым мультиком, и для ужина. Когда уже заканчивала, подошла Таня и села рядом.

— Моя сестра — королева! — сказала она, обняв Настю. — Никогда бы не подумала,

что ты на такое способна! Ты права: очень хочется поделиться, и не с одним Олегом, но буду молчать. Тебе не нужна помощь в подготовке к экзаменам?

— Спасибо, я со всем справлюсь сама, — ответила девочка. — Как я недавно выяснила, мне немного улучшили мозги, поэтому все учится очень легко.

— Не могу сказать, что я тебе завидую, — сказала Таня. — Не сейчас, а вообще. Досталось тебе сильно. Многих пришлось убить?

— Лично убила сотни полторы, — ответила она. — Я уже говорила родителям. Это было необходимостью.

Сестра вздрогнула, но не отстранилась. Они еще немного поговорили и разошлись по своим комнатам. На следующее утро Настя поднялась раньше обычного, позавтракала вместе с отцом и старшей сестрой и вместе с ней пошла в школу. Уроки химии, которые преподавала Алла Константиновна, были после двенадцати, поэтому с утра она занималась своими директорскими обязанностями. Девочка не стала заходить в школу с Таней, а несколько минут простояла в сквере, пока не прозвенел звонок. Когда она зашла в вестибюль, в нем не было никого, кроме технички, которая неодобрительно посмотрела на богато одетую девчонку. Проигнорировав ее взгляд и приказав женщине присмотреть за шубой, Настя быстро ее сняла и переобулась, после чего отправилась к кабинету директорши. Девочка очень редко с ней сталкивалась до своей пропажи, а сейчас еще сильно изменилась, поэтому хозяйка кабинета ее не узнала.

— Ты к кому, девочка? — спросила она Настю.

— Я, Алла Константиновна, Настя Никитина, — представилась Настя. — Я вчера с матерью приходила в школу насчет экстерната, но вас не было. Маргарита Ивановна сказала...

— Да, она мне говорила, — перебила ее директорша. — Ты ее сильно удивила своим английским. Ты и меня удивила. Не своей выходкой, хотя она тоже достойна удивления, а тем, что хочешь самостоятельно подготовиться к экстернату, да еще сделать это за месяц. Даже отличникам на это требуется больше времени, а ты к ним не относишься. Но я не вижу причин тебе отказать. Садись писать заявление, а я сейчас подготовлю все, что нужно. Подойдешь, когда будешь готова. Составим для тебя график, и будешь сдавать.

Через полчаса она уже была дома. Отчитавшись перед матерью, села за компьютер и скачала для Оли фильм «Внимание, черепаха!». Тоже про первоклашек, так что пусть смотрит. В этот день она полностью разделалась с алгеброй и занялась информатикой. После обеда сходила с матерью в находящийся неподалеку магазин, в котором купили зимнюю куртку. На куртке настояла Настя.

— Зачем мне пальто? — сказала она. — Красивые дороги, а те, которые дешево стоят, мне и даром не нужны. Уже конец зимы, а к следующему году я из пальто вырасту. И зачем тогда на него тратиться? Чтобы проносить один месяц?

Мать сдалась, и они купили легкую и дешевую, но вполне приличную на вид куртку. Приехавший со службы отец отдал дочери лист бумаги, на котором были распечатаны данные тех, кто жил по записанным ею адресам.

— Двое отпадают, — сказал он, показывая пальцем на фамилии, напротив которых стояли крестики. — Один — мутный тип, с которым не стоит связываться, а у второго не будет больших денег. Если с кем и затеваться, то только с этим.

— Митрофанов Илья Борисович, — прочитала Настя. — Кто он?

— Он крупный коллекционер холодного оружия, — ответил отец. — Владеет

несколькими посредническими конторами, в которых наваривает приличные деньги. Явного криминала за ним не водится, но иной раз ходит по краю. А сейчас пойдём к тебе, и ты мне во всех подробностях расскажешь о том, что задумала. Если посчитаю, что риска нет, тогда пойдёшь, а если нет, то только через мой труп! Или применяй ко мне свою магию, но тогда можешь считать, что отца у тебя больше нет!

— Что ты раньше времени кипятишься? — сказала девочка и поцеловала его уже немного колючую щеку. — Никакой магии я к тебе не применяла и не собираюсь. И без твоего одобрения никуда не пойду. Ты только сам мне верь, потому что тебе трудно оценить все мои возможности. Я для тебя по-прежнему маленькая девочка, которую нужно от всего закрывать спиной, а это уже не так, постарайся к этому привыкнуть.

— Мама, может, я все-таки пойду сама? — предложила Настя. — Все равно с ними буду разговаривать я.

— Пойдем вместе! — решительно сказала мать и постучала в кабинет номер шестнадцать.

Ответа она не услышала и потянула ручку на себя.

— Я, кажется, никому не разрешала входить! — недовольно сказала сидевшая за столом женщина лет сорока пяти. — Подождите за дверью.

— Представьтесь! — приказала вышедшая вперед Настя.

— Ведущий специалист МКУ «Отдел образования Октябрьского района» Юлия Николаевна Кравченко, — поднявшись из-за стола, послушно представилась женщина.

— Вы занимаетесь усыновлением? — спросила девочка.

— Не одна я, — ответила она. — В органе опеки шесть специалистов. В пятом кабинете у нас личные дела...

— Меня не интересуют подробности, — оборвала ее Настя. — Вы должны оформить нам удочерение девочки семи лет. Родителей у нее нет, нет вообще никаких документов. Я не знаю, как, но вы это сделаете. Вам нужна помощь других специалистов?

— Конечно, — ответила Кравченко. — Одна я ничего не сделаю.

— Тогда идите и приведите их всех сюда! — приказала девочка. — Для чего они нужны, не говорите. Есть приказ начальства — и все!

Минуты через три в небольшой комнате, помимо Никитиных, собрались двое мужчин и четыре женщины. Настя всех подчинила и повторила то, что уже говорила хозяйке кабинета.

— Никто, кроме вас, не должен знать, что вы оформляете ребенка с нарушениями, — сказала она. — Вы сможете это выполнить?

— Вообще-то, сможем, — ответил один из мужчин, — но потребуется время и, возможно, деньги.

— Представьтесь! — сказала девочка.

— Ведущий специалист Резанов Алексей Алексеевич, — ответил он. — Я сижу во втором кабинете.

— А если все прокрутить через какой-нибудь детский дом? — спросила Настя. — Мне кажется, что так было бы гораздо проще. Что скажете, Алексей Алексеевич?

— Конечно, проще, — согласился он. — Отпали бы почти все сложности. Только это уже будет зависеть не только от нас, но и от директора детского дома.

— А если мы обеспечим его согласие?

— Оставляйте телефон и данные, — сказал он Насте, — свои и ребенка. А лучше заполните все бланки, которые вам даст Юлия Николаевна. Вам это все равно придется делать. Она же вам скажет, какие нужны справки.

Все специалисты разошлись по своим кабинетам, а мать села заполнять выданные Кравченко бланки. Когда она закончила, получила памятку, в которой перечислялось, что нужно сделать с их стороны.

— Все очень просто, — сказала Настя, когда шли к стоянке такси. — Позвонят и скажут, какой выбрали детский дом, а я обработаю его директора. Когда Оля будет наша, все о нас благополучно забудут.

— Как ты вертишь людьми, — поежилась мать. — Сейчас от этого нет вреда, но постарайся никогда не злоупотреблять своим даром. И никогда не решай за других, что для них лучше. С такой силой легко походя сломать человеку жизнь.

— Там я использовала силу только против врагов, — ответила девочка, — а здесь я просто не могу не пускать ее в ход. Как еще можно воспользоваться моим богатством или удочерить Олю, если никому нельзя сказать, откуда все это? А я еще повязана своим возрастом! Там у меня были знатность, богатство и магическая сила, а здесь я вообще никто! Там я могла обратить против врагов не только магию, но и оружие, а здесь я его вынуждена прятать. Извини, но жить без магии у меня пока не получится. Постараюсь при этом не навредить нормальным людям, но насчет уродов ничего обещать не буду.

Они подошли к стоянке такси, сели в машину и через пятнадцать минут были дома. Когда мать открыла дверь и вошли в прихожую, примчалась Оля и с восторгом похвасталась, что у нее получилось читать буквы.

— Только я в них ничего не поняла, — добавила она, показав им учебник по информатике.

— Я позвоню отцу, и он возьмет из гаража детские книги, — пообещала ей мать. — Там есть «Волшебник Изумрудного города», много книг об Алисе и другие книги для детей. Тебе в них все будет понятно. Настя, как у тебя дела с подготовкой?

— Алгебру, геометрию и информатику могу сдать хоть сейчас, — ответила девочка. — Приплюсуй сюда английский. Остальное выучу быстро: там везде, кроме физики, нужно просто прочитать и запомнить. Только для сдачи литературы надо будет читать книги из обязательного списка. Ольга Борисовна от меня не в восторге, поэтому хрестоматии может не хватить. Сейчас, наверное, займусь физической географией, только сначала скачаю какой-нибудь мультик, а то они уже посмотрели все мои записи.

Время до обеда пролетело в трудах. Отец позвонил, что у него на службе запарка, поэтому домой приедет только вечером. Пообедали вчетвером, считая домового, и Настя опять засела за географию. Перед приездом отца этот учебник отправился в пока невысокую стопку прочитанных. Историю она брать не стала, потому что на вечер были другие планы.

— Я задержался, поэтому не стал копаться в книгах, — сказал отец, отдавая матери стопку детских книг. — Что было сверху, то и прихватил. Завтра можно будет все перебрать. Дочь, ты не передумала?

— Нет, — мотнула головой Настя. — Подожди, я быстро оденусь.

Она сменила пижаму на костюм и пошла в прихожую надевать шубу. Они вдвоем вышли из дома и сели в машину.

— Улица Ченцова, — сказала девочка, передавая отцу бумажку с адресом. Он назначал после шести вечера, по времени примерно так и будет.

— У меня сердце не на месте, — вздохнув, сказал он, выезжая со двора. — Все-то ты говоришь правильно, но у жизни полно мерзопакостных сюрпризов, а всего никогда не предусмотритишь. Неправильно это — везти тебя туда...

— Вот поэтому я и хотела поехать на такси, — сердито отозвалась Настя. — Я тебе могу приводить железные аргументы, и все будет зря, потому что твои отцовские инстинкты отключают голову!

— Ты у нас без инстинктов, — пробурчал он. — Вырасти ребенка, а потом вот так... Приехали. Во двор я заезжать не буду. Сейчас разверну машину и буду ждать на той стороне улицы. Телефон не забыла?

— С собой, — ответила девочка. — Не волнуйся, я буду звонить.

Она вышла из салона и пошла в проход между домами. Номер на доме был, поэтому спрашивать его не пришлось. Первый же подъезд оказался тем, который был нужен. Набрав на пульте домофона шестерку, Настя сделала вызов.

— Кто? — коротко спросили через динамик.

— По объявлению насчет коллекции, — ответила девочка. — Вы оставляли адрес.

Дверь открыли, и она пешком поднялась на второй этаж. Звонить не пришлось: как только Настя подошла к нужной двери, она открылась. За ней стоял еще крепкий, но уже начавший заплывать жиром мужчина лет пятидесяти. Он осмотрел гостью и отступил в сторону, освобождая проход.

— Вы давали объявление насчет кинжала? — спросил он. — Товар с собой? Тогда проходите. Вешайте свою шубу и снимайте сапоги. В квартире жарко и у меня везде ковры, так что обойдетесь без тапочек.

Он запер дверь и прошел в гостиную. Настя вошла следом за ним и осмотрелась. Она видела обстановку и побогаче, но только в другом мире.

— А почему нигде нет оружия? — спросила она. — Я думала, что у вас им обвешаны все стены.

— Обвешаны, — усмехнулся он, — но не в этой комнате. Покажите товар, потом поговорим.

— Возьмите, — она протянула ему сверток. — Учтите, что кинжал очень старый, хотя по его внешнему виду этого не скажешь.

— Интересная вещица, — сказал он, размотав ткань. — Идите за мной.

Комната, в которую они пришли, была не меньше гостиной, но в ней, кроме двух столов и подставки с оружием, ничего не было. Все четыре стены были использованы для хранения самого разного оружия. Стреляющего здесь не было ничего, кроме большого и уродливого арбалета. На столах стояли какие-то приборы, из которых девочка узнала только бинокулярный микроскоп. С него хозяин и начал.

— Рубин настоящий и без малейших дефектов, — сказал он, тщательно осмотрев кинжал. — Огранка странная — я такой еще не встречал. По рукоятке можно сказать, что это точно не новодел, ему по крайней мере лет двести. А вот лезвие... Острое, хотя заточка старая. Странно, я при максимальном увеличении не вижу никакой структуры...

Он закрепил кинжал в каком-то устройстве, напомнившем Насте небольшой сверлильный станок и включил его двигатель. Хмыкнул и извлек оружие из зажима. После этого опять что-то смотрел в микроскоп.

— Из чего это сделано? — спросил он девочку. — Моего твердомера не хватает: на лезвии не осталось следа. Говорите, что ему много лет?

— Около тысячи, — ответила она. — Сами понимаете, что я не проводила анализов, и вам этого делать не советую.

— А откуда взялась эта тысяча лет? — говоря, он открыл пузырек и стеклянной палочкой нанес на лезвие каплю какой-то жидкости. — Странно, кислоты его не берут, но лезвие магнитится, хоть и слабо. И что же мне с вами делать?

— Со мной — ничего, а с товаром... Товар можно покупать или пройти мимо.

— Мимо такого я не пройду, — с интересом глядя на Настю, сказал он. — Мне кажется, что вы не врете, но и правду мне говорить не хотите. Почему?

— Вы готовы выложить подноготную своей жизни первому встречному? — с деланным

удивлением спросила она. — Я — нет. Правда может мне навредить, я уже не говорю о том, что в нее трудно поверить.

— А если я перестану быть для вас первым встречным? — спросил он. — Вы меня заинтересовали, несмотря на свой юный возраст. Конечно, не как женщина, а как человек. Вы, несомненно, из состоятельной семьи — это видно по одежде — и очень умны для своих лет. И еще этот ореол таинственности, который вы так умело на себя напустили.

— Предлагаете дружбу? — сказала Настя.

— Предлагаю, — кивнул он. — Со мной полезно дружить. Я за последние двадцать лет оброс массой полезных связей, да и сам не пустое место, а много чего знающий и повидавший человек. Я редко предлагаю дружбу, а особам вашего возраста ее предлагал в далекой юности и совсем с другими намерениями.

— Хорошо, — кивнула девочка. — Считайте, что я согласилась. Запоминайте! Я ваш лучший друг, за которого не жалко отдать жизнь! Вы не сможете предать меня и сказать о том, что я продала вам оружие, или о том, что я вам расскажу. Запомнили?

— Запомнил, — послушно сказал он.

— Это не совсем то, что мы планировали, — заметил Раш. — Твой отец будет недоволен.

— Это лучше старых планов, — ответила она. — Хорошо, что напомнил, сейчас я позвоню отцу. Папа, у меня все в порядке. Подожди еще немного, я скоро приду.

— И чем же лучше? — скептически спросил Раш.

— Подожди, — отмахнулась она от браслета и обратилась к Митрофанову: — Илья Борисович, кинжал не из нашего мира. Его сделали в древности, но не обычной ковкой, а с применением той силы, которую у нас называют магией.

— Насчет другого мира я еще поверить могу, — усмехнулся он, — а насчет магии, извините, не верю!

— Возьмите, — сказала Настя, протягивая ему розу. — У вас есть, чем ее сфотографировать?

— Мобильник подойдет? — спросил он, с удивлением глядя на цветок.

— Мне все равно, — ответила девочка. — Это нужно вам, чтобы потом убедиться в том, что я вас не гипнотизирую. После гипноза фотографий не остается.

Он положил розу на стол рядом с микроскопом, достал из кармана телефон и сделал два снимка, после чего цветок исчез.

— Это была магическая иллюзия, — объяснила Настя, — а вот другая магия, в которую вы не верите. Это моя кольчуга. Можете ее тоже заснять. Это реальный предмет, который перенесен из одного мира в другой. И еще одно... Голова болит?

— Болит, — ответил он, — но я к этому уже привык. Боли последние полгода, но никак не решусь на операцию. Уж очень мутный прогноз.

— Я вам убрала не только боль, но и запустила лечение, — сказала она удивленному мужчине. — Опухоль пока никуда не делась, но через месяц ее не будет. Полезно со мной дружить?

— Боли совсем нет, — растерянно ответил он. — Это тоже магия?

— Выключите свет, — не отвечая, попросила она. — Вот это магический фонарь. Как, по-вашему, можно заставить гипнозом видеть в темноте? Можете включать, и давайте закончим с кинжалом, а то отец ждет и волнуется.

— Странно, почему он не пришел сам, а прислал тебя, — перешел на ты Митрофанов.

— Это из-за магии?

— Из-за магии и из-за его работы, — улыбнулась Настя. — Он у меня крупная полицейская шишка, а вы у них не на самом хорошем счету.

— Ты полна сюрпризов, — сказал он. — Не назовешься? А то ты меня знаешь, а я тебя нет.

— Настя, — ответила она. — Пока достаточно имени.

— Я в затруднении, — признался он. — Если тебе верить, кинжал уникальный и не имеет цены. С другой стороны, им даже нельзя похвастаться, не то что нести на экспертизу. Я не хочу его выпускать из рук, но платить при таких условиях большие деньги... Скажи, он у тебя один?

— Есть еще, — ответила Настя. — Что вы придумали?

— Если отдашь мне второй, я его смогу очень выгодно продать и компенсировать свои потери от этой покупки. Тогда я тебе сейчас заплачу миллион в рублях, а после продажи второго получишь гораздо больше. Только придется подождать, потому что я его буду продавать не в России. Если хочешь получить в валюте или на карточку, то смогу только завтра. Сегодня уже слишком поздно.

— Меня устроят и рубли, — заверила она. — Держите второй кинжал. На нем гораздо больше камней, но они мельче. Скажите, у вас здесь нет видеокамер?

— Ни в доме, ни в квартире видеокамер нет, — ответил он и не соврал. — Подожди, я схожу за деньгами.

Отсутствовал Илья Борисович минут пять и принес две толстые пачки пятитысячных банкнот.

— Возьми, — сказал он Насте, отдавая деньги. — Держу специально для таких продавцов, которые предпочитают наличные. Проводить до машины, чтобы не ограбили?

— Пусть только попробуют ограбить мага, — засмеялась девочка, — я еще и у них заберу все, что будет в карманах! Все, я побежала!

— Подожди, торопыга, — остановил он ее. — Как я с твоей конспирацией на тебя выйду? Деньги-то нужно как-то отдавать, да и дружба без общения умирает.

— Не хочу я давать номера наших телефонов, — задумалась она. — Не из недоверия к вам...

— Боишься, что я куда-нибудь влезу и попаду под колпак? — спросил Митрофанов. — Телефон нетрудно отследить по звонкам, но мы это обойдем. Подожди минуту.

Он опять вышел и принес Насте мобильный телефон.

— Держи аппарат, он записан на одного моего знакомого. Тебя по этому телефону тоже можно зацепить, но только когда он работает. Звонить будешь сама и не из своей квартиры. Если у меня будут неприятности, сразу же сообщу. Но, вообще-то, ты опасаясь зря. Я стараюсь не нарушать законы, а если в этом появляется необходимость, нарушаю очень осторожно.

Через пять минут Настя уже сидела в машине.

— Сегодня у меня на голове прибавилось седых волос, — сказал отец, заводя двигатель. — Сколько хоть наторговала, авантюристка?

— Миллион рублей, — ответила девочка, заставив отца удивленно приподнять брови. — Не удивляйся, знает он, откуда кинжал. Я все немного переиграла. Не хмурься, сначала выслушай. Я его заинтересовала, как человек.

— Понятно, что не как женщина, — сказал отец. — И что он тебе предложил?

— Дружбу он мне предложил. Что опять хмуришься? Я ведь сейчас неплохо вижу, если в человеке есть гниль. Так вот, в нем я ее не заметила. Не ангел, конечно, но попробуй найти у нас ангела среди промышленников или банкиров! Все чистенькие, пока не начнешь копать! Да и кто в России не нарушал законы? Я их, знаешь, сколько нарушу?

— Давай ближе к теме.

— Можно и ближе, — согласилась дочь. — Я подкрепила его заинтересованность магией. Теперь он меня не выдаст, даже если его будут резать на куски. И свой кинжал он никому не отдаст.

— Выложил миллион рублей за то, чтобы в гордом одиночестве смотреть на твой кинжал? — с сомнением сказал отец. — Или ты из него эти деньги выдавила магией? И зачем тебе затея с дружбой, если могла заставить все забыть?

— За кого ты меня принимаешь? — обиделась Настя. — Я ему насчет цены ничего не говорила, сам назвал! А дружба...

Она рассказала отцу о продаже второго кинжала и отданном ей мобильном телефоне.

— Имеет смысл, — признал он. — Только звони подальше от квартиры и не забывай выключать. Ладно, посмотрим, что из всего этого выйдет.

— У него много знакомств, — сказала девочка, — и это очень осторожный человек. Я думаю, что в будущем можно попробовать прокрутить через него часть золота. Не нравится мне ваша затея с кладом.

— Она объясняет, откуда у нас деньги, — сказал отец. — Мы уже приехали, так что можешь выходить.

Разговор продолжили в квартире после того, как Настя отдала родителям деньги.

— Может, мне пока не связываться с Самойловым? — сказал отец. — Меня он не выдаст, а кинжал на экспертизу пошлет. Что о нем сказал твой Митрофанов?

— Его удивило лезвие, — ответила девочка. — В микроскоп не увидел никакой структуры, а потом обломался с твердомером. Он у него здоровый, как станок, но все равно не хватило мощности. Сказал, что на металле не осталось даже следа. И кислота на него не подействовала.

— О чем я и говорила, — вздохнула мать. — Возьмут твоего Виталия за шиворот и начнут трясти, что-нибудь да вытрясут. Может, действительно все продать за границу? Если там поднимут шум, нас это не коснется.

— Посмотрим, — сказал отец. — Даже части этих денег с головой хватит на все покупки и летний отдых, так что никакой нужды в спешке нет. Что у вас сегодня нового?

— Меня поразила Оля, — поделилась мать. — В обед начала по слогам читать брошенный Настей учебник, а полчаса назад уже нормально читала одну из тех книг, которые ты привез из гаража. Необыкновенный ребенок!

— Мой браслет понемногу улучшает ей мозги, — призналась Настя.

— А тебе он их не улучшил? — спросил отец. — Ты так быстро готовишься к экзаменам...

— Улучшил, — ответила девочка. — Он передал мне знания всего курса Академии магии, а перед этим, чтобы все усвоилось, поработал с головой. Я еще тогда перепугалась, а он ничего не сказал. Узнала только здесь.

— Улучшила бы заодно Татьяну! — сказала мать. — Она бы эти ЕГЭ легче сдала.

— Слышал, Раш? — спросила Настя браслет.

— Я вас всех улучшу, — проворчал он, — но на это уйдет месяц.

— Все сделаем, мама, — пообещала девочка. — Мой браслет сказал, что через два месяца у нас будет суперсемейка. Папа, ты чем будешь занят завтра после работы?

— Поеду в гараж за книгами, — ответил отец. — Насчет улучшения правда, или ты пошутила?

— Никаких шуток, все всерьез, — заверила дочь. — Когда он на руке, то делает это быстро, а если кто-то на расстоянии, то нужно время. А покидать мою руку он отказывается.

— И что же с нами будет? — с опаской спросил он. — Может, нас уже поздно улучшать?

— Это никогда не поздно, — возразила Настя. — Ну чего ты боишься? У вас только улучшатся память и соображение — ничего особенного.

— Меня и мое устраивает, — пробурчал он. — Ты для чего задала вопрос о завтрашнем дне? Что-то от меня нужно?

— Не можешь после работы заскочить в спорттовары? Мне нужны гантели килограмма по три. Можно разборные, но лучше литые: ими удобней махать.

— Не тяжелые? — спросил отец. — Чем думаешь заняться?

— У меня были тяжелее, — ответила Настя. — Я там каждый день, когда была возможность, качалась и занималась фехтованием, а здесь только ем и лежу. Не хочется терять форму.

— Зачем тебе это? — спросила мать. — Я не возражаю, наоборот, но с твоей силой...

— Магию не всегда применишь, — сказала девочка. — Меч мне здесь не нужен, но возможность кому-нибудь врезать тоже может пригодиться. Я в том мире знала, что впереди могут быть неприятности, и все время к ним готовилась, а здесь магия только у меня, и это расслабляет. Понимаешь, даже если придется удирать, магия за меня бегать не будет. А сильное тело — это еще и красота.

— Куплю, — пообещал отец. — Не хочешь походить на нашу секцию? Научат качественно бить морды. У нас там ходят девочки твоего возраста.

— Это я и так умею без ваших тренеров, — засмеялась дочь. — В мою голову вложили рукопашный бой паладинов. Он будет круче вашего боевого самбо. Только я им почти не занималась. Когда все вокруг ходят с мечами, мечом и нужно заниматься. А применения борьбе там не было, только один раз вырубил двух стражников и учила уму брата. Сходить, что ли, погонять вашего тренера? Мне не нужна учеба, нужен партнер, на котором можно было бы отрабатывать то, что я знаю.

— Я могу с ним поговорить, — предложил отец. — Он остается с девочками, когда в зале уже никого нет. Подействуешь своей магией, и ни у кого не вызовешь удивления. Может, он еще использует твои приемы. Только не помешает ли это твоей подготовке?

— Я не могу постоянно учиться, — ответила Настя. — Когда-то нужно и отдыхать, вот я на борьбе и отдохну. Больше часа такие занятия не займут, если ты меня на них отвезешь и забереешь обратно. И хоть какое-то разнообразие. Хотела позвонить девчонкам из своего класса, но передумала, и из них никто не звонит, хотя знают, что я дома. Я уже привыкла все время быть среди людей, а сейчас, кроме вас, никого не вижу, только сегодня сделала пару вылазок.

— Иди займись сестрой, — сказала мама, — а я сейчас сделаю ужин. Она сюда уже раз пять прибежала спрашивать о тебе. Не терпится похвастать своим чтением.

В своей спальне девочка увидела разбросанные на полу книги и двух читателей на своей кровати. Сестра читала книгу «Волшебник Изумрудного города», а домовый уткнулся в

большую для него книгу «Незнайка в Солнечном городе». На ее приход никто не отреагировал.

— Я, конечно, рада, что вы читаете, — сказала она обоим, — но нельзя же так свинячить! Вы видели, чтобы я хоть когда-нибудь разбрасывала книги?

— Там нет ничего интересного, — не отрываясь от книги, сказала Оля. — Не мешай.

— Закончу — уберу, — пискнул Марк, — а пока не мешай.

Настя только вздохнула, собрала не заинтересовавшие сестру книги и ушла в гостиную на диван. Родители ушли в свою спальню, а Таня еще не вернулась из поездки к Олегу, поэтому ей никто не мешал.

«Еще и двух недель не прошло, как я вернулась, и мне уже скучно, — думала она, заложив руки за голову. — И я соскучилась по многим из тех, кого оставила в мире Вероны. Все здесь кажется каким-то ненастоящим и не стоящим внимания. Ну, наберу я этих денег, что дальше? Накупим шмоток, смотаемся летом за границу и купим хорошую квартиру. Хотя отца за границу не пустят. Ладно, съездим в Крым. Я сдам экстернат и перейду в восьмой класс. И до взрослой жизни, когда я смогу жить самостоятельно, останется целых четыре года! А я так привыкла к независимости, что теперь просто не смогу жить столько времени, слушаясь взрослых, которые будут на законных основаниях на каждом шагу указывать, что мне можно делать, а что нет. И если бы только родители, а то ведь все! Школу придется сдавать экстернатом, потому что я в ней не высижу! Я могла ее с ностальгией вспоминать в том мире, но не в этом. Как по семь часов слушать на уроках объяснения того, что и без них понятно? И так четыре года! Ладно, школу я закончила за год или чуть больше. А дальше? В институт? Во-первых, я не знаю в какой, во-вторых, мне не хочется учиться, а, в-третьих, я в таком возрасте в институте буду изгоем. Ничего общего, кроме учебы, у меня с другими студентами не будет. Разве это жизнь? И Верона будет смотреть на мое унылое существование? Хорошо матери говорить, что я выдумываю, но я просто печенкой чувую, что она или плюнет и уйдет, или устроит себе веселую жизнь. И веселить ее буду я! Нет уж, пусть лучше я что-нибудь сделаю сама, чем это сделает она. Свои действия я могу продумать и как-то вывернуться, а неприятности от нее могут оказаться последними. Больших магических сил у меня нет, высокого положения нет и не будет, а против государства или каких-нибудь мафиози я и дня не продержусь. И что остается делать? Да то же, что делала раньше. Жить и копить силу. Нужно в совершенстве освоить борьбу и учиться всему, что поможет выжить. Машину научусь водить и пройду стрелковую подготовку. Проклятый возраст, почти ничем нельзя заниматься на законных основаниях! Ничего, помимо магии, есть еще деньги. Как известно, миром правят именно они. Вот я их побольше и наберу, а заодно обрасту друзьями и связями. Хрен вам! Назло всем не сдохну и не дам надеть на себя ошейник! Если на кого-нибудь буду работать, то на своих условиях. В конце концов, я всегда смогу вернуться в тот мир. Она мне сама сказала, что не будет мешать. Но пока есть возможность, буду драться за свое место в этом!»

От размышлений оторвал звонок телефона. Встав, Настя сняла трубку.

— Это квартира Никитиных? — раздался в ней мужской голос.

— Да, это мы, — ответила девочка. — Говорите.

— Вам звонят из седьмой городской больницы, — ответил он. — Полчаса назад к нам в тяжелом состоянии доставили Татьяну Никитину. Она пришла в сознание, назвала себя и дала этот номер. Кому-нибудь из вас нужно срочно приехать. Состояние пострадавшей очень тяжелое, и мы ее можем не вытянуть. И не забудьте захватить ее полис.

— Что с ней случилось? — крикнула она в трубку.

— Несколько ударов ножом и большая потеря крови. Ранения в грудь и живот...

Настя бросила трубку на рычаг и метнулась к спальне родителей. Они о чем-то беседовали, сидя в креслах.

— Папа, немедленно одевайся! Мама, приготовь полис Тани. Ее кто-то пырнул ножом и нужно срочно ехать в седьмую больницу. Я еду с тобой. Если мы ее застанем живой, я ее быстро вылечу лучше любых врачей!

— Как это, если застанем? — пролепетала побледневшая мать.

Ждать, пока она придет в себя, было некогда, поэтому Настя применила магию и побежала в свою спальню переодеваться. Через пять минут они уже выехали со двора. Мать с собой не взяли, пообещали ей, что позвонят. Хорошо, что в это время на дорогах было мало автотранспорта, иначе они могли бы и не успеть.

— Папа, я ее отсюда не вытяну, — прошептала Настя. — Просто не успею! Мне нужно находиться рядом!

Они приехали пятнадцать минут назад, получили халаты и были допущены в отделение реанимации. Но вот в палату интенсивной терапии, куда Таню перевезли после операции, их не пустили, а с такого расстояния лечение Насти было недостаточным. Ворваться туда силой — значит, раскрыть часть своих возможностей, иначе ее оттуда сразу вытурят. Страх за жизнь сестры пересилил осторожность.

— Мне нужно хотя бы минут пять, — сказала она отцу. — Входим, и ты применяешь силу к врачу, а с медсестрой я как-нибудь справлюсь сама. А потом стой рядом и не позволяй им меня оттащить от сестры. Я помогу магией, но совсем немного. Там должна быть камера, поэтому все должно выглядеть естественно.

Отец распахнул дверь палаты, и они в нее вбежали. Палата была размером с обычную четырехместную, но в ней стояла только одна кровать, на которой лежала Таня. Грудь и живот у нее были обмотаны бинтами, под которые уходили трубки от двух стоявших отдельно аппаратов. Рядом с изголовьем возвышалась стойка с какими-то приборами, от которых к сестре тянулось несколько проводов. Возле кровати на стуле сидела невысокая девушка, видимо, медсестра. Врач сидел в углу палаты за небольшим столом и что-то писал. Дальше последовала безобразная сцена. Настя согнала со стула медсестру, применив магию и физическую силу. Девушка растерялась и не стала драться с родственницей пациентки, да еще девчонкой, а врач попробовал воззвать к разуму отца, ничего этим не добился и решил вызвать подмогу. Пока никто не мешал, Настя быстро заняла стул и обхватила Таню руками. Лучше было надеть ей браслет, но делать этого было нельзя из-за висевшей над дверью камеры. Все манипуляции с браслетом были бы видны, а девочка не знала, сохранит ли он невидимость, если снять с руки. Да и с невидимостью его легко могли нащупать на запястье сестры. Единственное, что она могла сделать, это так вцепиться в Таню, чтобы не сразу оторвали. Одновременно, Настя применила магию ко всем, кто был в палате, рождая у них неуверенность и страх.

— Девочка, немедленно отпусти больную, ты ее убьешь! — настойчиво сказал ей кто-то, схватив руками за плечи.

— Убери грабли! — крикнула она. — Это ты убьешь сестру, если сдернешь ее вместе со мной с кровати. Дай мне так посидеть три минуты, и я уйду сама!

— Она обезумела от горя, — сказал тот же голос. — Быстрее маску!

Насте слегка оттянули голову и прижали к лицу маску. Надо было задержать дыхание, но у нее это не получилось. Мысли стали путаться, и по телу разлилась слабость. Девочка боролась до последнего и смогла задержаться возле сестры еще минуты две, но потом все куда-то уплыло, и она потеряла сознание. Очнулась в другой палате, в которой стояли четыре кровати с одними матрасами. На одной из них она лежала в одежде и выданном здесь халате, а на стоявшей рядом, тоже в халате, сидел отец.

— Что-нибудь получилось? — спросил он, увидев, что дочь очнулась. — Извини, врач вызвал санитаров, поэтому я тебе ничем не мог помочь.

— Все должно получиться, — не очень уверенно сказала девочка. — Сколько я обнимала сестру? Минут пять или меньше?

— По-моему, больше, — тоже неуверенно ответил отец. — Я был занят с санитарями, поэтому на часы не смотрел.

— И что теперь? — спросила она.

— Будем ждать здесь, — пожав плечами, ответил он. — В реанимацию нас больше не пустят, а других последствий не будет. Как можно наказывать потерявших от горя рассудок родственников? Тише, кто-то идет.

Послышались приближающиеся шаги, открылась дверь, и в палату вошел невысокий, полный врач.

— Хочу вас обрадовать, — обратился он к отцу. — Состояние вашей дочери существенно улучшилось. Оно еще тяжелое, но стабильное. Если не случится ничего неожиданного, она должна пойти на поправку. Вам нет смысла здесь дежурить, тем более что в отделение вас не пустят. По этому телефону вы сможете узнать о состоянии дочери и о том, когда ее можно будет навестить. До свидания.

Они сняли халаты и спустились на первый этаж за одеждой. Одевшись, вышли из больницы и сели в машину.

— Как ты думаешь, кто-нибудь заметил твою магию? — спросил отец, когда ехали домой.

— Сейчас никто ничего не заметил, — уверенно ответила Настя. — Я только всех немного пугала, но этот страх забудут или объяснят нашими действиями. Вот позже, когда Таня начнет на глазах поправляться... Хотя я с ней была очень недолго, поэтому чудес не будет. Удивятся, конечно. Я к ней приду, когда нас пустят, и еще подлечу, а окончательно уберу все последствия, когда она будет дома. Думаю, что на этот раз нас никто ни в чем не заподозрит. А Таньке будет урок! Сколько раз ты ее предупреждал насчет поздних прогулок? И Олег хорош: не мог проводить ее до остановки. Ладно, с ним пусть она разбирается сама, а я завтра буду разбираться с теми, кто бьет девушек ножом в живот! Они у меня сами друг друга порежут на ремни!

— И как ты их найдешь? — с сомнением спросил он.

— Есть способы, — ответила девочка. — В магии крови есть заклинание, которым можно найти убийцу по свежим следам. Свежими они остаются несколько дней, так что завтра еще будет не поздно. Нужна только кровь пострадавшего или его близкий родственник, ну и делается это на том месте, где пролили кровь. Маме ничего не говори, она и так теперь будет вся на нервах.

— Может, не резать, а сдать нам? — предложил отец. — Если будем знать, кто это сделал, расколоть не так уж сложно. Таня-то выжила.

— С ума сойти, какие вы все добренькие! — разозлилась Настя. — Ну расколол ты их, дальше-то что? Получат несколько лет колонии, а выйдут из нее еще большими мерзавцами! Сколько жизней они должны отнять, сколько судеб изувечить, чтобы их наказали всерьез? Вот для чего убрали смертную казнь, можешь мне ответить? Чтобы полизать зад европейцам? Если человек недостойн жить, то и не должен, а у нас даже серийные убийцы-психопаты живут до смерти за государственный счет! В моем королевстве есть закон, гласящий, что любой, применивший оружие к женщине или ребенку без веских оснований, должен быть казнен! Любой! Конечно, не всегда его легко применить, но он есть.

— Будь осторожна, — сказал он. — Смотри, не пострадай сама, и не оставь следов, а то эта месть может выйти тебе боком. А лучше, если что-нибудь узнаешь, скажи мне.

Больше они до самого дома не разговаривали. Девочка не стала ждать отца и бегом

поднялась к квартире.

— Все будет хорошо! — сказала она бросившейся к ней матери. — Успокойся. Ранили ее тяжело, но мы вовремя успели. Пришлось немного нарушить порядок, но я успела с лечением, поэтому Таня скоро поправится. Нам врач сказал, что угрозы для жизни нет. А последствия, если они будут, я уберу.

— Ты ко мне применяла силу? — спросила немного успокоившаяся мама.

— Пришлось, — ответила Настя. — Еще немного, и ты бы упала в обморок. Если бы мы занялись тобой, к Тане уже не успели бы. Извини, я очень устала и пойду отдыхать. Отец тебе все расскажет.

Сразу отдохнуть не получилось.

— Мы прочитали книги! — стоило ей войти в спальню, заявила Оля. — Дай что-нибудь еще или включи комп!

— Поменяйтесь книгами, а завтра отец привезет другие, — ответила ей девочка. — Никакого компа сейчас не будет. Я устала, перенервничала и хочу раньше лечь спать. И вы уже все у меня пересмотрели. Скачаю я для вас фильмы и мультики, но все будет завтра, а сейчас разбегайтесь, и чтобы я никого из вас не слышала!

— Мы уже поменялись и тоже прочитали! — насупилась сестра. — До завтра долго ждать, а посмотреть мы можем и второй раз с наушниками!

— У тебя совесть есть? — спросила Настя. — Не хотела на ночь говорить, но придется. Таню тяжело ранили ножом, и я ездила ее лечить. Какие сейчас могут быть развлечения?

— Сама виновата! — неожиданно сказала Оля. — Большая, но дохлая! Женщина может гулять ночью, если она сильная или вместе с мужчиной! Ты меня обещала научить бить морды и не учишь! Даже метательные ножи забрала, а они — тоже оружие. Как я без ничего пойду в первый класс? Там, знаешь, сколько мальчишек? А ты еще запретила называться принцессой!

— Ножи дам, — пообещала девочка, — но дома, а не для школы. Только сначала нужно сделать или купить мишень. И тобой займусь, как только куплю гантели. И кимоно тебе нужно, потому что пижама для занятий не подходит. Подожди пару дней, все у тебя будет. А сейчас разбегайтесь, пока я не рассердилась!

Домовой тут же исчез, а сестра ушла в гостиную на свой диван. Больше Насте никто не мешал, поэтому через десять минут она уже спала. Утром проснулась, когда отец собрался уходить на службу. Собственно, он ее и разбудил, поцеловав и попросив присмотреть за матерью.

— Вставай, дочка, и примени свои таланты к матери. Она очень сильно переживает, а это никуда не годиться. Нас к Татьяне могут не пустить еще несколько дней, а она за это время либо свихнется, либо получит инфаркт. Я пытался ее успокоить, но от слов толку мало. Только действуй чуть-чуть, чтобы она этого не заметила, а то обиды будет... Когда думаешь поехать на то место?

— Позавтракаю и поеду, — ответила Настя. — Не беспокойся, папа, я тебе позвоню.

— Позвони, — кивнул он, — и учти, что наши там уже вчера были и все осмотрели. Зацепок никаких, и собака след не взяла. Судя по всему, Таню схватили на улице и потащили стротуара к дороге, наверное, там у них стояла машина. Непонятно, почему после этого ударили ножом, да еще столько раз. Там весь снег был залит ее кровью, дворник уже должен был все убрать. Хорошо, что рядом фонарь, и ее сразу увидели, в темноте никто бы не заметил. Все, я поехал. Не давай матери до девяти часов звонить по тому номеру, который

нам дали, все равно врач ничего не скажет.

— Не забудь о книгах, — напомнила дочь, — и если поедешь покупать гантели, купи еще самые маленькие из тех, какие у них будут, для Оли.

Отец ушел, а девочка надела шлепки и пошла умываться. Возвращаясь в спальню, она увидела в гостиной мать с телефоном в руках.

— Куда собираешься звонить? — спросила Настя. — Не в больницу? Ну и зря. Нам дали номер мобильного телефона врача, который еще не добрался до больницы и сам ничего не знает. Как ты думаешь, его очень обрадует твой звонок?

— Как ты можешь быть такой бесчувственной? — возмутилась мать.

— Я не бесчувственная, а очень умная, — возразила девочка, немного подействовав на нее магией. — Вчера, когда мы мчались в больницу, я психовала не меньше тебя. А сейчас я спокойна, потому что сестра жива и будет жить, причем без всяких последствий для здоровья. Надеюсь, что одно последствие у нее в голове сохранится, и больше не будет этих одиночных походов к Волошиным. Мне вообще непонятно, почему девушка мотается к парню, а не наоборот! Хочу спросить, есть ли у нас обед? Что ты на меня так смотришь, как на врага народа? Мы с сестрой не собираемся голодать из-за твоих душевных терзаний. В кафе я ее не поведу, попробую что-нибудь приготовить сама. А ты, если и дальше будешь себя так глупо вести, заработаешь инфаркт. Я, конечно, и тебя постараюсь вылечить...

Вторично применив магию, она сходила переодеться, а потом села завтракать. Когда мыла тарелку, на кухню зашла уже немного успокоившаяся мать и сообщила, что Тане значительно лучше, чем было вчера.

— Но к ней пока все равно не пустят, — сказала она. — Признайся, ты на меня действовала?

— Только словами, — соврала Настя. — Мама, мне нужно ненадолго уехать. Нам нужны какие-нибудь продукты? А то я бы могла купить.

— Все есть, — ответила мать. — Не скажешь, куда собралась?

— В школьную библиотеку за книгами, — вторично соврала дочь. — Олю покормишь?

— Занимайся своими делами, — сказала мама. — Всех я покормлю и обед приготовлю. Спасибо тебе за Таню!

Съездила Настя зря. Она доехала на троллейбусе до нужной остановки и пошла по тротуару в сторону дома Волошиных. Боль и страх почувствовала незадолго до того, как подошла к дорожке, ведущей в нужный двор. В этом месте стоял фонарь, и возле него кто-то убрал весь снег. Магия крови дала мало. Настя почувствовала двух мужчин, которых теперь могла бы узнать при встрече. Толку-то! Попробуй их найти в миллионном городе. Если бы они ушли пешком, она взяла бы след лучше любой собаки, машина этого сделать не позволяла. Поисковая магия тоже почти ничего не дала. Удалось только найти принадлежавшую сестре вещь. На другой стороне тротуара в снегу лежал баллончик с перцем. Или кто-то из мужчин выбил его из ее руки, или зашвырнул туда сам.

— Папа, мне почти ничего не удалось узнать, — сказала она отцу по телефону. — Таню схватили двое мужчин. Я бы их узнала, но сама найти не смогу. Она брызнула одному из них перцем из баллончика и, наверное, попала в глаза. За это ее и пытались убить.

— Откуда знаешь насчет перца? — спросил он и, когда она объяснила, приказал: — Баллончик не трогай, я скажу, чтобы за ним приехали. А ты оттуда уезжай!

Когда Настя вернулась домой, мать была занята на кухне приготовлением обеда, и девочке не пришлось врать ей в третий раз за утро, чтобы объяснить отсутствие книг. В

спальне на нее навалилась изнывающая от безделья сестра.

— Ты обещала что-нибудь скачать! — заныла она. — Что, так трудно сначала это сделать, а уже потом куда-то ездить?

Марк не ныл, но очень выразительно изображал группу поддержки. Пришлось все отложить и заняться поиском и скачиванием фильмов. Перед тем как отдать компьютер вымогателям, Настя нашла в сети магазин «Викинг», в котором были нужные ей ножи и мишени. Взяв в шкатулке пять тысяч рублей, она опять оделась и первым делом поехала автобусом в магазин «Спортмастер». В отделе спортивной одежды нашлось кимоно для Оли, а на втором этаже были куплены гантели, в том числе и по полкило для сестры. До «Викинга» было недалеко, поэтому девочка дошла пешком. Когда она сделала заказ, продавец выдал запрошенный набор из трех ножей и спросил адрес, по которому нужно доставить мишень.

— Вы ведь ее сами не понесете? — спросил он. — Вес у нее примерно десять кг.

— С гантелями будет тяжело, — прикинула Настя. — Ладно, пишите адрес.

Продиктовав адрес, девочка расплатилась, вышла из магазина и поймала проезжавшее мимо такси. Домой она приехала в половине двенадцатого и села готовиться к экзаменам. Через час приехал обедать отец, и Настя села за стол вместе с ним.

— Проголодалась, — сказала она матери. — Поем с папой, а молодежь пусть ест с тобой.

— Марк у тебя тоже молодежь? — спросила мама. — Ты хоть знаешь, сколько ему лет?

— Я как-то не интересовалась, — ответила Настя. — Он, наверное, и считать не умеет.

— Это он считать не умел, а свои годы считает на пальцах, — сказала мать. — Когда я у него спросила, он показал. Получилось примерно две сотни пальцев.

— Ну и ладно, — сказала девочка. — Папа, в спортивные товары заезжать не нужно, я уже купила все, что требовалось. Если оставишь ключи от гаража, я и с книгами разберусь, а то мне здесь не дадут нормально заниматься. Я купила мишень для ножей, поможешь ее вечером повесить?

— Зайди к Васильевым и попроси у них дрель, — ответил отец, — тогда помогу. А ключи я тебе оставлю на тумбе в прихожей. Баба с возу...

— Что за мишень? — забеспокоилась мать. — Какие ножи?

— Это спорт, — коротко объяснила дочь. — Все только для дома.

Отец пообедал и уехал, а Настя опять села за историю. Через час с небольшим привезли мишень, и она пошла к соседям за дрелью.

— Привет, пропавшая, — приветствовал ее отставной полковник. — Что-нибудь нужно или зашла просто так?

— Нужно, — вздохнула она. — Некогда мне ходить в гости. Чтобы не потерять год, приходится вкалывать. Николай Васильевич, у вас можно взять дрель? Повесим на стену мишень и сразу вам вернем.

— Из чего собралась стрелять? — с усмешкой спросил он. — Или это для дротиков?

— Метательные ножи, — ответила она. — Хобби у меня такое.

— На то, чтобы зайти, у тебя времени нет, а на баловство находишь, — проворчал Васильев. — Сейчас дам. Сверло у тебя есть?

— Я думала, что вы мне его дадите вместе с дрелью, — ответила Настя.

— С тобой все ясно, — сказал он. — Не запирай дверь, сейчас я возьму все, что нужно, и повешу твою доску. Мать дома?

Настя сбегала в свою спальню и на время работ отвела сестру в комнату родителей, а домовому велела исчезнуть. Пока не оформили удочерение, Олю лучше было никому не показывать. Через пять минут на свободной стене была закреплена мишень с красным кругом и яблоком в центре, а сосед сел на кухне с матерью пить чай с принесенной им шоколадкой. Когда он простился и ушел, Настя вернула сестру свою комнату и отдала ей ножи.

— Вот это твое кимоно для занятий, а это гантели, — сказала она, показывая покупки. — Постарайся не слишком громко кричать и не попортить стену ножами. Борьбой займемся завтра, а сегодня можешь заняться метанием. Я еще немного позанимаюсь и пойду разбираться с вашими книгами, а вечером скачаем какой-нибудь новый мультик.

Возню с книгами пришлось отложить, потому что позвонили из администрации. Трубку взяла Настя.

— Это Кравченко, — услышала она голос Юлии Николаевны. — Я вам звоню по поводу удочерения Ольги Навальской. Вы говорили, что можете посодействовать...

— Какой детский дом? — перебила ее девочка.

— Первый детский дом на улице Штахановского, восемь, — ответила Кравченко. — Проехать можно так...

— Спасибо, это можно не рассказывать, — опять перебила ее Настя, — мы возьмем такси. Как только решим этот вопрос, я вам сразу же позвоню. До свидания.

— Мама, звонили из опеки, — сказала она матери. — Они выбрали детский дом, и я сейчас в него съезжу. Нет, тебе ехать не надо, я справлюсь сама. Поеду на такси, поэтому скоро вернусь.

— Тебе дать деньги? — спросила мама. — А то в шкатулке только крупные.

— Я уже разменяла, — ответила девочка, поцеловала ее в щеку и побежала одеваться.

До стоянки такси нужно было пройти один квартал, а до детского дома ее отвезли за двадцать минут.

— Подождите меня здесь, — попросила Настя водителя, подкрепляя просьбу магией. — Я долго не задержусь.

Дверь в детский дом была закрыта, звонок, похоже, не работал, поэтому она стала тарбанить в дверь сначала рукой, а потом ногой. Стучать пришлось минуты три.

— Кто это ломится? — недовольно спросил женский голос.

— Откройте! — приказала Настя и, когда ей открыли, спросила: — Где ваш директор?

— А я знаю? — пожала плечами открывшая ей техничка. — Она в это время здесь не появляется.

Потеряв десять минут, девочка узнала у одной из воспитательниц все, что ей было нужно. Вернувшись в такси, она сказала шоферу адрес. На этот раз ехали всего минут пять. Шофер подогнал машину к нужному подъезду и опять остался ждать. Дверь была оборудована домофоном, но звонить директорше не хотелось. Магией отсюда Анну Васильевну не зацепишь, а незнакомой девчонке она могла не открыть. Девочка уже хотела использовать кого-нибудь из жильцов первого этажа, но ей открыл дверь вышедший из дома мужчина. Посмотрев на красивую девочку в дорогой шубе, он без всякой магии придержал для нее дверь, после чего пошел по своим делам. Идти на пятый этаж не хотелось, поэтому она воспользовалась лифтом. К счастью, директорша была дома. Подчинить ее оказалось неожиданно тяжело, но после этого дверь была открыта, а Настя допущена в гостиную.

— Будь с ней осторожна, — сказал Раш. — У этой ведьмы неплохие магические

способности. Знаний никаких, но кое-что она делает инстинктивно. Когда будешь на нее давить, используй больше силы.

— У меня к вам дело, — сказала девочка. — Анна Васильевна, вам нужно будет сделать комплект документов на воспитанницу, которой у вас никогда не было и не будет. На этой бумаге я записала все, что о ней известно, остальное придумаете сами. Девочка будет удочеряться через органы опеки Октябрьского района. Те, кто этим занимается, знают, что вы сделаете липу, и никто вас проверять не станет. Задача ясна?

— Что здесь неясного? — пожалала она плечами. — Сколько мне заплатят за эту работу?

«Ничего себе! — подумала Настя. — Она умудряется торговаться под внушением!»

— Иногда выгода не в деньгах, а в отсутствии неприятностей, — сказала она директорше. — Сделаете работу, и вас никто не тронет!

— О каких неприятностях вы говорите? — не поняла Анна Васильевна. — Кто меня может тронуть? Вы мне угрожаете?

— Я вас предупреждаю! — прошипела Настя, используя образ, которым в свою первую встречу пыталась напугать Недора.

Силы она на него не пожалела и напугала женщину до полусмерти. Сознания директорша не потеряла, но была к этому близка.

— Сделаете, и я к вам больше не подойду! — продолжала она шипеть. — Если откажетесь или к кому-нибудь обратитесь, это будет последняя глупость в вашей жизни! Ваш ответ?

— Мне нужно три дня! — дрожащим голосом ответила Анна Васильевна. — Раньше могу не успеть.

— С выходными у вас их будет пять, — уже нормальным голосом сказала Настя. — В понедельник к вам за ними придут. Постарайтесь меня не разочаровать!

Когда она приехала домой и разделась, первым делом побежала мыть ноги. Находиться в тепле в ее сапогах было невозможно: ноги очень быстро становились мокрыми от пота.

— Все в порядке, — ответила она на вопросительный взгляд матери. — Директорша все сделает. Сейчас позвоню в опеку и скажу им, когда будут готовы документы. Хотела заняться детскими книгами, а ноги вымокли от пота, и теперь нужно сушить сапоги.

— Обуй мои, — предложила мать. — Идти недалеко, и с книгами там не возись, побросай в сумки, а здесь с ними разберемся. Если хочешь, давай схожу я.

— Нет, сбегая я, а ты будешь разбираться, — поделила работу Настя. — Куда ты дела мое старое пальто?

Через двадцать минут девочка опять занималась историей, а мать в прихожей чистила книги, пропылившиеся за годы хранения в гараже. В истории было множество дат, поэтому беглого чтения не получалось, и в один день она с этим предметом не уложились.

— Кажется, нашли тех, кто напал на Таню, — сказал вернувшийся со службы отец. — В одну из больниц обратился молодой парень. У него из-за неосторожного обращения с перцовым баллончиком пострадали глаза. Что-то вроде частичной слепоты. Привез его на своей машине такой же молодой человек. Оба парня из Азербайджана и в городе живут меньше года. Во все лечебные организации были разосланы предупреждения о таких случаях, поэтому нам тут же позвонили. Не буду вас утомлять перечислением всего, что было сделано, скажу только, что на обуви водителя нашли следы крови. От куртки он избавился, от брюк — тоже, а сапоги хорошо помыл. Это он думал, что хорошо, нам хватило того, что осталось. Внятно объяснить, где они были вчера в районе двадцати часов, не

смогли. Видимо, не думали, что попадутся, и заранее не сговорились. Сегодня их не успели дожать, но завтра сознаются. Под фонарем было светло, и дочь не могла их не запомнить. Как только узнают о том, что она жива, так и начнут каяться. Пока им этого не говорили. Олег не звонил?

— Звонил утром, — сказала мать. — Хотел узнать, почему Таня не пришла в школу. Я его не стала ни в чем упрекать, пусть разбираются сами. Встревать между ними — это только ссориться с Татьяной. Она влюблена и ничего порочащего ее любовь слушать не желает.

Зазвонил дверной звонок, и Настя, уже зная, кто пришел, пошла открывать дверь. Как она и думала, на пороге стояли две ее лучшие подруги: Катя Богданова, с которой она последние три года сидела за одной партой, и Аня Сорокина, дружба с которой началась еще с детского сада. Обе симпатичные, с хорошими фигурами, но до теперешней Насти им было далеко.

— Привет, девочки! — поздоровалась она. — Решили навестить?

— Ты пропала, а сейчас не заходишь и не звонишь, — сказала Аня. — Если это конец нашей дружбе, так ты только скажи. Мы навязываться не будем!

— О таких вещах не говорят на пороге, а пригласить вас к себе я сейчас не могу, — ответила Настя. — Вы не против, если мы немного погуляем? Заодно поговорим о дружбе и обо всем остальном.

— Можем и погулять, — согласилась Катя. — Ветра нет, да и вообще на улице не холодно.

— Я погуляю с девочками! — крикнула она родителям и пошла проверять сапоги.

Они до конца не высохли, но надеть уже было можно.

— Ты оделась как на северный полюс, — сказала Аня. — Классная шуба! Что это за мех?

— А черт его знает, — ответила девочка. — Что-то дорогое. Есть куртка, но она в спальне, а я туда сейчас не хочу идти. Ладно, на улице не запарюсь.

Когда вышли из дома, девочки хотели задержаться во дворе, но она повела их к скверу.

— Там чище и нет знакомых, — объяснила она подругам. — Не бойтесь, я вас разведу по домам.

— А что в тебе еще крутого, кроме шубы? — спросила Катя. — Похоже, ты никого не боишься, хотя я бы боялась из-за одной этой шубы. И почему убегаешь от знакомых? Ты и нам из-за этого не звонила?

— Что обо мне говорят в школе? — спросила Настя.

— Болтают всякую чепуху, — махнула рукой Аня. — Вроде ты стала отшельником, чтобы уйти от мира. И еще наша англичанка говорила, что ты выучила язык. Ты, случайно, не в Англию сбежала?

— Вот пусть и дальше так болтают, — улыбнулась Настя. — Вам скажу, что меня насильно забросили в одно место, где проверяли на выживание. Или победишь, или сдохнешь! Пришлось очень многому научиться. Говорить вам подробности не буду. Просто знайте, что мне улучшили мозги и дали что-то вроде сильного гипноза. Я и сама научилась драться, но не в такой шубе. Если попадутся какие-нибудь скоты, я их просто загипнотизирую.

— Чтобы мы тебе поверили, загипнотизируй сначала нас, — сказала Аня. — Слабо?

— Да, пожалуйста, — засмеялась Настя. — Держите!

Она отдала каждой по неизвестно откуда взявшемуся у нее букету роз. Растерянные девочки взяли цветы, которые слегка кололи пальцы и источали настоящий розовый аромат. Долго иллюзия не держалась, и через минуту букеты исчезли.

— Кому сказать — не поверят! — сказала Катя.

— А вот говорить никому не нужно, — предупредила Настя, — иначе я от всего отрешусь, а вас назовут болтушками. Вы говорили о дружбе, так вот моя откровенность и есть доказательство этой дружбы, а вашим доказательством будет молчание.

— Смотри, какие цыпочки! — услышали они мужской голос. — На ловца и зверь бежит!

В сквере светили всего три фонаря, поэтому видно было плохо, но девочки увидели несколько смеющихся юнцов, идущих им навстречу, и в испуге прижались к Насте.

— Щенки, которые корчат из себя крутых, — громко сказала она, вызвав еще один взрыв пьяного смеха. — Знаете, девочки, я со вчерашнего дня хожу злая, как... Чужой! Пожалуй, я им стану!

Орали они так, что немногие находившиеся поблизости прохожие бросились бежать прочь от сквера. А вы бы не побежали, если бы совсем рядом с вами кричали так, словно с живых сдирают шкуру? И вы бы не стали так орать, если рядом с вами в осветившемся непонятно чем сквере появился бы настоящий Чужой, раскрывший на вас пасть, из которой выдвинулась внутренняя челюсть? Один из парней упал в обморок, а остальные стали с воплями разбегаться. Понятно, что никто из вцепившихся в Настю девочек Чужого не увидел.

— Заканчивай свои занятия, — сказала мама, зайдя в комнату к девочкам. — Позвонил отец. Сказал, что разрешили повидать Таню, и он скоро за нами заедет. Хватит тебе отжиматься, ты и так уже вся мокрая. Быстро иди под душ и одевайся.

— Я никуда не поеду, — пропыхтела отжимавшаяся рядом с Настей Оля. — Включишь нам комп? Фильм я сама найду. Или скажи пароль.

Научившись читать, малышка удивительно быстро разобралась в тех манипуляциях, которые совершала сестра, когда запускала очередной фильм. Пришлось ставить пароль.

— Включу, — пообещала Настя. — А ты, пока я моюсь, займись гантелями.

Девочка пошла в ванную и приняла душ. Помыла и голову, а потом быстро высушила волосы феном и надела костюм. Когда отец позвонил второй раз, и они вышли из дома, машина уже стояла у подъезда.

— Быстрее, копуши, — поторопил он их, — мне еще нужно вернуться на службу. Настя, я говорил с тренером. Завтра в шесть вечера у них секция, так что могу тебя подбросить.

— Куда ей еще секция! — недовольно сказала мать. — Она и так дома по два часа машет своим железом. Мало того, приохотила к этому младшую. Кто-то мне говорил о ее лени? Ты на нее не действовала своей силой?

— Хотела, — призналась Настя, — но не понадобилось. После того, как ее взялся улучшать Раш, вся лень куда-то исчезла. Мне непонятно, что тебе не нравится? Она хочет стать сильной и красивой и берет пример с меня.

— А эти ножи! — не унялась мать. — Разве это занятие для такой малышки? И арифметику ты ей зря купила. Ты подумала о том, чем она будет заниматься на уроках?

— Она захотела сама, — ответила дочь. — Ребенку нужно чем-то заниматься, а не только смотреть фильмы. Книг тоже не так уж много, и не все она пока может понять. Я не могу уделять ей много внимания, отец приезжает вечером уставший, а с тобой ей скучно. Ты только и можешь, что спрашивать Олю о моих похождениях, а ей об этом уже надоело рассказывать.

— Ты когда будешь готова к экзаменам? — спросил отец, которому надоел их спор.

— Дней через десять, — ответила Настя. — Думала, что просижу дольше, но такие предметы, как география, биология или ОБЖ, учатся меньше чем за день.

— Из администрации не звонили?

— Рано им звонить, папа, — сказала девочка. — Они сегодня только должны были забрать документы из детского дома. А почему ты спросил?

— Потому что через три или четыре дня приезжает твой дед. Что ты на меня вытаращилась? Скажи спасибо матери. Она ему передала о твоём возвращении, вот он и решил нас навестить и разобраться с непутевой внучкой. О том, что есть еще одна, и о ранении Тани он пока не знает.

— Он сам позвонил! — сказала мать. — Я должна была врать твоему отцу?

— А как же его университет? — спросила расстроенная Настя.

— Он уже полгода не преподает, — пояснил отец. — Ладно, дед тебя не съест. Его мнение наверняка будет отличаться от твоего, но у старика светлая голова, и он тебя любит. Как-нибудь поладите без твоей магии. Все, приехали.

Они вышли из машины и через несколько минут целовали обрадованную их появлением

Таню. Она лежала одна в небольшой двухместной палате.

— Какая же ты худая и бледная! — всхлипнула мама. — Девочка моя!

— Не разводи сырость, Надя, — сказал отец. — Главное, что она живая, а когда попадет домой, Настя ее сделает розовой и толстой.

— Вы ко мне приходили? — спросила Таня сестру. — Это ты мне помогла? Я ведь уже готовилась умереть! А потом все как-то резко изменилось. Я для этого не найду слов...

— Не нужно здесь об этом говорить, — попросила Настя. — Я тебя и сегодня подлечу, но не сильно. Привезут домой, тогда уберу все последствия ранения.

— Наверное, я теперь останусь на второй год! — грустно сказала Таня. — Мне сказали, что буду выздоравливать не меньше двух месяцев, а скорее, все три.

— Наплюй, — сказала девочка. — Я тебе так расшевелю мозги, что ты догонишь свой класс за неделю. Мы ничего не привезли, потому что не знаем, что тебе можно есть, а что нельзя из-за ранения в живот. Чем тебя кормят?

— В живот он ударил один раз, — ответила Таня, — и три раза в грудь. Врач сказал, что ранение в живот очень удачное, так редко бывает. И раны заживают очень быстро, здесь все удивляются. Но нормально пока не кормят, так что не надо мне ничего везти.

— Не вижу я здесь камер, — внимательно осмотрев палату, сказала Настя. — Ладно, обниматься не будем, а то ты завтра сама прибежишь домой, а следом за тобой примчатся все хирурги. Дай мне свои руки — этого будет достаточно. Вы говорите, а я так немного посижу.

Поговорили меньше десяти минут, потому что в палату зашел врач и всех выгнал, сославшись на какие-то процедуры.

— Она прекрасно выглядит, — сказал отец о Тане, когда шли к машине. — Зря ты, Надя, так скривилась. Прошло всего шесть дней, а она уже болтает и пытается сесть. Не видела ты других с такими ранами, а я видел. Некоторые так и лежали без сознания. Настя, когда ее можно будет забрать?

— Когда ее нам отдадут, — улыбнулась девочка. — Ну что я тебе могу ответить, если не лечила таких ран? Сейчас ей станет лучше, но с неделю еще полежит. Я боюсь действовать в полную силу. Представляешь, какой бы поднялся шум, если бы Таня через три дня после этих дырок ушла от них своим ходом?

— Для тебя шум важнее здоровья сестры? — удивилась мать.

— Удивительно, как материнские инстинкты отбивают соображение даже у умных женщин, — сказала ей Настя. — Вопрос не в том, будет ли у Тани здоровье, а в сроках ее выздоровления. А шум... Ты будешь счастлива, если у вас отнимут меня и Олю? Меня отнимут ради высших интересов государства, а Олю... Я думаю, что это должно быть понятно и без разъяснений.

— Да, Надя, сказала глупость, — согласился отец. — Садитесь в салон, спорщицы. Улучшаешь ты нас, дочь, а я этого улучшения ни в себе, ни в твоей матери не заметил.

— Раш сказал, что уже должно чувствоваться, — ответила девочка, — хотя он действовал недолго, и улучшения будут продолжаться еще недели две. Давай проверим. Сколько будет, если к ста тридцати пяти прибавить семьдесят два и отнять пятьдесят три? Да, результат умножь на четыре.

— Шестьсот шестнадцать, — не задумываясь, ответил он. — Странно, я даже не считал. Неужели правильно?

— Пример простой, и его нетрудно посчитать в уме, — засмеялась довольная Настя, —

но не человеку твоего возраста, который ведет машину, и не так быстро. Мелочь, а приятно. Теперь можешь ходить на рынок без калькулятора. Когда улущаешь мозги у дурака, это видно всем, а вот у умного сразу не разглядишь. Улучшение памяти почувствовать легко, но оно у вас будет позже.

Отец не стал заезжать во двор и высадил их на улице.

— Только второе марта, а как тепло, — сказала мама, когда шли к подъезду. — Еще несколько дней — и все начнет таять. Надо вам покупать одежду на весну, а то купили все теплое.

Когда поднялись в квартиру, услышали звуки стрельбы.

— Это какой же по счету фильм они смотрят? — сказала Настя. — Пойду чинить суд и расправу!

Сестра с домовым смотрели «Золото Маккены» и на девочку не отреагировали. Индейцы были интересней.

— Я вам что говорила? — спросила она, загораживая собой экран. — Только один фильм! А этот вообще не для детей.

— Я сделала все упражнения! — возмутилась Оля. — Чем еще заниматься? А фильм интересный!

— А я вроде не ребенок, — добавил Марк, заработав сердитый взгляд малышки.

— Ладно, — смилостивилась Настя. — Досмотрите завтра. А сейчас разбежитесь. Поиграй с новой куклой, зря ее, что ли, покупали?

— Настя, к тебе девочки! — крикнула мать.

— Исчезни! — сказала девочка Марку и повернулась к сестре: — Иди пока в комнату к родителям. Мы долго не засидимся.

Наведя порядок, она вышла в прихожую, где раздевались Аня с Катей.

— Привет, красавицы, — поздоровалась Настя. — Пойдемте ко мне, я вытурила сестру, поэтому можем немного поболтать.

— Какую сестру? — не поняла Катя. — Ее же ранили... Об этом знает вся школа.

— Таня скоро выйдет замуж и от нас уйдет, — объяснила Настя, — а родители привыкли, что в семье две девочки, поэтому нашли ей замену. Взяли себе чудо в детском доме.

— А зачем ты ее прогнала? — спросила Аня. — Если это чудо, я бы на него с удовольствием посмотрела.

— Она хоть и чудо, но семилетнее, — вздохнула Настя, — и не даст нам нормально поговорить.

— Мы все спорим, сдашь ты свой экстернат или не сдашь, а ты вместо подготовки смотришь боевики! — сказала Катя, посмотрев на застывший кадр фильма. — Кое-кто из мальчишек даже спорит на деньги.

— Это только лишний раз доказывает, что они отстают от нас в развитии, — засмеялась девочка. — Фильм смотрела не я, а сестра. Я только что приехала из больницы от Татьяны. У нее все в порядке: уже идет на поправку. Девочки, а много на меня ставят?

— Это ты у них спрашивай сама, — тоже засмеялась Катя. — Ты со своей новой внешностью успела разбить немало сердец.

— Да, — подхватила Аня, — сердца разбила и больше не появляешься. К нам уже подкатывали мальчишки с просьбой выманить тебя из дома. Даже обещали подарки!

— Ну их, — сказала Настя. — Давайте поговорим о чем-нибудь поинтереснее.

— Это можно, — отозвалась Катя, не удержалась и прыснула: — У нашей соседки этажом ниже есть сыночек, который учится в десятом классе. Помнишь нашу прогулку? Так вот, он был в числе тех парней, которых ты напугала. Примчался домой весь в слезах и с вонючими штанами. Он до сих пор так напуган, что в темное время вообще по улице не ходит, а наш сквер обходит по параллельным улицам. Мы тогда не посмотрели, а один из их компании хлопнулся в обморок. Хорошо, что кто-то из-за воплей вызвал полицию, и его подобрали. Сильных морозов не было, но мог получить обморожения.

— Это мишень? — спросила Аня. — Ты чем в нее кидаешь, дротиками?

— Ножами, — ответила Настя и взяла два ножа на столе с компьютером. — Смотрите! Она резко повернулась и с обеих рук бросила ножи, которые вонзились в яблоко.

— Здорово! — одобрила Катя. — Можно попробовать?

— Пробуй, — разрешила Настя, — если не боишься промахнуться и испортить стену.

— Я их не могу вытащить! — пожаловалась подруга.

— А ты выдергивай рывком, — сказала девочка и вытащила для нее ножи. — Теперь пробуй.

Они недолго бросали ножи, потом опять поговорили о школе и мальчишках, и девочки ушли.

«А ведь мне с ними было скучно, — подумала Настя. — Ничего из того, что их волнует, меня не затрагивает. Им интересно, а я жду, когда они выговорятся и уйдут. Права была мама, когда сказала, что у меня не будет с ними дружбы. И с кем дружить? С Митрофановым? Вряд ли он успел съездить в свою за границу и вернуться, но позвонить надо. А тут еще не вовремя принесет деда».

Ее дед — Сергей Алексеевич Никитин — был по специальности физиком и жил в Москве. Студенты МГТУ имени Баумана до дрожи боялись попасть в немилость профессору Никитину. При всех своих положительных качествах старик был обидчив и мстителен, поэтому с ним старались не связываться. Дед Сергей был у Насти один за всех дедов и бабок. Его жена умерла несколько лет назад, а родители матери погибли при аварии автобуса. Было это лет десять назад, и девочка уже не могла их вспомнить даже с помощью фотографий. Большой любви к деду у нее не было, потому что он в свои редкие приезды не баловал внуку подарками и вечно выказывал родителям свое недовольство ее воспитанием. Характер у старика был тяжелый и стал еще хуже после смерти жены, поэтому Настя сомневалась, что сможет найти с ним общий язык без магии. Ладно, пусть приезжает, а там будет видно.

Остаток дня прошел в подготовке к экзаменам. Оторвалась только поужинать и для того чтобы ответить на вопросы сестры и включить ей компьютер. Вопросов каждый день было много, но постепенно малышка осваивалась, и жизнь в новом мире уже не была для нее чужой и непонятной. Утром после завтрака позвонили из опеки, и пришлось ехать за готовыми документами на удочерение.

— Здесь все документы, — сказала Кравченко, передавая матери папку. — Вам нужно будет сходить в ФМС, чтобы они поставили штамп в свидетельстве о рождении и вписали ребенка в паспорт, ну и поставить девочку на учет в детскую поликлинику.

— Спасибо, Юлия Николаевна, — поблагодарила Настя. — Соберите, пожалуйста, в своем кабинете всех ваших работников.

Просьба была подкреплена магией, поэтому через несколько минут всем собравшимся специалистам была подчищена память. Теперь для них дело по удочерению Ольги

Никитиной ничем не отличалось от сотен других.

— Быстро они все сделали, — удивилась мать, когда шли к стоянке такси. — Мои знакомые потратили на усыновление несколько месяцев.

— Магия — это великий ускоритель, — улыбнулась дочь. — У кого ее нет, используют взятки, а остальные ждут, пока о них вспомнят. Готовься к тому, что с Олей придется побегать. Прививки ей не нужны, но врачам этого не докажешь. Ладно, пусть делают, а все неприятные последствия я уберу.

Мать захватила с собой паспорта, поэтому сначала отвезли домой Настю, а потом поехала в миграционную службу.

— Теперь ты Ольга Никитина! — сказала Настя сестре, взлохматив ей недавно подстриженные волосы. — Учти, что тебя будут водить по врачам и колоть руки. Водить будет мама, поэтому не вздумай капризничать, а то не увидишь компа! Без этого не примут в школу.

— Хорошо, — согласилась Оля, — только тогда разрешишь смотреть два фильма! Можно не только про школу, но и такие, как про того шерифа.

— Вымогательница, — улыбнулась девочка. — Хорошо, я подберу. Как твоя арифметика?

— Я ее давно прочитала, — ответила сестра. — Марку было интересно, так я его научила.

— Скоро к нам приедет дед, не насовсем, а только погостить и познакомиться с тобой. Он хороший, но строгий, поэтому постарайся при нем не капризничать. Скрывать от него ничего не будем.

— Если не насовсем, тогда потерплю. Только, когда буду терпеть, разрешишь смотреть еще один фильм. Ты говорила, что нет фильмов, а у самой их пятьдесят три! Я вчера специально посчитала!

— Там больше половины такого, что нельзя смотреть детям, — возразила Настя. — Скорей бы уже лето, а то я от твоих фильмов рехнусь.

— А что, летом не будет фильмов?

— Летом поедем отдыхать на море, — сказала Настя. — Займись чем-нибудь, а я ненадолго уйду.

Она взяла с собой выданный Митрофановым телефон и ушла звонить в сквер, в который теперь из-за ее выходы избегали ходить многие жители окрестных домов.

— Здравствуйте, Илья Борисович! — поздоровалась она со своим покупателем. — Это Настя.

— Я об этом уже догадался, — ответил он. — Моя внучка на десять лет моложе, а больше мне никто из детей не звонит. Если ты по поводу второй продажи, то должен тебя огорчить: я пока ею не занимался. Надо было разобраться с тем, что ты мне принесла, а уже потом предлагать другим.

— Разобрались?

— Ты сейчас где? — не отвечая на ее вопрос, спросил Митрофанов. — Может, скажешь, и я за тобой приеду?

— Вы дома? — спросила девочка. — Тогда я к вам быстрее приеду на такси.

На поднятую руку отреагировал проезжавший мимо таксист, поэтому уже через двадцать минут она была в нужном дворе. Когда Настя расплатилась с водителем, она первым делом проверилась магией. В арсенале ее заклинаний имелось одно, с помощью

которого можно было заметить, следит за тобой кто-нибудь или нет. Никого она в этом дворе не заинтересовала, поэтому позвонила по домофону и поднялась по лестнице к нужной квартире.

— В шубе была красивее, — пошутил открывший дверь хозяин. — Снимай свою куртку и сапоги и иди в гостиную, а я сейчас поставлю чай...

— Чай потом, — перебила она Митрофанова. — Я правильно поняла из ваших слов, что вы не удержались от экспертизы?

— Не бойся, на официальную экспертизу я ничего не отдавал, — ответил он. — Садись на диван, сейчас расскажу, а то ты не успокоишься. Есть у меня один знакомый, который работает там, где делают экспертизы. При моем увлечении это очень полезное знакомство. Не всегда можно показывать посторонним то, что мне приносят, а вот проверить частным образом... Основной недостаток такой проверки в том, что все данные будут приблизительными. Пришлось хорошо заплатить и предупредить, что если у меня из-за него будут неприятности, у него их будет гораздо больше. Те, кто меня знает, понимают, что это не пустые слова.

— Ну хорошо, — сказала Настя, — вы заплатили, припугнули и что получили на выходе?

— Клинок состоит из сплава разных металлов. Это вольфрам, молибден, железо и кобальт. Есть еще углерод, но его немного. Из-за высокой температуры плавления вольфрама такие сплавы получают, сваривая вместе смесь порошков разных металлов. Потом, если интересно, сама считаешь в интернете. Одного этого достаточно, чтобы меня высмеяли с твоей тысячью лет. Но есть одна тонкость, заключающаяся в том, что сплав абсолютно однородный. По крайней мере, институтское оборудование никаких неоднородностей не выявило. Как сказал мой знакомый, мы такого не сварим даже в невесомости.

— И как это скажется на цене? — спросила девочка.

— Трудно сказать, — ответил Митрофанов. — Это будет зависеть от того, кто и для чего купит. Ты мне не кажешься жадной, не ответишь, для чего тебе много денег?

— На отдых и барахло мне и вашего миллиона выше головы, — ответила она, — а на хорошую квартиру нужно много денег. Посмотрите, сможете такое продать?

— Никогда не интересовался монетами, — сказал он, развязав появившейся на столике кошель. — Они золотые?

— Тридцать процентов меди, остальное — золото. Продавать нужно его, а не монеты. Такого золота у меня несколько тонн.

— Много! — удивился он. — Не скажешь, как оно к тебе попало? Мне просто интересно, как такая юная особа, как ты, могла так озолотиться.

— Мои враги ограбили и перебили дворян одного королевства, а я ограбила их, — засмеялась Настя, — так что все абсолютно законно, во всяком случае по законам того мира. Так поможете?

— Продать можно все, — сказал Митрофанов, — вопрос во времени и в цене. Я никогда не занимался продажей золота и не знаю нужных людей. В небольшом количестве его можно продать даже на рынке, но когда речь идет о тоннах... Оставь несколько монет, чтобы я мог узнать точный состав. Не беспокойся, перед анализами все сплавят в слиток. Можно одну взять на память?

— Берите их столько, сколько нужно, — ответила расстроенная девочка. —

Драгоценными камнями вы тоже не занимались?

— Тоже награбила? — спросил он. — Ты меня со своим богатством подведешь под хороший срок. Дорогая у меня получится дружба! Да ладно тебе! Я пошутил, а ты сразу обиделась.

— Двадцать процентов от выручки за продажу золота можете оставить себе, — разрешила Настя. — По-моему, это называется комиссионные. А камнями заниматься не будем, я их пока не хочу продавать. Спросила просто так, на всякий случай. Можете сказать, закончите до лета с кинжалом?

— Должен продать в марте, — ответил довольный Митрофанов. — Рассчитывай, что получишь деньги в конце месяца. С делами закончили? Тогда, может, попьешь чай? Торты у меня нет, но для внучки держу пирожные.

— Спасибо, как-нибудь в другой раз, — отказалась девочка. — Обещала сестре, что выйду ненадолго, и задержалась, а ей всего семь лет.

Настя вышла из квартиры и остановилась как вкопанная.

«Что же это я разъезжаю по городу и теряю время, когда с помощью перстня легко могу оказаться где угодно? Если об этом узнают, сразу оторвут голову или, скорее, попробуют оторвать перстень вместе с пальцем. Но ведь можно это делать осторожно. Если будет сфера, меня никто не заметит. Богиня говорила, что в квартиру попасть трудно, а если в сквер, а в квартиру уже из него? Моих сил, по ее словам, должно хватить, а я их все равно почти не трачу. Господи, это же и на море так можно мотаться каждый день и даже куда-нибудь в тропики! Понятно, о каких опасностях она говорила. Не нужно быть душой, и никто ничего не узнает! Попробую прямо из подъезда».

Она обратилась к перстню, и тут же очутилась в сфере.

«Попробую в ней вылететь из дома», — подумала девочка и отдала перстню приказ.

Сфера легко прошла сквозь стену и зависла над пешеходной дорожкой. Или богиня ее напрасно пугала, или она имела в виду что-то другое, а Настя ее не поняла. Она вплела в заклинание образ сквера, и тут же очутилась в нужном месте. Вот это была настоящая сила! И никто, кроме нее, не сможет ею пользоваться! Девочка представила себя водителем сферы при президенте, и ей стало смешно. По дорожке совсем рядом, едва не задев шар, прошел какой-то мужчина. Взлетев выше троллейбусных проводов, Настя направилась к дому. Окно ее комнаты выходило во двор, и девочка легко его узнала по стоявшей на подоконнике китайской розе. Влететь в комнату оказалось не труднее, чем вылететь из подъезда Ильи Борисовича. Сестры в спальне не было, а Марк, если и был, то, наверное, спал и на его появление никак не отреагировал. Когда Настя вышла в гостиную, услышала, что все собрались на кухне.

— Ты где ходишь? — спросила мать, когда девочка приоткрыла туда дверь. — Уже давно пора обедать. У нас сегодня торжественный день, поэтому на третье будет торт.

— Празднуем меня! — сообщила вся перемазанная в креме Оля.

Домовой от нее не отставал, только ел более аккуратно.

— Я второго не буду, — сразу предупредила она. — Через два часа мне с отцом ехать на секцию, как я там буду прыгать с полным животом? Съем немного супа и кусочек торта. Ты все закончила с оформлением?

— Без твоей магии пришлось простоять три часа в очереди, — пожаловалась мать, — а сделали все за пять минут. Теперь она наша!

Через час приехал отец, быстро пообедал и сказал Насте собираться.

— Пока доедем, и ты переоденешься, Алексей уже освободится от старшей группы, и у вас будет время поговорить до прихода девочек.

Она быстро надела костюм, который предпочитала своим платьям, положила в сумку кимоно и сказала ему, что готова. Когда через двадцать минут зашли в спортивный зал, тренер уже отпустил одних учеников и ждал других.

— Познакомься, дочь, — сказал отец Насте, — это твой тренер Алексей Николаевич. Ну как тебе, Алексей, моя средняя?

— Не понял, — сказал молодой, красивый мужчина в белом кимоно. — Как она может быть средней, если у вас их всего две?

— С сегодняшнего дня появилась еще одна, — с улыбкой объяснил отец. — Взяли на воспитание в детском доме.

— Пока могу сказать, что будет разбивать мужчинам сердца, — тоже улыбнулся тренер, — все остальное нужно проверять. Кимоно привезли? Тогда иди передеваться вон в ту раздевалку.

Настя сходила переодеться, после чего подошла к Алексею. Отец, чтобы не мешать занятиям, вышел из зала, сказав дочери, что подойдет позже.

— Значит, ты знаешь какой-то свой стиль борьбы и ничему другому учить не нужно? — спросил тренер. — Нужны только партнеры для спарринга?

— Правильно поняли, — ответила она. — Вы мне пока не по зубам, но если в группе есть сильные девчонки...

— А они, значит, будут по зубам? — усмехнулся он. — А если не получится?

— Может и не получится, — согласилась Настя. — Я хорошо все выучила, только мало тренировалась. Для того к вам и пришла. Сегодня они меня повозят носом по татами, а потом это буду делать я.

— Ну что же, сейчас у тебя будет возможность себя показать, — сказал Алексей, показав рукой на идущую из раздевалки девушку. — Это Алла. Она у нас из самых сильных. Алла, это у нас новенькая. Она на два года младше тебя, но считает, что ты ей подходишь в качестве макивары. У нее много уверенности и какая-то своя система. Будет интересно посмотреть на вашу схватку. Надеюсь, ты ее не испугаешься?

— Маленькая, красивая и нахальная, — охарактеризовала соперницу Алла. — Тебя как звать?

— Настя, — ответила девочка, спокойно наблюдая за девушкой, которая была на голову выше. — Маленькая и красивая, но не нахальная. Лучше будет звучать уверенная.

Она шагнула навстречу сопернице и попыталась ударить ее правой рукой в грудь. Удар был выполнен правильно, но слишком медленно, и Алла тут же этим воспользовалась. Захват, рывок на себя... Что произошло дальше, она поняла с опозданием. Разум отреагировать успел, тело — нет. Маленькая девчонка, оставив показную медлительность, молнией метнулась к ней навстречу и...

Когда Алла пришла в себя, обнаружила, что лежит спиной на татами, а ее обступила вся группа вместе с тренером. Боли не было, была небольшая слабость.

— Я же говорила, что не будет ничего страшного, — сказала мелкая зараза. — Я и била-то вполсилы. Просто это такая точка...

— Как себя чувствуешь? — спросил тренер, помогая Алле подняться. — Я, если честно, за тебя испугался. Забыл я ей сказать, что такие удары в учебных схватках запрещены.

— Мне с ней трудно справиться без ударов, — сказала Настя. — Захваты и броски

хороши, но не при такой разнице в весе. А я еще месяц бездельничала и пока не восстановила форму. Если хотите, чтобы я здесь кого-нибудь бросала, дайте соперницу полегче.

— Можно мне, учитель? — вызвалась девушка на год старше Насти и на два пальца ее выше. — Мы с ней почти одного роста. Посмотрим, как она меня будет бросать. Меня зовут Ольга.

— Настя, — назвалась девочка. — У меня есть сестра Ольга. Начнем?

Они некоторое время кружили, цепко следя друг за другом, а потом Ольга рванулась вперед. Через несколько мгновений она лежала лицом вниз с вывернутой в болевом захвате рукой. Подержав ее так несколько мгновений, Настя отпустила.

— Я не поняла, что она сделала, — растерянно сказала Ольга. — Вы со стороны должны были увидеть.

— Не совсем обычный уход с линии атаки и обычная подсечка, — задумчиво сказал тренер. — Вот только выполнила она все это гораздо быстрее тебя. Ну что, есть еще желающие?

Дед никого не предупредил, когда собирается приехать, поэтому его появление было неожиданным. Поцеловав мать, он повернулся к Насте.

— С тобой целоваться не буду, не заслужила. Сначала отчитаешься о своих похождениях, а потом посмотрим, как будем строить отношения! Где старшая?

— Таню ранили ножом, — смущенно ответила мама, — но она уже выздоравливает. Сегодня звонила, что первый раз встала с кровати. Скорее всего, мы ее через несколько дней заберем. Тебе не хотели говорить...

— Ваше воспитание! — показав на мать рукой, заявил он. — Распустили девчонок! Одна сбежала из дома, а вторая попала под нож!

— У нас еще есть третья, — сообщила ему Настя, — тоже распущенная. Дед, может, хватит шуметь? Меня, помимо мамы, воспитывал отец, которого, в свою очередь, воспитал ты.

— Значит, в вашей распущенности виноват я? — нормальным тоном спросил Сергей Алексеевич. — А что еще за третья?

— Мы удочерили семилетнюю девочку, — ответила мать. — Таня летом выходит замуж...

— А как же образование? — опять вскипел старик. — Хочет остаться неучем? Семья распадется, и кому она будет нужна? Сядет вам на шею?

— Мы с ней уже говорили, — сказала ему Настя. — Если хочешь поругаться, можешь поговорить и ты. Она влюблена и ничего не хочет слышать, да и нет у нее желания учиться.

— А у тебя оно есть? — переключился на нее дед. — Из-за своей глупости потеряла год!

— Если и дальше будешь на меня кричать, я просто уйду в свою комнату, — спокойно сказала девочка, — а ты можешь продолжать кричать в прихожей, пусть слушают соседи.

— В самом деле, папа, пойдемте в комнату, — спохватилась мать. — Давайте я отнесу ваши вещи к Тане, там вам будет удобней.

— Саквояж легкий, — отмахнулся от нее старик, после чего обратился к Насте: — А ты, значит, не хочешь, чтобы соседи болтали о твоих художествах?

— У моего исчезновения были объективные причины, — сказала девочка по-английски. — Болтовня соседей меня не волнует, а учебный год я не потеряю. Через неделю сдам все предметы экстернатом. Еще вопросы есть?

— У меня к тебе много вопросов, — поборов удивление, ответил он, — но сначала познакомьте меня с молодежью.

— Молодежь в моей комнате, — улыбнулась Настя. — Пойдем, я вас познакомлю. Саквояж пока оставь здесь.

Она повернулась и пошла в спальню, зная, что дед идет следом. Оля с Марком в это время смотрели «Карнавальную ночь».

— Останови свой фильм, — сказала она сестре. — Марк, можешь не исчезать. Это тот самый дед, о котором вам говорили.

— Очень приятно! — пропищал домовой, вогнав Сергея Алексеевича в ступор.

— Мне знакомиться? — спросила сестру Оля. — Он же меня сейчас не услышит.

— Кто это? — спросил дед, показав дрожащей рукой на Марка.

— Это домовой, — ответила Настя. — Его мы не усыновляли. Во-первых, ему двести лет, а во-вторых, в опеке не взяли бы заявление. Марк, исчезни, пока Сергей Алексеевич придет в себя. Дед, ну что ты в самом деле! Неужели никогда не видел домовых? Этот, правда, из другого мира, но у нас и Ольга оттуда же. Оля, выйди и ты, у меня с дедом будет разговор. Свой фильм досмотрите позже.

Малышка встала из-за стола и вышла из спальни, а Настя выключила компьютер и предложила Сергею Алексеевичу сесть.

— Садись на стул или на кровать. Ты и сейчас будешь обвинять меня в легкомыслии или сначала выслушаешь?

— Рассказывай, — сказал он, присев на край кровати.

— Рассказ долгий, — предупредила девочка. — Может, ты сначала поешь?

— Я летел самолетом, — ответил старик, — а завтракал три часа назад. Все равно, пока я тебя не выслушаю, кусок в горло не полезет.

В час она со своим рассказом не уложилась. В самом начале дед взбунтовался и объявил все сказанное чушью, поэтому ему пришлось предъявлять доказательства.

— Все равно не верю ни в каких богов и магов, — заявил он, осмотрев груды вещей на ее кровати. — Все это можно объяснить другим уровнем развития инопланетного разума!

— Мои мозги малость улучшили, но никаких инопланетных знаний в них нет, — возразила Настя. — Я имею в виду технические знания, знаний по магии у меня до фига! Не для тебя эти знания — чушь собачья, а не наука.

— Летала ты при помощи сферы, — сказал дед, — а перстень — это только прибор, с помощью которого ты ею мысленно управляла. С хранением вещей то же самое. Кольцо управляет чем-то, о чем ты не имеешь представление. Поэтому вся твоя магия — это возможность мысленного управления какой-то аппаратурой!

— Может быть, с вещами богини ты и прав, — не стала спорить девочка. — Я действительно не знаю, как они работают, и только мысленно управляю. Правда, при работе сферы тратится моя сила, без нее ничего работать не будет.

— Какой-то неизвестный нам вид энергии, — пожал плечами старик. — А твои заклинания — это просто способ сформировать...

— Думай, что хочешь, — сказала Настя, которой надоело убеждать упрямого старика. — Только в том мире тысячи магов, которые творят чудеса. Хочешь сказать, что возле каждого из них роятся невидимые инопланетные машины, спешащие выполнить все их приказы? Может, ты все-таки дослушаешь до конца, а уже потом будешь делать выводы?

Когда она уже заканчивала рассказ, приехал отец, которому мать позвонила о приезде деда. Сергей Алексеевич не стал разговаривать с сыном пока не дослушал внуку.

— Поразила! — сказал он, когда она закончила. — И магией своей поразила, которую я магией не считаю, и своими поступками! Выжить в таких условиях и сделать все, что ты сделала... Королевство большое?

— Не меньше Англии, — ответила Настя, — только вытянутое. Но населения раз в десять меньше.

— И как думаешь жить? — спросил дед. — Так и будешь все скрывать? Все равно ведь рано или поздно откроется. Число людей, знающих о твоих возможностях, будет расти, а ты уже сейчас неосторожна, а со временем расслабишься еще больше.

— Никому ничего говорить не буду! — ответила она. — Пошли все к черту! Я не знаю, как там было в СССР, я в нем не жила, но сейчас у нас всем на все наплевать! Если обо мне

узнают, то засекретят, убедятся, что сами ничего не смогут делать, и будут потихоньку использовать для своих нужд. Мага сломать трудно, но можно. Даже если не будут ломать, а станут подкармливать, это не та жизнь, о которой я мечтаю. И ты, дед, совсем забыл о богине! Не надо морщиться, если тебе так легче, можешь назвать ее пришельцем. Я ведь под присмотром, и она еще ничего не решила. Ты говорил о будущем, а оно у нас есть? Можешь ты мне сказать, что для нас лучше? То ли кому-то пережить чистку, пожертвовав всеми остальными, и сохранить живую планету, то ли всем скопом умереть на ней лет через сто?

— Я за чистку, — ответил он, — Тысячи лет люди боролись за лучшую жизнь, а сейчас ее построили для очень немногих ценой будущего следующих поколений! Если люди настолько эгоистичные и бестолковые, что не могут решить жизненно важные вопросы, пусть твоя богиня вправит им мозги! Но я старик, сколько мне осталось жить! Если меня вычистят, я не так много потеряю, зато умру, зная, что человечество будет жить! Ведь если оно погибнет, вообще все потеряет смысл! Но учти, что очень многие люди будут против. Для них их жизнь — это величайшая ценность на свете, которую у них отберут, чтобы благополучно жили другие. Кто-то смирится, но таких будет немного. Я не знаю, как твоя Верона собирается это проделать. Может быть, у нее получилось с тем миром, где был силен страх перед богами, но у нас даже в своих богов не верят, а ее тем более не признают! При нашей численности населения под нож пойдут миллиарды! Ты думаешь, они тихо уйдут? Как только поймут, что их ждет, оставшиеся умоются кровью!

— Я думаю, что она все это прекрасно понимает и выполнит так, что никакой крови не будет, — возразила Настя. — Залитая кровью планета ей не нужна. Я тебе все рассказала, что скажешь ты?

— А что ты хочешь от меня услышать? Я не собираюсь куда-то бежать и тебя закладывать. Убеждать все открыть властям тоже не буду: ты с одинаковым успехом можешь прекрасно устроиться или очень плохо кончить. Там своя борьба интересов, много кланов и еще больше дерьма. Страна и народ интересуют многих чиновников только потому, что без них накроется кормушка, а тех, кто кормится из-за границы, у нас не интересует вообще ничего. Будь осторожна и поменьше свети своими возможностями. Если на тебя все-таки выйдут, попробуй договориться на своих условиях, ну а если не получится, тогда уходи в тот мир, в этом у тебя спокойной жизни не будет.

— Ладно, поговорили, теперь пойдем обедать, — сказала девочка, которая умолчала о земных возможностях перстня.

Имея возможность легко перемещаться по миру, зная все его языки и не испытывая недостатка в средствах, легко можно было устроиться и здесь, наплевав на любое правительство. Родителям она об этом тоже не говорила.

— Ну что? — тихо спросил отец Настю после того, как все пообедали. — Договорились, или ты на него действовала?

— В магию не поверил, считает, что это работает какая-то инопланетная техника, — засмеялась она. — Сказал, что я его удивила, и обещал не лезть в мою жизнь. Теперь навалится на Таню. Ты не хочешь нажать на врачей, чтобы ее побыстрее отпустили домой? Могу помочь.

— Пусть пока побудет в больнице, — ответил он. — Старик прилетел на пару дней, а если она вернется, придется ставить раскладушку. Улетит в Москву, тогда я поеду разговаривать с медиками. Они сейчас не столько лечат дочь, сколько ее изучают. Пытаются понять, из-за чего она так быстро вылечилась.

Сергей Алексеевич гостил у них четыре дня. К Тане он съездил на второй день и вернулся хмурый.

— В чем дело? — забеспокоилась мать. — Что-то не так с Танечкой?

— Не так с ее головой! — буркнул старик. — Влюбленная дура!

Больше он о старшей внучке не говорил и переключился на младшую. Оля его покорила, да и ей дед понравился. Уже сильно потеплело, поэтому старик стал с Олей гулять, а до этого съездил в магазины и купил ей более легкую одежду. Такие походы каждый раз заканчивались в кондитерских, где малышка приканчивала несколько пирожных.

— Меня ты сладким не закармливал, — наполовину в шутку, наполовину всерьез упрекнула его Настя.

— У тебя для этого были мать с отцом, — ответил он, — а она сирота. Настоящая любовь у нее к тебе, а к приемным родителям только благодарность. Тебя с ней многое связывает, а родители о ней только заботятся. Для любви этого мало!

— Они ее любят, — возразила девочка.

— Любят, — согласился он, — только она их любви не видит. Скажи, много они времени проводили с тобой? Николай вечно был занят в своей милиции и к вечеру едва приползал домой, а Надя... Наверное, ее саму в детстве мало ласкали. Она заботилась о том, чтобы у вас все было, и помогала с учебой, а любила на расстоянии. Попробуй потом с ними поговорить, может, с этой девочкой все сложится по-другому.

Дед добился своего: когда его провожали, Оля даже всплакнула.

— Из трех внучек одна любит — уже хорошо! — сказал он, обняв малышку. — Старшей всех нас заслонила ее любовь, а средняя — коронованная особа, ее даже обнять страшно.

— Ну тебя, дед! — сердито сказала Настя. — Сам же знаешь, что я тебя люблю. А что не реву...

— Подойди ко мне, королева, — сказал старик. — Обниму, а то я ведь в таком возрасте, что могу в любой день помереть. Смерть не очень страшит, страшно умереть одному и потом лежать, пока не пойдет запах. Вы хоть звоните почаще.

— Мог бы обменять квартиру и жить рядом! — рассердился отец. — Как я тебе отсюда помогу?

— Моя квартира вам еще пригодится, — возразил Сергей Алексеевич. — Знаешь, сколько они стоят в Москве, особенно такие, как моя? Завещание у тебя, поэтому сможете без проблем переехать, а перевод тебе сделают. Москва это не ваш Ростов, возможностей в ней гораздо больше! У Насти сейчас голова работает не хуже ее компа, поэтому ей одна дорога — в науку. Внучка, ты можешь подействовать на попутчиков и проводницу?

— Предлагаешь приехать к тебе? — догадалась Настя.

— Конечно, — подтвердил он. — Лето большое, а вы на море уедете всего недели на три, так что время у тебя будет. Пригласил бы всех, так не приедут. А тебя приглашаю не просто так. Тебе еще учиться четыре года, поэтому вряд ли я дотяну до твоего выпускного. Если приедешь, найду возможность познакомиться с нужными людьми. Экзамены ты в Университет сдашь, только для поступления этого было достаточно только в Советском Союзе, да и то года до семидесятого, потом и там стал править блат. Подумай хорошо. Конечно, при известной осторожности, с твоей магией и золотом можно как сыр в масле кататься и за всю жизнь пальцем о палец не ударить, но это не для таких, как ты.

— Я подумаю, дед, — пообещала она и, привстав на цыпочки, поцеловала его в щеку.

Он сел в такси и уехал, отец тоже поехал на службу, а женская часть семьи вернулась в

квартиру. Пользуясь тем, что Оля забралась на диван читать книгу, Настя решила поэкспериментировать с перстнем. Она взяла фотоаппарат и вызвала сферу, после чего прямо из квартиры, отправила ее на школьный двор. Это перемещение преподнесло сюрприз. Шагах в тридцати от возникшей сферы стояли двое мужчин, которые с недоумением посмотрели в ее сторону. Одним из них был школьный физрук, а второго девочка не знала.

— Странно, — сказал незнакомец. — Ты слышал хлопок?

— Значит, мне не почудилось, — отозвался Семеныч. — Интересно, что бы это могло быть?

«Когда я вызываю сферу, никакого хлопка нет, — подумала Настя. — Значит, хлопок только при переходе. И я его при этом не слышу. Наверное, и в сквере хлопнуло, просто никого не было рядом. Может, это из-за того, что мой шар вытесняет воздух? Вряд ли мне пойдет на пользу, если он попадет в тело. Это надо будет учесть».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она сфотографировала мужчин и сразу же проверила снимок. Насколько можно было судить по дисплею, все получилось замечательно.

«Повисну над Ниагарским водопадом и сделаю классное селфи, — помечтала девочка. — Жаль, что такое потом никому не покажешь».

Зазвенел звонок, и Настя решила дождаться свой класс и заснять ребят. Она не рвалась учиться в школе, но все-таки скучала и по одноклассникам. Первым из школы выскочил Олег Волошин и чуть ли не бегом устремился к калитке в заборе.

«Наверное, побежал в больницу к Тане, — подумала девочка. — Полечу следом, заодно на нее посмотрю. Все равно время есть, а убыли силы я от таких полетов не чувствую».

Она поднялась метров на десять и полетела следом за юношей. Минут пять этот полет доставлял удовольствие, потом стало скучновато. Настя уже хотела опередить Олега и слетать к сестре, как он замахал кому-то рукой, дождался, когда не будет машин, и перебежал через дорогу к поджидавшей его девушке. Низенькая и стройная, с красивым лицом и густыми волосами — она была красивее сестры. Оба обнялись и пошли по тротуару совсем не в том направлении, в котором находилась больница.

«Вот сволочь! — подумала девочка об Олеге. — Хотя, может, оно и к лучшему. Институт — хорошая замена раннему браку. Но их нужно сфотографировать, а то Танька мне не поверит».

Она обогнала обнимающуюся парочку, снизилась и сделала несколько фотографий с очень близкого расстояния. Девушка прижималась к Олегу, а он одной рукой по-хозяйски ее обнимал, а в другой нес свою сумку.

«Этого хватит самой последней дуре, — подумала она, последний раз нажимая на спуск. — Сейчас, понятно, не отдам, а вот дома получит. Надо только их отпечатать».

— Ращ, ты можешь ответить на вопрос? — спросила девочка. — Если во времена империи могли делать такие перстни, они могли точно так же перемещаться в любое место и летать по воздуху? Как-то это слабо вяжется с вашим уровнем развития.

— А как ты могла оценить этот уровень? — насмешливо спросил браслет. — По мечам и кинжалам? Так вы и теперь такие не сделаете. Точно я тебе не скажу, потому что сам многого не знаю. Могу только предположить. Такие браслеты, как я, были у многих, но никто не запасал в них силу, как это делала ты. Дураков среди магов не было, а умному нетрудно дойти до мысли о покупке силы. Если этого не делали, значит, был запрет. Мог

запретить император или Совет магов, но я думаю, что запретила сама богиня, потому что такого не было нигде! Только не спрашивай, почему я это утверждаю, а то я в тебе разочаруюсь.

— Это понятно, — сказала Настя. — Если у соседей есть такое оружие, только полный идиот станет запрещать его у себя. Наверное, это действительно Верона. Если бы было много магов с такой силой, какая была у меня, они разнесли бы вдребезги весь мир. Она и у нас с тобой почти все забрала. Значит, ты хочешь сказать, что и на перстень наложены ограничения?

— Почти наверняка, — подтвердил Раш. — Насколько я знаю, такими перстнями пользовались только те, кто лазил по чужим мирам. В них должна быть встроена функция их поиска. И учти, что сферу легко обнаружить магией. Это здесь ты невидимка, у нас так не получилось бы. Ты долго собираешься летать? Учти, что на такие полеты тратится гораздо больше сил, чем на мгновенные перемещения. Ты половину своих уже потратила.

— Точно, а я и не заметила! — спохватилась девочка. — Это все из-за Олега! Ладно, возвращаемся.

Сфера возникла во дворе дома, и хлопок заставил поднять головы тех, кто был поблизости. Не задерживаясь, Настя полетела к своему окну. В тот же день она сбросила на флешку пять самых удачных фотографий и отнесла ее в ателье. Была среда — один из трех дней занятий в секции. Желания заниматься у нее не было, но не пропускать же занятия из-за хандры. Поскольку спарринги проводились не сразу, Никитины подъезжали минут через сорок после начала занятий. Настя успевала два часа позаниматься дома, поэтому обходилась без разминки. Плюсом была большая экономия времени, но был и минус — девочка так и не стала в группе своей. Приезжала, сходилась в учебных боях с ученицами Алексея, и уезжала до следующего занятия. Она познакомилась со всеми девушками, но более близких отношений ни с кем не возникло. Поначалу ее пару раз сбили с ног, но вколотенные в голову знания удивительно быстро переходили в навыки, а каждодневные занятия дома так укрепили мышцы, что первые два проигрыша оказались последними. В эту поездку она провела три учебных боя и во всех вышла победительницей. Борьба паладинов почти не давала преимуществ, больше Насте помогала более быстрая реакция, чем у большинства девушек. Ну и мышцы стали такими, что не продавишь, и начали расти. Теперь надо было решать, когда уменьшать нагрузки, чтобы не накачаться сверх меры.

— Чем думаешь заняться в воскресенье? — когда шли в раздевалку, спросила Настю Ольга — одна из двух ее постоянных соперниц в схватках. — Спрашиваю потому, что мы все идем в бассейн «Жемчужина». Не хочешь присоединиться?

— Еще не знаю, — ответила девочка. — Во сколько вы идете?

— В два. Можешь взять с собой сестру. Там для малышей есть надувные нарукавники. Наденешь — и можно за ней особо не следить.

Четверг прошел незаметно, а в пятницу случились два важных события. Во-первых, Настя закончила подготовку к экстернату, а во-вторых, им разрешили забрать домой Татьяну. Первым был утренний поход в школу к Алле Константиновне. Директорша ее выслушала и сказала прийти в понедельник, потому что ей нужно время на составление графика сдачи экзаменов.

— Если можно, сделайте так, чтобы у меня принимали по три экзамена в день, — попросила Настя, применив магию. — Я никого долго не задержу.

— Попробую, — неуверенно сказала она. — Свободных учителей мало, и вряд ли кто-

нибудь захочет оставаться из-за тебя после занятий.

Девочка была в школе во время урока, поэтому никого не встретила и, поговорив с директоршей, вернулась домой. Там она увидела уже вернувшуюся Таню.

— Меня привез отец, — объяснила она. — Врачи не хотели отпускать, так он там устроил скандал. А меня уже пять дней не лечат, только берут анализы. Все руки искололи.

— Как себя чувствуешь? — спросила Настя. — Хорошо? Ну так сейчас будет еще лучше! Давай сюда руку.

— Что это такое? — с опаской спросила сестра, ощупывая на своем запястье невидимый браслет. — Тяжелый.

— Он золотой, но я никакого веса не чувствовала, — ответила девочка. — Поносишь до утра, потом сниму. Этого будет достаточно, чтобы у тебя вылечилось вообще все, не только раны. Заодно он тебе сильно улучшит мозги. И соображать будешь лучше, и не будет никаких проблем с памятью. Не бойся: на твоей личности это никак не скажется. Я уже через это прошла, и Олю с родителями он так же улучшает, но на расстоянии, поэтому им на это нужно много времени. Я браслет никому не давала, только тебе, так что цени! Когда он тебя обработает, я преподнесу сюрприз.

— Как ты изменилась! — покачала головой Таня. — Стала такой сильной, красивой и уверенной в себе, что от прежней Насти в тебе ничего не осталось. Если бы не маленький рост, я бы дала тебе лет шестнадцать.

— Ну похорошела, — посмотрев на себя в зеркало, сказала Настя, — Что в этом плохого? Моя уверенность из-за сил, и не только магических. Знаешь, как я бросаю девушек старше себя? А в остальном я осталась той же самой, только стала умней, многое узнала и многому научилась. Так что мое изменение не повод для огорчений.

— Это не из-за тебя, — грустно сказала Таня. — Просто давно не приходил Олег, а мне без него плохо. Посетил два раза в больнице и один раз позвонил. Я несколько раз звонила, но почему-то с ним нет связи. А обычного телефона у Волошиных нет. Ты когда пойдешь сдавать экзамены?

— В понедельник побегу к Алле за графиком и, если получится, что-нибудь сдам, — ответила девочка. — А что, хочешь, чтобы я с ним поговорила? Что живой, я тебе и так могу сказать. Видела я его несколько дней назад. Зря ты достала учебники. Мой тебе совет: пару дней ничем не занимайся. Потом ты все свои пропуски уберешь за несколько дней. Могу перенести сюда комп, но тогда к тебе будут бегать Оля и Марк.

— Пусть бегают к тебе, — улыбнулась сестра. — Я при желании сама к тебе приду, скажи только пароль.

Выйдя из комнаты Тани, Настя столкнулась с пришедшей из магазина матерью.

— Зачем ты так нагрузилась продуктами? — расстроилась она, отобрав у мамы две тяжелые сумки. — Я же говорила, что пойду в магазин за формой, заодно могла многое купить.

— Хватит тебе и твоего железа, — проворчала мать. — Скоро перестанешь быть похожей на девочку. Иди за своей формой, а на кухне я справлюсь сама.

— Ну и ладно! — обиделась она. — У меня хорошая фигура, даже грудь выросла! Подумаешь, плечи больше, чем у других, зато у меня плоский живот! Многие могут этим похвастаться?

— Ешь мало, вот он и ввалился, — сказала мать, у которой почему-то было дурное настроение. — Будешь в магазине, посмотри себе одежду на весну, а то Оле дед купил, а у

тебя почти ничего нет.

Настя сходила в несколько магазинов и купила нужную одежду и обувь. На обратном пути позвонила по второму мобильнику Митрофанову.

— Здравствуйте, Илья Борисович, чем-нибудь обрадуете?

— Здравствуй, красавица! — обрадованно отозвался он. — А я уже успел по тебе соскучиться! Съездил я в одно место, в том числе и по твоему вопросу. Решил не все, но от одной вещи избавился и привез то, что тебе нужно. Я сейчас дома и не уйду часа полтора. Успеешь подъехать?

— Буду минут через двадцать, — пообещала девочка, выключила телефон и поспешила домой.

Оля лежала на своем диване с взятой для нее в библиотеке книгой «Станный генерал» и на приход сестры не отреагировала, мать занималась готовкой на кухне, а Татьяна была в своей комнате, так что Насте никто не мешал. Она зашла в спальню, положила все покупки на стул и, обув летние туфли, вызвала сферу. Девочка побоялась перенестись на лестничную площадку Митрофанова, поэтому появилась у него во дворе. Толчок воздуха вполне мог выбить стекла, да и жильцы отреагировали бы на шум. Пусть лучше задирают головы и ищут в небе самолет. Она осмотрела двор, никого не увидела и направила сферу в подъезд, а уже из него ногами поднялась на второй этаж.

— Ты почему в таком виде? — удивился Илья Борисович. — По-моему, еще не лето.

— Приехала на такси, — соврала Настя и добавила немного магии. — Не обращайтесь внимания. Чем порадуете?

— Заходи в гостиную, — пригласил он. — Будешь радоваться там. Возьми карточку, на ней три с половиной миллиона рублей. Вот здесь я записал код, не потеряй. Это только за кинжал. Золотом я пока не занимался, узнал только о нескольких людях, которые могут его купить. Всех их еще нужно проверять. Мне очень не хочется нарваться на тех, кто может вытрясти из меня твое золото вместе с жизнью, или на подставу наших чекистов, так что никакой спешки не будет. Рассчитывай примерно на полгода. Может, продам раньше, но сильно на это не рассчитывай. Анализ мне сделали, он совпал с тем, что ты говорила.

— Спасибо вам большое! — искренне сказала девочка. — Действуйте так, как считаете нужным. Не расскажете о том, как продавали кинжал?

— Если пойдешь пить чай с пирожными, все услышишь. Только и ты мне расскажи о себе хоть немного. А то заинтриговала намеками, а я мучаюсь. Разве так дружат?

— Если будут пирожные, расскажу, — засмеялась она, — но сначала ваш рассказ!

Илья Борисович достал из холодильника бисквитные пирожные, заварил чай и рассказал о том, как продал кинжал одному богатому англичанину.

— Он помешан на коллекционном оружии, почти как я. Меня ему представили солидные люди, иначе он бы не стал со мной разговаривать. Возраст кинжала определить невозможно, эксперты ему так и сказали, но подтвердили, что это старое изделие. Вроде бы такие выводы сделали, после изучения рукоятки, потому что по лезвию ничего сказать нельзя. Было официальное заключение о том, что пока неизвестна технология, с помощью которой можно получить такой металл. Я ему сказал, что кинжалу около тысячи лет, и что человек, который его продал, ни с кем ни на какие контакты не пойдет. Этот англичанин так заинтересовался, что почти не торговался и заплатил, в общем-то, небольшие для него деньги. Что он будет с ним делать, этого я не знаю. Я рассказал, теперь твой черед.

Рассказ Насти был не таким подробным, как ее отчеты деду или родителям, поэтому

она уложилась в полчаса. Благодаря магии не было никакого недоверия и не возникло необходимости приводить доказательства.

— Я ожидал чего-нибудь необычного, но не такого! — сказал он, когда девочка закончила. — Как ты думаешь, меня вычистят?

— Я не знаю, Илья Борисович, — растерялась от его вопроса Настя. — Если она нами займется, и от меня будет хоть что-нибудь зависеть, я постараюсь этого не допустить. В том мире убивали только тех, кто не хотел принять ее законы и не подходил для новой жизни, но там не было перенаселения. Я побегу?

— Беги, торопыга, — сказал он. — Сегодня хоть немного посидела. Постарайся прийти ко мне не по делу, а просто так, и не на полчаса, а на вечер. У меня тоже найдется, чем тебя заинтересовать.

Глава 8

— Дай руку, я сниму браслет, — сказала Настя сестре. — Он тебе уже не нужен.

— А для чего он тебе? — спросила Таня, протягивая ей руку с браслетом. — Ты что-то о нем говорила, когда рассказывала о своих похождениях, но я тогда была так ошарашена, что многое пропустила мимо ушей.

— Это разумная вещь, в которой хранится слепок моей памяти, — ответила девочка. — У него много других знаний, которыми он со мной поделился. Кроме того, браслет хранит резерв магической силы. И еще он мой друг.

— Спасибо за друга, — сказал ей Раш. — Всего один день побыл на чужой руке и уже успел соскучиться. Постарайся меня больше никому не давать.

— Не понимаю, как можно дружить с вещью, — сказала сестра. — Это все равно что дружить с компьютером. Вещами пользуются.

— Компьютер не станет сам тебе что-то подсказывать или помогать, — засмеялась Настя. — Он тебя не выругает и не будет язвить. Это умная машина, но разума в ней нет. А Раш меня оживил, затратив на это всю силу, которую копил тысячу лет.

— Как оживил? — опешила Таня. — Ты мне об этом не рассказывала!

— Я и родителям не рассказывала. Не люблю об этом вспоминать. Сглупила и потеряла жизнь. Под нами убили коня, а я с него навернулась и свернула шею. Ночь пролежала мертвой, а рядом плакала Оля. Не хочу я об этом рассказывать. Таня, помнишь, я говорила о сюрпризе? Мой сюрприз пакостный, но тебе о нем нужно знать. Посмотри эти фотографии.

— Что это? — растерянно спросила сестра. — Откуда они у тебя?

— Вы знаете не обо всех моих способностях, — уклончиво ответила девочка. — Эти фотографии я сняла сама, когда ты лежала в больнице. Я за твоим Олегом не следила, это получилось случайно. Теперь понимаешь, почему он не рвется тебя навещать?

— Я ее знаю, — безжизненным голосом сказала Таня. — Она была один раз, когда мы тусовались. Дочь какой-то шишки из городской администрации.

— Наплюй! — посоветовала Настя. — Если легко выбрал из вас двоих более красивую и выгодную, значит, никакой любви у него не было, да и вообще он дерьмо! И у тебя это не любовь, а влюбленность. Ну что тебя с ним связывало, кроме объятий и поцелуев? Полгода назад у тебя была фотография какого-то эльфа, сейчас такой сопляк, как Олег, а кто будет завтра? Ну куда ты спешишь?

— Почему дала мне эти фотографии только сейчас? Они ведь у тебя были до моего возвращения?

— Были, — подтвердила Настя. — Не стала давать, чтобы тебя нормально обработал браслет. Станешь умнее, может, будешь меньше трепать нервы себе и всем остальным. Я уже советовала тебе наплевать. Живи назло таким типам. Скоро учеба станет для тебя простым и легким делом, а любовь никуда не денется.

— Уйди, советчица, — сказала сестра. — Мне нужно побыть одной.

Девочка послушно вышла из ее комнаты в гостиную, в которой отец у телевизора, приглушив звук, смотрел новости, а Оля на диване опять читала какую-то книгу. Мать ушла в парикмахерскую, а чем был занят Марк, знал только он сам. Домовой по-прежнему часто становился невидимым, хотя прятаться было уже не от кого.

— Оторвись от книги, — сказала она Оле. — Завтра мы с тобой едем в бассейн. Меня

пригласили, и я хочу взять тебя с собой. Только прежде я научу тебя, как нужно плавать. Ты сильнее детей своего возраста и без труда удержишься на воде. И тебе будет интересней, и мне не придется тебя охранять.

— Хорошее дело, — оторвавшись от телевизора, одобрил отец. — Только смотри, не утопи ребенка. За ней все-таки нужно присматривать. И у вас нет купальников. Ты из своего выросла еще год назад.

— Сегодня куплю купальники и шапочки, — пообещала Настя.

— Ты бы сходила с ней в кинотеатр, — посоветовал он, — а то малышка не видит ничего, кроме своих книг и твоего компьютера. А на обратном пути купила бы все, что нужно для бассейна.

— Сейчас включу комп и посмотрю, что идет в кинотеатрах, — ответила девочка. — Папа, ты уже посмотрел новости?

— Еще не до конца, но могу выключить, — ответил отец. — Остальное меня мало интересует. Ты хотела о чем-то поговорить?

— О покупке квартиры. У нас еще не набирается денег?

— Ты что хочешь купить? — спросил он вместо ответа. — Я думаю, что тебя после королевского дворца устроит только элитная квартира. Даже не считая Тани и твоего домового, нас четверо, поэтому нужно минимум три комнаты. Самые скромные из таких квартир стоят десять миллионов. У нас есть четыре с половиной твоих и пятьсот тысяч, которые лежат на моей карточке. Считать умеешь? Можно, конечно, продать эту квартиру, тогда может хватить, но мы останемся без средств, а в новую квартиру нужна новая мебель. Кое-что возьмем из своей, но не все. Если ты так торопишься, может, мне все-таки сходить с кинжалом к Самойлову?

— Ладно, потерпим, — вздохнула дочь. — Если через полгода получится продать золото, покупать будем не по минимуму, а такую, какая нужна.

Она ушла в свою комнату, включила компьютер и быстро нашла нужную рекламу. В расположенном неподалеку кинотеатре Синема Стар шел какой-то новый анимационный фильм «Необыкновенное путешествие Серафимы». Он же на дневных сеансах шел и во многих других кинотеатрах. Прикинув время, Настя поторопила сестру.

— Оля, я уже одеваюсь. Если будешь копать, опоздаем на сеанс, а на следующий я не пойду. Куплю купальники и займусь своими делами, у меня их достаточно. В кинотеатре будет мультик, который ты еще не видела.

Угроза возымела действие, и через несколько минут надевшая платье сестра поспешила в прихожую. До начала сеанса оставалось полчаса, поэтому к кинотеатру пошли пешком. Очереди в кассу не было, и они быстро купили билеты и зашли в зал. Он был заполнен на треть, поэтому многие сели там, где им удобно. Их места, которые Настя из-за малышки взяла в проходе, заняла компания каких-то парней. Девочка не стала выяснять с ними отношения и разогнала страхом. Она немного перестаралась, и трое вообще сбежали из зала. Пока смотрели фильм, пришлось еще два раза воздействовать на зрителей. Рядом сидели две девочки немного старше Насти, которые лузгали семечки и довольно громко шушукались. Ее замечание они проигнорировали, а вот игнорировать магию не получилось. Обе заткнулись и до окончания сеанса сидели тихо. В середине фильма какой-то парень в их ряду надумал курить. Делал он это незаметно и клубов дыма не пускал, но воняло сильно. Настя разозлилась и не стала деликатничать. По ее приказу он вынул сигарету и опять сунул ее в рот, только другим концом. Заорав, парень вскочил со своего места и бросился к выходу.

Ей и так не понравился фильм, а эти разборки еще больше ухудшили настроение.

— Понравилось? — спросила она у Оли, когда зажегся свет, и все пошли к выходу.

— Здорово! — ответила сестра. — Все такое большое! Только я не все поняла.

В фильм вплели религию, с которой Оля до этого не сталкивалась, поэтому Насте пришлось кое-что объяснить.

Выйдя из кинотеатра, прошли до стоянки такси и поехали в магазин «Спортмастер», в котором Настя купила купальники, шапочки и сланцы для Оли.

— Ну как вам фильм? — спросил Настю отец, когда приехали домой. — Ты что, дочь, такая грустная?

— Оле понравился, — ответила девочка, — а я... У меня сегодня вообще нет настроения. Сначала из-за Таньки с ее Олегом, а потом это кино... Я не столько его смотрела, сколько разбиралась с хамами. Нет, ничего серьезного не было. Заняли наши места, плевались семечками и курили. Никто ничего не заметил, но понимаешь, папа, я ведь думала, что магия позволит мне сделать что-нибудь такое... А вместо этого удивляю одноклассниц и ставлю на место всяких...

— Ты сегодня советовала сестре наплевать на неприятности, — сказал он. — Я вас не подслушивал, просто ты громко говорила. Мол, все у тебя еще будет. Совет правильный, но ведь и ты сама можешь им воспользоваться. Ты поучила дураков и сделала свою жизнь приятней? Ну и молодец! И дальше так поступай, если это не привлечет к тебе интерес. Это не повод для огорчения. А твоя сестра не дура и со своими делами разберется сама.

Она поблагодарила отца и ушла в свою комнату. Когда покупали купальники, в голову пришла интересная мысль, и сейчас Насте не терпелось воплотить ее в жизнь. Включив компьютер, девочка начала искать в интернете виды коралловых островов. Фотографий было много, поэтому она сразу же выбрала несколько штук. Быстро раздевшись, Настя надела купленный купальник и взяла из одежного шкафа большое махровое полотенце. Когда появилась сфера, она вплела в заклинание вид небольшого островка и отдала приказ. На фотографии почти круглый остров, диаметром метров триста, представлял собой сплошной пляж, усыпанный белым коралловым песком. Лишь в самом центре росли несколько пальм. По цвету воды было видно, что вокруг него нет больших глубин. Широкая полоса воды в лагуне была бирюзового цвета, а дальше она становилась темно-синей.

Наверняка перстень перенес в нужное место, вот только единственным, что видела девочка, были необыкновенно яркие звезды над головой.

«Наверное, это Тихий океан, — подумала она. — Вот дура! Нужно было искать в Индийском. Ладно, хоть осмотрюсь».

Настя опустилась на песок и убрала сферу. В нос ударил уже забытый запах моря, теплый ветер трепал волосы и шумел в кронах пальм, а совсем рядом еле слышно плескалась вода. Девочка не выдержала и пошла к ней, подсвечивая себе магическим фонарем. Было какое-то сказочное ощущение нереальности происходящего. Фонарь светил слабо и позволял видеть всего на три десятка шагов, а дальше все тонуло во мраке. Дойдя до воды, она попробовала ее ногой и сделала несколько шагов. Вода была теплой, под ногами по-прежнему был чистый песок, а глубина увеличивалась очень медленно. В двух десятках шагов от берега ей было по пояс. Окунувшись, Настя хотела немного поплавать, но что-то сильно толкнуло в ногу. Взвизгнув, она бросилась к берегу. Сразу же вспомнились мурены, осьминоги со скатами и всякая ядовитая дрянь, которой так богаты воды тропических морей. А она еще зажгла свет, который их всех привлекает! Нет, сюда или на другой остров нужно

прилетать не ночью и хорошо подготовившись. Нужно купить маску, иначе ничего толком не увидишь. Ласты нужны и хороший нож, которым можно отогнать тех, кто ею заинтересуется. По ноге кто-то пробежал, заставив взвизгнуть еще раз. Наверное, ее напугал краб.

Внезапно стало так жутко! Она находилась на утопающем во мраке крошечном клочке суши, а вокруг был океан с его глубинами, в которых чего только не водилось! Если с ней сейчас что-нибудь случится, об этом даже никто не узнает! Настя поспешила вызвать сферу и отправила ее в свой двор, а из него вернулась в комнату. Никого не было, поэтому она быстро вытерла мокрые волосы полотенцем.

«Скоро жильцы наших домов привыкнут к хлопкам, — подумала она, вспомнив, как люди во дворе задирали головы. — Интересно, почему нет хлопка при отправлении? Ведь на месте шара должна образовываться пустота».

— Куда ты летала? — пропищал невидимый домовый, заставив вздрогнуть от неожиданности. — Улетела сухая, а вернулась мокрая.

— Ну тебя, Марк! — сердито сказала девочка. — Ты хоть показывайся перед тем, как говоришь. И, вообще, зачем прятаться?

— Привычка, — пожал костлявыми плечами появившийся домовый.

После того как Марк посмотрел полсотни фильмов и прочитал столько же книг, он перестал называть Настю хозяйкой и стал относиться ко всем снисходительно, как к непутевым родичам.

— Смотри, никому не разболтай о моих полетах! — предупредила его Настя. — Это не шутки, Марк, я тебя серьезно предупреждаю!

— Я с твоей семьей ни с кем близко не общаюсь, — пропищал он, — только с младшей сестрой, но ей это неинтересно. Когда меня о чем-то спрашивают, отвечаю, а сам разговоры не завожу. Не возьмешь с собой полетать? Засиделся я малость с вашими книгами и фильмами. Меня ведь здесь все равно никто не увидит.

— Хочешь попутешествовать... — задумалась девочка. — Вообще-то, это неплохой способ развлечься и убить время, а то мне себя сейчас нечем занять. Подожди, я переоденусь и включу комп. Нужно посмотреть, куда лучше слетать.

Настя не планировала никуда выходить, а в сфере всегда было тепло, поэтому обошлась костюмом. В этот раз они слетали сначала в Париж, а потом в Лондон. Появились в небе над Версалем, вид которого девочке не понравился. Париж произвел двойственное впечатление. Красивые места были, но она думала, что их будет гораздо больше. То ли город плохо убирали, то ли парижане мало отличались от свиней, но ей часто попадались мусор и грязь. По городу болталось много людей, которых она окрестила бродягами. Все было каким-то мелким и совсем не таким, как в исторических фильмах. Лондон произвел большее впечатление. Они в нем появились над памятником королеве Виктории прямо напротив Букингемского дворца.

— Что это за золотая баба с крыльями? — спросил Марк.

— Кажется, богиня победы, — неуверенно ответила девочка, — а памятник одной из здешних королев. Видишь королевский дворец?

— У тебя он был больше, — сказал домовый, — только малость пониже. Хорошо, что твой шар не протекает, а то бы намокли.

С обложивших небо серых туч на город сыпался мелкий дождь. Полетав над парком, направились к Темзе. Домового заинтересовал Тауэр, над которым зависли минут на пять.

— Хватит, — решила Настя. — Я потеряла много силы, а обращаться к Рашу не хочу.

— Возвращайтесь, — посоветовал браслет. — Прежде чем делать такие вылазки, нужно одеться по погоде и заготовиться местными деньгами. Много вы увидите из этого шара? И зачем тебе Париж? Лучше слетала бы к деду. Могла бы быть москвичкой, не переселяясь в Москву. Тебе все равно после сдачи экзаменов будет нечем заняться, а в Москве, да с деньгами...

— Да с моим возрастом, — ехидно перебила его девочка. — Ладно, ты подумай, что мне там делать, потом посоветуешь. Может, я и воспользуюсь советом.

Когда шар влетел со двора в комнату, в ней стояла Оля.

— Бессовестные! — со слезами на глазах сказала малышка. — Сами улетели, а меня оставили! Книгу дочитала, других нет, а пароль ты зажала! Сейчас пойду жаловаться маме!

— Тебя тоже возьму, — скрепя сердце, пообещала Настя. — Слетаем к деду в Москву. Он будет рад тебя снова увидеть.

— Сейчас схожу за курткой, — сказала малышка, — а то как он меня поведет есть пирожные?

— Сейчас не полетим, — разочаровала ее сестра. — Сначала мне нужно получить от деда фотографию его двора. Сегодня постараюсь связаться с ним по скайпу или отправлю письмо.

— Завтра у нас бассейн, а в понедельник ты начнешь бегать в школу, — недовольно сказала Оля. — На деда не останется времени.

— Найдем мы время, — пообещала Настя, — а я пока восполню потраченную силу. А ты, если нечем заняться, будешь сейчас учиться плавать. Нет, ванну набирать не будем, я тебе покажу, какие нужно делать движения, а ты их запомнишь. Сил у тебя много, поэтому в воде сразу поплывешь.

На занятия им хватило пяти минут, а когда мать позвала на обед, который в выходные был позже обычного, Оля похвасталась, что умеет плавать.

— Ты же вроде не умела, — сказал отец. — Ах, Настя научила, тогда понятно. А у вас там не было реки или моря?

— Река была, только меня к ней ни разу не возили, — ответила малышка. — Еще через одну реку переправлялись на пароме, но мы тогда сразу сели на Зверя и уехали. Купаться помешал один сволочной граф, да и вода была холодная.

— Что передают в новостях, что ты по полдня проводишь у телевизора? — спросила Настя отца.

— Я не одни новости смотрю, — ответил он. — А в новостях ничего хорошего. На Украине каждый день обстреливают Донецк и гибнут люди. Не представляю, как можно столько времени жить и работать в большом городе под непрерывным обстрелом крупнокалиберной артиллерии и минометов.

— А если прибить Порошенко? — предложила Настя. — Или их премьера, который в очках? Это поможет?

— Ты это серьезно? — спросил отец, прекратив есть. — Если уж прибивать, то Турчинова, но это мало на что повлияет. Всем заправляют в Вашингтоне, а в Киеве самостоятельных игроков нет. Точнее, их там много, но вся их игра заключается в том, чтобы подгрести под себя больше власти и дольше ее удержать. Вопросы войны и мира они не решают.

— И чем, по-твоему, все закончится? — спросила Таня. — У нас в классе есть одна

девушка, у которой вся родня на Украине, здесь только родители.

— Ничем хорошим это не закончится, дочь, — ответил он. — Крови пролилось много, а ненависти у них к нам еще больше, причем не только на Западной Украине, где нас давно не любят, а почти везде. Мозги им долго промывали. Скорее всего, Украина развалится, и как бы и нам в таком случае не пришлось повоевать. Там слишком много русских, но для нашей власти это не главное, а вот то, что НАТО подтянет свои силы к нашим границам, это важно. В любом случае с Украиной придется делиться и на нее тратиться, когда у них все рухнет. Американцы правильно рассчитали. Они еще по дешевке скупают там все мало-мальски ценное, а потом предъявляют нам свои права. И опять придется платить. Вряд ли нынешняя власть свернет им кукиш. Пока у нас нет настоящей независимости, о ней больше болтают.

Больше за столом не разговаривали, а когда закончили обедать, Настя ушла в свою комнату, включила компьютер и долго читала новости с Украины, которыми раньше почти не интересовалась. Перед тем, как закончить работу, она попыталась связаться с дедом по скайпу, но он не отозвался, поэтому пришлось воспользоваться почтой.

Утром, после завтрака, Настя решила выполнить вчерашнюю задумку.

— Марк, ты здесь? — спросила она домового.

— Лежу на кровати, — пропищал он, — а что?

— Я кое-куда слетаю, но тебя с собой не возьму. Придется выходить из шара, а это очень опасно. Это только один раз.

— Если один, да еще после еды, тогда ладно, — согласился Марк.

Настя оделась теплей и вызвала сферу. Приказ — и она очутилась над Донецком. Облетев город, она нашла район, особенно сильно пострадавший от обстрелов, и начала искать места, откуда они велись. Одно такое удалось найти после почти часовых поисков. Возле небольшого села, в котором она не увидела жителей, стояли три орудия с длинными, высоко поднятыми стволами. В стороне от них находились пять знакомых по фотографиям установок «Град» и прикрытый брезентом большой штабель из ящиков. По позициям и в деревне ходили мужчины с оружием, одетые во что-то, напоминающее военную форму, а возле деревни стояли палатки и две машины. Настя по очереди облетела палатки и только в одной из них нашла двоих, о чем-то разговаривающих мужчин. Говорили по-украински, и она из разговора поняла, что один из них здесь старший. Девочка подчинила их и, убрав сферу, зашла в палатку.

— Вы можете взорвать все орудия и боеприпасы? — по-украински спросила она командира. — Минометы я отношу к орудиям, они тоже должны быть взорваны!

— Дело на пять минут, — ответил он и спросил: — А зачем?

— Постройте перед палаткой весь личный состав, — приказала Настя. — Я скажу, что делать, и все объясню.

На построение потребовалось несколько минут, и у нее была возможность подчинять подходивших бойцов по одному. Справиться сразу со всеми она могла и не успеть.

— Слушайте, что я вам скажу! — обратилась она к стоявшим в неровной шеренге бойцам. — Украина ждет от вас подвига! Сейчас вы заминируете всю свою технику и боеприпасы и все к чертям взорвете! После этого срочно уходите отсюда подальше. Через полчаса все здесь будет захвачено, поэтому ничего вывезти не успеете! Воевать прекращаете и расходитесь по домам. Вы уже достаточно отдали свой долг родине, пусть теперь воюют другие. То, что я вам сказала, должно быть выполнено со всей возможной быстротой. Только смотрите, не подорвитесь сами. Выполняйте! Командир, подойдите ко мне. У вас есть

лишний пистолет?

— Возьмите, — он расстегнул кобуру и протянул ей пистолет. — Мне он уже не нужен.

Забрав оружие, Настя прошла по позициям и стерла у всех в памяти свой образ. Но сам приказ они помнили и выполняли бегом. Вызвав сферу, она отлетела метров на триста и стала ждать. В озвученные офицером пять минут демобилизованные ею бойцы не уложились, им понадобилось в три раза больше времени. Как выяснилось, отлетела она недостаточно далеко. В том месте, где стояла батарея, полыхнуло так, что она непроизвольно зажмурилась. Секундой позже по ушам ударил грохот взрыва, и почти сразу пришла ударная волна. Кувыркаясь в отброшенной сфере, перед тем как потерять сознание, девочка каким-то чудом смогла обратиться к перстню. Видимо, беспамятство длилось очень недолго.

— Настя! — услышала она в своей голове настойчивый голос браслета. — Твои силы на исходе, срочно возьми у меня, а то сейчас исчезнет шар, и ты разобьешься!

Она послушалась и сначала взяла у Раши силу, а потом осмотрелась. Сфера плавала над ее двором на высоте в полсотни метров. Да, с такой высоты она бы разбилась в лепешку. Девочка обратилась к перстню и повела шар к своему окну.

— Что-то с тобой не так, — когда исчезла сфера, сказал лежавший на ее кровати домовой. — Не скажешь, где была?

— Все со мной так, Марк, — пробормотала Настя, — просто сильно устала. — Уйди с кровати, я должна немного отдохнуть.

Она сняла куртку, отправила на хранение пистолет и, скинув испачканные грязью сапоги, повалилась на кровать. Покачав головой, домовой взял сапоги и исчез вместе с ними. Минут через десять они, уже чистые, стояли в прихожей, а грязь с пола была тщательно убрана. Первой в комнату к Насте заглянула мать.

— Ты не забыла, что у вас сегодня бассейн? — напомнила она дочери. — Скоро час. Не хочешь легко пообедать? До двух все немного утрясется.

— Спасибо, не хочется, — отказалась девочка. — И Олю не кормите. Она малым не обойдется, а потом не сможет плавать. Мы уйдем ненадолго, а после купания пообедаем.

— А что это ты в кровати? — удивилась мать. — Валяешься просто так, без книги. Ты не заболела?

— Я себя хорошо чувствую, — ответила она. — Просто захотелось полежать. Могу я немного расслабиться? Минут десять полежу и встану.

В бассейн поехали на такси, которое вызвали по телефону. У кассы девушек не было, но они не договаривались, где встретятся, поэтому Настя купила билеты, заплатив за них всего по сто рублей, и повела сестру в раздевалку. Бассейн при двадцать седьмом лицее был небольшой, но и людей в нем было немного. Оля в купальнике жутко стеснялась, но только до тех пор, пока не очутилась в воде. Движения она помнила и тут же попыталась плыть, едва не наглотавшись воды. Сделав ей пару замечаний и показав, как нужно плавать, Настя сама проплыла по одной из трех дорожек до конца и вернулась обратно. Малышка уже плавала, но держалась у ограждения, за которое время от времени хваталась рукой.

— Не хочешь выйти отдохнуть? — спросила ее девочка. — Ну как хочешь. Смотри, дальше не заплывай: там для тебя глубоко.

Из дверей гурьбой вышли девушки с секции. Рядом с некоторыми шли младшие братья и сестры. Настя поднялась по лесенке и помахала им рукой. Вскоре они уже все вместе плавали, ныряли с вышки и болтали, по очереди присматривая за молодняком. Этот поход в

бассейн сделал то, что не смогли сделать все ее поездки в секцию: она если и не подружилась с девушками, то стала для них своей. Сестра к концу их пребывания в «Жемчужине» уже неплохо плавала и даже пыталась нырять. Она была в полном восторге, к тому же познакомилась с мальчишкой ее возраста, поэтому уходила с большой неохотой. Они помылись под душем, высушили волосы феном и все вместе вышли из лица.

— Вы куда? — спросила Настю Алла.

— Пойду ловить такси, — ответила она.

Выяснилось, что за Аллой и ее братом должен подъехать отец. Жили они недалеко от Никитиных, поэтому могли их подвезти. Остальные попрощались и ушли, а они еще несколько минут ждали, пока подъедет старший Сулемин.

— Дочери Николая Алексеевича? — спросил приоткрывший дверцу полковник. — Конечно, подвезем. Садитесь, девочки.

После приезда их накормили обедом, а потом Оля ушла с матерью в комнату родителей делиться с ней своими впечатлениями, а Настя села рядом с отцом смотреть новости.

— Что-то сдохло в лесу, — пошутил он. — Тебе мало компьютера? Я уже не помню, когда ты смотрела этот ящик для идиотов.

— Я посмотрю только новости, — ответила она. — Папа, что это за пушка?

В ее руке появился пистолет, который она протянула отцу.

— Ого! — удивился он, взяв у нее пистолет. — Откуда у тебя этот крутой ствол?

— Сначала ответь ты.

— Это семнадцатый глок, — ответил отец. — Этот армейский пистолет производят в Австрии. За счет пластикового корпуса он легче других. По-моему, в нем семнадцать патронов девять на девятнадцать. Хорошая машинка, но наш СПС лучше. А теперь рассказывай.

Отцу она рассказала о последнем полете, ничего не скрывая, и предупредила, что матери с Таней об этой ее способности лучше не знать.

— Об этом вообще никому нельзя знать! — взволнованно сказал он. — Если узнают, за тобой начнется охота! Для тех, кто правит государствами, ты — самое страшное оружие, какое можно придумать! От тебя можно укрыться, окружив себя телохранителями или забившись в какое-нибудь никому не известное убежище, но многие пойдут на такую жизнь? Возможность проникнуть в любое место, для которого есть фотография, и незримо в нем присутствовать — это... у меня нет слов!

— Я стерла всем память...

— Всего не предусмотреть, — возразил отец. — Ты уверена в том, что обработала всех? Там ведь еще должно было быть боевое охранение. Оно выдвигается в сторону противника, поэтому ты могла их бойцов не увидеть. Видели ли они тебя — это вопрос! Я тебя попрошу больше так не рисковать! Вместо взорванной техники и боеприпасов через несколько дней привезут другие. Это, моя милая, государство, и одиночки с ним много не навоюют, даже такие, как ты. Допросят твоих зомби и узнают, что противник применил какую-то психотропную дрянь. Откуда она у ополченцев? Ясно, что мы им что-то подкинули. Так это и воспримут, еще и подбросят прессе! Единственный плюс от твоей авантюры — это то, что уничтоженная батарея не будет стрелять по Донецку. Но пойми, что им ничего не стоит поставить там две такие батареи и навестать упущенное! Там сейчас тупиковая ситуация и решит ее очередное крупное сражение. Если не отбросить противника километров на тридцать-пятьдесят, все эти провокации будут продолжаться без конца.

Никто из тех, у кого там сейчас власть, не заинтересован в мире, не говоря уже об американцах. Мне тебе и дальше читать политинформацию, или до тебя уже дошло?

— Не собираюсь я туда больше лезть, — ответила Настя. — Из пистолета научишь стрелять? Не бойся, он будет на хранении, как и все остальное. Использую, если прижмет. Магия все-таки действует недалеко.

— Этот ствол тоже прицельно бьет только на пятьдесят метров, — предупредил он, — и патронов я к нему не достану. Проси своего Митрофанова, пусть привезет из-за границы. Там патронов под Парабеллум как грязи.

— Держи свой график, — сказала директорша. — Как ты и просила, сделала по три экзамена в день. Если у тебя получится их сдать, через пять дней станешь восьмиклассницей. Ни пуха тебе, Никитина, ни пера!

— Ну и что мне теперь говорить? — притворно огорчилась Настя. — Если поблагодарю, то завалю экзамены, а если пошлю вас к черту, поставите двойку по поведению и вызовите родителей.

— Иди, актриса, — рассмеялась Алла Константиновна. — Зайди в учительскую, там сейчас Ирина Алексеевна, можешь ей сдать английский. Это у нее много времени не займет.

В учительской, помимо англичанки, сидели еще две учительницы. Поздоровавшись, девочка попросила принять у нее экзамен.

— Расскажи, куда запропастилась и чем занималась, тогда приму, — на английском языке сказала Ирина Алексеевна. — Рассказывать можешь на родном языке, пусть и другие послушают.

— Я уж лучше расскажу на английском, — ответила Настя. — Совмещу рассказ со сдачей экзамена. А остальным вы, если хотите, расскажете сами.

— Можно и так, — кивнула англичанка. — Ни у кого в школе не слышала такого произношения. Никогда не верила в чудеса, а твой случай из разряда чудес. С нетерпением жду, что ты мне расскажешь.

— Правду, — пожав плечами, сказала девочка. — Язык я не учила, это подарок одной знакомой богини. И из дома я не убегала, это она меня отправила в свой мир. Пришлось там жить с людоедами, общаться с духами и драться с жрецами. Стала крутой воительницей и магом, а перед возвращением правила королевством размером с Англию.

— Очень содержательный рассказ, — согласилась учительница. — Особенно порадовало, что твое знание языка — подарок бога. Это многое объясняет. Я скорее поверю в твой рассказ, чем в то, что троечница через полгода сможет говорить как чистокровная англичанка. Хочешь добавить что-нибудь еще?

— Я могу говорить долго, — заверила ее Настя, — вы только назовите тему.

— Давай свой аттестат, — сказала Ирина Алексеевна. — Твои фантазии я послушаю как-нибудь в другой раз.

Получив первую пятерку, девочка оделась в раздевалке и ушла домой. Второй экзамен у нее был назначен после четвертого урока, а третий — после занятий. Когда шла домой, в кармане куртки заиграл мобильник. Вызывал дед.

— Не скажешь, для чего тебе фотография моего двора? — спросил он. — И почему не позвонила, а занялась писаниной?

— Дед, это сюрприз, — ответила она. — Потому и не звонила, что не хотела таких разговоров. Ты просто сделай.

— Уже сделал, — проворчал он. — Снимок в том ящике, который ты указала. Надеюсь, что сюрприз будет приятным.

Похваставшись матери первой пятеркой, Настя села за комп и зашла в открытый вчера почтовый ящик. Скачала присланную дедом фотографию и постаралась лучше запомнить вид пятиэтажного дома, наверное, еще дореволюционной постройки. Адреса она не знала, поэтому пришлось спросить у матери и немного подействовать на нее магией, чтобы не

врать в ответ на вопрос, зачем он нужен, если можно позвонить.

— Бросай свою книгу, — тихо сказала девочка Оле, — сейчас полетим в гости к деду. Только тихо! Для всех мы идем гулять.

Малышка бросилась переодеваться, а Настя опять зашла в комнату к матери.

— Мама, я пойду погуляю с Олей. Экзамен еще не скоро, поэтому мы можем задержаться.

— Конечно, сходите, — одобрила мама. — Можете и Таню взять с собой.

— Мы ее возьмем в другой раз, — ответила девочка и пошла в прихожую к уже одетой и пританцовывающей от нетерпения сестре.

Настя тоже оделась и вывела Олю на лестничную площадку.

— Прижмись ко мне, — сказала она малышке и вызвала сферу.

— Мы не улетим в космос, как Алиса? — спросила отлипшая от сестры Оля. — Сейчас я уже не испугаюсь.

— В космос слетаем как-нибудь в другой раз, — ответила девочка. — Такие полеты требуют слишком много сил. К тому же у меня скоро экзамен. Навестим деда и вернемся.

— Я так и думал, что вы собрались к нему, — пропищал убравший невидимость домовой. — Что на меня так смотришь? Сказала, что будешь брать с собой, а сама удрала.

— Мы собрались совсем ненадолго, — ответила ему недовольная Настя. — Больше так не делай. Нам придется выйти из шара, а как ты пойдешь без куртки и в тапочках? Придется мне нести тебя на руках.

— Меньше потаскаешь свое железо, — невозмутимо отозвался он, — и в следующий раз не будешь обо мне забывать.

Прекратив с ним спорить, девочка привела в действие заклинание.

— Хороший дом, — одобрил домовой. — Старый.

— Много народа, — озабоченно сказала Настя, глядя сверху на знакомый ей по фотографии двор. — И эти задирают головы. Марк, не болтай, мне нужно сообразить, где дедов подъезд.

Подъездов было три, и по ее подсчетам выходило, что нужно лететь в средний. Сфера прошла сквозь стену и быстро доставила их к нужной двадцатой квартире.

— Хотела пройти пешком, но так будет лучше, — сказала девочка, — и тебя не тащить. В квартиру не полетим, а то напугаем деда.

Она опустила и убрала сферу, придержав своих низкорослых спутников, чтобы не упали. Домовой сразу же стал невидимым, а Настя подошла к двери и позвонила.

— Я ожидал чего-нибудь такого! — обрадованно сказал совсем не удивленный их появлением Сергей Алексеевич. — Заходите в квартиру.

— Настя тебе позвонила? — спросила освободившаяся от куртки Оля.

— От нее дождешься, — усмехнулся дед. — Догадаться несложно и без звонков. Если у вас есть шар, на котором можно выйти в космос или перейти в другой мир, что для него тысяча километров полета! Долго летели?

— Нисколько, — ответила Настя. — Перемещение происходит мгновенно по нужному образу. Для этого и нужна фотография. Как такое может объяснить твоя наука?

— Проходите в гостиную, — пригласил он. — Сейчас поставлю чай и достану пирожные. Как знал, что они понадобятся.

— Мне тоже можно войти? — спросил услышавший о пирожных домовой.

— И вы здесь, уважаемый Марк? — обрадовался Сергей Алексеевич. — Конечно

проходите и можете стать видимым. У меня в квартире никого, кроме вас, нет.

Он быстро накрыл на своей громадной кухне сладкий стол и пригласил к нему гостей.

— Мои любимые! — обрадовалась Оля, увидев эклеры. — И никуда не нужно ходить!

— Еще сходим, — сказал старик. — В Москве для вас много интересного. Вы ко мне надолго?

— Скоро уйдем, — ответила Настя. — У меня через полтора часа второй экзамен. Сказала маме, что идем гулять и почти не соврала. Но мы тебя теперь будем часто навещать, так что запасайся пирожными.

— Родители не знают? — спросил дед.

— Не знают мама с Таней, — сказала девочка, — а отцу вчера сказала. Он возмущался насчет обстрелов Донецка, ну я и решила помочь.

Она коротко рассказала о своем налете на ВСУ, а потом о разговоре с отцом.

— Правильно он тебе объяснил, — сказал взволнованный старик. — Пусть этим занимаются те, кому положено, а тебе туда лезть нечего! Если не убьют, то раскроешь свои способности. Тебе рассказать, сколько найдется желающих их получить? Ах, никто, кроме тебя! Это хорошо, только кто же в такое поверит? Сначала захотят попробовать, и не факт, что ты при этом уцелеешь!

— Я уже сказала, что больше туда не полезу! — рассердилась Настя. — Сколько можно капать мне на мозги!

— Как ты летаешь в своем шаре? — спросил Сергей Алексеевич. — Он невидим?

— Никто ничего не видит, — ответила девочка. — Улететь могу прямо из квартиры, а появиться только где-нибудь на улице.

— Почему такая разница? — удивился он.

— Совершенно случайно узнала, что мое появление сопровождается сильным хлопком, — пояснила Настя. — Думаю, что это как-то убирается воздух. Почему нет хлопка, когда исчезает шар... Этого я, дед, не знаю. Я могу появиться и в твоей гостиной, только боюсь, что у тебя вылетят все стекла. Можешь на время оглохнуть.

— Если будет резкий скачок давления, я могу не отделаться глухотой, — сказал старик. — Можно и дуба дать. Ладно, разбираться с твоей техникой — это попусту тратить время. Ее работу можно объяснить неизвестными нам пока свойствами пространства. Но вот чего я не могу понять, так это того, как происходит привязка точки финиша к наугад выбранному образу. Для такого нужно иметь невероятно сложную поисковую систему, которая отслеживала бы каждую точку нашей планеты!

— Это не техника, дед, а магия! — сердито сказала девочка. — У меня на этих образах работает треть всех заклинаний! А ты уцепился за свою науку...

— Она уже не моя, — вздохнул он. — Ладно, пусть будет магия. Хорошо, ты возникла во дворе, а как действуешь дальше?

— Пролетела сквозь стену в подъезд и нашла твою квартиру. Могла бы и в нее влететь, но это как-то невежливо. К тому же ты мог испугаться.

— Считай, что я и так испугался, — сказал старик. — Испугался за тебя. В твои руки попала волшебная вещь, которую у тебя заберут. Если поймут, что без тебя не обойтись, будешь приложением к своему перстню. Возможно, тебе в оплату дадут все, что захочешь, все, кроме свободы и возможности жить так, как хочешь тебе.

— Много ты знаешь по-настоящему свободных людей? — спросила она. — Кто может жить без оглядки на свое окружение? Если такие и есть, то их единицы! Я не очень боюсь

потерять часть независимости в обмен на те блага, о которых ты говорил. Часть, но не всю! Можно оказывать какие-то услуги, но я никогда не соглашусь стать приложением к перстню! Если мне предложат сделать какую-нибудь гнусность, я должна иметь право свернуть им кукиш! Вот за это я и буду бороться! У меня ведь не только перстень, я и сама многое могу!

— Попробуй, — с сомнением сказал он, — может, и получится.

— Пирожные закончились, — напомнила о себе Оля.

— Мама меня и так будет ругать за то, что ты ими объелась, — сказала Настя. — Как ты теперь будешь обедать? Все, собираемся, а то у меня уже почти нет времени. Оля, быстрее одевайся. Можешь не обниматься, завтра снова увидите.

— Ты только позвони, — сказал Сергей Алексеевич Насте, — а то я не весь день сижу дома.

— Обязательно, — пообещала она и вызвала сферу.

Возникли опять во дворе, влетели в подъезд и пару минут подождали на своей лестничной площадке, пока пройдут жильцы с четвертого этажа. Потом девочка открыла дверь для Оли с домовым, а сама побежала в школу. Она не опоздала, но подбежала к учительской за пару минут до назначенного срока. Кроме нужной ей учительницы математики, в комнате присутствовала завуч.

— Садись за этот стол, — показала ей Светлана Викторовна. — Ты что будешь сдавать, алгебру или геометрию?

— Могу все, — ответила она. — Ой, Светлана Викторовна, а я забыла взять ручку и тетрадь...

— Вижу, что неслась во весь опор, — усмехнулась математичка. — Найду я для тебя пару листов и ручку. Давай сегодня попробуешь сдать алгебру, а геометрию как-нибудь в другой раз. Ты должна решить эти десять примеров. Сколько тебе на них потребуется времени?

— Если подробно не расписывать, то минут десять, — ответила Настя, вызвав удивленные взгляды учителей.

— Лучше распиши, — сказала Светлана Викторовна. — Это экзамен, а не соревнование, поэтому тебе нужно решить не быстро, а правильно!

Настя села за стол, положила перед собой лист с примерами и начала решать их один за другим, быстро и подробно описывая все действия.

— Неужели все? — не поверила учительница, когда девочка сказала, что все выполнено. Она несколько минут изучала ее записи, а потом поставила отлично.

— Иди, Никитина, — сказала Светлана Викторовна, отдавая ей табель. — Геометрику сдашь в другой раз. Ты меня удивила!

Точно так же удивилась учительница географии, которая согласилась сегодня задержаться после окончания уроков. Она задала Насте больше десяти вопросов и получила на них исчерпывающие ответы. Вопросы задавались вразнобой, а отвечала на них девочка без подготовки.

— Сдала три экзамена на пятерки, — похвасталась она вечером отцу.

— Легко учиться, когда все само запоминается, — сказала сидевшая в гостинной Таня. — Даже мне теперь достаточно один раз прочитать. И в голове такая ясность, что все понимаешь без объяснений. А ты говорила, что я еще буду улучшаться. С такой головой можно поступать в институт. А как у тебя, папа?

— Память улучшилась, — ответил он, — причем не просто стал лучше запоминать, но и вспоминается то, что было давно забыто. Еще заметил, что стал меньше уставать. А в остальном как был умным, так и остался. Настя, мы будем ездить на секцию? Я заметил, что в последнее время ты это делаешь без большого желания.

— Наверное, нужно заканчивать, — решила девочка. — Все, что хотела, я уже отработала, а остальное — только для взрослых. Ездить сейчас — только зря терять время, особенно тебе. Но я буду поддерживать отношения с двумя девушками. Мы вроде бы подружились. Одна из них живет совсем рядом. Это Алла Сулемина. А вторая часто к ней ездит.

— Сулеминых знаю, — сказал отец. — Хорошая семья. А кто вторая?

— Ольга Бессонова. У меня почти все схватки были с ней.

— Майора Бессонова почти не знаю. Значит, бросаем? Алексей расстроится. Он надеялся, что ты профессионально займешься спортом. Не сейчас, а через год–два. Сказал, что такие упертые, как ты, ему еще не попадались.

— Не хочу, — ответила Настя. — Ты же знаешь, что у меня спорт только для себя. Вот когда подрастет Оля, мы ее ему и подсуем. У малышки горячее желание научиться бить морды, а я с ней до борьбы пока не дошла.

— Чем она сейчас занимается? — спросил отец. — Если не лежит на диване с книгой, значит, сидит за компьютером. Ты ей не слишком сильно раскочегарила мозги? В семь лет прочитать столько книг...

— Смотрит с Марком какой–то фильм, — ответила девочка. — Ты знаешь, Оля поразительно быстро осваивает работу с компьютером. И ведь я ей ничего не показывала. Она мне теперь почти не задает вопросов, сама находит ответы в сети. Была робкая, а скоро станет излишне самостоятельной. Я ей еще кое в чем помогу, и у вас не будет проблем с ее учебой. Не знаю, как в первых классах училась Таня, а со мной мама намучилась.

— Я была поумней и не такой робкой, как ты, — улыбнулась сестра, — но проблемы все равно были. Ладно, общайтесь, а я пойду заниматься. Надо будет договориться с врачами, чтобы я через неделю пошла в школу.

— Как я говорил, так и вышло, — сказал отец, когда Таня закрыла за собой дверь. — Я говорю о твоей выходке с уничтожением батареи. Новости не слушала?

— Я их вообще редко слушаю, а сегодня у меня экзамены и дед, — ответила Настя. — Что передали?

— Помнишь, я говорил об охранеении? У них было несколько секретов, и боец одного из них тебя видел. Возле батареи ровное место без деревьев, поэтому видно далеко и не нужно все время смотреть в сторону противника, ненадолго можно и отвлечься. Этого заинтересовало, для чего командир собрал бойцов. Пока они стояли в строю, он тебя не видел, а вот когда разбежались и принялись как ошпаренные носиться по батарее, увидел девчонку, которая расхаживала по объекту, как у себя дома. Походила, а потом вдруг исчезла. Секрет был в двухстах метрах от места взрыва, поэтому этот парень не пострадал. Бойцы от своей батареи далеко не ушли. Их задержали и начали разбираться. Когда выяснили, что они по чьему–то приказу уничтожили все вооружение и боеприпасы, всех арестовали и вывезли разбираться. Наверное, разбирались жестко и очень скоро убедились, что у всех частичная потеря памяти. Этот глазастый молчать не стал, а наверху решили, что это хороший случай во всем обвинить нас. Мы передали ополченцам какую–то дрянь, а они ее распылили и провели зомбирование личного состава батареи, использовав для этого

детей. Вряд ли в такое многие поверят, но в газетах напечатали. Кстати, это кадр рассматривал тебя в оптический прицел. Ты и сейчас скажешь, что это была безопасная прогулка?

— Ты умный, а я дура, — сказала расстроенная девочка. — Устроил тебя этот ответ?

— Не обижайся! — сказал он, обняв дочь. — У тебя и так не будет легкой жизни, а ты еще сама ее усложняешь и рискуешь собой. Больше я об этом разговаривать не буду.

Он сел к телевизору, а Настя вернулась в свою комнату и выключила компьютер. Начавшие смотреть второй фильм зрители немного пошумели и разошлись.

В понедельник никто из учеников не успел узнать, что Никитина начала сдавать экстернат и умудрилась за один день получить три пятерки, а вот во вторник об этом знала вся школа. Биологию ей назначили на большую перемену, а историю и русский язык нужно было сдавать после уроков. Девочка предполагала, что ее сдача может вызвать ажиотаж, поэтому пришла немного раньше и ждала звонка возле учительской. Здесь ее и увидела завуч.

— Иди в мой кабинет, — сказала Маргарита Ивановна. — У тебя сдача биологии? Сейчас направлю к тебе Ирину Максимовну. Я думаю, что много времени вам не понадобится, а там никто не помешает.

Сдача экзамена заняла десять минут, и табель Насти украсила еще одна пятерка. Уйти тихо не получилось.

— Ребята, Настя! — на весь коридор заорал Борька Васильев. — Никитина, подожди!

Почти все уроки у семиклассников были на втором этаже. На первом находились только спортзал и класс ОБЖ. Эта самая ОБЖ была у ее одноклассников следующим уроком, поэтому на Борькин вопль сбежался почти весь класс. Быстро выяснили, что она сдала еще один экзамен и опять на отлично.

— В нашем классе будет супергерла, — восторженно сказал Сашка Дроздов. — Королева!

— Почему королева? — спросила она у мальчишки, из-за которого когда-то лила слезы.

— Так тебя назвала англичанка, — объяснила вместо Сашки Аня. — Когда следующая сдача?

К счастью, прозвенел звонок, и все нехотя потянулись в класс, а Настя быстро оделась и ушла домой. С полетом к деду ничего не получилось. И времени между экзаменами было мало, и девочка получила выговор за пирожные перед обедом.

— Полетим в выходные на весь день, — сказала она расстроенной сестренке. — Скажем маме, что идем в гости к моим подругам.

Деду тоже позвонила и передала, что планирует провести у него выходные. Оба экзамена Настя сдала на отлично, а потом сбежала из школы через дальнюю калитку, потому что у той, которой обычно пользовалась, ее поджидали мальчишки. Действовать на них магией не хотелось. Девочка поймала такси и сделала то, что уже несколько дней числилось в планах: купила маску с трубкой и ласты. После десяти вечера в ее комнату никто не заходил, так что можно было без оглядки на родителей совершить вылазку на остров. Домовой не отозвался, поэтому Настя улетела одна. На этот раз остров предстал перед ней во всем своем великолепии. Если судить по солнцу, в этом месте было примерно десять часов утра. Вид океана не вызвал страх, наоборот, он привел девочку в восторг. Кристально чистая, голубая с едва заметным зеленым оттенком вода лагуны притянула ее

как магнитом. Положив на песок сумку со снаряжением, она бросилась в воду и с полчаса плавала и ныряла, не удаляясь далеко от берега. После этого выбралась из воды и легла на уже теплый песок.

«Как же он нагреется к обеду? — подумала Настя. — И загорать долго нельзя. Даже если не получу ожоги, замучаюсь отвечать на вопросы, где так можно загореть в конце апреля. И шапку от солнца нужно купить, резиновая ее не заменит».

Полежав на песке, она открыла сумку и достала маску и ласты. Одела все это и, пятясь, вошла в воду. Кто хоть раз видел мир кораллов, пусть даже в кино, тот знает, как трудно выразить его красоту словами. Огромное разнообразие живых созданий самых разных форм и цветов... Настя долго плавала, опустив голову и дыша через трубку. Девочке захотелось взять на память хоть кусочек этого великолепия. Увидев небольшой коралл ярко-красного цвета, она вызвала с хранения один из кинжалов и нырнула. Ее подвело то, что глубина была гораздо больше, чем казалась. Не проплыв и половины расстояния до красного кустика, она вынуждена была вернуться. Этот нырок чуть не закончился трагически. Плавать с трубкой у поверхности воды не то же самое, что с ней нырять. Не продув трубку, девочка наглоталась воды и чуть не утонула. Утонули сорванная ею маска и брошенный в панике кинжал. Кашляя, она выбралась из воды и достала из сумки полотенце, которым вытерла волосы. Теплый ветер быстро высушил ту влагу, с которой не справилась ткань. К пальмам Настя не пошла, потому что сильно захотелось спать. Чтобы не шуметь во дворе, она перенеслась в сквер, а от него уже летела до дома. Появившись в комнате, бросила сумку и забралась под одеяло. На часы она посмотреть забыла и почти сразу уплыла в сон.

— Кто это намусорил? — разбудил Настю писк домового. — Откуда мог взяться песок?

— Будь человеком, дай поспать! — пробормотала девочка. — Потом сама уберу.

— Куда-то без меня летала, — сделал он вывод, — и летала ночью. А нельзя это было сделать днем и со мной?

— Марк, стукну подушкой! — предупредила она. — Выметайся из комнаты!

— Я-то уйду, — обиженно сказал он, — и даже уберу всю грязь. Тебе сказать, сколько времени? Кажется, у кого-то сегодня с утра были дела в школе. Тебе прогнать сон?

— Хорошо что напомнил, — сказала Настя. — Я спросонья забыла об этом заклинании. А у тебя оно какое?

— Нет у меня заклинания от сна, — ответил Марк. — Я хотел облить тебя холодной водой. Тоже неплохо действует.

— Садист, — зевая, сказала девочка. — Черт, уже восьмой час!

Этим утром она чуть не получила четверку. На все вопросы по обществознанию были даны заученные по учебнику ответы, но они почему-то учительницу не удовлетворили.

— Четверка, — сказала она, протягивая руку за табелем.

— А почему? — не отдавая ей бумагу, спросила Настя. — Я ответила на все ваши вопросы. Скажите в чем ошибка!

— Ты слишком разболталась и забыла, что такое дисциплина! — зло сказала учительница и застыла.

Девочка поняла, что добьется справедливой оценки только через директора. Что-то доказывать этой заразе бесполезно, а скандалить и давать пищу для пересудов не хотелось. Подчиненная магией женщина поставила пятерку и ушла с подчищенной памятью, а Настя тоже поспешила уйти, потому что оба оставшихся экзамена ей назначили после окончания занятий. Она считала себя правой, но вместо радости чувствовала гадливость. Вроде

поставила сама себе незаслуженно завышенную оценку. Вот ведь стерва!

Взвинченное настроение привело к тому, что она чуть не попала под машину. Водитель нарушил правила, а она не обратила внимания на проскочившую перекресток иномарку. Он успел затормозить, приоткрыл дверцу и принялся материть Настю, не стесняясь в выражениях. Если бы он ее назвал дурой, девочка выслушала бы и ушла. Неприятно, но, в общем—то, заслужила. Но эта орущая непристойности жирная сволочь ее взбесила. Толстяк заткнулся, захлопнул дверцу и, рванув с места машину, бросил ее на ближайший столб. Она уже привычно почистила память выскочившему из памяти машины хаму и пошла своей дорогой. Эта расправа не улучшила настроения, почему—то стало еще тяжелей.

— Раш, что со мной такое? — спросила Настя у браслета. — Почему все так противно и хочется плакать?

— Устала, — ответил он. — Ты за последний год слишком много всего пережила, слишком много знаний втиснула в голову. К этому добавилась подготовка к экзаменам и твоя прогулка на войну. Пока все шло прекрасно, ты этой усталости не замечала, но достаточно было не выспаться, а потом получить несправедливую оценку, чтобы все это проявилось. Возьми себя в руки или примени одно из трех общих медицинских заклинаний. Скоро сдашь экзамены и можно будет отдохнуть. У тебя для этого есть весь мир, а не только тот островок, за который ты уцепилась. Не мешает только разжиться валютой. Как ты думаешь, для чего тебе разрешили вернуться и не отобрали перстни и меня?

— Думать можно все что угодно! — сердито ответила девочка. — Я вашей Вероне в голову не залезу!

— А ты не кипятись, а вспомни, что она говорила. И ты сама об этом говорила родителям. Конечно, богиня не просто развлекается, но и это тоже. Очень ей интересно смотреть, как ты сдаешь свои экзамены? В том мире ты смогла потряхнуть одно королевство, в этом мире ты его можешь потряхнуть весь!

— Наш мир опасно трясти, — сказала она. — И потом как бы меня саму не стали трясти. Думаешь, это так трудно?

— А это как ты себя поведешь, — возразил Раш. — Можно сделать так, что с тобой просто побоятся связываться. Я ведь впитал не только твою память, я вобрал в себя часть твоей личности, поэтому ты для меня как прозрачное стекло. Ты ведь сама не хочешь прожить тихую и благополучную жизнь, иначе вела бы себя совсем по—другому. А если хочешь прожить ярко, придется рисковать! Только риск должен быть не дурной, а продуманный!

— Ты не браслет, а демон—искуситель, — улыбнулась Настя. — Черт, Сашка!

Заболтавшись с браслетом, девочка не заметила стоявшего возле ее дома мальчишку. Он ее увидел, поэтому отводить глаза было поздно, а подчинять одноклассников она не хотела.

— Привет! — сказал он, подходя к Насте. — Что остановилась? Не из—за меня?

— Оказался самым хитрым? — сказала девочка. — Зря вы, Саша, меня караулите. Если бы я хотела с кем—нибудь общаться, я бы от вас не бегала.

— А что случилось? — с обидой спросил он. — Что со мной не так? Я ведь знаю, что тебе нравился. Мне Наташка сказала, но это и так было видно.

— С вами все так, не так со мной, — ответила она. — Отойдем с дороги к домам, а то здесь часто ездят. Ты хочешь узнать ответ, но если я отвечу, ты обидишься.

— Пусть будет обида, — не согласился он, — незнание хуже.

— Как хочешь, — согласилась Настя. — Я попала в переделку и пришлось срочно

взрослеть. Нет, это совсем не то, о чем ты подумал. А теперь мне с вами просто неинтересно. Чтобы была дружба, должна быть общность интересов, а у нас ничего общего нет. Я ведь и в класс не вернусь. Подумай сам, какой мне смысл сидеть с вами год, если я за это время сдам экстернат за три класса, а то и совсем закончу школу. Только для того, чтобы с кем-то обмениваться записками и гулять на переменах? У меня сейчас будет такая жизнь, в которой ни для кого из вас места нет. Как тебе объяснить, чтобы было меньше обиды... Вот у тебя есть младший брат. Ты его любишь и иногда с ним возишься. А смог бы ты с ним дружить? И не тогда, когда он вырастет, а сейчас?

— Ты повзрослела, — согласился он, — и способности появились такие, что все завидуют. Я понял насчет дружбы, но если есть чувства...

— Чувства без дружбы — это... В общем, сам должен понимать! А меня малолетние поклонники уже достали! У тебя есть чувства, но их нет у меня! Не ходи за мной и передай то же самое мальчишкам. Вот не хотела я с вами об этом говорить!

Она вошла во двор, оставив за спиной не только обиженного мальчишку, но и детство, которое только что от себя оторвала. Будь прокляты все боги и богини с их проверками!

— И сколько вы у меня погостите? — поинтересовался открывший им дверь Сергей Алексеевич.

— В принципе, мы можем задержаться до семи, — ответила, снимавшая куртку Настя.

— А если без принципа? — спросил он. — Спрашиваю для того, чтобы спланировать одно мероприятие.

— Я не знаю, чем нам здесь заниматься, кроме общения с тобой, — сказала девочка. — Летом можно было бы походить по паркам или съездить в ваш зоопарк, а сейчас... Холодно и сверху капает — куда идти в такую погоду? А все эти развлекательные центры с аттракционами могут быть интересными Оле, а не мне. Да и у нас их хватает, были бы деньги. Есть кое-какие выставки, куда еще можно было бы сходить, но это неинтересно Оле.

— Есть аквапарки и океанариум, — предложил он.

— Дед, у меня куча коралловых островов, — засмеялась Настя. — Пока была только на одном, но он очень неудобный из-за разницы во времени. Сейчас там ночь. Но я найду другой. Это гораздо лучше любого аквапарка, а если погрузиться в сфере, то будет океанариум.

— Как ты рискуешь! — воскликнул он. — А если акула?

— И это говорит ученый! — опять засмеялась девочка. — Правильно говорят, что страх за близких отшибает разум. Ну какие акулы в закрытой коралловой лагуне? Да и вообще не людям нужно бояться акул, а наоборот. Я не знаю общей статистики, но в США за год от акул погибает всего один человек, а люди за это же время убивают сто миллионов акул!

— Все равно одной это очень рискованно.

— Я могла бы перевезти туда семью, но тогда обо всех моих возможностях узнают мать с Танькой.

— А может, не нужно от них таиться? — предложил старик. — Они и так о тебе знают достаточно, чтобы своими разговорами причинить неприятности. Таня разругалась со своим женихом, а просто так она никому ничего болтать не станет. Тебе станет легче меня навещать и не придется врать.

— Я посоветуюсь с отцом, — ответила она. — Давай подумаем о том, чем нам здесь заняться. О каком мероприятии ты говорил?

— А когда будут пирожные? — напомнила о себе Оля. — Давайте сядем за стол, а потом будете говорить.

— Да, заговорились! — засуетился старик. — Сейчас все поставлю. Вы что будете, кофе или чай?

— Мне ничего не надо, — отказалась Настя. — Обслужи этих обжор, а я пока подожду в гостиной.

Она устроилась на огромном старом диване, покрытом слегка потертыми волчьими шкурами, и подождала, пока он освободится.

— Хвостами этих шкур я играла, когда была маленькая, и мы приезжали к вам в Москву, — с грустью сказала она севшему в кресло старику. — Не скажешь, сколько лет этому дивану?

— Много, — усмехнулся дед. — Раритетная вещь. Жена все рвалась поменять, а меня он устраивает. Умру — выбросите. Не скажешь, откуда такая ностальгия по прошлому в столь

юном возрасте?

— Давай лучше перейдем к твоему мероприятию, — уклонилась от ответа Настя. — Это не знакомства, о которых ты говорил?

— В том числе, — сказал он, — но для меня главное, чтобы ты вылечила одного человека. У сына моего друга саркома, а ему еще нет тридцати. Два года назад женился, жена на пятом месяце беременности, а тут такое... Он уже все перепробовал и один раз оперировался, но получил только отсрочку. Ты можешь такое вылечить?

— Я не знаю, дед, — встревоженно ответила девочка. — Как бы такое лечение не вышло мне боком! И я вовсе не уверена в том, что у меня что-нибудь получится. Обнадеживать...

— Успокойся, никто об этом не узнает, — сказал Сергей Алексеевич. — Соберемся у друга, пообщаемся, а ты в это время полечишь. Тебе ведь необязательно это всем показывать?

— Никто ничего не увидит, — ответила она, — дело не в этом. Понимаешь, магическая медицина — это очень сложная наука. Большинство магов ее не изучает, а в курсе для Академии были только три общих заклинания. Выучить можно и остальные, толку-то! Самое сложное — это диагностика и разработка курса лечения для каждого больного. Для магов-медиков нет таких болезней, как ангина или гастрит, они все заболевания классифицируют по магическим зонам, на эти зоны и воздействуют. Вылечить могут все, но только при грамотном подходе. Нахватавшийся заклинаний самоучка угробит быстрее болезни. А мои заклинания считают всего человека одной зоной и воздействуют на все тело. Для их применения не нужно ни ума, ни опыта, но и толку гораздо меньше. Если выполнить все три, эффект усилится. Только для их выполнения мне нужен час. Вряд ли сын твоего друга столько просидит на одном месте, да еще отдельно от всех. Вообще-то, это необязательно, но, если он будет мотаться по квартире или сидеть в компании, я там зацеплю всех. Не поднимут они после этого шум? Вот Раш мне советует с этим не связываться.

— Твой браслет? Жаль, я на тебя очень рассчитывал. Замечательный человек и прекрасный ученый! Ладно, забудь о лечении. Я приглашу всех, кроме него.

— Как ты пригласишь? — не поняла Настя. — Ты же вроде сказал, что сборище будет у твоего друга.

— Сборище! Слово-то какое нашло. У меня много места, но некому все устроить, а у друга квартира побольше моей и помимо жены есть домработница. Я ему скажу, кого хотел бы увидеть, и он все устроит. Там будет наш ректор и еще несколько зубров от науки. Конечно, кто-нибудь может не прийти, но такое бывает редко. Его сын живет в своей квартире и вряд ли приедет к отцу, если не пригласить.

— Ладно, — согласилась девочка, — рискну, но только один раз. Скажи, дед, твои зубры знают какие-нибудь языки, кроме английского?

— Самохин и Ляхов знают французский, а Брагинский — испанский, — ответил он. — А для чего это тебе? Ты же вроде знаешь все языки. Хочешь блеснуть талантами?

— Можно и блеснуть, — согласилась она, — но я спросила не поэтому. Понимаешь, может, я и знаю все языки, но не могу вспомнить ни одного, пока не услышу. С английским все было просто, потому что я его хоть как-то знала, а вот на украинском заговорила только после того, как услышала разговор.

— Давай проверим, — предложил дед и перешел на французский: — Ну как,

понимаешь, что я говорю?

— Странное ощущение, — по-французски сказала Настя. — Я не знала ни одного слова, но стоило тебе заговорить, как сразу все стало ясным и понятным. Можешь попросить своего испанца сказать несколько слов?

— Конечно, — ответил старик, — а для чего тебе? Если возникнет необходимость, и с тобой заговорят...

— Не знаю, когда она возникнет, но теперь я могу любого за несколько дней обучить французскому, — перебила его девочка. — Например, Таньке не помешает знать несколько языков, да и Оле тоже. Я ведь и русскому ее учила магией.

— Полезная способность, — сказал он. — Я не помню, чтобы ты о ней рассказывала. Многого я о тебе еще не знаю? Ладно, на этот вопрос можешь не отвечать, ответь на другой. Чем вообще думаешь заняться? Я полагаю, ты не собираешься сидеть в школе четыре года?

— Школу я думаю закончить за год, — ответила Настя, — а дальше пока темный лес. Но я сейчас надолго не загадываю. Если начинаешь составлять такие планы, они рано или поздно летят кувырком! Так, твоим пирожным пришел конец, и сейчас нужно будет уделять внимание внучке. Давай договоримся так. Я ее оставляю у тебя, а сама возвращаюсь домой. У нас теплей и нет дождя, а по Москве я еще поброжу. Сегодня отец дома, поэтому я с ним прямо сейчас поговорю. Как он скажет, так и сделаю. Есть и другие дела. Скажи, когда мне подскочить.

— Обычно в выходные мы собираемся к четверем, а ты приходи на час раньше. Успеешь переделать свои дела?

— Успею, — ответила девочка. — У тебя есть какой-нибудь большой цветок, поставить на подоконник? Тогда я бы сюда влетала прямо со двора.

— Я все цветы раздал, — виновато ответил он. — Это у Вали они цвели, а у меня стали вянуть. Может быть, подойдет вентилятор? Он достаточно большой.

Дед собрался куда-то везти Олю, а Марку включил свой компьютер, поэтому домовой решил пока остаться, и Настя улетела одна.

— Что так рано? — спросила встретившая ее в гостиной мать. — И куда дела Олю?

— Я ненадолго, — ответила девочка. — Где папа?

— Я у него отобрала телевизор, поэтому он читает в нашей комнате.

Отец читал журнал «Полиция России» и тоже удивился ее раннему возвращению.

— Твой дед купил мало пирожных? — пошутил он. — Или уже надоела Москва?

— Там сейчас холодно и дождь, — ответила Настя. — В казино меня не пустят, а больше там делать нечего. Папа, отвлекись от своего журнала, надо поговорить. Понимаешь, была у меня мечта побывать на коралловом острове...

— Надо полагать, что ты ее втихаря осуществила. И когда это было?

— Несколько дней назад. Но там нет людей и вообще ничего опасного. И остров совсем маленький, а возле берега...

— А почему пришла с этим сейчас? — перебил он ее оправдания. — Есть причина?

— Дед узнал и сказал, что одной опасно, и вообще... Понимаешь, я ведь могу вас всех туда отвезти. Не сразу, а в три приема. Только во все нужно посвятить маму с Таней. Вот я и подумала...

— Плохо ты подумала, дочь! — сердито сказал отец. — Я все понимаю насчет мечты, но тащить на твой остров семью — это глупость! Ты подумала о том, что с нами будет, если с тобой что-нибудь случится? Четырех робинзонов будет многовато для маленького

острова! Если хочешь использовать свои возможности, делай это с умом! Отправляйся со всеми на ту же Кубу, где можно прекрасно отдохнуть. Сэкономить время и деньги, и мне из-за ваших полетов не трястись. А матери с сестрой надо все рассказать. Тогда тебе не придется заниматься конспирацией при визитах к деду. Можно даже оставлять ему Олю на несколько дней.

— Ладно, — нехотя согласилась Настя, — но еще один раз туда нужно наведаться. Ты когда-то занимался нырянием. Сможешь нырнуть метров на пять?

— Что-то утопила? — сразу же догадался он. — Кинжал? А почему ты с ним полезла в воду?

— Хотела отковырнуть коралл, — призналась она. — Показалось, что там неглубоко. А потом он мне мешал. Жалко оставлять, но если ты не захочешь...

— Надо было купить обычный нож и повесить на пояс, — сердито сказал отец. — Конечно, жалко, если за него дают миллионы! Я уж лучше несколько раз нырну за вещицей, за которую дадут десятка два моих окладов! Только надо будет купить маску и ласты. В следующий отпуск поеду в Крым, так что все равно пригодятся. Когда туда поедем?

— Только после десяти вечера. Там будет примерно десять утра. Я первый раз пошла днем, а там была ночь. Стало жутко, поэтому я почти сразу вернулась.

— Ладно, сейчас возьму машину и съезжу за резиной, — сказал он, вставая с кровати, — а ты пока просвещай женщин.

Мама с сестрой выслушали ее рассказ и отреагировали по-разному. Сестра все восприняла внешне спокойно, а мать просто не поверила.

— Хочешь, чтобы я поверила, что Оля в Москве? Как такое может быть?

— А что тебя так удивляет? — спросила Настя. — Если в шаре можно за минуту вылететь в космос и мгновенно перенестись в другой мир, что ему какая-то Москва? Вообще-то, о моих способностях можно было догадаться и без сегодняшнего разговора. Хватило бы моего рассказа после возвращения. Отец подал хорошую идею — отдохнуть на Кубе. Попадем туда за секунды без всяких полетов. А я вас еще научу испанскому, тогда будет совсем здорово!

— А можешь научить английскому? — спросила Таня. — Мне от него больше пользы.

— Могу даже французскому, — сказала девочка. — Научишься говорить и писать. Вот только насчет акцента не знаю. У меня его нет, а как с ним будет у вас...

— А куда это сорвался отец? — спросила мать. — Лежал со своим журналом, а после разговора с тобой побежал за машиной.

— Поехал за ластами и маской, — ответила Настя. — Я в лагуне утопила кинжал, а сама так глубоко не нырну. Вот и попросила отца. Он сказал, что с пяти метров достанет.

— Ты собираешься увезти отца на какой-то остров? — поразилась мать. — Так рисковать из-за какого-то ножа? Не пущу!

— За такой же нож нам заплатили три с половиной миллиона, — напомнила девочка, заставив маму задуматься. — А никакого риска не будет. Я уже там два раза плавала, а на дне, кроме кораллов, ничего нет. Рыбы не в счет: они все маленькие.

— И когда эта поездка? — спросила мать.

— Я думаю, после десяти вечера, — ответила Настя. — Из-за большой разницы во времени там будет утро. Я после обеда смотаюсь в Москву и верну Олю, а потом вернусь сама. Дед хочет взять меня с собой на академическую тусовку и с кем-то познакомиться.

— Какую тусовку? — не поняла мать.

— Его друзья время от времени собираются поболтать, — объяснила девочка. — Не у деда, а у его друга. Видимо, будет накрыт стол, потому что у нас даже ученые мужики не собираются просто за чашкой кофе. Там должен быть ректор МГТУ, с которым мне нужно познакомиться. Блат и все такое.

— Компания профессоров и академиков и ты? — с сомнением сказала мать. — Старик выжил из ума. Такое просто неудобно...

— Ты была бы права, если бы не было магии, — согласилась Настя. — А с магией мое появление никого не удивит.

— Ты собираешься поступать в дедов университет? — спросила Таня. — Но ведь за четыре года руководство могут поменять. Они там все старики.

— Я еще не знаю, куда буду поступать, — ответила девочка, — но школу постараюсь закончить за один год. Ну не хочу я сидеть в ней четыре года!

— Нормальный план, — одобрила сестра. — Через год освободишься и вряд ли в таком возрасте полезешь в студентки. И чем будешь заниматься?

— Я найду чем, — пообещала Настя, — сначала до этого нужно дожить. Ты не забыла, кто за мной смотрит в телевизор? Мне с таким надзором и на месяц загадывать рискованно.

Скоро приехал отец с покупками, и мать сразу же увела его в свою комнату. Настя сидела у себя за компьютером и не знала, чем закончились их разборки. Минут через двадцать мать крикнула ей, что обед на столе. Пообедали все вместе, после чего девочка пошла одеваться.

— Ты можешь уйти из комнаты? — спросил вошедший в прихожую отец. — Вот и сделай, а мы посмотрим.

— Смотрите, — ответила она. — Сфера невидимая, поэтому вы только увидите, как я исчезну.

Настю действительно перестали видеть, зато все видела она. Видела удивленные лица родных и то, как отец протянул руку и коснулся поверхности сферы. Звук сквозь стенки проходил, поэтому девочка попросила всех отойти и перенеслась во двор к деду. Здесь по-прежнему было пасмурно, и моросил дождь. Она нашла на втором этаже окно с вентилятором и направила в него сферу.

Деда с Олей еще не было, поэтому девочка пошла в кабинет к сидевшему за компьютером домовому.

— Хороший фильм, — сказала она, глянув на экран. — «Добровольцы». Наверное, у деда на компе одни советские фильмы. Он как-то говорил, что после развала не сняли ничего хорошего.

— Можешь не мешать? — спросил Марк. — Возьми телефон и узнай, куда они подевались. Уже без десяти четыре.

Настя ушла в гостиную и, созвонившись с дедом, передала, что прилетела и ждет.

— Мы уже возвращаемся, — сказал он. — Минут через десять будем.

Пока их не было, девочка взяла с книжной полки сказки Пушкина и переворачивала страницы, вдыхая какой-то особенный запах книги и рассматривая прекрасные иллюстрации, которыми любовалась в пять лет. Дед был прав в том, что все, связанное с детством, вызывало у нее грусть. Может, это из-за ее слишком быстрого взросления?

Олю она услышала, когда та еще поднималась по лестнице. Развлекательный центр, в который ее отвез дед, привел малышку в восторг. Сейчас она свой восторг изливала на окружающих. Чтобы отвезти сестру и вернуться обратно, Насте потребовалось меньше

десяти минут. Марка она пока трогать не стала. Дед заранее заказал такси, а ехать до его друга было недалеко, поэтому они зашли в его квартиру за двадцать минут до назначенного времени.

— Рассчитывал на пробки, а на улицах не так уж много машин, — говорил Сергей Алексеевич встретившей их пожилой женщине, — поэтому приехали так рано. Познакомься, Саша, это моя внучка Настя. Настя, это жена того замечательного человека, о котором я тебе говорил, Александра Яковлевна. Она сама одна из лучших женщин на свете. Если бы Николай не был моим другом, обязательно отбил бы!

— Сколько комплиментов, — засмеялась она. — Красивая у тебя внучка, Сергей. Познакомить ее, что ли, с Андреем? Пока он окончит свой университет, она уже станет невестой.

— Саша говорит о сыне младшего брата Николая, — пояснил дед Насте. — Он учится в МГУ на первом курсе юрфака и живет здесь у дяди. Можно познакомить, но позже, сначала я ее представлю нашей компании. Олег приехал?

— Пока нет, — ответила Александра, которая при упоминании сына перестала улыбаться. — Сказал, что постарается не задержаться. Проходите в гостиную.

Они сели на такой же большой диван, как и у деда, но современного производства, и стали ждать прибытия остальных. Не сказать чтобы стоявший в гостиной стол ломился от яств, но выпивки и закуски на нем было много. Через несколько минут к ним присоединился хозяин — невысокий, полнеющий мужчина, лет на десять младше ее деда.

— Николай Алексеевич, — представился он Насте. — Звания говорить?

— Прием неофициальный, поэтому можно и без званий, — ответила она, убирая магией его удивление. — Я ведь вам тоже себя не расхваливаю.

— Она у тебя прелесть! — расхохотался Николай. — Сколько же тебе лет, прекрасное дитя?

— За прелесть спасибо, — улыбнулась девочка, — а вот второй комплимент не принимаю. Мне уже, увы, четырнадцать!

— Будет через две недели, — отсмеявшись вместе с хозяином, сказал дед. — Это уникальная девушка, поэтому я решил, пока еще жив, познакомить ее кое с кем из друзей. Расхваливать не буду, сначала подожду, пока соберутся все.

Вторым приехавшим был еще нестарый полный мужчина с круглым лицом и густой, поседевшей шевелюрой, который с удивлением посмотрел на сидевшую в гостиной красивую девочку. Его удивление тут же сменилось чувством симпатии.

— Это ректор МГТУ, профессор и членкор Лев Леонидович Самохин, — представил его дед. — А это молодой вундеркинд и моя племянница Анастасия.

— Для друзей просто Настя, — сказала девочка и послала ему еще одну волну симпатии.

— Надеюсь, что я войду в их число, — улыбнулся он. — Больше никого не было?

— Сейчас должны подъехать, — сказал Николай, — Садись пока в кресло.

Следом за ректором приехал сын хозяина. Молодой, почти полностью облысевший мужчина чувствовал себя явно нехорошо, поэтому был раздражен, и Настя не стала с ним шутить, сразу запустив одно из исцеляющих заклинаний. Заодно она немного улучшила его самочувствие, чтобы не сбежал раньше времени. Последним гостем был старик с резкими чертами лица и каким-то мрачным взглядом.

— Это Алексей Иванович Брагинский, — представил его дед. — До недавнего времени

заведовал кафедрой, а теперь, как и я, отдыхает.

— Ляхова не будет, — сказал Брагинский, поздоровавшись со всеми, кроме Насти. — Кто это юное дарование?

— Настя, — представилась девочка, обрабатывая его магией. — Я себя из-за скромности расхваливать не буду, пусть это делает дед. А что делаю... Меня хотят с вами познакомиться в корыстных целях.

— По крайней мере, откровенно, — улыбнулся Брагинский. — Считай, что познакомились. Когда начнешь использовать знакомство? Спрашиваю, потому что не то у меня состояние, чтобы долго ждать. Может пропасть хороший блат.

— Еще не знаю, — ответила она, — может, никогда. За год думаю разделаться со школой, а куда поступать учиться дальше, пока не решила.

— Сдаст, — ответил Сергей Алексеевич на вопросительные взгляды друзей. — Так получилось, что она ни одного дня не училась в седьмом классе, но сама подготовилась к экстернату и сдала его на одни пятерки. И подготовка заняла всего месяц. Английский теперь знает лучше меня, да и французский. Алексей, скажи ей что-нибудь на испанском. Настя его выучила сама и хотела проверить, а никто из знакомых не владеет.

— И много времени у тебя заняло изучение языка? — на испанском спросил Брагинский. — Что молчишь, сеньорита?

— Думаю, что вам ответить, чтобы поверили, — на прекрасном испанском ответила девочка. — Я этим языком занималась меньше месяца.

— Великолепное знание языка, — удивленно сказал он. — Вы меня разыгрываете?

— Вы из-за меня еще не сели за стол, — сказала Настя. — Я такого внимания не заслуживаю.

— Похвальная скромность и явное нежелание делиться секретами, — усмехнулся Самохин, — но замечено верно. Николай, ты нас будешь приглашать к столу?

— Садитесь, — сказал хозяин. — Настя, ты с нами?

— Если можно, познакомьте меня со своим племянником, — ответила девочка. — Я не голодна, а он мне больше подходит по возрасту.

— Пойдем, познакомлю, — под смех мужчин сказала Александра. — Из тебя вырастет настоящая женщина. Со временем будешь разбивать сердца направо и налево. Если Андрей не дурак, должен оценить.

— И что мне делать с этой феминой? — спросил Александру симпатичный юноша, когда она представила ему Настю и предложила ее чем-нибудь занять.

— Если вам самому некогда, представьте меня этому псу, — предложила девочка, показывая, на лежавшего на коврике дога.

— Красавчик чужих к себе не допускает, — со вздохом сказал Андрей. — Придется мне... Эй!

Его окрик опоздал: Настя опустила на колени перед догом и принялась его гладить. Здоровенный, не меньше ее самой, пес виновато посмотрел на юношу и начал вылизывать девочке руки.

— Ну ты даешь! — удивился он. — Первый раз вижу, чтобы Красавчик так относился к чужим. Ты, вообще, откуда взялась?

— Меня выбрали тебе в невесты, — серьезно сказала девочка, заставив его открыть от удивления рот. — Мол, пока ты выучишься, сможешь воспитать для себя жену. Заодно не будешь отвлекаться от учебы на смазливых студенток. Я красавица, вундеркинд и вообще...

Не выдержав ошарашенного вида Андрея, она рассмеялась.

— Прикалываешься? — догадался он. — Я еще таких нахальных малолеток не встречал.

В каком ты классе?

— Только что сдала экстернат за седьмой, — ответила Настя, — а в следующем году думаю полностью разделаться со школой. Не веришь? Ну и не верь! Вот Красавчик мне верит. Правда, маленький?

Пес оторвался от рук и лизнул ее в лицо.

— Это тебе лет не прибавит, — вздохнул он. — Ладно, скажи, чем тебя развлекать?

— А тебе не терпится? — поддела она юношу. — Развлекать... Расскажи о нелегкой судьбе российского студента. Я до сих пор колеблюсь, поступать в вуз или нет. Если будешь убедительно плакаться, я наплюю на высшее образование.

— А ты ничего, — с интересом посмотрел на нее Андрей, — и не дура.

— Мог бы сказать, что очень умная, — засмеялась Настя. — Профессора с академиком захвалили так, что даже самой стало стыдно, а с тобой приходится напрашиваться на комплименты!

— Сколько тебе лет? — с подозрением спросил он. — Не могут соплячки так себя вести!

— На соплячку я обиделась, — сказала девочка, поднимаясь на ноги. — Пойду пить водку с профессорами: они мне предлагали.

Ей надо было запустить второе заклинание, поэтому обида была кстати. Она вышла в гостиную к беседующим мужчинам и сидевшей с ними за компанию хозяйкой.

— Не понравилась Андрею? — спросил уже немного выпивший Николай. — Или он не пришелся по сердцу?

— Сразила обоих, — ответила Настя, — только пес меня вылизал, а ваш племянник обидел. Наверное, это у него комплекс неполноценности. Мужчинам трудно принять превосходство женщины!

— Тебя вылизал Красавчик? — не поверила Александра. — Эта зверюга и меня только терпит. А чем тебя обидел Андрей?

— Не люблю, когда мне не верят, — ответила девочка. — Хотите, я сейчас приеду на нем верхом? Не на вашем племяннике, а на собаке.

— Если случится такое чудо, с меня подарок, — засмеялся Николай. — Настя, не вздумай забираться на собаку! Я пошутил!

Девочка, не слушая, что ей говорят, вернулась в комнату к Андрею, оседлала дога и заставила везти себя в гостиную.

— Тебе сколько лет? — рассердился дед. — Немедленно слезь с собаки!

— Подумаешь! — сказала она, отпуская Красавчика. — Зато теперь все знают, что я говорю только правду, а с Николая Алексеевича подарок!

— И чего же ты хочешь? — спросил Николай.

— Пока ничего, — ответила Настя. — У меня есть все, что нужно. Пока побудете в должниках. Александра Яковлевна, где мне можно посидеть, чтобы вам не мешать?

— Пойдем в кабинет, — сказала хозяйка. — Книжки там не для тебя, но есть компьютер. Если надоест, скажешь, придумаем что-нибудь другое.

Девочка минут двадцать бродила по интернету, а потом пришла попросить чего-нибудь попить и обработала Олега Николаевича третьим заклинанием. Силы не жалела, поэтому досталось и остальным.

«Деду надо будет эти заклинания повторить, — подумала она, вернувшись в кабинет. — Странно, почему я до сих пор не лечила никого из родных, кроме Таньки? Ничего серьезного у них нет, но лишнего здоровья не бывает, а у деда его нет никакого».

Встреча длилась до семи, а потом все стали разъезжаться. Их хотели подвезти до дома, но Настя ущипнула деда, и он отказался.

— Ну и чего ты щипалась? — спросил он, когда они вышли из дома под мелкий, противный дождь. — Лев довез бы нас до дома за десять минут.

— А я тебя доставлю за минуту, — пообещала девочка, оглянувшись и, никого не увидев, вызвала сферу.

Поскольку она обняла деда, сфера приняла обоих.

— А она стала немного больше, — сказала Настя ошеломленному старику. — Так, твой двор. А где окно?

— Вон оно! — показал дед и с опаской посмотрел вниз.

Страшновато парить в десяти метрах над асфальтом, опираясь на что-то прозрачное и пружинящее под телом. Настя его поняла и поспешила ввести сферу в дом.

— Ты долго будешь копать? — спросил нервничающий отец.

— Сейчас, — ответила Настя, отправила на хранение свою затонувшую маску, тут же вернула ее себе и убрала в сумку.

— Я готова, — сказала она, вышла в гостиную и обняла отца.

— Мы в ней не задохнемся? — спросил он, ощупывая стенки возникшей вокруг них сферы.

— Этого можешь не бояться, — ответила дочь. — Не знаю почему, но воздух всегда свежий. Мы в ней втроем летели полчаса, а сейчас...

Сработало заклинание, и сфера возникла над островом. Она парила на высоте двадцати метров, и открывшийся вид опять наполнил душу радостью! Вот как от этого отказаться? Настя перевела взгляд на отца и поразилась тому, как он изменился. Он с каким-то мальчишеским восторгом смотрел на освещенный утренним солнцем океан и выглядел лет на десять моложе. Наверное, сейчас ни один из работников управления не узнал бы в нем вечно на что-то нацеленного подполковника Никитина. Полубовавшись островом с высоты, девочка повела сферу к тому месту, откуда заходила в воду. Когда сели на песок, сфера исчезла.

— Подожди здесь, — попросила она отца. — Я не очень точно помню место. Сейчас в шаре уйду под воду, найду кинжал и всплыву, а ты в этом месте нырнешь. Там красный коралловый кустик, если сможешь, прихвати.

— Это не опасно? — с тревогой спросил он. — Твой шар не лопнет от давления воды?

— Он меньше чем за минуту выходит в космос, — сказала Настя. — Представляешь, какое при этом давление воздуха? Ничего ему не будет.

Девочка быстро освободилась от платья и осталась в купальнике. Открыв сумку, она достала из нее ласты и маску и стала их надевать.

— А это еще зачем? — с неудовольствием спросил отец. — Какая необходимость тебе лезть в воду?

— Во-первых, сфера невидимая, поэтому ты ничего не увидишь, а во-вторых, я тоже хочу искупаться! Я купалась одна, а вдвоем с тобой вообще нет никакой опасности!

Она опять вызвала сферу и подлетела на ней в то место, где чуть не утонула.

— Могла бы просто поднять и уронить шар, — ехидно сказал Раш. — Твой отец увидел бы место по всплеску. Ну что, не удалась твоя хитрость? Он, конечно, на седьмом небе от счастья, но семью сюда везти не разрешит. И правильно, по-моему. Так что могла бы вместе с маской забрать и кинжал.

— Ты у нас умник, а я дура, — недовольно сказала Настя, — а сейчас помолчи.

Сфера с такой легкостью ушла под воду, как будто никакой воды не было. Девочка опустила ее к самому дну и повела кругами. Вода была такая прозрачная, что почти не задерживала свет, но Настя еще долго искала бы свой кинжал из-за неровностей дна и торчащих повсюду кораллов. Помог тот самый красный коралл, из-за которого она ныряла. Кинжал лежал в двух шагах от него и был хорошо виден. Сфера рванулась вверх, вылетела из воды и исчезла. Настя упала с совсем небольшой высоты, поэтому глубоко не погрузилась и почти сразу же вынырнула. Отец бросился к ней и уже через полминуты был рядом.

— Ты как? — с тревогой спросил он дочь.

— Все в порядке, папа, — ответила она. — Можешь нырять. Там довольно чистое дно, и все видно. Увидишь красный коралл, а кинжал совсем рядом с ним.

Отец нырнул, а девочка опустила голову в воду и следила за ним, пока не кончился воздух. Когда она отдышалась, отец уже всплыл.

— Выходим на берег, — слегка задыхаясь, сказал он дочери. — Потом немного поплаваешь, но возле берега. Долго задерживаться не будем из-за матери. Хотя ты подействовала своей магией, она все равно будет переживать.

Настя с полчаса плавала возле берега, а отец не удержался, отплыл подальше и несколько раз нырнул. Когда он вышел на берег и выгнал из воды дочь, она нашла повод задержаться.

— Научи стрелять, — попросила девочка, протягивая взятый с хранения пистолет. — Разборкой можно заняться дома, а в мою мишень из него не постреляешь. Это не займет много времени.

Отец решил, что быстрее будет выполнить просьбу, чем спорить, и она под его руководством расстреляла половину магазина. Стреляла в один из валявшихся под пальмами орехов с расстояния в тридцать шагов.

— Семь выстрелов и шесть попаданий, — подвел итог отец. — Это очень хороший результат, особенно для того, кто в первый раз взял в руки оружие. Все, дочь, убирай свою пушку и уходим. Подожди, я насобираю в рубашку орехов.

— Папа, а может все-таки отдохнем здесь семьей хоть несколько раз? — жалобно предложила Настя. — Я могу найти другой остров без такой разницы во времени...

— Нет! — решительно сказал он. — Слишком рискованно. Сейчас на Кубе лето, туда и полетите. Там вода не хуже, прекрасные пляжи, и вообще есть на что посмотреть. Тоже, в общем-то, авантюра, но в случае неприятностей можно будет как-то выкрутиться. А летом можно поехать к Черному морю.

Спорить с отцом было бесполезно, поэтому девочка взяла с песка свою сумку, подождала, пока он насобирает орехи и пошла обниматься. Сфера возникла над сквером, а оттуда уже привычным маршрутом долетели до дома и финишировали в комнате Насти.

— Пойду успокаивать мать и спать, — сказал отец и ушел, унося в рубашке десяток кокосов.

Настя не пошла вешать полотенце, вывалила содержимое сумки на стол, сняла купальник и легла спать. Ее по утрам не будили, и можно было спать хоть до обеда, но обычно девочка сама просыпалась не позже восьми. На этот раз она прогуляла часть ночи и встала бы позже, если бы не домовой. Он увидел сваленные в кучу вещи, взялся наводить порядок и уколол руку об прикрытый платьем кинжал.

— У тебя есть совесть? — спросила Настя, которой надоело слушать его крики. — Никто тебя не просил заниматься уборкой, а если взялся, делай это тихо!

Вся семья еще спала, а у девочки после ругани с Марком сна не было ни в одном глазу. Она встала, умылась и пришла в гостиную творить магию. Сначала, как и хотела, создала одно из заклинаний исцеления. В квартире такое можно было делать из одного места. Пожалуй, ее заклинания могли даже зацепить соседей. Ничего, от лишнего здоровья еще никто не умирал. Следующим стало заклинание для изучения испанского языка. Если отец так настроен против ее островов, пусть будет Куба. Перед тем как идти на кухню, она обработала семью вторым заклинанием здоровья, решив применить третье позже. Завтрак был готов, и Настя не стала ждать, когда поднимутся остальные и позавтракала сама. Делать

было нечего, поэтому она решила нанести несколько визитов. Первый планировался к Митрофанову. На звонок, который она сделала из сквера, он не ответил, и пришлось звонить еще раз.

— Что так рано? — зевнув, спросил Илья Борисович. — Вообще-то, я встаю еще раньше, но вчера поздно лег и думал доспать в воскресенье. Я тебе нужен по делу или наконец позвонила просто так?

— Отдыхайте, я позвоню позже, — ответила Настя, — Извините, не думала, что вы еще спите. Хотела приехать по делу, ну и поболтать.

— Если поболтать, то приезжай, — еще раз зевнув, сказал он. — Все равно я теперь не смогу заснуть. Сейчас умоюсь и прогоню остатки сна.

Пришлось девочке минут десять повисеть над сквером. Решив, что выждала достаточно, она отправила сферу во двор Митрофанова, а потом подлетела к его двери.

— Ты заранее не предупреждаешь о визитах, поэтому угощения не жди, — с улыбкой сказал встретивший ее Илья Борисович. — Прислуга в отпуске, а у детей свои дела. Замотался и забыл затовариться продуктами. Ужинал в кафе и там же буду завтракать, а в холодильнике нет ничего, кроме холода.

— Неужели у вас нет жены? — спросила Настя. — Такой еще нестарый состоятельный человек с квартирой в центре Ростова...

— Хочешь кого-нибудь предложить? — развеселился он. — Знаешь, я с женами уже дважды обжегся, и мне этого хватит. Я лучше оставшиеся две недели, пока не вернется прислуга, буду питаться в кафе. Можно было кого-нибудь нанять, но не хочу брать новых людей. Ладно, отставим мою семейную жизнь и поговорим о твоих делах. Начну с золота. Есть кое-какие подвижки. Возможно, все сделаю гораздо раньше, чем планировал. Но учти, что у нас за золото, да еще с такой примесью меди, хорошую цену не дадут. С учетом моих комиссионных выйдет примерно миллиард рублей за тонну.

— Я думаю, миллиарда мне хватит, — сказала девочка.

— Я тоже так думаю, — засмеялся Илья Борисович. — Только такой объем у нас сразу не купят, максимум — это сто килограммов. Расчет будет наличными и только в валюте.

— Меня это устроит, — согласилась Настя. — Возьмете сейчас золото?

— Только не здесь, — сказал он. — Идем в мою спальню.

— Я так и думала, что вы мне это когда-нибудь предложите, — опечалилась девочка. — Может, все-таки ссыпать здесь, а вы потом перетаскаете? Что такое сто килограммов! Зарядку еще не делали?

— Актриса! — засмеялся Митрофанов. — У тебя убедительно получилось. Не хочешь поступить на театральный?

— Я подумаю, — сказала она. — Илья Борисович, у меня к вам еще одно дело. Мне нужны патроны Парабеллум для семнадцатого глока. Сделаете?

— Сделаю, но не сейчас, — ответил он. — Из-за границы я их тебе везти не буду, достану здесь. Но на это нужно время.

Посчитав, сколько монет будут весить сто килограммов, Настя округлила в большую сторону и вывалила в угол гостиной кошель с золотом. После визита к Митрофанову девочка хотела навестить деда. Перед этим позвонила по телефону и выяснила, что он будет дома. В Москве она не задержалась. Попросила деликатно выяснить результаты ее лечения, дважды обработала старика магией и рассказала ему о своей неудачной попытке сагитировать отца на семейный экзотический отдых.

— Вообще-то, Николай прав, — озабоченно сказал дед. — Я и сам должен был об этом подумать. Видимо, уже неважно работает голова. Ладно, Куба — это прекрасное место отдыха, жаль, что сыну туда нельзя. Не скажешь, когда вас ждать в следующий раз?

— Пока не знаю, — ответила Настя. — Созвонись с мамой. Если захочешь, и она не будет возражать, я тебе могу привезти сестру хоть на неделю. А сейчас полетела. Все уже давно встали, и нужно появиться дома, пока не начали звонить.

— Лети, ведьма, — засмеялся он. — У них помело, а у тебя твой шар. Летать удобней и приятней, а в остальном нет никакой разницы.

Дома все не только встали, но и успели позавтракать.

— Куда это ты запропастилась с самого утра? — спросил встретивший ее в гостиной отец. — Я уже хотел звонить.

— Была у Митрофанова, а потом у деда, — отчиталась дочь. — Марк, зараза, не дал выспаться, вот я и решила заняться делами.

— И какие у тебя с ним дела на этот раз?

— Отгрузила сто кг золота и заказала боеприпасы. А деда дважды подлечила и рассказала о нашем путешествии. Вас я сегодня тоже лечила и запустила изучение испанского языка.

— Не из-за твоего лечения такая легкость в теле? — спросил он. — Я, когда проснулся, приписал это вчерашнему плаванию.

— Может, и из-за моего, — задумалась Настя. — Понимаешь, чужая магия сильнее действует на тех, в ком мало своей. Во всех жителях мира Вероны она есть, а у вас ее нет.

— Хочешь сказать, что твои заклинания будут сильнее действовать на нас, чем на них? — догадался отец. — Так это же хорошо!

— Не знаю, — неуверенно сказала девочка. — Я согласилась помочь одному другу деда, точнее, его сыну, а действовала на всех присутствующих. Если они после моего лечения начнут бегать и прыгать... Учитывая их преклонный возраст, это может вызвать удивление. Раш советовал отказаться, но я пожалела... У него беременная жена...

— Зря ты это сделала, — недовольно сказал отец. — Ах, вы не хотели, чтобы кто-нибудь знал о лечении! Такой глупости я от отца не ожидал. Лучше бы ты предупредила этого больного о том, что будешь лечить, и запретила об этом болтать своей силой. Конспираторы! Ладно, будем надеяться, что ваша глупость не вызовет большого шума, или на то, что никто не свяжет этот шум с тобой. У тех, в чьи должностные обязанности входит отслеживать чертовщину, сейчас не такие уж большие возможности. Ты чем думаешь заняться?

— Сейчас хочу сходить к Сулеминой, — ответила расстроенная дочь. — Конечно, если она дома и ничем не занята. Ты говорил обо мне с тренером?

— Был такой разговор в пятницу, — ответил отец. — Как я тебе говорил, так и вышло.

— Ну и ладно, — ответила она. — Я к нему в секцию не записывалась, и он со мной не возился, как с другими. Пойду звонить.

Алла сразу взяла телефон, как будто ждала ее звонка.

— Конечно, приходи! — обрадовалась она. — У меня сейчас Ольга, так что устроим девичник.

К девушкам Настя пошла пешком. Было солнечно, тепло и безветренно, поэтому она расстегнула куртку. Прогулка заняла меньше десяти минут. На звонок ей сначала открыли дверь в подъезд, а потом и в квартиру.

— Если хочешь, обувай тапки, — предложила Алла. — Мы ходим без них. В квартире тепло, а в комнатах ковры. Мои предки умотали в музыкальную комедию, а брат у кого-то из друзей, так что нам никто не помешает. Заходи, будем тебя колотить!

— А зачем меня колотить? — спросила идущая вслед за девушкой Настя. — Мне и целой хорошо.

— И она еще спрашивает! — с деланным возмущением обратилась Алла к вышедшей к ним из спальни Ольге. — Разбудила во мне любопытство, а я кто?

— А ты кто? — спросила девочка. — Крутая дочь крутого мента?

— В точку! — засмеялась Ольга. — Она о тебе много накопала, только не может объяснить. Пойдем к компу, мы тебе кое-что покажем.

Этим «кое-что» оказалась запись ее разговора с майором Фадеевым. Всю ее Настя смотреть не стала, остановила в самом начале.

— Кража следственной информации и использование ее в личных целях! — сделала она вывод. — Заложить вас, что ли?

— Подумаешь! — засмеялась Алла. — Твои выпендривания просмотрели все офицеры управления. А мне отец привез эту запись после того случая, когда подвозил вас после бассейна. Узнал, что мы дружим...

— Посмотри, доченька, с кем ты дружишь! — язвительно сказала девочка. — Так?

— Не совсем так, но похоже, — опять засмеялась Алла.

Не удержалась от смеха и Ольга.

— Ну и что вы извлекли из моего сольного выступления перед этим майором? — спросила Настя. — Чем оно вам не понравилось?

— Все вранье! — заявила Алла. — Все это поняли, понял это и майор. Просто никто не захотел копаться и проверять. Состав преступления нет, блудный ребенок нашелся, да еще прибыл в роскошной шубе. Претензий к полиции нет, поэтому проще закрыть дело, тем более что их у него навалом.

— Откуда узнали о шубе? — спросила девочка.

— Я использовала брата, — созналась Алла. — Ты его видела в бассейне. Он учится в третьем классе вашей школы.

— А почему он у нас, а ты в другой? — не поняла Настя.

— Когда он поступал в школу, в нашей все первые классы были переполнены, — объяснила девушка, — а потом маме понравилась и школа, и учителя. Она хотела и меня туда перевести, но я уперлась. Не хочу ничего менять: меня и в моей школе все устраивает. Ладно, это к делу не относится. Вернемся к тебе.

— Вернемся, — согласилась девочка. — И что же еще, кроме шубы, нарыл твой шустрый брат? И откуда он о ней узнал? Я в раздевалку заходила не на перемене.

— О шубе он узнал случайно, — сказала Алла. — Ваша техничка кому-то с возмущением говорила, мол, от горшка два вершка, а уже вся в соболях! А вот о твоём экстернате и знании английского там болтают до сих пор. Если к этому прибавить какую-то непонятно откуда взявшуюся борьбу... Ты ведь ее знала в совершенстве, просто ни с кем не отработывала. Как все это сочетается с сидением на чердаке? Да, брат узнал, что в шестом классе у тебя по физкультуре и английскому были тройки, да и вообще их было больше, чем четверок. Твои пятерки одноклассники вспомнить не смогли. Интересно, что скажет этот дед, если кто-нибудь приедет в станицу и спросит?

— Кому интересно? — пожалала плечами Настя. — Этот дед — придурок, он не может

вспомнить даже то, что было неделю назад.

— А ты сама! — показала на нее рукой Ольга. — Твое поведение, ум, манера разговора... Еще не скажешь, что взрослая женщина, но уже и не малолетка! Колись!

— А если колоться опасно? — спросила девочка. — Мне ведь могут из-за вашей болтовни оторвать голову!

— Хочешь с нами дружить? — спросила Алла. — Тогда должна быть откровенной, иначе какая дружба? А подруг мы не выдаем!

— Вы можете проговориться случайно, — возразила Настя. — Вообще-то, я могу на вас воздействовать магией. Просто поставить запрет на болтовню. Если вы согласны, прямо сейчас все расскажу.

— Ты еще и маг? — засмеялась Ольга. — С ума сойти, сколько в одной девчонке может быть тайн и загадок! Но если только запрет на болтовню, то я согласна.

— Мне тоже можешь ставить, — засмеялась Алла.

— Вы мне не поверили, — сказала девочка. — Ладно, согласие получено, а вреда вам от моей магии не будет. Ты нас угостишь чаем, или весь девичник сведется к моей болтовне?

Через десять минут они сидели на кухне и пили чай с бисквитными пирожными, а Настя рассказывала им о своих приключениях, пожалуй, более подробно, чем всем остальным. Ей очень нравились эти девушки, и было огромное желание с ними поделиться и послушать, что они скажут в ответ. Школьные подруги для этого не годились. Она колебалась, рассказывать о себе или нет, а они сами попросили. Никаких неприятностей от такой откровенности не было. Хоть девушки и не поверили ее словам, магией она их повязала. Ни одна из них не могла рассказать кому-нибудь о том, что сейчас слышала, или использовать это как-то во вред Насте. Ни в чем другом заклинание на них не повлияло.

Естественно, что они ей не поверили, хотя слушали с интересом сначала на кухне, а когда прикончили пирожные, вернулись в спальню Аллы. Рассказ длился часа полтора.

— Классное фэнтези! — сказала Ольга. — И рассказывала ты его так, что я будто увидела все наяву. Подтверждать чем-нибудь будешь? Можно, например, пощупать твои невидимые кольца и браслет?

— Щупай, — предложила Настя и протянула руки.

— Ой, что это? — вскрикнула девушка, нащупав браслет. — А на другой руке полно колец...

— Это называется магией иллюзий, — сказала девочка, раздавая им по розе. — Похожи?

— Почему похожи? — не поняла Алла. — Настоящие розы, даже пахнут. Где ты их прятала?

Цветы задрожали и исчезли, но на столе появилось платье.

— Мое парадное платье, — объяснила Настя. — Это уже не иллюзия. Камни на нем настоящие. Надеть? Если поможете, я это сделаю быстрее.

Она рассчитала правильно: взявшись в четыре руки помогать ей с примеркой, девушки быстрее справились с изумлением.

— Даже с боковой шнуровкой одной одеваться неудобно, — сказала им Настя. — Красиво? Сейчас будет еще лучше.

К платью добавились серьги и колье.

— Корону, которая больше напоминает небольшую диадему, пришлось оставить, — вздохнула она. — Это семейная реликвия, поэтому не должна уйти из семьи. Вот это мой

меч, а это золото. Хватит вам этих доказательств?

— Офигеть! — с чувством сказала Ольга. — Я не сплю?

— Если ты спишь, то я сплю вместе с тобой, — отозвалась Алла. — Это не гипноз?

— Сейчас я все это уберу, а потом наколдую вам еще по цветку, — сказала им девочка.

— Можете их заснять, а потом посмотрите, когда я уйду. А можно сделать еще проще. У вас с английским проблем нет?

— У меня с ним одни проблемы, — ответила Алла. — Постой, ты хочешь сказать, что можешь нас ему научить?

— Зря ты это делаешь, — вмешался Раш. — Подруги — это святое, но могут быть неприятности.

— Они учатся в других школах, — отмахнулась от него Настя. — Если мной не заинтересуются, то и неприятностей из-за моего подарка не будет, а если возьмут под колпак, то это будет незначительный штрих к моему портрету.

— Сама виновата, — обвинил ее браслет. — Только и делаешь, что светишь своими способностями. Позерка!

— Заклинание я вам запустила, — сказала Настя девушкам. — Через пару дней будете болтать как англичанки. Для того чтобы грамотно писать, потребуются еще три дня. Остался месяц учебы, поэтому постарайтесь своими знаниями сильно не светить. В следующем учебном году это уже не будет иметь большого значения.

— Всего ожидала, только не этого! — сказала Ольга. — Это все равно что очутиться в сказке!

— Сказки интересно смотреть в кино, — вздохнула девочка. — Очутиться в них самой...

— Ты была троечницей и серой мышкой, а стала красавицей и звездой школы, — возразила Алла. — Я думаю, что из-за этого стоило рискнуть! А если прибавить магию...

— Мне во многом повезло, — сказала Настя. — Большинству хватило бы леса с людоедами. А сколько всего было потом? Как вспомню того тигра, который почти залез в мою яму, или свою смерть... — она передернула плечами — А магия... Как вы думаете, много свободы оставят магу, как только о нем узнают власти? Затаиться и почти не использовать дар? Такая жизнь не по мне, да и не даст мне богиня прятаться. Если бы не она, я бы вела себя осторожней.

— И что думаешь делать? — спросила Алла.

— Я, девочки, буду отдыхать и веселиться, — засмеялась Настя, — а когда начнут брать за жабры, постараюсь добиться того, чтобы со мной считались. Если это не получится, придется уйти.

— Ольгу у вас отберут, — сказала Алла. — Она — очень хороший рычаг, чтобы на тебя надавить. Если удочерение липовое, это сделают в первую очередь.

— Посмотрим, — ответила девочка. — Есть у меня по этому поводу мысли...

— Ух ты! — раздался со стороны двери восхищенный возглас. — Это из-за этого тебя в школе прозвали королевой?

— Исчезни! — прикрикнула на брата Алла. — И чтобы не смел распускать язык, а то пожалеешь!

— Это я виновата, — сказала Настя. — Все убрала, а с вами заговорила и забыла переодеться. Прикрой дверь, сейчас я ослаблю шнуровку. Как ты думаешь, он не будет болтать? Хотя ничего страшного в такой болтовне нет. Подумаешь, примерила у подруги

платье! Все, девочки, я побежала. Когда увидимся следующий раз?

— До выходных только по вечерам в те дни, когда нет секции, — ответила Алла. — Это ты у нас свободна от школы, нам в ней еще месяц пахать.

— И то при условии, если не зададут много на дом, — добавила Ольга. — Мне сюда почти полчаса добираться. Мы состыкуемся, а потом позвоним тебе. Зря ты бросила секцию. Я у тебя многому научилась, да и Алексей Николаевич был расстроен.

— Для вас борьба — это спорт, а для меня она только одно из средств выживания, — сказала Настя, — и сейчас я достигла своего потолка. Пока не вырасту, заниматься дальше бесполезно, так зачем тратить время? У меня из-за секции отец нормально не отдыхал.

Девочка простилась с подругами и без приключений добралась до дома. Там на нее навалилась Оля.

— Обещала научить бить морды и ничему не учишь! Я уже сто раз отжимаюсь, а тебе все мало! Скоро уже идти в школу...

— Ты ее действительно хочешь научить драться для школы? — удивилась мама. — Мало нам было неприятностей с тобой!

— А что она сделала? — спросила сидевшая у телевизора Таня. — Я что-то ничего не помню о драках в школе. Во дворе она кого-то треснула, но это было до поступления в школу.

— Тебе об этом не рассказывали, — отмахнулась от нее мама. — Оля, с кем ты собралась драться?

— А я знаю? — ответила малышка. — Кто полезет, тот и получит!

— Научу, — проигнорировав недовольство матери, сказала Настя. — Сейчас и займемся. Только всей борьбе учить не буду, дам три связки: тебе этого хватит за глаза.

— Жадина! — обиделась сестра. — Ты можешь все сделать магией, и мне ничего не придется учить!

— Ты действительно можешь передать знание борьбы? — спросил вышедший с кухни отец.

— Могу, — ответила девочка, — но не ей. Детям ее возраста это не делают. Есть три заклинания, которыми можно передавать знания. Два из них нужны для изучения языков, а третье — вообще для всего. Его уже давно забыли в королевствах, а я знаю от Раша. Но им не так легко пользоваться. Записать в твою голову борьбу мне нетрудно, потому что я ее сама получила всю сразу. Так она и хранится в моей памяти. А если давать знания, которые я получала сама, вместе с ними можно много чего передать. Поэтому маги этим заклинанием пользовались редко.

— А это долго передавать? — спросил он. — Я говорю о борьбе.

— Все уже в твоей голове, — улыбнулась дочь. — Учти, что вспомнится только через несколько дней. И сразу заниматься нельзя, сначала поработай с растяжками, а то себе навредишь. Упражнения для этого там тоже есть. Третье заклинание для здоровья я вам только что сделала. Будете самыми здоровыми людьми на Земле.

— Хорошо, что напонила, — сказал отец. — Ты ведь была у деда. Известно что-нибудь о твоём лечении?

— Он еще не виделся с другом, — ответила Настя, — а звонить об этом нельзя. Да и рано еще для результатов. Дед себя чувствует прекрасно, но у этого Олега саркома. Наверное, результаты будут не раньше чем через неделю.

Она ошиблась: результаты уже были.

— Галя, можешь подойти? — крикнул жене Олег Снегов.

— Что у тебя случилось? — спросила вошедшая в спальню молодая женщина.

— Не скажешь, что это за пух? — растерянно спросил муж, потрогав свою голову.

Блестевшая еще вчера лысина потемнела от пробившихся через кожу волос.

— Волосы... — тоже растерялась Галя. — Как такое может быть? Ты вчера не принимал никаких новых лекарств?

— Я их вчера совсем не пил, — ответил он. — Надоело! Выпил у отца за компанию пару рюмок водки, но от нее волосы не растут.

— А как себя чувствуешь?

— Намного лучше обычного, — ответил Олег. — Вчера не хотел никуда ехать, но отец настоял. Приехал в таком состоянии, что хотел уже разругаться и уехать, но потом как-то сразу стало легче. С тех пор почти не чувствую болезнь.

— Надо будет в понедельник сходить к врачу, — предложила Галя. — Ты и так уже давно не ходил.

Наверное, Верона в своем мире довольно улыбнулась. Последнее время наблюдать за девочкой стало скучно, но скоро все должно было измениться.

На столе полковника ФСБ Дмитрия Павловича Зеленина зазвонил телефон. Вызов пришел от самого директора.

— Я получил вашу записку, — сказал Бабурин. — Казакова нет на месте, поэтому звоню вам. Все материалы по делу «Подросток» направьте в Следственное управление, оно передается туда. Вам нужно будет зайти к Николаю Владимировичу и ответить на его вопросы. И возьмите с собой того, кто непосредственно вел дело.

Получив этот приказ, полковник тут же позвонил майору Лобову:

— Сергей, скажи своим орлам, чтобы все материалы по «Подростку» передали в Следственное управление, а сам иди ко мне. Нас с тобой отправляют к Можейко. Генералу некогда рыться в ваших бумагах, поэтому ты ему быстро обо всем расскажешь, а я при этом присутствую.

— Мило! — сказал Сергей Николаевич. — Мы проделали большую часть работы, а теперь...

— Это ты не мне говори, а директору, — перебил его Зеленин. — А насчет большей части работы... Я думаю, Сергей, что ее еще будет много! А когда придется идти на контакт, запросто можно напортачить. Лучше, если этим будут заниматься не наши ребята, а кто-нибудь другой.

Зеленин не стал брать служебную машину, воспользовался своей, и через двадцать минут оба офицера уже сидели в кабинете начальника Следственного управления генерал-лейтенанта Можейко.

— Мне об этом деле почти ничего не известно, — сказал им Николай Владимирович. — Директора оно заинтересовало, и он передал его нам. Расскажите, с чего все началось, и что вы успели сделать.

— Я думаю, что будет лучше, если вам обо всем расскажет майор Лобов, — сказал Зеленин. — Он вел это дело и знает все подробности.

— Все началось с одного исцеления, — начал рассказывать Сергей Николаевич. — Молодому и талантливому физику Олегу Снегову не повезло в возрасте тридцать два года заболеть саркомой. Сейчас это заболевание лечат примерно у половины пациентов. Снегов в эту половину счастливых не попал. Все, что было возможно использовать, он использовал, включая операцию. Жить оставалось недолго, поэтому можете представить удивление его лечащего врача, когда месяц назад уже списанный им пациент пришел на прием с прекрасным самочувствием. Мало того что его ничего не беспокоило, на почти полностью облысевшей голове начали густо расти волосы.

— И что показали анализы? — с интересом спросил генерал.

— Его сразу же взяли в работу, — продолжил Лобов. — Исследование показало, что полного исцеления не произошло, но опухоль уменьшилась в несколько раз, и пораженные ткани буквально на глазах замещаются здоровыми. За два дня, которые он пролежал на больничной койке, от болезни не осталось и следа. Естественно, медики попытались разобраться. Причин выздоровления пациента не нашли, но чем дольше его исследовали, тем больше поражались. В результате болезни и ее лечения Снегов превратился в развалину, а после своего чудесного исцеления в течение нескольких дней стал эталоном здорового человека. Когда этот «больной» со скандалом ушел из центра, у него на голове уже была

густая шевелюра. По наблюдениям медиков волосы росли примерно в двадцать раз быстрее обычного. Лечащий врач уцепился за слова Снегова о том, что в первый раз он себя хорошо почувствовал на вечеринки у отца.

— Кто его отец? — спросил генерал. — Мне фамилия Снегов кажется знакомой.

— Известный физик профессор Николай Алексеевич Снегов, все звания и награды которого долго перечислять. Ему шестьдесят девять лет, но сейчас больше пятидесяти не дашь.

— Сейчас? Из ваших слов следует, что недавно он выглядел на свой возраст?

— Совершенно верно, — подтвердил майор. — У него был лишний вес и гипертония, а у жены — легкая форма сахарного диабета.

— Попробую догадаться, — сказал генерал. — Она тоже помолодела и оба избавились от болезней?

— Так и было. Кроме того, старшее поколение семьи Снеговых сбросило лишний вес. Жена похудела на десять килограммов, а муж сбросил больше. Это определили уже позже, когда это дело попало к нам. Во время визита врач ничего толком не узнал. Удивился цветущему виду физика и убедился в том, что тот не хочет с ним откровенничать. Врач оказался настырным и с большими связями. Он не пожалел времени, чтобы больше узнать об этой семье. В результате выяснил, кто еще был на вечеринке. Это два ученых очень преклонного возраста и ректор МГТУ, который лет на пятнадцать моложе их.

— И все они помолодели, сбросили лишний вес вместе с болячками и прыгали зайчиками?

— Примерно так, — кивнул майор, — Только Брагинский с Никитиным были худыми и набрали вес до своей нормы, а Самохин сбросил двадцать килограммов. Все заметно помолодели и избавились от болезней. Никто из них с врачом откровенничать не стал, поэтому он пришел в нашу контору. Поскольку аномальными явлениями занимается наш отдел, нам все и передали.

— Теперь рассказывайте, что накопили вы.

— Исцеление почти наверняка произошло на вечеринке, поэтому мы за нее и уцепились, — сказал Лобов. — Эти вечеринки у них бывают по два–три раза в месяц, причем состав всегда один и тот же. На этой не присутствовал профессор Ляхов. Заболела жена, поэтому он не смог приехать. Было и еще одно отличие от других таких посиделок. Профессор Никитин притащил с собой внучку.

— По вашей записке это девочка, которой нет четырнадцати. Станный поступок — привести ее в компанию ученых. Чем это мотивировалось?

— Ей две недели назад исполнилось четырнадцать. Сначала мы попытались спросить самого Никитина, но он говорить о внучке отказался. Когда на него нажали, он нас послал.

— Нет у людей уважения к органам, — хмыкнул генерал. — Что вам об этом сказали остальные? Их не удивил поступок товарища?

— Все восприняли появление этой девочки, как нечто само собой разумеющееся. Брагинский с нами о ней тоже не стал говорить, а Самохин сказал, что таких умных детей еще не видел. Она якобы не училась в седьмом классе, а потом за месяц подготовилась к экстернату и сдала его на все пятерки. Продемонстрировала этой компании прекрасное знание иностранных языков и покорила всех умом и юмором. Он сказал, что такую возьмет в свой университет без экзаменов. Вроде бы Никитин ее для этого и привозил.

— Мог бы просто поговорить о ней с другом, а она потом сослалась бы на деда, —

сказал Можейко. — И почему она не училась в седьмом классе? Болела?

— Тогда нам на этот вопрос никто не ответил. Ее дед не захотел, а остальные не знали. Им просто вскользь сказали, что были обстоятельства.

— Как она выглядит?

— Ниже среднего роста, хрупкого сложения, но очень сильная. О последнем мы узнали позже. Вот ее фотография.

— По-настоящему красивая девочка, — сказал генерал, рассматривая фото. — Такая красота — редкость. Ладно, рассказывайте дальше.

— Дальше стали разбираться с ее семьей. Ее отец — подполковник полиции, работает в областном Главном управлении, а мать работала там же экспертом-криминалистом, но потом ушла в декрет и на работу уже не вернулась.

— Почти наши люди. Выяснили, как девочка оказалась в Москве?

— В том-то и дело, что нет. Родители были на виду и, судя по всему, никуда не уезжали. Ее, конечно, могли отправить с кем-нибудь из знакомых... Ее дед незадолго до этого летал в Ростов-на-Дону, но он ее не забирал. В семье есть еще старшая дочь и совсем недавно удочерили семилетнюю девочку.

— Странный поступок для людей их возраста, уже имеющих двух дочерей. Продолжайте, майор.

— Мы с самого начала сосредоточились на Насте. Прежде всего решили выяснить, почему она не ходила в школу, и узнали, что летом она пропала и была объявлена в розыск. Через девять месяцев появилась, и отец привез ее в управление закрывать дело о пропаже. Я вам советую посмотреть сохранившуюся запись разговора.

— Они сохраняют такие записи? — удивился генерал.

— Другие убирают, а эта сохранилась, потому что многие записали себе на память.

— Обязательно посмотрю. Скажите вкратце, кто виноват в пропаже.

— Судя по записи, она сама. Сбежала в станицу, где годом раньше отдыхала с семьей. Познакомилась там с одним выжившим с ума стариком и заплатила ему за проживание. За забор не ходила, а к деду уже давно никто не ходит. Наш работник к нему ездил. Старика нормальным не назовешь, но он совершенно безобидный. Соображает достаточно для занятий хозяйством, но не помнит ничего, что случилось несколько дней назад. Следов проживания девочки не нашлось, но прошло уже много времени. Уезжала она изучать индийскую философию. Отрешение от мира вещей и все такое. Судя по всему, это выдумка, но придумано так, чтобы трудно было проверить. У полиции навалом работы, поэтому никто ничего и не проверял.

— Экстернат?

— Подала заявление и через месяц сдала на все пятерки. По мнению ее учительницы английского, язык Настя знает лучше нее. А на вечеринке она прекрасно говорила на испанском. Да, в шестом классе у нее была посредственная успеваемость.

— Моих бы внушек отправить к этому деду, — проворчал генерал. — Что еще накопили?

— Она похорошела и стала очень сильной. В управлении один из тренеров занимается с дочерьми офицеров борьбой. Настя ходила на их секцию отрабатывать приемы какого-то нового стиля и валяла девушек, на два года старше. Неделю назад вся женская часть семьи Никитиных, кроме старшей сестры, исчезла. Когда Николая по нашей просьбе спросили сослуживцы, он ответил, что они отдыхают на Кубе. Мы проверили: ни с одним рейсом они на Кубу не вылетали. В последние дни выяснили, что документы на Ольгу по детскому дому

— это подделка: ее там никогда не было. Кто такая Ольга, и откуда она взялась — никто не знает. Личное дело оформляла директор, но она об этом ничего не может вспомнить.

— Не может или не хочет?

— Мы ее проверили своими средствами, и ни одно не дало результата. Похоже, что кто-то заставил ее выполнить работу, а потом стер память. В работе специалистов опеки нарушений не выявили, но настораживает один факт. Обычно детей оформляют от месяца до трех, а Ольгу оформили за два дня. Если была взятка, о ней тоже никто не помнит.

— Интересная семья, — сказал генерал, — и много странностей, но, кроме личного дела малышки, зацепиться пока не за что. Что говорят те, кто их знает?

— В школе все заметили, что Настя поумнела и повзрослела. Сверстники ее уже не интересуют, она так и сказала одноклассникам. На вечеринке говорила, что собирается за год закончить школу. Об остальных мало что могли сказать, их поведение не изменилось, разве что старшая дочь после выздоровления от ножевых ранений поссорилась со своим женихом.

— Что с ней произошло?

— Попытались затащить в машину два азербайджанца. Она использовала баллончик с перцем и попала одному в глаза, а второй ударил ее четыре раза ножом. Оба преступника пойманы, осуждены и отбывают наказание. Это случилось вскоре после возвращения Насти и напрямую с ней не связано, поэтому сначала мы только посмотрели материалы полиции.

— Сначала? — спросил генерал. — Надо полагать, что вы что-то накопили?

— Один из моих офицеров обратил внимание на очень короткий срок выздоровления, — ответил Лобов, — Когда начали разбираться, выяснили, что ранения были очень тяжелые. Рана на животе большой опасности не представляла, но три ножевые раны на груди... Медики ее уже не надеялись вытянуть, но все изменилось после того, как в палату, куда девушку положили после операции, ворвались ее отец и сестра.

— Ворвались? — удивился генерал. — Подполковник полиции ворвался в реанимацию?

— В отделение их пустили и сказали о тяжелом положении старшей дочери. Видимо, он знал о возможностях Насти, потому что помог ей добраться до сестры и не дал вмешаться врачу. Настя как-то умудрилась отогнать медсестру и вцепилась в сестру, как клещ. Когда прибыли санитары, девочку пришлось усыпить наркозом. Учитывая состояние пострадавшей, посчитали опасным применять силу. Она обнимала сестру до тех пор, пока не потеряла сознание.

— И как после этих объятий изменилось состояние старшей сестры?

— Ей стало гораздо лучше, а потом быстро пошла на поправку. Когда разрешили посещения, первой к ней тоже пришла Настя. После этого ее сестра через несколько дней уже была здоровым человеком. Ее держали в больнице в надежде найти причину такого быстрого выздоровления, пока родители не настояли на выписке.

— А это зацепка! — сказал генерал. — Камера в палате была?

— Только в реанимации. Учитывая то, что мы узнали позже, Настя могла зайти в палату и все сделать без отца и без скандала, но побоялась из-за камеры. И лечение ей пришлось растянуть, чтобы не вызвать ажиотажа слишком быстрым исцелением.

— Вы что-то сказали о ее возможностях?

— Мы начали заниматься ее подругами, — сказал Лобов. — Две девушки, с которыми она дружила последнее время, ничего не сказали, хотя явно что-то знают. Одну из двух школьных подруг удалось разговорить. Когда мы стали расспрашивать о Насте, она кинулась

ее защищать. Мол, гипноз это не преступление, а эти придурки сами виноваты. Выяснилось, что Настя сказала обеим о своих способностях гипнотизера. Дала каждой по розе, которые исчезли на их глазах. Когда вечером гуляли в сквере, натолкнулись на местную шпану. Ничего там такого опасного не было, но Настя была не в настроении и решила развлечься. Она внушила всем, что превратилась в Чужого из американского фильма. Гипнозом это внушение быть не могло, потому что она не произнесла ни слова, а в сквере уже было темно. Иллюзия вышла настолько убедительной, что один из парней потерял сознание, а остальные обделались и разбежались. Мы потом поговорили с тем, кого подобрали полицейские. По его словам сквер осветился, и в нем возникло двухметровое чудовище. Оно хлестануло себя хвостом, зашипело и выдвинуло внутреннюю челюсть. Он назвал своих приятелей, которые рассказали то же самое. Да, вторая подруга, когда ей все это рассказали, перестала молчать и набросилась на нас с обвинениями, что это мы сами подвергли Настю каким-то испытаниям, ставили над ней опыты и сейчас не даем нормально жить. Кое о чем им намекнула Настя, а остальное она додумала сама.

— Девочку забирают на девять месяцев и подвергают каким-то испытаниям... — задумался генерал. — Видимо, она их прошла, если вернули, да еще наделили такими способностями.

— И к нам она с этими способностями не пошла, — добавил до этого молчавший Зеленин. — Судя по всему, она ждет, когда на нее выйдем мы, иначе вела бы себя осторожней. Я бы не стал на нее давить и угрожать хотя бы потому, что мы не знаем всех ее возможностей.

— Это мы решим сами, — недовольно сказал Можейко. — Скажите лучше, чем вы занимались сейчас?

— Мы хотели получить санкцию на проверку всех отелей на побережье Кубы, — ответил Зеленин, — а здесь собирались еще поработать со всеми участниками вечеринки. Времени у нас было мало, а у меня в отделе всего шесть офицеров, и это дело не единственное.

— Как ты думаешь, почему забрали дело? — спросил Лобов, когда вышли от генерала.

— Директор понял, с чем мы столкнулись, — ответил Зеленин. — Когда несколько старых развалин в считанные дни превращаются в полных сил пожилых людей... Я думаю, это произвело гораздо большее впечатление, чем излечение от саркомы, хотя наверху тоже умирают от болезней. После этого он решил, что наш отдел не подходит для такого серьезного расследования. Продолжим заниматься чертовщиной, а целительницей будут заниматься серьезные парни Можейко.

— Плохо, что не получилось договориться с ее дедом, — вздохнул Лобов. — Почти наверняка он многое знает о внучке. Взять бы его, да качественно потрясти!

— Может, еще и потрясут, — сказал Зеленин. — Если нашим делом по-настоящему заинтересуются на самом верху, кто там будет с ним считаться! Интересно, как отнесся к твоему рассказу генерал. Я бы без собранных нами документов не поверил.

Поверил Николай Владимирович в то, что ему рассказали, или нет, но он получил четкие указания от директора и сразу же после ухода офицеров, начал их выполнять.

— Виктор Сергеевич, — позвонил он начальнику научно-технического отдела. — Вам должны передать дело «Подросток». Его по приказу директора забрали у аномальщиков и передали нам. Срочно ознакомьтесь и проверьте все, что можно проверить быстро. Потом передадите мне свои выводы и план первоочередных мероприятий. Учтите, что в

результатах расследования заинтересовались на самом верху. Когда получите дело, сразу же сделайте для меня копию записи разговора Насти Никитиной с опером областного управления МВД.

Запись Можейко прослушал в тот же день, а на следующий к нему в кабинет пришел полковник Никонов.

— Здесь выводы по делу, — сказал он, протягивая генералу бумаги. — План мероприятий пока не готов, но к концу дня...

— Я прочитаю позже, — сказал Николай Владимирович, — а сейчас скажите, как вы ко всему этому относитесь?

— Фантастика, — ответил полковник. — Правда, все, что проверили, подтвердилось. Это в основном материалы по Москве. Больше ничего не успели сделать, кроме нескольких запросов.

— Есть мысли по профессору Никитину?

— Мысли у меня есть, — сказал Никонов, — вот трогать его не хочется. У старика большие связи, да и не тот у нас случай, чтобы применять крайние меры. Я думаю, что сначала нужно поговорить с самой Настей или ее отцом.

— Запрос на Кубу сделали?

— Одним из первых, — ответил полковник, — только сомневаюсь я, что их там найдут. Самолетами они не улетали, и в списках пассажиров круизных лайнеров их тоже нет.

Сомневался он зря. Уже к концу следующего дня стало известно, что все трое, не скрываясь, живут в одном из двух самых дорогих отелей города Ольгин, полдня проводят на пляже Изумрудный берег и не стеснены в средствах.

— Кубинцы очень оперативно сработали, — докладывал генералу Никонов. — О Никитиных много узнали, потому что они, включая малышку, свободно говорят по-испански и за время отдыха там со многими общались.

— Интересно, как они туда попали, и откуда у подполковника полиции такие деньги? — сказал Можейко. — Вот что, Виктор Сергеевич, пошли-ка ты туда своих ребят. Несколько дней отдохнут за государственный счет и заодно понаблюдают за Никитиными, а потом кто-нибудь подойдет и деликатно поторопит с возвращением. Остальные пусть следят издали. Я не исключаю того, что наш парламентар забудет о своем задании и пойдет паковать чемодан.

Встреча состоялась через три дня, на два дня раньше, чем планировали эфэсбэшники. Настя с Олей вышли из воды и теперь обсыхали, лежа в песке. Мать купалась гораздо реже, а на песок не ложилась вообще, предпочитая ему шезлонг. Они полдня проводили на солнце и загорели до черноты. Заклинания для загара у Насти не было, зато было от солнечных ожогов. Обновляй его каждый день и загорай сколько душе угодно. Их душам, дорвавшимся до южного солнца, угодно было много, поэтому у всех трех дам остались белыми только зубы. Заиграл мелодией вызова материн телефон, и она поспешила достать его из сумки.

— Кто звонил? — лениво спросила Настя.

— Таня звонила, — отозвалась мать. — Сдала последний ЕГЭ и опять получила пятерку.

— Было бы странно, если бы она получила что-нибудь другое, — сказала Настя, переворачиваясь на спину. — Она отца еще голодом не заморила? Марк сможет только убрать в квартире. Готовить он не будет, его самого нужно кормить.

— Я думаю, что Таня готовит, — неуверенно сказала мать. — В крайнем случае можно

сходить в кафе. Она слишком быстро положила трубку, поэтому я ничего не успела спросить.

— Деньги некуда девать, а она по привычке экономит, — проворчала Настя. — Потом позвони сама. Так, за мной кто-то наблюдает!

— За тобой здесь многие наблюдают, — равнодушно сказала мать. — Красивая мордашка, стройная фигура, да и все остальное уже вполне женское. Пусть смотрят. Им приятно, а тебя не убудет.

— Тут другое, — возразила Настя. — На тех, о ком ты говоришь, я давно не обращаю внимание. А это уже не любование, а наблюдение. Сейчас разберусь.

Она поднялась и подошла к лежавшему на песке парню.

— Привет! — сказала девочка, садясь рядом с ним. — Руссо туристо? Тебя можно закадрить, или ты облик морале?

— Что? — растерянно спросил он, уставившись на нее широко открытыми глазами.

— Кто прислал? — спросила Настя. — ФСБ или другая контора?

— А как ты узнала? — не отвечая на ее вопрос, спросил он.

— Когда на мне протирают взглядом дырки любители красивых девчонок — это приятно, — сказала она. — Конечно, им ничего не обломится, но в конце концов сама на себя начинаешь смотреть иначе. Но ты на меня смотрел так, как Глеб Жеглов на Ручечника. Что вам приказали?

— Понаблюдать, чем вы занимаетесь, а потом поторопить с отъездом домой, — ответил агент, которого пришлось подтолкнуть магией. — Лучше тебе самой разобраться с нами, чем без тебя начнут разбираться с твоими родственниками.

— И как стали бы торопить? — поинтересовалась Настя. — Надеюсь, не ногами?

— Просто передали бы, что есть такая необходимость, — сказал он. — Никакого принуждения не было бы. Вы когда собираетесь возвращаться?

— Через день-два, — ответила девочка, — так что зря вас сюда посылали. Хотя курорт здесь хороший. Но если ты хочешь на нем хоть немного отдохнуть, немедленно уходи в отель, иначе весь обгоришь. Все равно мы здесь ничем, кроме отдыха, не занимаемся, к тому же сейчас пойдем обедать.

Закончив с ним разговаривать, Настя вернулась к своим.

— Этот кадр из ФСБ, — сказала она матери. — Не нервничай: нас здесь брать не будут, но дома уже наверняка готовят комитет по встрече. Сказал, что будут только наблюдать, а через несколько дней скажут, что пора возвращаться. Мне здесь уже начало надоедать, поэтому вернусь с удовольствием.

— И совсем не боишься? — спросила отошедшая от испуга мать.

— Самую чуточку, — призналась Настя, — и больше за вас, чем за себя. Надоело мне бояться, мама. Я ведь с самого начала знала, что придется договариваться, просто хотелось немного отдохнуть от всех обязанностей. Я их в мире Вероны наелась досыта. К тому же я стала более независимая. Одно дело — какое-то подозрительное золото, и совсем другое — валюта, которую у меня с хранения никто не заберет. Теперь на меня смогут давить только через вас, но и у меня рычагов до фига! Пусть только попробуют, я с ними тогда поиграю в игру «кто самый крутой». Вставайте и пошли на обед, а то этот придурок сейчас изжарится. Я его отпустила, а приказ наблюдать остался. Непонятно, почему прислали такого молодого, наверное, из-за знания испанского языка. Приехал без капли загара и полез на солнце в одних плавках! Хоть бы взял зонт. О чем только думают!

— Да, пошли, — согласилась мать, вставая с шезлонга. — Знаешь, мне уже тоже захотелось домой. Я благодаря тебе отдохнула так, как не отдыхала никогда в жизни.

— Тогда можно пообедать и улететь! — предложила Оля. — Я уже по всем соскучилась, а больше по деду. А эти пусть ищут, куда мы девались.

— Так и сделаем, — решила мама. — Идите смывать песок.

Они поели, собрали свои вещи и рассчитались за номер. Ушли из женского туалета. Настя одной рукой взяла саквояж, а второй прижала к себе сестру, а мать обняла их обеих. Сфера на такую компанию появилась раза в полтора больше обычной. Когда девочка летала с отцом, она была меньше. Дома было девять вечера, поэтому Настя финишировала над сквером. В нем поблизости оказались несколько прохожих, которые в недоумении подняли головы, высматривая, что так громко хлопнуло. Наплевав на их любопытство, девочка погнала сферу к дому и через несколько минут уже обнимала сначала отца, а потом Таню. Марк обниматься не полез, но тоже был рад их возвращению.

— А черные! — удивился отец. — Вы же там были всего три недели. Шкура не слазила?

— Я предоохранила всех от ожогов, — объяснила Настя, — поэтому от солнца не прятались.

— Не хочешь туда еще раз? — спросила не скрывающая зависть сестра. — Я из-за школы не смогла с вами отдохнуть!

— Полетишь одна, — вздохнув, ответила девочка. — У меня сейчас начнется летняя распродажа.

— Я не поняла, — сказала Таня, — о какой распродаже ты говоришь?

— Себя я буду продавать, — пояснила она. — Нас уже на Кубе пасли, поэтому скоро узнают, что мы оттуда исчезли, и примчатся сюда. Я, конечно, постараюсь выбить себе максимум свободы, но на курорты тебе теперь придется летать. Денег можешь взять сколько хочешь. Я их и родителям оставлю, потому что наверняка придется ехать в Москву.

— Ладно, если будут деньги, я и сама отдохну, — успокоилась сестра. — Вы есть не хотите?

— Только что из-за стола, — ответила мать. — Вы-то как здесь жили?

Все сели в гостиной разговаривать, а Настя ушла в свою комнату звонить подругам. До Аллы она почему-то не дозвонилась, а Ольга ответила сразу.

— А я тебе на всякий случай звонила, — сказала девушка, — хоть ты и сказала, что не будешь брать свой мобильник. Меня насчет тебя допрашивали, и Аллу тоже. Мы отказались отвечать, тогда надавили на родителей. Мой отец это воспринял спокойно, а ее предок начал свирепствовать. Он у нее забрал телефон и запретил ходить на секцию, а для Алки секция важнее, чем для других.

— Можешь ей позвонить по обычному телефону? — спросила Настя. — Вот и скажи, что я завтра утром их навещу. После этого ее батя все вернет — и телефон, и секцию. Если она этого не захочет, пусть передаст через тебя. Ладно, надеюсь, завтра увидимся.

— Финал? — ехидно сказал Раш, когда она выключила телефон. — И что же ты будешь требовать?

— Сначала посмотрю, что мне будут предлагать, — ответила девочка. — Важно и то, как предложат. Одно дело, когда к тебе относятся с уважением, а совсем другое, когда пытаются выкручивать руки.

— Они не могли о тебе много узнать, — сказал Раш. — Только о лечении и о возможности что-то внушать. И, несмотря на свой ум, ты для них остаешься девчонкой,

причем зависимой из-за семьи. Свою силу придется доказывать, поэтому не слишком надейся на уважительное отношение. Хамить без необходимости не станут, но подчинить попробуют. Конечно, будут и какие-то пряники, но без кнута не обойдутся. Похоже, что ваши власти не умеют действовать по-другому.

— Они везде одинаковые, — сердито сказала Настя. — Ничего, я вывернусь! Если ты прав, то им же хуже! Не захотят поверить мне на слово и принять мои условия, пошлю далеко-далеко! Я уже примерно представляю, чем меня будут бить. Пусть попробуют, у меня тоже найдется чем ударить!

Незадолго до обеденного перерыва к отцу Насти в управлении подошли двое мужчин, один из которых предъявил удостоверение сотрудника ФСБ.

— Нам нужно поговорить, — сказал он Николаю Алексеевичу. — Это можно сделать у вас, но будет лучше, если вы проедете с нами.

— Разговор не о моей дочери? — спросил он. — Если вы хотите поговорить о Насте, будет лучше, если вы сначала встретитесь с ней.

— Где она? — спросил тот же мужчина.

— Ходила к подругам, а сейчас должна быть дома. Если куда-то ушла, жена может связаться с ней по телефону.

После его слов они чуть ли не бегом покинули управление, а Николай Алексеевич тут же позвонил дочери.

— Настя, ты дома? Вот и не уходи, потому что сейчас за тобой должны приехать. Я знаю, как ты настроена, но постарайся все же не задираться.

— Мама, сейчас за мной приедут, — закончив разговор с отцом, сказала Настя. — У отца были эфэсбэшники, а он, как мы и договаривались, направил их сюда. Я уже, в общем, одета, осталось только нацепить серьги и расчесаться. Ты вот что... если на вас будут наезжать, сильно не переживай. Знай, что вся эта ерунда только на день-два, и никаких последствий не будет. То, что обо мне могли узнать, может вызвать опасения, но это только маленькая часть моих возможностей, а в остальное сразу не поверят, поэтому на равных со мной никто договариваться не будет.

— Ты там сильно хвост не распускай! — сказала мать. — Если кого-нибудь приберешь или покалечишь...

— За кого ты меня принимаешь? — обиделась девочка. — Я в ФСБ ни с кем воевать не собираюсь. И договариваться мне там будет не с кем. У тех, кого сюда послали, есть не права, а инструкции. Вот они по этим инструкциям и будут со мной работать. А я все расскажу и посмотрю, как они себя поведут. Если по-хамски, я просто исчезну и буду говорить уже с теми, кто решает. Звонят. Открой и скажи, что я сейчас выйду.

Настя ушла в свою комнату, надела серьги и начала приводить в порядок прическу. Она не успела закончить, как в комнату заглянул мужчина лет пятидесяти.

— Не можете пару минут подождать? — спросила девочка. — Я ведь могла не успеть одеться.

— Я должен был убедиться в том, что ты здесь, — ответил он, проигнорировав ее возмущение. — Поторопись, нас ждут. И так за тобой пришлось долго бегать.

— Вы мне не друг и не родственник, — притворившись рассерженной, сказала она. — Обращение на ты в вашем случае — это неуважение. Запомните сами и передайте тем, кто будет со мной работать, что я на тыканье отвечать не буду.

— Передам, — ответил он. — Собирайтесь быстрее. И я вам посоветую меньше проявлять свой гонор.

— Мое поведение будет зависеть от вашего, — сказала она, оставив за собой последнее слово. — Я готова. Куда мы едем?

— В наше областное управление. Следуйте, пожалуйста, за мной.

В гостиной их ждал еще один мужчина помоложе, весь бугрящийся мышцами, которые

летняя одежда почти не скрывала.

— Здравствуйте, — первой поздоровалась Настя. — Фигура — класс! Анаболики или таскали железо?

— Здравствуй, пропавшая, — улыбнулся он. — Второе. Химию не употреблял.

— Обращайся к ней на вы, Виталий, — сказал ему пожилой. — Идемте в машину, возможность поболтать у вас еще будет.

Возле подъезда их ждал черный «форд» с сидевшим за рулем шофером. До областного управления ФСБ доехали за двадцать минут. Настю сразу отвели в небольшой кабинет на втором этаже, предложили сесть на стул и покаяться. Встретивший ее полковник так и сказал, непонятно только в шутку или всерьез.

— Вы хотите, чтобы я рассказала, где была после своей пропажи, и откуда у меня не совсем обычные способности? — уточнила девочка.

— Очень четко сформулировали, — кивнул полковник. — Сколько вам понадобится времени?

— Если со всеми подробностями, то пару часов, — ответила она. — Надеюсь, что вы все будете записывать, потому что не собираюсь об этом рассказывать еще раз. Пусть те, кому интересно, слушают запись. Только попрошу меня не перебивать. Высказаться по поводу моего рассказа или задать вопросы можно и потом.

— Говорите, все записывается, — не стал он с ней спорить.

Настя говорила и видела, что никто из сидевших в кабинете офицеров ей не верит, но говорить не мешали, хотя в два часа она не уложилась.

— И вы хотите, чтобы мы во все это поверили? — спросил полковник, когда девочка закончила свой рассказ.

— Я от вас ничего не хочу, — ответила Настя, — это вам от меня что-то нужно. Я все рассказала, как было в действительности, а если эта действительность не вписывается в ваши представления о мире... Внушать я вам ничего не собираюсь, могу только кое-что показать.

— Покажите, — согласился полковник.

— Я уже это делала неоднократно, — сказала девушка, положив на стол несколько роз. — Буду вам показывать то же, что и другим. Этих роз не существует, но это не гипноз, а магия иллюзий. Если вы их сейчас сфотографируете, то получите нормальные фотографии. Никакой гипноз этого не даст.

— Сергей, сфотографируй, — приказал полковник пожилому, после чего обратился к Насте: — Для иллюзий они слишком материальные: пахнут, и я даже уколол палец.

— Качественная иллюзия, только и всего, — пожала она плечами. — Смотрите на них.

Розы задрожали и исчезли.

— На дисплее они есть, — подтвердил пожилой.

— Это уже не иллюзии, а предметы, взятые с хранения, — продолжила демонстрацию Настя. — Это кошель с золотом. Можете забрать себе, у меня такого добра много. Это кинжал, а это мое парадное королевское платье.

— Великолепная работа! — сказал взявший платье полковник. — По-моему, камни настоящие. Это герб?

— Да, это королевский герб, — ответила Настя. — На хранении много всего, но сейчас вам хватит и этого.

— Допустим, что все это есть на самом деле и останется после вашего ухода, — сказал

полковник. — Но это не доказательства существования божества.

— Я уже сказала, что не собираюсь вам что-то доказывать, — ответила девочка. — Не верите в Верону? Ну и ладно! Ваша вера или неверие ни на что не повлияют, это только ваше личное дело. Моему деду было трудно поверить в магию и какую-то богиню, поэтому он ее окрестил пришельцем.

— В пришельца могу поверить и я, — кивнул он.

— А какая для вас разница? — спросила Настя. — Когда Верона говорила с владыками Вечного города, она сказала, что ее сородичи управляют другими мирами. Этот вид разумных не создавал миры или людей, они просто тысячи лет ими управляют. Если не нравится слово «богиня», придумайте другое. У меня в голове такой перевод.

— Значит, на ваших руках есть невидимые кольца и браслет? — оставив тему богов, спросил полковник. — Протяните руки, я пощупаю.

Он ощупал ее пальцы и запястье, вздрогнул и убрал руки.

— Да, все это есть, если вы мне ничего не внушили.

— Товарищ полковник! — сказала ему Настя. — Если бы я хотела вам что-то внушить, давно бы это сделала! Комната под наблюдением? Тогда позвоните в аппаратную и спросите, видят ли они эти предметы на столе. Вот с браслетом и кольцами ничем помочь не могу, я их сама не вижу.

— Значит, вы можете внушить что угодно, лечить и с помощью шара мгновенно перемещаться в любое место, для которого у вас есть образ? — подвел он итог. — И еще можете отправлять куда-то любые предметы и возвращать их обратно?

— В магии я могу намного больше, — сказала девочка. — Просто у меня не очень много сил, а для того, что вы называете внушением, их требует совсем мало. И предметы я могу отправлять только свои. Ничего из того, что мне не принадлежит, кольцо никуда не отправит.

— Кольцо отправляет предметы, с помощью перстня вы перемещаетесь, а браслет — это разумная вещь, которая хранит запас сил. Правильно? Тогда снимайте все эти предметы. Они будут отправлены на исследование.

— Вы меня внимательно слушали? — спросила Настя, которая ожидала чего-нибудь подобного. — Вижу, что или не слушали, или не придали значения тому, что я сказала. Браслет это не компьютер, а личность, которая поумней нас с вами. В нем копия всей моей памяти и разговаривать он может только со мной, поэтому он вас с вашими исследованиями пошлет далеко-далеко. Уже послал.

— Вы его надевали сестре!

— Убедила с большим трудом! — уже сердито сказала девочка. — Потом выслушала, что он больше с моей руки не уйдет, а сама я его не сниму, и вы этого сделать не сможете, разве что отрубите мне кисть.

— Почему? — не понял полковник. — Наши специалисты снимут.

— Потому, что это не физика, а магия! — теряя терпение, объяснила она. — Размеры у браслета были в два раза больше моей руки, но он плотно обтянул запястье, и вы его с мылом не снимите! И потом с какой стати я должна расставаться со своим запасом сил? Во-первых, вы ничего в нем не найдете, можете только убить, а во-вторых, я вам просто не верю. Я пока еще ни с кем ни о чем не договорилась и никому ничего не обещала! Я и без браслета могу завязать вас в узел и сделать многое другое, но с ним мои возможности намного больше. К тому же он мой друг!

— А перстень с кольцом? — недобро глядя на девочку, спросил он.

— Там то же самое, — ответила Настя. — Перстень только управляет транспортной сферой, а им могу управлять только я! Ну нет у вас других магов и не будет! А без них это просто золотое украшение. И это мое оружие, которое я никому не отдам! Если договоримся, сможете пользоваться моими услугами, но и в этом случае я буду иметь возможность вам отказать. С кольцом еще хуже. Владыки дали мне его до смерти. Основная его цель — вернуть меня в их город, а хранение вещей — это лишь полезная безделица, чтобы я его не выбросила. Я вам, по-моему, русским языком сказала, что кольцо будет защищать меня и себя! Я не знаю, как именно оно поступит с тем, кто попытается его с меня снять, только догадываюсь. Пытавшегося меня убить жреца оно отправило на хранение, а потом вернуло его труп. Вы хотите повторить его судьбу? Пожалуйста, я вам мешать не буду, только чтобы потом никто не сказал, что я вас не предупреждала! Хотя все равно будут обвинять. Я не смогу доказать, что вас убило кольцо, а не я. Будете пробовать?

— Ты это сделаешь сама! — зло сказал полковник, переходя на ты. — Девчонка! Смеешь ставить условия государству! Тебе хотели многое предложить и еще, наверное, предложат, но и напомнить, что здесь не какое-то королевство, будет нелишним! Ты можешь попробовать нам что-то внушить, но это не вернет в вашу семью Ольгу! Ее уже увезли и вернут только тогда, когда ты докажешь свою полезность. Ее личное дело — это липа, поэтому мы в своем праве! Твои близкие, кстати, тоже живут в этом государстве, интересами которого ты пренебрегаешь, и полностью от него зависимы. И твоих способностей у них нет! Если перестанешь...

— Хватит, — перебила его девочка. — Не буду я вам ничего внушать, черт с вами! Как забрали сестру, так и вернете. И попробуйте только тронуть родителей или деда! Жить будете долго и каждый день сожалеть о том, что сделали! Хотя, вы им уже ничего не сделаете из-за поставленного мной запрета, а другие просто не успеют.

— Ты не успеешь воспользоваться своей сферой! — сказал полковник. — В этом кабинете...

Он замолчал и вытаращился в то место, где мгновение назад сидела Настя. Она попала в сферу вместе со стулом и сразу же отлетела в один из углов кабинета, поднявшись к самому потолку. Из нескольких мест в стенах ударили струи какого-то газа или аэрозоля. Полковник и оба его подчиненных бросились к двери, но успели сделать только несколько шагов и повалились на пол. Девочка убрала на хранение свое платье и кинжал, оставив на столе только кошель с золотом, а потом запустила заклинание, вставив в него образ фасада главного здания президентской резиденции в Ново—Огарево. Сфера возникла совсем рядом с двухэтажным особняком напротив его центрального входа. Посмотрев на балкон второго этажа, она увидела распахнутые настежь двери и приказала лететь туда.

— Хороший дом, — с сарказмом сказал Раш. — Нашему домовому понравился бы. Колонны и фронтон — почти дворец. Подожди, не убежит твой президент. Скажи, зачем тебе было нужно все это устраивать?

— А что я устраивала? — удивилась Настя. — Ну подействовала немного на полковника, чтобы он без дипломатии говорил то, что думает. Он бы все равно перешел к угрозам, только перед этим пришлось бы час или два выслушивать лекцию о патриотизме и обещания, что я вся буду в шоколаде! Когда давали инструкции, их начальство обо мне многого не знало. Если бы знали, наверное, и инструкции были бы другими. А эта троица так мне до конца не поверила. Кое в чем мне их удалось убедить, но так, процентов на

тридцать. Никто из них не готов поверить в сказку, а мои откровения — самая настоящая сказка. Я ведь была уверена, что так и получится. Повяжу президента и директора ФСБ, а все остальные сами утихнут. Прикинусь обиженной и еще какое-то время погуляю. Потом, конечно, опять подвалют. Слушай, Рац, не мешай, поговорим потом.

Президента она нашла в большой комнате с камином. Он о чем-то беседовал с невысоким, пожилым мужчиной, в котором внешне не было ничего примечательного. Лежавший рядом с ними пес что-то почувствовал, неуверенно гавкнул и подошел к сфере. Девочка его подчинила и отправила лежать на прежнее место, после чего убрала сферу.

— Вынуждена прервать вашу беседу, — сказала она удивленно уставившимся на нее мужчинам. — Этот стул мне пришлось забрать у ростовской службы ФСБ. Мне он не нужен, так что пусть стоит здесь. Вас, Владимир Викторович, я знаю, а кто ваш собеседник?

— Это директор ФСБ Александр Васильевич Бабурин, — послушно ответил подчиненный президент. — Не скажете, кто вы?

— На ловца и зверь бежит, — довольно сказала Настя. — Я вам представляться не буду, пусть за меня это сделает ваш директор.

— Настя Никитина? — спросил тоже подчиненный Бабурин. — Почему вы здесь? И как вы сюда попали?

— Я бы сюда не прилетела, если бы не вы! — указав на него рукой, заявила девочка. — Знаете, мне очень неплохо жилось до того, как на меня наехали ваши люди. Мне не нужна власть, я ею уже наелась досыта! И вы мне не нужны, поэтому в том, что произошло, вините только себя!

— А что произошло? — не понял президент. — Вы имеете в виду свое появление?

— Я имею в виду то, что вы оба мне подчинены и сделаете все, что я захочу, — объяснила она. — Лично мне от вас не нужно ничего, кроме следующего. Нам должны вернуть мою младшую сестру, которую для шантажа взяли люди из ФСБ. Ну и еще вы оба будете всеми средствами препятствовать нанесению любого вреда мне и моей семье. На этих условиях я согласна оставить вас в покое.

— А если мы этого не сделаем? — спросил президент.

— Вы этого не сможете не сделать, — как маленькому объяснила ему Настя. — Прислушайтесь к себе и поймете, что это так и есть. Ну а если все же такое случится, вы себя убьете сами. Выбор смерти оставляю на ваше усмотрение.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказал немного побледневший Бабурин. — Что у вас произошло с моими людьми?

— Когда я вернулась с Кубы, они увезли меня в свое управление, — ответила девочка. — Я предполагала, что так и будет, поэтому выполнила то, что от меня просили. Два часа разливалась перед ними соловьем, а потом предъявила доказательства. Моя история, с точки зрения любого нормального человека, выглядит дико, поэтому они мне и с доказательствами до конца не поверили. У меня есть несколько артефактов, которые настроены на меня. Ни изучить их, ни как-то перенастроить на кого-нибудь другого, вы не сможете. Я все это объяснила и сказала, что ничего ни на какие исследования не дам! Все испортите, а потом сами будете кусать локти! Ваши люди наплевали на мои объяснения и от уговоров перешли к угрозам. Как только они меня увезли из дома, другие ваши кадры забрали мою младшую сестру. У нее, видите ли, не в порядке документы на удочерение! Ну пришлось мне заставить одну стерву состряпать дело о проживании Ольги в детском доме, а как иначе объяснить появление ребенка, если он из другого мира? В общем, я оттуда ушла и даже никого не

прибила, хотя очень хотелось. Они, правда, сами пострадали от своего газа, которым хотели меня усыпить. Поспешите дать указание вернуть малышку и отстать от моей семьи! Если они умудрятся арестовать отца, да еще на его работе, ему придется увольняться, а я уже не буду такой добренькой!

— Мы компенсируем... — начал Бабурин.

— Мне начхать на деньги, — перебила его Настя. — У меня их столько, сколько никогда не будет у вас! У отца вся жизнь в его работе, а вы своими действиями можете его лишить и ее, и уважения товарищей!

— Я о вас вообще ничего не знаю, — сказал ей президент, — поэтому сейчас трудно о чем-то говорить и договариваться. Ребенка вам вернут, если он сам захочет к вам вернуться, и не будут вас трогать. Но что вы собираетесь делать дальше?

— Во-первых, я обиделась, — ответила девочка. — Я и раньше была невысокого мнения о наших чиновниках, а сейчас это мнение изменилось в худшую сторону. Я была готова оказывать вам услуги без всякого давления, только на своих условиях.

— И какого рода услуги? — спросил президент. — Александр Васильевич о вас что-то знает, но меня пока не просветил, поэтому скажите хоть в двух словах.

— Я могу только своей силой лечить почти любые болезни и заставлять подчиняться людей и животных. Кроме того, могу переместиться в любую точку Земли, для которой есть фотография. При этом меня никто не увидит. Собаки, как выяснилось по вашему псу, что-то чувствуют, но их тоже легко подчинить. Как насчет всяких там детекторов, я не знаю, но моя сфера не вызывает срабатывания датчиков движения на лестничных площадках, так что, может, и другие способы обнаружения работать не будут. Могу днями сидеть в Овальном кабинете и записывать кинокамерой американского президента, могу освободить любых заложников и привести вам на веревочке террористов. Могу обучить любому языку, могу... Слишком долго перечислять то, что я могу сделать. Ваши люди все это записали, так что слушайте записи.

— Чего хотите вы? — спросил Бабурин.

— Прежде всего, чтобы со мной считались! Я вам не соплячка, которую легко запугать, угрожая ей самой и ее семье. Я правила королевством размером с Англию, причем не в самое благополучное для него время! И я собственноручно убила в бою сотни полторы своих врагов. Того, что я вам могу дать, не даст больше никто, а вот чего потребовать от вас, я даже не знаю. Как я уже говорила, денег у меня вагон, а будет мало, продам несколько тонн золота. Наверное, приготовьте в Москве хорошую квартиру и сделайте перевод отцу. И учтите, что если какое-то задание мне покажется сомнительным, я потребую меня с ним ознакомить или откажусь.

— Взрыв батареи на Украине — ваша работа? — спросил Бабурин.

— Это было в Донбассе, — уточнила Настя, — и они ее взрывали сами, я только посоветовала. Но учтите, что больше я туда соваться не буду. Меня тогда в прицел рассматривал снайпер. Когда обо мне не знали, это сошло с рук, сейчас могут убить. Я тогда оттуда привезла сувенир.

В руке девочки появился пистолет, заставивший мужчин побледнеть.

— Успокойтесь, — сказала она, отправив ствол на хранение. — Я легко могу убить без всякого оружия. Остановить сердце, приказать прекратить дышать, нагреть мозги — способов много. Но я даже с врагами старалась не доводить до убийства, если без него можно было обойтись. Я сама один раз умерла и знаю, что такое смерть. Вы мне не враги, но

и не друзья.

— А если снять это подчинение? — спросил президент.

— Я похожа на дуру? — удивилась Настя. — С какой стати я должна вам верить? И вы не должны беспокоиться насчет подчинения. Я еще раз говорю, что это только гарантия моей безопасности и независимости.

— А если вас убьют другие? — мрачно спросил Бабурин.

— Если это случится не с вашей подачи, то вам ничего не будет, — ответила девочка. — Только учтите, что свою виновность вы будете определять сами. Если вы будете плакаться перед подчиненными о том, как я вам мешаю жить, а они, чтобы сделать вам одолжение, меня грохнут, вслед за мной уйдете вы. Относитесь ко мне, как к любимой дочери, и будете жить долго, особенно если и я к вам так же отнесусь. Мой дед сильно помолодел, а до моей обработки разваливался на ходу.

— А все-таки, — не унялся президент. — Знать о своей зависимости очень неприятно.

— Само собой, — кивнула она. — Тем более это неприятно такому человеку, как вы. Благодарите за это своего директора.

— Я не могу контролировать все дела и отвечать за работу всех своих подчиненных, — сердито сказал директор. — Вашим делом занимался генерал-лейтенант Можейко. Сегодня же узнаю все подробности.

— Контролировать не можете, — согласилась Настя, — а отвечать должны. Может, я вашу зависимость сниму, но это будет не сегодня. Какое-то время поработаем, а потом будет видно.

— Насчет работы, — вспомнил президент. — Ваше «во-первых» мы слышали, а что будет во-вторых?

— Во-вторых, теперь я буду три месяца отдыхать и попрошу меня не беспокоить!

— Настя, может, оставите эти детские выходки? — сказал Бабурин. — Все ваши требования нетрудно удовлетворить, но...

— Вот и удовлетворяйте, — ответила она. — Со мной поступили как с девчонкой, поэтому и я имею право на детские выходки. У меня еще три месяца детства, а потом можете нагружать. Изучите все, что я вам рассказала, и подумайте о том, как нам построить работу. Заодно можете подумать над тем, чем вы меня сможете отблагодарить, мне самой пока ничего в голову не пришло.

Она вызвала сферу и сразу отправила ее во двор, а из него залетела в свою комнату. В ней находились два молодых человека, которые аккуратно раскладывали на полу ее вещи.

— Теперь все так же аккуратно положите на место, — сказала она офицерам. — В квартире еще кто-нибудь есть?

— В гостиной сидит наш сотрудник, — ответил один из них. — Еще здесь ваши мать и сестра.

— Оставьте вещи и идите за мной, — приказала девочка и первой зашла в гостиную.

— Ваши имя и звание! — обратилась она к вскочившему офицеру.

— Майор Андрей Зверев! — ответил он.

— Вот что, майор, — сказала Настя, — забирайте своих орлов и уезжайте в свою контору. Со мной сейчас разбираются в Москве, а когда закончат, вам сообщат. К моему отцу никого не отправляли?

— Нам насчет него ничего не приказывали.

Эфэсбэшники ушли, а девочка подошла к заплаканной матери и ее обняла.

— Я тебе говорила не расстраиваться? — ласково сказала она, прижав мамину голову к себе.

— Мало ли, что ты говорила, — ответила тоже обнявшая Настю мать. — Оля плакала и просила, чтобы ее не забирали, а что я могла сделать? Таня с ними чуть не подралась. Сейчас ушла к себе и тоже плачет.

— Марк, тебя хоть не забрали? — спросила девочка.

— Здесь я, — отозвался появившийся на диване домовой. — Придут еще эти?

— Не должны, — ответила ему Настя, — а если придут, им же будет хуже. Олю скоро должны привезти.

Она взяла телефон и позвонила отцу.

— Папа, у тебя на работе все в порядке?

— Ты откуда звонишь? — спросил он.

— Из дома я звоню, — ответила девочка. — Знаю я уже об Оле. Не беспокойся: скоро ее должны вернуть, а от нас отстанут. Это не телефонный разговор, когда придешь домой, тогда и поговорим. Я хотела спросить вот о чем. У вас есть какой-нибудь прибор, чтобы обнаружить микрофоны? А то я здесь всех разогнала, а об этом забыла спросить.

— Я что-нибудь придумаю, — ответил отец и отключился.

На обед он приехал с молодым парнем, который поздоровался с женщинами, открыл свой полный каких-то приборов чемоданчик и принялся обходить всю квартиру. Пока он работал, все успели пообедать.

— Может, и его пригласить? — спросила мать.

— Перебьется, — сказал отец. — Это не наш сотрудник, а мастер от агентства. Они оказывают разные услуги, в том числе и эту. Я за нее уже расплатился.

— Во всех помещениях, кроме санузла, были радиомикрофоны, — отчитался специалист. — Я их все сжег. Камер вам не ставили. К стационарному телефону тоже ничего не прицепили. Я свою работу выполнил, до свидания.

Когда он уехал, Настя всем коротко рассказала о том, что произошло в ФСБ.

— Я им не могла ничего отдавать, а объяснять было бесполезно. Им сказали изъять все приборы, если они будут, а приказ важнее моих объяснений. О том, что было дальше, я вам рассказывать не буду. Скажу только, что я взяла отпуск на три месяца, а потом придется пахать на государство, но на моих условиях. К вам вязаться не будут и Олю вернут. Должны купить для нас квартиру в Москве, а тебя, папа, перевести туда работать.

— Значит, добилась своего? — спросил отец.

— Сложности могут быть, но основные вопросы утрясла. Не знаю только, что просить за свою работу. Плохо, когда у человека все есть.

— У тебя есть все по тем потребностям, к которым ты привыкла, — сказал отец. — Деньги у нас действительно некуда девать, особенно если у тебя будут покупать золото, но не все можно за них купить, по крайней мере у нас. Кое-что не продается или продается избранным, да и услуги... Пройдет время, и ты найдешь, что потребовать в оплату.

— Если у тебя будут три месяца, может, все-таки отдохнем вместе? — спросила сестра. — Возьмем с собой Олю, а маму оставим здесь, чтобы папа с Марком не умерли от голода.

— Я думаю, можно, — ответила Настя. — Только я вместо Кубы подберу что-нибудь другое, а то мы там ничего не видели, кроме отеля, городских парков и моря. Можно вообще никуда не переселяться и жить дома. С моей сферой...

— Только не на твой остров, — предупредил отец. — Выбирай, потом скажешь. И

позвоните, когда появится Оля.

Он уехал на службу, лишь немного не дождавшись возвращения младшей дочери.

— Поручили вам ее передать, — сказала привезшая Олю женщина. — Это саквояж с ее вещами.

Не слушая, что говорит чужая тетка, малышка бросилась Насте на грудь и заплакала.

— Вы как хотите, а я от нашего отдыха устала, — сказала Настя сестрам. — Над Большим Каньоном и Ниагарским водопадом летали, в Голливуде и Диснейленде были...

— И над Нью-Йорком летали, — добавила Оля, — а больше в Америке нет ничего интересного.

— Египетские пирамиды, смотрели, — продолжила девочка. — На пирамидах Солнца и Луны в столице ацтеков тоже были...

— Меня там чуть не укусила змея, — опять влезла Оля. — И зачем мы выучили арабский язык? Купались там всего три дня.

— Помолчи, — поморщилась Настя. — Кто ныл, что жарко и песок? Были в Таиланде, на моем острове и на Кубе! Я уже на полжизни вперед накупалась и такая черная, что люди на улице оглядываются. Лондон, Париж, Рим и Флоренция, я ничего не забыла? Может, хватит? Тань, давай я тебя отвезу в Ялту, а потом заберу обратно? Позвонишь, и я тут же подскочу.

— Не знаю, — заколебалась сестра. — Наверное, и мне пока хватит. Нужно подумать о том, в какой институт поступать. Я уже выучила девять языков, может...

— Не спеши, — перебила ее Настя. — Все равно скоро должны переехать в Москву. Слушай, а что если тебе вообще не учиться?

— Сама меня чуть ли не ногами пихала в вуз, а теперь делаешь такие заявления, — удивилась Таня.

— У меня появилась мысль, — сказала Настя. — Давай впихнем в твою голову еще столько же языков, а потом я попрошу устроить тебя на работу. Пройдешь стажировку и будешь с кем-нибудь из МИДа разъезжать по заграницам, пока не выскочишь замуж.

— Тебе же их тоже нужно учить. Или не нужно?

— Мне их нужно активировать, — ответила девочка. — Если нужен японский, достаточно взять любую фотографию Японии, кроме Фудзиямы, и туда смотреться. Не нужно даже выходить из сферы. Можно и через интернет, но с полетами интересней.

— А ты думаешь заниматься своим экстернатом? — спросила Таня. — Или наплюешь?

— Школу обязательно закончу, — ответила Настя, — а вот дальше учиться не буду.

— А я? — спросила Оля. — Сама хочешь все быстро закончить, а я должна учиться с мальчишками все одиннадцать лет?

— Что ты имеешь против мальчишек? — спросил зашедший в гостиную отец. — Не бери пример с Насти, а то никогда не выйдешь замуж. С мальчишками нужно дружить, только не со всеми.

— Что-то ты сегодня рано приехал на обед, — сказала Таня, — Мама отдыхает, не нужно ее беспокоить. Я тебе сама все разогрею.

— Можете меня поздравить, — сказал он. — Дали очередное звание и перевели в Москву. И то, и другое мне не светило, поэтому всем этим я обязан тебе.

— Хочешь сказать, что меня могут раньше побеспокоить? — отозвалась Настя. — Ну и ладно, нам уже отдых надоел.

— Хотел бы я сказать такое о себе, — вздохнул отец. — Сиди, Таня, у меня у самого руки есть: что я себе не согрею поесть?

Он ушел на кухню, а Таня подошла к зазвонившему телефону.

— Тебя, — сказала она Насте, протягивая ей трубку.

— Здравствуйте, Анастасия Николаевна, — услышала она приятный мужской голос. — У меня к вам дело в связи с переводом вашего отца, квартирой в Москве и вашей будущей работой. Я могу сейчас подъехать?

— Подъезжайте, — ответила Настя. — Я пока никуда не собираюсь.

— Кто звонил? — спросила Таня.

— Мои работодатели, — засмеялась девочка. — Они со мной авансом рассчитались отцовым званием и переводом, а сейчас еще привезут московскую квартиру и потребуют отработки. Но требовать будут вежливо, этот уже обратился по имени-отчеству.

— Квартира хоть большая? — спросил с дивана домовый.

— Это ты не у меня, а у него спрашивай, — пошутила Настя. — То-то он удивится. Я о тебе в своем отчете не упоминала. Решила, что для начала им хватит Оли. Два пришельца, да еще разных видов — это перебор.

Работодатель не спешил и прибыл через час после звонка.

— Дмитрий Павлович Зеленин, — представился он в прихожей, — полковник.

— Проходите, — пригласила Настя и отвела его в свою комнату.

— Вам не надоело отдыхать, Анастасия Николаевна? — спросил гость, сев на предложенный ею стул. — В работе с вами есть большой интерес у очень значительных людей, да и вам, насколько я сумел вас понять, будет интересно.

— Достаточно Насти, — сказала девочка. — Мою натуру постигали по моему рассказу?

— Ваш рассказ помог, — согласился он, — но я о вас и до него кое-что знал. Ваше дело шло по разряду аномальных явлений, и его сначала передали нам. Наш отдел занимается всякого рода чертовщиной...

— Вот спасибо! — засмеялась Настя. — Значит, вы изучали меня, как ведьму, а потом дело передали тому полковнику, который хотел меня обобрать? Что с ним, кстати?

— Обычный сон, — ответил Дмитрий Павлович. — Отоспался, а потом удивлялся своему поведению. Сознайтесь, вы на него влияли?

— Только немного убавила осторожность, — сказала девочка. — Каким он был, таким он и остался, а я сэкономила время. Все равно все бы закончилось газом.

— У них не было времени проанализировать ваш рассказ, — пожал плечами Зеленин. — Если мне трудно поверить в то, что я слушал уже несколько раз, чего вы хотите от них? Это оперативники Следственного управления, которые твердо стоят на земле, а вы им подсовываете сказочку. Они и ваши доказательства приписали внушению.

— Ну хорошо, вам легче мне поверить, и у вас есть опыт работы с ведьмами — это я уже поняла. Давайте перейдем к делу.

— Давайте, — согласился он. — Перевод вашему отцу сделали, а это вам в дополнение к нему документы на квартиру.

— Квартира хоть большая? — спросил полковника невидимый домовый.

— А кто спрашивает? — растерялся Дмитрий Павлович.

— Кто может спрашивать о доме? — засмеялась Настя. — Конечно, домовый. Покажись, Марк, а то полковник не отдаст мне документы.

Заленин передал ей папку, не сводя расширенных глаз с сидевшего на кровати домового.

— Вы нам о нем не говорили, — сказал он, когда Марк снова исчез.

— А вы попробуйте впихнуть в два часа события девяти месяцев, — возразила она. — К тому же наш Марк может представлять интерес не для вас, а для ученых, да и нет у него

желания общаться с кем-то, кроме семьи. Расскажите о квартире, чтобы я не рылась в бумагах.

— Вы нам рассказали сказку, ну и вам тоже дали сказочную квартиру, — ответил Зеленин. — Ее купили на проспекте Вернадского почти за пятьдесят миллионов. Я, когда ее увидел, обалдел. В ней четыре комнаты и три санузла, большая кухня и застекленная лоджия. Общая площадь сто пятьдесят метров, жилая — девяносто два. Квартира полностью укомплектована итальянской мебелью и немецкой сантехникой, в ней много встроенных шкафов. Мраморные полы, декоративная мозаика и вообще... Мне отсюда не хотелось уходить. Жилой комплекс огорожен и охраняется, а совсем рядом станция метро Юго-западная.

— И все это нам дают в собственность? — с недоверием спросила Настя.

— Дают, — подтвердил он, — только с условием, что вы на нас работаете пять лет. Если откажетесь дать такое обязательство, вам подберут что-нибудь скромнее. Или можете заплатить за нее сами. Вы вроде говорили, что ходите по деньгам. Прежде чем что-то решать, посмотрите на фотографии.

— Я бы предпочла расплатиться, — посмотрев фотографии, сказала девочка. — Это не из-за того, что не хочу с вами работать. Со мной может что-нибудь случиться...

— Это учитывается, — пояснил Зеленин. — Если вы при выполнении наших заданий погибнете или потеряете возможность их выполнять, никаких претензий к вашей семье не будет.

— Если вы примете в качестве оплаты золото, я бы все-таки предпочла заплатить, — решила Настя. — Никогда не была должником и не имею желания им становиться.

— Дело хозяйское, — сказал он. — Насчет золота я передам руководству. Оно будет таким, как в ваших монетах?

— Точно такое же, — подтвердила девочка. — Треть меди, остальное золото. Дмитрий Павлович, не могли бы вы передать мою просьбу устроить на работу сестру? Она через месяц будет знать шестнадцать языков...

— Передам, — согласился Зеленин. — Не думаю, что у нее будут проблемы с работой. наших спецов поучите?

— Без проблем, — ответила Настя. — Вы не знаете, что для меня планируют с работой?

— Планов много, — ответил он, — только я о них здесь говорить не буду. И вы постарайтесь поменьше это обсуждать. Наши микрофоны вы сожгли, но их не только мы можем ставить. Когда вы увидите у нас, вам обо всем подробно расскажут. Пока могу только сказать, что начнем с изучения ваших способностей.

— Хорошо, что напомнили насчет микрофонов, — сказала девочка. — Я надеюсь, что нам не придется их жечь в Москве.

— В квартире установлена связанная с нами электронная система охраны, но с нее прослушивается только прихожая. Это сделано в целях вашей безопасности. Во всех остальных помещениях нет ни камер, ни микрофонов. Когда вы будете переезжать?

— Я не знаю, — пожалала она плечами. — Вернется со службы отец, тогда поговорим. Оставьте номер своего телефона.

Полковник попрощался и ушел, отдав перед уходом ключи от новой квартиры, а Настя направилась в комнату Тани.

— Большая квартира? — повторила вопрос домового сидевшая у Татьяны Оля.

— Посмотрите сами, — сказала девочка и положила на стол десяток фотографий. —

Полторы сотни квадратов, итальянская мебель, мрамор и куча туалетов. Теперь можно не бояться есть немывные фрукты.

— И отдают просто так? — не поверила Таня.

— За мое обещание пахать на них пять лет. Я им и больше могу обещать, все равно мой союз с государством до самой смерти или до тех пор, пока нами не займется Верона. Но квартиру я выкуплю. Потрачу на это пятьдесят кг ненужного мне золота, зато это будет ваше.

— Мне не понравилось то, как ты это сказала! — нахмурилась Таня. — Вроде попрощалась, а квартиру подарила на память.

— Не в этом дело, — сказала Настя. — Понимаешь, я с этим своим королевством совсем перестала ценить барахло. Когда у тебя куча дворцов и навалом всего, что может понадобиться человеку, сильно меняется отношение к вещам. Не знаю, может, у других это не так, но я сейчас почти ничему из этих благ не радуюсь. Когда мне показали эти фотографии, я была в восторге, но он длился минуту, не больше. Сразу вспомнились мои комнаты...

— Их нет и больше не будет, — возразила сестра. — Или ты все-таки хочешь вернуться?

— Не собираюсь я возвращаться, — вздохнула девочка. — Я так и думала, что ты меня не поймешь.

— А когда уедем? — спросила Оля.

— Если отцу не нужно задерживаться, можем уехать хоть завтра, — ответила Настя. — Мебель не везти, да и вещи можно брать по минимуму. Я всегда могу сюда вернуться и забрать то что понадобится. Эту квартиру пока лучше не продавать. Оплатим коммуналку и на всякий случай отдадим Васильевым ключи.

— А твои подруги? — спросила Таня. — Будешь к ним мотаться? Если узнают, будут неприятности.

— Ничего-то ты не поняла, сестренка! — засмеялась девочка. — Неприятности будут у того, кто захочет устроить неприятности твоей сестре! У меня уже в верхах есть поддержка, а после того как я докажу свою полезность, со мной будут считаться еще больше. И сделать это будет нетрудно.

Скоро к ним зашла отдохнувшая мать. Получив папку с документами и фото, она вернулась в свою комнату их изучать. Отец сегодня приехал на два часа раньше.

— Оформили все документы и выплатили деньги, — сообщил он дочерям. — Дали пять дней на сборы и переезд, а потом должен явиться на новое место службы. А где мать? Неужели до сих пор отдыхает?

— Любуется новой квартирой, — засмеялась Настя и рассказала отцу о визите Зеленина.

— Значит, хочешь выкупить, — задумался он. — Вообще-то, с халявным золотом не вижу проблемы, особенно если у тебя его возьмут вместо денег. Может, так будет и лучше.

— У нас почти сто миллионов, — сказала девочка, — поэтому можно отдать деньги, но золотом будет лучше. И работу Тане подыщут. Мне только нужно с ней поработать. Три дня на язык — это минимум. Как приедем, так и займусь. Можно даже никуда не мотаться, попросить записи на нужном языке, и пусть ищут. Не думаю, что для них это будет трудно. Папа, давайте переедем завтра утром? Я могу всех перебросить к деду в три приема. Нужные вещи соберем и оставим здесь, а я потом за ними смогаюсь отдельно.

— А машина? — возразил отец.

— Ну что ты как ребенок! — засмеялась дочь. — Положишь все, что тебе нужно, в

багажник и отдашь мне ее на время, а в Москве я тебе ее верну. Хранение ей не должно повредить.

Этим вечером мать с Таней занялись сборами, а Настя навестила подруг. К каждой ей пришлось летать отдельно. В управлении о переводе Никитина в Москву знали все, поэтому отцы рассказали своим дочерям, что их подруга скоро уедет. Встречи получились грустными, но девочек немного утешило обещание Насти часто их навещать. Как она это собиралась делать, они не знали, но верили, что если Настя обещает, значит, обещанное будет выполнено. Утром она сходила с отцом в гараж, где он сложил в багажник их «Лады» все, что посчитал необходимым взять, после чего машина исчезла без всякой передачи прав собственности.

— Я просто проверила, — сказала девочка отцу. — Наверное, кольцо всю семейную собственность считает немного моей. Давай я тебя отсюда отправлю к деду, а потом закрою гараж. Все равно в нем теперь нет ничего ценного. А машину тебе нужно купить другую.

После отца настал черед остальных. Последней она увозила мать, которая заперла квартиру и отнесла ключи соседям.

— Надо будет перевезти все цветы, — сказала она дочери, когда спускались к выходу, — а то пропадут. Уйдем из подъезда?

Они обнялись друг с другом, а через пару минут мать уже обнимала деда.

— Ну что, едем вселяться? — спросил отец. — Как будешь отдавать машину, если повсюду люди?

— Подумаешь! — ответила Настя. — Ведьма я или не ведьма? Мой новый куратор сказал, что ведьма. В проходе между домами безлюдно, а если кого-нибудь принесет, я ему отведу глаза. Пойдемте, только не забудьте документы, а то нас не пустит охрана. Дед, ты с нами или мне за тобой лететь отдельно?

Поехали все вместе. Оля села к Татьяне на колени, а домового взяла на руки Настя.

— Все нормально, папа, — сказала она отцу. — Никто к тебе из-за Оли не прицепится.

До нового дома было недалеко, но улицы были забиты еле ползущими автомашинами, поэтому добираться пришлось почти полчаса.

— Я на машине больше не езжу! — заявила Настя, когда свернули с проспекта и подъехали к шагбауму. — Надышалась гарью на год вперед.

Охранники быстро разобрались, что приехали новые жильцы, занесли всех в свою базу данных и пропустили. Машину оставили на стоянке, а сами на лифте поднялись на свой четвертый этаж. Насте квартира понравилась, сестры были в восторге, а домового опять остался недоволен.

— Мало места, — сказал он Насте, — и все мертвое, а о воздухе я и говорить не хочу.

— Да, воздух не деревенский, — согласилась она. — Не такая гадость, как на дороге, но все равно... Как-то я это упустила, когда рвалась в Москву. Ничего, будем каждый вечер куда-нибудь выбираться на отдых.

Отец с дедом быстро осмотрели всю квартиру, а мать как попала на кухню, так там и бродила, как сомнамбула.

— Придется все-таки покупать одну кровать, — сказал отец Насте. — Здесь три спальни, а в гостиной Оле будет неудобно. Поживешь с ней вдвоем, а сегодня пока поспит на диване. Когда займешься доставкой вещей?

Отобранные вещи и продукты из холодильника девочка отправила на хранение и вернула в новой квартире. Закончив с этой работой, она взяла телефон и позвонила

Зеленину:

— Дмитрий Павлович, хочу предупредить, что мы уже переехали, и с завтрашнего дня можно заняться делом.

— Тогда, если вы не возражаете, я к вам заеду в девять утра, — сказал обрадованный полковник. — Не рано?

— Нормально, — ответила Настя. — Я вас буду ждать возле дома.

До конца дня они в квартире полностью не освоились. Вечером Настя пару раз слетала в оставленную квартиру за цветами, которые мать отнесла на лоджию. Когда легли спать, в комнату к девочке со своей подушкой прибежала Оля.

— Можно я сегодня посплю с тобой? — спросила она, забираясь к сестре на кровать. — Мне там одной немного страшно.

— А Марк? — спросила Настя. — Он же вроде спал с тобой.

— Здесь я, — прозвучал возле самого уха писк домового, заставивший ее вздрогнуть от неожиданности. — Не жмоться, у тебя кровать в два раза больше той, которая была.

— С тебя хороший сон, — поставила она условие. — И не ори, если я тебя ночью придавлю, а то сделаешь заикой.

Чтобы быстрее заснуть, Настя применила к себе и сестре магию, а Марк заснул сам, не став морочить себе голову их снами. Утром все встали позже обычного. Мать приготовила завтрак и предупредила отца, что нужно ехать за продуктами. Настя быстро поела, поцеловала родителей и, забрав свою сумочку, вышла во двор. Полковник приехал немного раньше, поэтому долго ей ждать не пришлось.

— Нравится быть москвичкой? — спросил он после того, как поздоровались и девочка села в машину.

— Я еще не распробовала, — засмеялась Настя. — Квартира понравилась, хотя домового остался недоволен. Сказал, что мало места и много пластика. Воздух у вас здесь плохой. С утра еще ничего, а вечером хоть не открывай окна.

— В вашем Ростове тоже много машин, — сказал сидевший за рулем Дмитрий Павлович, — хотя, конечно, меньше, чем в Москве. И у вас был зеленый район. Ничего, привыкните и перестанете принюхиваться. Настя, вы сможете в следующий раз сами добраться в то место, куда я вас сейчас отвезу? Мне нетрудно вас возить или прислать служебную машину, просто туда нужно долго ехать.

— Конечно, могу, — ответила девочка. — Я вообще не хочу здесь ездить без необходимости. Если вам нужно меня куда-то доставить, просто дайте фотографию. Только не внутри помещения, а какой-нибудь вид снаружи.

— А попасть внутрь не сможете? — поинтересовался он.

— Я могу все, — ответила Настя, — только появление сферы сопровождается сильным хлопком, и я боюсь, что в вашем помещении вылетят окна. Проще появиться снаружи, а потом пройти сквозь стены.

— Ладно, об этом вы поговорите со специалистами, — сказал Зеленин. — Я передал насчет золота и уже получил ответ. Ста пятидесяти килограммов ваших монет будет достаточно для расчета.

— В этом ответе меня смущают два момента, — насмешливо сказала девочка. — Во-первых, у вас слишком круглая цифра, а во-вторых, она слишком большая. Я за сто кг монет получила сто миллионов рублей, и с меня еще взяли хорошие комиссионные. Вам я должна в два раза меньше, а золота требуете гораздо больше. Мне проще продать свои монеты тому,

кто их уже один раз покупал, а с вами расплатится деньгами. Валюту возьмете?

— Я передам ваши слова, а руководство пусть решает, — ответил Зеленин. — Но учтите, что могут задать вопрос о том, кто вам оказывает такие услуги.

— Ответа не будет, — сказала она. — Я обещала не болтать и не буду, а ваше руководство перебьется.

Они замолчали и до конца поездки сидели молча. Настя совершенно не знала Москвы, но было ясно, что ее везут куда-то на окраину. Наконец машина въехала в проход между двумя старыми пятиэтажными домами и остановилась возле одного из них.

— Здесь один из наших исследовательских центров, — объяснил Дмитрий Павлович. — Идите за мной, я вас отведу к тем, кто будет с вами работать первые несколько дней.

Они прошли пост охраны и поднялись в одну из комнат второго этажа. Комната оказалась обычным кабинетом, только на окнах, как и везде здесь, стояли решетки. При их появлении из-за стола поднялся высокий и худощавый мужчина лет пятидесяти.

— Алексей Иванович Бабуров, — представился он, с любопытством глядя на девочку. — Садитесь, поговорим о жизни. Вам ведь еще не говорили, чем мы с вами будем заниматься?

— Для такого разговора не было условий, — ответил за Настю Зеленин. — Я тебе ее оставляю и уезжаю. Настя, мой телефон у вас есть. Если буду нужен, звоните.

Он вышел, а девочка села на один из стульев и вопросительно посмотрела на Бабурова.

— Прежде всего мы должны сами убедиться в верности вашего рассказа, — начал Алексей Иванович. — Конечно, я говорю не о ваших приключениях, а о возможностях. Программа очень большая. Вас саму проверят медики, а потом они займутся исследованием тех, кого вы будете лечить. Это медицинская часть программы. Анастасия Николаевна...

— Я уже говорила Зеленину, — перебила она Бабурова, — достаточно Насти.

— Хорошо, — кивнул он. — Так вот, Настя, перед тем как вернуть вам сестру, у нее взяли кое-какие анализы. Генный анализ подтвердил правоту ваших слов. У Ольги геном, имеющий очень мало общего с человеческим. Вы понимаете, что у нее на Земле не будет потомства?

— Будет, — сказала девочка. — Есть способ это обойти, иначе я бы ее сюда не взяла.

— Вы можете такое? — поразился он. — Чего еще мы о вас не знаем?

— Давайте работать с тем, что уже знаете, — улыбнулась она, — а остальное узнаете в процессе работы.

— Не скажете, что на вас так сильно повлияло? — спросил Бабуров. — Вы были умной и начитанной девочкой, но одним этим ваши способности не объяснить. Я имею в виду не магию, а ваш интеллект.

— А я разве не говорила? — задумалась Настя. — Значит, не придала этому значения. Перед тем как запихнуть в мою голову всю программу обучения Академии магии, браслет улучшил мне мозги. Позже я использовала это для своей семьи. У всех стала почти абсолютная память, а новые знания уже не нужно объяснять. Читаешь, и сразу все понятно.

— Хотел бы я знать, чему вы еще не придали значения, — вздохнул он. — Можете сделать то же с несколькими добровольцами?

— Хоть сейчас, — ответила девочка. — Но учтите, что на это потребуется пара недель, а ваши добровольцы должны хоть раз в день со мной встречаться.

— Ладно, давайте я продолжу, — сказал Бабуров. — Нас очень интересует ваш способ обучения, причем не только языкам.

— Я могу обучить любым языкам, потому что они уже есть в моей голове, — начала объяснять Настя. — На некоторых я уже говорю, а для остальных мне нужно послушать хоть несколько слов. А с другим обучением ничего не выйдет. Заклинание есть, но я могу учить только тому, что знаю сама. Могу без труда впихнуть в головы шестиклассникам все предметы за седьмой класс, потому что выучила их сама за очень небольшое время. Если бы я их учила год, обучить других было бы трудно. Пришлось бы записать в их головы год моей жизни.

— Я все понял, — сказал он. — Смотреть чужую память вы не можете, можете только записать что-то из своей. Ладно, пока ограничимся языками. Теперь о магии вообще...

— Не представляю, о чем в магии можно говорить с людьми, — удивилась девочка.

— У нас работают несколько специалистов по паранормальным явлениям, — пояснил Бабуров. — У них есть не совсем понятные способности, но нет знаний того, как их использовать. Собрана большая база данных по земной магии, только толку от нее... Одним словом, мы надеемся с вашей помощью сделать их магами.

— Если у них есть сила, попробую кое-чему научить, — пообещала Настя. — Зря вы, Алексей Иванович так на меня посмотрели. Мои слова объясняются не тем, что я хочу остаться единственной и неповторимой, а тем, что для каждого магического действия нужна определенная сила. Если у вас ее нет, то знание бесполезно. А я здесь пока ни у кого больших сил не видела. Вы до сих пор почему-то не упомянули о перстне и кольце. Я думала, что вы с них начнете.

— Для кольца готовится робот, — ответил Бабуров. — Когда его закончат, отправите туда, где хранятся остальные вещи. Он проведет съемку и всеми способами исследует то место, в котором окажется, а потом вы его вернете. Ну и сам процесс переноса будут исследовать физики. Для исследования вашей сферы сейчас тоже готовят людей и технику. Попробуют определить, что же это такое, и так ли оно невидимо, как кажется. Наверное, завтра уже начнут. Разные исследования будем вести параллельно. Последнее — это ваши инопланетяне.

— Хотите исследовать сестру и домового? — спросила девочка. — Ольгу я могу попросить, и она пойдет навстречу, если вы не замучаете ее уколами и не станете увлекаться рентгеном, а вот домового... Он со мной ушел не для этого. Его вид вообще ведет скрытный образ жизни, а Марк редко показывается чужим. Давайте пока ограничимся вот чем. Вы к нам домой пришлете медсестру, и она в моем присутствии возьмет у него анализ крови, а я вам его сфотографирую во всех видах. Только в вену она ему не попадет: они у него как паутинки.

— Ладно, давайте пока хоть так, — вздохнув, согласился Алексей Иванович. — Может, потом уломаете его хоть раз выехать в наш центр.

— А о Вероне молчат, — сказал Насте Раш.

— А какой смысл в таких разговорах, если я сама о ней мало знаю? — удивилась она.

— Ты с ней три раза встречалась, — возразил он, — и много слышала или читала. Я бы на их месте забросал тебя вопросами и попытался узнать что-нибудь новое или поймать на лжи.

— Может, еще и забросают, — сказала Настя, — только уже не здесь. Эта работа не для ученых. Хорошо хоть, что оставили мысли стягивать с меня тебя или перстни.

— К ним еще могут вернуться, так что ты не сильно расслабляйся.

— Ну что, будем начинать? — спросил Бабуров. — Тогда прошу пройти за мной. Отведу

вас к медикам и займусь подбором группы для улучшения мозгов. Мне сделаете по знакомству?

— Запросто, — улыбнулась она. — А вы здесь кем работаете?

— Я здешний директор, — ответил он, — а директор должен быть самым умным. Кушать еще не хотите? Когда захотите, скажете. У нас здесь хорошая столовая.

Подчинив себе на всякий случай и директора, девочка приказала ему сообщать обо всем, что могло ей навредить. Наверняка все разговоры в кабинете записывались, поэтому Бабуров получил свою инструкцию, когда они шли по коридору центра. Медики были на третьем этаже в количестве пяти человек и встретили ее с ожидаемым недоверием. Ну и ладно, будет интересно на них посмотреть через несколько дней. Начали с обследования самой Насти.

— Настя, что показывают приборы? — раздался из динамика голос Гурского.

— Ничего они не показывают, — ответила девочка. — Треска тоже не слышно.

— Треска и не будет, — сказал он. — Следите внимательно, мы будем увеличивать мощность.

Гудение в комнате усилилось, но стрелки на двух приборах даже не дрогнули.

— Отбой! — скомандовал Костин, и гудение смолкло.

Открылась толстая металлическая дверь, и в комнату вошли физики.

— Мы закончили, так что можете убирать свой шарик, — сказал Костин, который был в группе старшим. — Перепробовали все, до чего смогли додуматься. Будем думать дальше, может, кого-нибудь осенит.

— Все так плохо? — спросила она, убрав сферу.

— Для кого как, — ответил он. — Для вас хорошо, потому что вы в своем шаре как у бога за пазухой. Его не только не прошибешь из орудия, в него вообще почти ничего не проникает. Слабые механические воздействия деформируют оболочку, поэтому звук проходит, но с увеличением давления величина деформации быстро уменьшается. Единственный вред может нанести инфразвук, но при длительном воздействии. Из всех видов излучения оболочка пропускает только электромагнитное в очень узком диапазоне, поэтому вам все видно. Но если шар облучить мощным световым потоком, он теряет прозрачность. Луч лазера он не пропускает вообще. Почему вы сами просвечиваетесь, не имею ни малейшего понятия. Природные объекты так себя не ведут, только искусственные, а этот нам не по зубам. Я совершенно не понимаю, с чем мы столкнулись. Конечно, это никакая не магия, а техника далеко обогнавшей нас цивилизации. Возможно, шар использует вашу внутреннюю энергию, но создает его какая-то машинерия, она же обеспечивает полет, мгновенное перемещение и удаление воздуха из точки финиша. Привязка по образу — это вообще галиматья. Знаете, кем я себя ощущаю, когда ломаю голову над вашим шаром? Маленьким лягушонком в болоте, над которым где-то в облаках пролетел самолет. В небе медленно тает след, а он сидит и пытается осмыслить, что же это было.

— Сколько поэзии! — сказал Гурский. — А вообще-то, Алексей прав. Откуда вы только взялись со своим шаром!

— Рассказать? — предложила Настя.

— Сами же знаете, что нельзя, — вздохнул Костин. — Ладно, мы вас отпускаем, а на время или совсем — этого я пока не знаю.

— Алексей Васильевич, — остановила его девочка, — я поняла, что в шаре меня ничем не достанешь, хотя после взрыва прыгала в нем, как лягушка в футбольном мяче, и чуть не свернула шею. А что насчет обнаружения?

— Обнаружить можно только в том случае, если шар пересечет луч света, связанный с фотоэлементом, — ответил физик. — Он не отражает излучения и звуковые волны, а как-то их поглощает. Мы перепробовали все виды датчиков, и ни один на вас не сработал.

Настя покинула расстроенных физиков и пошла в выделенный ей кабинет. Сегодняшний день был шестым с момента ее появления в научном центре. В первый день медики занимались изучением самой Насти, а на второй пошли пациенты. Всего больных было

двенадцать, а времени на них ушло меньше часа. После этого девочка с медиками больше не работала. Они изучали выздоравливающих больных и ее не трогали. В тот же день привели первую группу для изучения языка. Настя по интернету послушала китайский, тут же его вспомнила и запустила изучение всем парням. Выучить английский сложно только лодырям и тем, кому он не нужен. Попробуйте выучить китайский, особенно письменность! Да и вообще он во многом совсем другой. Вот пусть и учат! Улучшать мозги на третий день пришли пятнадцать добровольцев во главе с директором центра. Рашу пришлось поработать, а ей полдня поскучать. Потом прибыли физики и начали издеваться над ее сферой всеми мысленными способами. Сначала это было интересно, потом надоело. Был и опыт финиша в маленькую комнату с одним окном, которое затаили пленкой с датчиками. Пленку выдуло наружу, но физики успели что-то замерить и выглядели довольными. Перед появлением сферы из пространства, которое она должна была занять, убирался воздух. Почему не было перепадов давления при исчезновении сферы, никто объяснить не смог. Чтобы не скучать, Настя стала брать с собой книги. Когда не нужно было следить за взятыми в сферу приборами, она их читала. Вчера все ее подопытные заговорили по-китайски, но писать пока не могли. Вчера же к ней пришли «маги». У всех пяти мужчин была сила, но заниматься можно было только с одним, остальные не смогли бы даже сотворить качественную иллюзию. Так она им и сказала, сильно расстроив и самих «магов», и руководство центра. Отобранный Настей маг был невысоким, худощавым мужчиной лет сорока, симпатичным и, по ее ощущениям, порядочным. Сил у него было раз в двадцать меньше, чем у нее, но на простые действия их хватало. Сегодня девочка учила Валентина Сергеевича Блинова самым элементарным вещам, а после выходных думала начать обучение тем заклинаниям, которым ее саму в схроне Чуп—Чи учила мертвая жрица. Пожалуй, он даже их не все потянет.

Она вошла в свою комнату, села за стол и взяла в руки одну из книг матери. Читать книги о любви взрослых, да еще написанные женщинами, не хотелось, но все остальное было уже прочитано. Надо будет пробежаться по книжным магазинам. Зазвонил стоявший на столе телефон, и она взяла трубку. Звонил полковник Зеленин.

— Здравствуйте, Настя, — поздоровался он. — Я вас беспокою по вашим вопросам. Во-первых, вес того, чем вы хотели рассчитаться за квартиру, согласились уменьшить в три раза. Второй вопрос касается вашей сестры. Мы можем предложить ей поработать у нас. Не понравится, устроим в одном из министерств, где нужны полиглоты. Хочу предупредить, чтобы вы не спешили обучать ее языкам. Наши медики выяснили, что такое обучение происходит в основном в ночное время, когда человек спит. При этом мозг сильно нагружен и не получает необходимого отдыха. Несколько дней такое можно терпеть, но не месяц, поэтому нужно обязательно делать хоть небольшие перерывы. Сейчас вам принесут список возникших вопросов и диктофон. Постарайтесь на них ответить.

Вопросов было немного, и все они касались Вероны. А она еще удивлялась, почему никто не интересуется богиней! Работа заняла около часа, после чего Настя сначала позвонила тому, кто должен был забрать ее ответы, а потом Бабурову.

— Алексей Иванович, у меня сегодня будет работа или можно улетать?

— Пока не планируется, — ответил директор. — Вам ведь будет нетрудно вернуться, если в этом появится необходимость?

— Конечно, — сказала она. — Вы только позвоните. Не скажете, почему мне дают так мало больных? Я думала, что меня ими завалят.

— Я думаю, для сохранения секретности, — ответил он. — Сейчас ставится задача объективно оценить эффективность вашего лечения и попробовать выяснить, за счет чего оно происходит. Возможности центра ограничены, а привлекая другие лечебные учреждения, можно засветить вас. Подождите, будут еще у вас пациенты. Наверное, сделают так, чтобы в процессе лечения вас никто не видел.

— И вся слава достанется другим, — с показным сожалением вздохнула Настя. — Ладно, я улетела.

В гостиной ее встретила Таня.

— Дома, кроме меня и Марка, никого нет, — предупредила она. — Мама уехала развлекать Олю, а на обратном пути заедут и купят ей все для первого класса. Обед на кухне, все еще горячее.

— Как твои дела? — спросила Настя.

— Китайский освоила, — ответила сестра, — а японский ты мне только вчера запустила. Или ты спрашиваешь о чем-то другом?

— С языками нужно притормозить, а то ты станешь неврастеничкой, — сказала девочка. — Наши медики выяснили, что из-за такого изучения не отдыхают мозги. Тань, ты не хочешь поработать в ФСБ? Они сегодня предложили. Сказали, что если не понравится, от них можно будет уйти в какое-нибудь министерство. Давай сделаем из тебя Мату Хари? Голова у тебя работает получше, чем у их директора, языки знаешь, а я еще впихну в тебя борьбу паладинов. Только надо заняться телом. Оно у тебя красивое, но дохлое. Я пойду обедать, а ты думай.

Пообедать не получилось. Только она села есть первое, как на кухню вбежала Таня.

— Бросай свой обед! — закричала она. — Там такое...

Когда Настя ушла на кухню, Татьяна включила телевизор и, переключая каналы, почти сразу наткнулась на передачу экстренных новостей. Ведущий давился словами, передавая сенсацию года. Примерно в четырнадцать часов к одному из входов в терминал F аэропорта Шереметьево подошли несколько мужчин, которые расстреляли осуществляющих входной контроль работников службы безопасности и ворвались внутрь. О том, сколько было террористов, поступали противоречивые сведения. Скорее всего, больше десяти, и все были вооружены автоматами. Многим пассажирам и работникам аэропорта, находившимся на первом и втором этажах, удалось бежать, но в здании терминала оказались в заложниках больше трехсот человек. Очевидцы передавали, что видели лежавшие в зале тела и слышали звуки стрельбы. О самих террористах и их целях пока ничего не сообщали.

— Придется наводить порядок твоей сестре, — сказала Настя. — Что ты затряслась? Я там из сферы не выйду. Подчиню этих придурков и заставлю друг друга перестрелять. Кого-нибудь одного оставлю в подарок родному ФСБ, чтобы он им рассказал о том, кто они такие и откуда. Пожалуй, нужно связаться с Зелениным. Будь добра, пока я болтаю, включи комп и найди вид этого терминала.

Она не стала искать номер его телефона, набрала по памяти.

— Дмитрий Павлович, я вас надолго не отвлеку, — сказала девочка полковнику. — Я сейчас появлюсь в Шереметьево и наведу там порядок. Ну что вы все обо мне так заботитесь! Я, по словам ваших физиков, в сфере как у Христа за пазухой и выходить из нее не собираюсь. Подчиню этих мерзавцев, и пусть друг друга прибьют. Могла бы прибить сама, но такой падеж террористов вызовет удивление. Один выйдет к вам и покается, так что передайте своим, чтобы его случайно не грохнули. Ну какая проработка, что вы как ребенок!

Все, я полетела.

— Вот твоя картинка! — сказала Таня, когда Настя прибежала к ее компу. — Договорилась?

— С ними договоришься, — сердито ответила девочка. — Надо собраться и разработать план! А чего там разрабатывать, когда они сами ничего не знают?

— А зачем всех убивать? — спросила сестра. — Суд...

— Дурость несусветная! — перебила ее Настя. — Ты слышала, что говорили о валяющихся телах? Эти сволочи стреляли в людей из автоматов, чтобы всех запугать и собрать заложников, а, может, еще застрелили ребят из ФСБ. В СССР их бы всех осудили и расстреляли, а сейчас они останутся жить. По-твоему, это правильно? По-моему, если отнял жизнь у человека, который не причинил тебе вреда, да еще не случайно, а преднамеренно, права на жизнь не имеешь! Все, меня уже нет.

Сфера возникла в десяти шагах от здания терминала и через стекла влетела в зал первого этажа. Сначала девочка не увидела никого, кроме распростертых на полу тел. Она машинально стала их считать, пока не натолкнулась взглядом на залитую кровью девчонку возраста Оли. Первого мерзавца она нашла у одного из двух входов. Он сидел возле магнитной рамки с автоматом в руках и следил за собравшимися возле дороги силовиками. Рядом с ним лежали еще два тела мужчин в одинаковой, видимо, форменной одежде. Настя, как и собиралась, подчинила его, не выходя из сферы.

— Кто такой? — спросила она. — Назовись.

— Ахмад я... — растерянно ответил он. — Кто спрашивает?

— Сколько вас, и где находитесь? — не отвечая, спросила Настя, усилив нажим.

— Всего двенадцать, — ответил Ахмад. — Почти все на первом этаже, остальные на втором с заложниками...

— Приготовь оружие и убей всех, с кем сюда пришел! — приказала девочка. — Но убивай так, чтобы не пострадали заложники. Отбрось все сомнения и выполняй мои приказы, тогда возвысишься и спасешься!

Конечно, подчиненного ею боевика после первых же выстрелов убили бы свои, но Настя их парализовала, чтобы он уцелел.

— Все? — спросила она, когда с пулей в голове упал шестой террорист.

— Еще двое... — озираясь, ответил он. — Они куда-то ушли с пилотами...

Пришлось применить магию. Она полетела впереди, а боевик шаркающей походкой пошел за ней в служебный коридор. Когда подошли к нужной двери, она оказалась запертой. Боевик постучал и сказал что-то непонятное, а Настя добавила в свою копилку еще и чеченский язык.

— Ахмад? — удивленно спросили из-за двери. — Ты почему оставил пост?

— Все умерли, — равнодушно ответил боевик. — Теперь должны умереть вы!

Из-за двери раздались ругательства, вслед за которыми прогремела автоматная очередь. Пули легко пробивали и пластик, и тело Ахмада. Выронив автомат, он упал на пол коридора, пару раз дернулся и затих. Дверь распахнулась, и из нее с автоматом в руках выскочил красивый парень.

— Ты его прикончил, Заур, — сказал он, наклонившись над телом. — Нужно посмотреть, что творится в зале. Не мог же этот сын собаки убить всех!

Настя подчинила обоих боевиков вместе с захваченным ими экипажем. Пилоты остались сидеть, а главарь вышел в коридор и из пистолета застрелил застывшего в параличе

парня.

— Теперь поднимись на второй этаж и уведи оттуда своих людей, — приказала ему девочка. — Никто из заложников не должен пострадать. Застрелишь своих бойцов и иди сдаваться. Расскажешь, ничего не скрывая, для чего вы все это затеяли.

Она проконтролировала, как он выполнил приказ, и помогла, парализовав трех оставшихся боевиков. Главарь скосил их одной очередью, бросил на пол автомат и направился к выходу.

Через час за ней заехал Зеленин. Подниматься в квартиру он не стал, позвонил по телефону:

— Спускайтесь, красавица, я вас жду внизу. Поедем на разбор полетов.

— Сказали бы, и я сама... — начала Настя, но он ее перебил.

— Вы уже сами полетали, хватит! И едем мы не в центр, а в другое место, так что постарайтесь собираться побыстрее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ехать пришлось в Лефортово на ковер к тому самому генерал-лейтенанту Можейко, на которого у Насти вырос большой зуб. Когда приехали и их пропустили в здание Следственного управления, в кабинет вошла одна девочка, а полковник остался в приемной.

— Садитесь, — показал ей рукой на стул Николай Владимирович. — Обо мне вам должны были сказать, а я с вами уже заочно знаком. Дела, подобные сегодняшнему, находятся в ведении моего управления. Я вас, Настя, не собираюсь ругать за самодеятельность, наоборот, поблагодарю за то, что помогли избавиться от потерь. Учитывая состав и вооружение группы, они бы у нас могли быть. Но на будущее давайте договоримся, что вы сами больше никуда не встречаете. Ваша помощь будет кстати, но вам нужно проработать свои действия вместе с нашими сотрудниками. Если возникнет необходимость кого-нибудь освободить, дадим вам нужные фотографии и согласуем наши действия. Я понял, чем вызвана ваша кровожадность, но лучше в дальнейшем обходиться без нее. Гораздо легче будет объясняться с прессой, а жизнь иногда бывает гораздо хуже смерти. Такие террористы у нас сажаются надолго и до свободы, если у них не пожизненный срок, как правило, не доживают. У вас будет много своей работы, но мы не будем часто отвлекать. Слава богу, захваты заложников очень редки, а с такой наглостью, как сегодня, мы сталкиваемся не каждый год. И, раз уж мы встретились, позвольте извиниться за действия моих сотрудников. Они вам просто не поверили. Если честно, я сам до сих пор не могу поверить тому, что вы рассказали. Понимаю, что вы могли придумать более правдоподобную ложь, и успел убедиться в том, что ваши доказательства не результат внушения, но все равно... Вот как поверить в ожившую сказку? В вашем возрасте проще, а когда большую часть жизни прожил в твердой уверенности, что все это чушь и выдумки...

— Ладно, будем считать, что я уже забыла, — сказала Настя, — хотя эпизод с сестрой оставил осадок. Не знаю, были ли у вас такие права, но даже если были, не всеми правами стоит пользоваться. Не гибко вы работаете, товарищ генерал. Судя по тому, что я читала, спецслужбы во всем мире не слишком придерживаются морали, но только по отношению к врагам. Вы же хотели воспользоваться моими услугами и сразу поспешили взять за горло, хотя в этом не было никакой необходимости.

— Поймите и вы нас, — вздохнул он. — Не нужно думать, что мы в своей работе всех шантажируем и запугиваем. Ваш случай особый. Вы потенциально очень опасны, а в деле было много непонятного, поэтому старший в группе решил подстраховаться, благо вы сами

дали повод, подделав часть документов.

— Я уже сказала, что забыла. Где я буду работать с вашими людьми? Теперь мне нетрудно появиться здесь, пусть только покажут кабинет. Наверное, так будет легче, чем им ехать в наш центр.

— Сейчас я вызову офицера, с которым вы будете работать. Он даст вам свой телефон и покажет комнату. Когда у вас будет свободное время, созвонитесь.

Этим офицером оказался майор Виктор Сергеевич Лопухин, который привел девочку к своему кабинету. Насте майор понравился внешне и тем, что, как показала магия, очень хорошо к ней отнесся. Симпатия к его внешности была вызвана не красотой, а тем, что он был очень похож на ее отца.

— Я получил допуск к вашему делу, — сказал Виктор Сергеевич, пропуская гостью в кабинет. — До этого я уже думал, что разучился удивляться. Полностью в курсе ваших способностей буду только я, все остальные, кого мы будем привлекать к операциям, будут знать только то, что необходимо. О вас и так уже знают многие только в нашей службе, а еще должны быть такие знающие в правительстве. Рано или поздно узнают и недоброжелатели, которых наши политики почему-то называют партнерами. Сначала никто не поверит, а потом поднимется шум. Поскольку вы не делитесь, придется скрываться, потому что иначе вас уберут, и никакая магия не поможет. Будьте к этому готовы. Год—два, может быть, три, но не больше. Паршивая овца нашлась бы и при прежнем строе, а при нынешнем они ходят стадами.

— Посмотрим, — зло ответила девочка. — Я не о паршивой овце, а о своей ликвидации. Я уже сейчас навскидку кое-что придумала. За себя я почти не волнуюсь, вот сестры и родители... Виктор Сергеевич, у вас к моему делу полный допуск? Мои возможности вы знаете, а где и как я их получила?

— Этого в вашем деле нет, — ответил он. — Наверное, мне и не стоит знать. Давайте в двух словах поговорим о нашей дальнейшей работе. Я знаю, что вы заняты в нашем научном центре по нескольким программам. Остается свободное время?

— Когда как, — пожалала она плечами. — Иногда его мало, а сегодня улетела с обеда. Я в центре всего неделю, поэтому не знаю, как меня будут использовать дальше.

— Давайте договоримся так, — предложил Лопухин. — Когда у вас появляется время, звоните мне по этому телефону. Если я на месте и не занят ничем срочным, мы встречаемся. Вам ведь будет нетрудно здесь появиться?

— Две—три минуты, — ответила Настя. — Не скажете, чем мы будем заниматься?

— Любые террористические акты выполняются по определенным схемам, — пояснил он. — В рамках одной схемы они могут отличаться в деталях, но стиль выполнения будет общим. На каждую такую схему наработаны планы противодействия. Вы идеальное оружие как для террора, так и для действий против террористов, поэтому ваше участие все меняет. Основная работа падает на вас, а мы должны быть на подхвате. Главное — сохранить заложников, не допустить взрыва при минировании объекта и сохранить хоть одного мерзавца, как вы это сделали сегодня. Но мало все это сделать, нужно не вызвать удивления легкостью и последствиями операции. Действовать должны вы, а аплодисменты срывать — мы.

— Понятно, — вздохнула Настя, — и здесь меня убирают на задний план. Никакой славы!

— Я понимаю, что вы шутите, — сказал Лопухин, — но лучше вам забыть о славе. Для

вас она смертельно опасна. К тому же вы, в отличие от наших бойцов, ничем не рискуете, поэтому для вас это не героизм, а рутинная работа.

— Устыдили, — засмеялась девочка. — Обещаю быть скромней. Номер вашего телефона я взяла, можно уходить?

Майор кивнул, а она вызвала сферу, полюбовалась на его растерянное лицо и исчезла.

Дома были вернувшиеся мать с Олей. Мать сидела у телевизора, на экране которого показывали уже работающий терминал и брали интервью у кого-то из его обслуживающего персонала, а Оля расположилась в их общей комнате на недавно купленной для нее кровати и рассматривала выложенные из ранца учебники.

— На математику и чтение ходить не нужно, — довольно сказала она Насте. — Вообще-то, времени хватает для того, чтобы выучить все остальное. Нужно только посидеть с чистописанием.

— И куда ты спешишь? — спросила девочка. — Школа — это не только учеба, это целый мир, которого ты себя собираешься лишить. Будешь прыгать из класса в класс, как блоха. Не будет ни дружбы, ни любви, а окончишь школу малявкой. Думаешь, это хорошо?

— А сама? — насупилась сестра. — И потом я не собираюсь все время прыгать, но в первом классе все слишком просто. Из-за дружбы страдать целый год? Я могу подружиться с кем-нибудь другим!

— Говори с мамой, — махнула она рукой. — Пусть оформляет тебе экстернат.

Через час со службы вернулся отец.

— Думал, что сегодня приеду только ночевать, — сказал он собравшейся в гостиной семье, — но все на удивление быстро кончилось.

— Ты о захвате терминала? — спросила Настя. — А при чем здесь вы? Там, по-моему, были ребята из «Вымпела» и другие эфэсбэшники, а полиции я не видела.

— А что ты там делала? — спросил отец.

— Слетала и навела порядок, — ответила девочка. — Заставила террористов друг друга перебить, а их главного — сдать. Не нужно так бледнеть, мама, я все делала из своего шара, который, по уверениям ученых, нельзя прострелить из пушки. Что ему какие-то автоматы!

— Наш СОБР там был, только во второй линии оцепления, — сказал отец, — а когда случаются такие ЧП, в готовности держат не только спецподразделения, но и всех остальных. А твой зомбированный главарь умудрился как-то покончить с собой. Подробностей я не знаю, просто сам факт.

— Как же так? — растерялась Настя. — Я на него сил не жалела!

— Он расстрелял своих? — спросил отец. — Еще, наверное, приказала обо всем рассказать. Сама же говорила о том, что магия не сделает подонка ангелом, только сведет с ума. А он не просто подонок, а подонок убежденный. Твой приказ вступил в противоречие со всем тем, ради чего он жил. Наверное, он просто свихнулся, а сумасшедшему на твои приказы... Теперь нас начнут обвинять в том, что его выдоили и прикончили. Финал у этого захвата из-за твоего вмешательства какой-то дикий. Решившиеся на такое боевики разборки между собой не устраивают.

— А почему у них получилось захватить аэропорт? — спросила мать. — Там что, не было охраны?

— У работников службы безопасности были пистолеты, — ответил он, — но двух убили сразу, а ребята на второй двери не могли стрелять из-за пассажиров, а потом с ними же

сбежали. Были еще пять эфэсбэшников, но пистолет против автомата хорош только в плохих фильмах. Двух из них застрелили, а трое других ушли через выходы на посадку. Воевать с их оружием там было бесполезно. Было оружие еще кое у кого, но никто из них стрелять не стал. Одиночку или нескольких террористов с пистолетами завалили бы, но не отделение автоматчиков. Мы на такую наглость не рассчитывали. Теперь охрану аэропортов будут усиливать. Настя, о тебе многие знают в службе?

— О моих способностях знают примерно тридцать человек, включая трех медиков и двух физиков, — ответила дочь. — А почему ты спросил?

— Потому что боюсь за всех вас, — признался отец. — Рано или поздно о тебе узнают, а чем больше людей с тобой работают, тем раньше это случится. Ты одна можешь поставить весь мир на уши, а многие так стоять не захотят.

— О чем ты, Коля? — не поняла мать.

— Отец сказал, что я самое страшное оружие России, — невесело пошутила Настя. — Могу в своем шарике проникнуть везде и все заминировать. В него войдет даже обычная боеголовка, что уже говорить о ранцевых взрывных устройствах. Можно взорвать сразу множество объектов, парализовав наших врагов, отравить водоснабжение в их мегаполисах и украсть любые секреты.

— Но ты же не собираешься этого делать! — возмутилась она.

— С бомбами и ядами не собираюсь, — подтвердила дочь, — а насчет секретов не уверена. Я сама такое предложила. Но если бы я даже безвылазно сидела в Москве, все равно мне никакой веры не будет. Достаточно того, что есть такая возможность. Ладно, будем надеяться на то, что это случится еще нескоро.

Расстроенная мать выключила телевизор и вместе с отцом ушла в спальню, а Настя до ужина просидела за компьютером. Новости пестрели сообщениями из Москвы и всяческими домыслами по поводу кровавого и так странно закончившегося террористического акта. Без потерь захватив заложников, террористы не потребовали ни денег, ни освобождения кого-то из соратников, ни даже самолета, чтобы куда-нибудь улететь. Они просто перестреляли друг друга, а главарь сдался, а потом удавил себя припрятанным шнуром. После разговора с отцом испортилось настроение, и девочка ушла к себе в комнату и легла на кровать. Когда она улетала из центра, было желание вечером навестить подруг, сейчас ей не хотелось ничего.

— Если так из-за всего расстраиваться, скоро заболеешь, и никакая магия не поможет, — сказал ей Раш. — Подумаешь, о тебе узнают! Во-первых, это случится еще нескоро, а во-вторых, ты же уже придумала.

— Всех так не запугаешь, — возразила Настя. — Даже если не доберутся до меня, попробуют достать родных. Вот как тогда жить Оле?

— Почему не запугаешь? — усмехнулся он. — Ты придумала одну каверзу, а я тебе придумаю еще десять. В этой стране есть места, в которых можно очень неплохо жить, и доступ в них посторонним закрыт. А с твоими способностями легко жить в любой стране, и никто вас не узнает. Нетрудно забраться даже в Америку, в какой-нибудь провинциальный городишко. С деньгами там можно очень неплохо устроиться. Обработаешь в нем всех и получишь несколько тысяч друзей. Работать можешь продолжать в ФСБ, а жить в США. Хорошая шутка? Смените имена, пробьете свои данные по всем базам и станете стопроцентными американцами. Если постараться, можно состряпать непробиваемую биографию, и все жители какой-нибудь американской дыры будут с пеной у рта утверждать,

что знают тебя с пеленок. Глядишь, со временем станешь у них первой женщиной-президентом, если на этот пост раньше не изберут Хиллари.

— Спасибо, Ращ, — засмеялась Настя. — Может быть, я так и сделаю.

— Что ты ржешь? — спросила со своей кровати Оля. — Мешаешь заниматься.

— Какая-то ты стала чересчур деловая, что ли, — сказала ей Настя. — То все время возилась с куклами, а теперь их забросила. Где твоя Джана? Я ее уже давно нигде не видела.

— Обе лежат в шкафу, — немного смущенно ответила сестра. — Я с ними иногда играю.

— Не жалеешь, что ушла со мной? — спросила девочка. — Я понимаю, что здесь интересней, но там ты была одной из немногих, а здесь такая же, как все.

— Я и здесь стану не такой, как все, — пообещала Оля. — У меня все уже есть или скоро будет, вот только красота... Слушай, спроси у своего браслета, как мне стать красавицей.

— Внешность можно как-то менять с помощью второго перстня, — ответил Ращ, — только я не знаю как. Попробуй сама, только не на своей семье. Возьми кошку или собаку и что-нибудь в них измени.

— Значит, вы закончили, — сказал президент. — Выписку для меня сделали?

— Материалы обрабатываются, — ответил директор ФСБ. — Через пару дней закончим. Но я бы предпочел обойтись без выписки. Может, вас устроит мой рассказ?

— Время есть, — посмотрев на часы, согласился президент. — Начинайте, Александр Васильевич, с нетерпением жду вашего рассказа.

— Настя в центре двадцать дней, — сказал Бабурин. — Первой в плане исследований была медицина. Сначала исследовали саму Настю, но ничего особенного не нашли. Очень хорошо развитая и сильная девочка с идеальным здоровьем. Потом к ней привезли двенадцать больных разных возрастов с самыми разными заболеваниями. Действовала она на них очень недолго три раза. После каждого воздействия делался пятнадцатиминутный перерыв. Через неделю все больные исцелились, а те, кто был постарше, заметно помолодели. Что явилось причиной исцеления, так и не установили, но профессор Ребров считает, что исследования нужно продолжать. По его мнению, Настя действует не на болезнь, а на весь организм, заставляя его бросать все силы на исцеление. Возможно, она эти силы как-то подпитывает. Если нельзя понять причину, можно использовать следствие.

— Новые лекарства? — спросил президент.

— Совершенно верно, — кивнул директор. — У центра не такие уж большие возможности и мало специалистов. Есть предложение создать большую государственную клинику. Своих будем лечить бесплатно, а если захотят лечиться из-за границы, пусть платят.

— Будет много шума! — покачал головой президент. — Как только поймут, что мы реально лечим все... Потребуют делиться, обвинят в национальном эгоизме и пригрозят санкциями.

— Наплюем, — спокойно возразил директор. — Мы ни с кем не обязаны делиться секретными технологиями, тем более с теми, кто нас поливает грязью и душит санкциями. Пусть скажут спасибо за то, что разрешим лечиться, у нас своих больных навалом. Если последуют новые санкции, просто прекратим их лечить. У нас за границей есть кому оказывать такие услуги. В палатах установим какую-нибудь навороченную аппаратуру, а вдоль них будет скрытый коридор, поэтому нашу целительницу никто не увидит. Кое-кому из наших западных пациентов можно будет подправить мозги. Не сильно, чтобы не бросалось в глаза, а самую малость. Изменение их отношения к России припишут естественной благодарности за исцеление.

— И сколько больных она сможет исцелить?

— Много, — ответил директор. — Если все палаты заставить кроватями, а Настю больше ни на что не отвлекать, то до пяти тысяч человек в день. Сил на лечение требуется совсем немного, а во время пауз между обработками она может заниматься больными в других палатах. Каждый больной пробудет в лечебном корпусе сорок пять минут, а потом его переведут в больничные корпуса для долечивания. Пусть там выздоравливают, а наши врачи будут их исследовать.

— Разве вы ее больше нигде не хотите использовать? — прищурился президент.

— Есть мысль создать центр по быстрому изучению иностранных языков, — сказал директор. — Тоже специально сконструированные машины и секретные технологии. Пусть

гадают, что мы нарыли. Тем государственным служащим, кому это нужно для работы, услуга будет предоставляться бесплатно, все остальные пусть платят. Спрос должен быть большой даже при высоких ценах. Время это у Насти займет совсем немного, а сил на языки уходит еще меньше, чем на лечение.

— А оптимизация? — спросил президент.

— Это только для внутреннего употребления, — ответил директор. — Избранные ученые и администраторы, ну и наши люди. Здесь Настя сил не тратит, но на обработку требуется время. Работает ее браслет, поэтому сама девочка может даже спать.

— Она не вззоет от такой нагрузки?

— Физически это нетрудно, а она будет рада лечить. Сделаем один день выходным, а с ее возможностями перенестись в любое место, отдохнуть за день это не проблема. А оптимизацию можно проводить, совместив с каким-нибудь развлечением. Психологи все проработают.

— Что с этим ее сохранением? Использовали робота?

— Три дня назад Настя отправила его на два часа, а потом вернула. По внутренним часам робота он находился вне Земли только пятнадцать миллисекунд. Естественно, что он ничего не успел выполнить.

— Во сколько же раз там замедляется время? — удивился президент.

— Примерно в полмиллиона раз. В этом и секрет сохранения. Притяжение в том мире в два раза меньше, чем на Земле, атмосфера разряженная и состоит из азота. Температура по какой-то причине не измеряется, электромагнитное излучение обнаружить не удалось, в том числе и в инфракрасном диапазоне, а при подсветке сделали несколько снимков, когда посылали робота второй раз на более длительный срок. Повсюду видны какие-то нити с шариками. В общем, на выходе почти ничего не получили, разве что физики теперь точно знают, что время в разных местах Вселенной может изменяться по-разному.

— Что аналитики говорят о Вероне? Можем мы ей помешать?

— Вряд ли, — ответил директор. — Рассказы Насти мало что дали, но ее артефакты... Прожившая тысячи лет представительница цивилизации, управляющей множеством миров... Если это правда, нам ей противопоставить нечего. Это только в американских фильмах пришельцев бьют направо и налево. Сильно вы опасались бы папуасов, приплыв к их островам на атомном авианосце?

— Проработали меры безопасности? — спросил президент.

— Это сделали первым делом, и первым пунктом в этих мероприятиях стоит обработка Настей всех, кто о ней знает. Список наших сотрудников у меня есть, а вот люди вашего окружения...

— Да, это нужно сделать, — кивнул президент. — У меня таких пять, и я сам сведу с ними Настю. Заодно узнает, говорили ли они о ней кому-нибудь еще. Я об этом строго предупреждал, но проверить не помешает. Как вы оцениваете ее действия при очистке терминала?

— Она ничем не рисковала и действовала не лучшим образом. Занялась уничтожением боевиков на первом этаже, вместо того чтобы начать с тех, кто охранял заложников. Если бы у них при стрельбе не выдержали нервы, могли пострадать люди. Она могла убить всех вообще без стрельбы, но побоялась, что будет много вопросов.

— А сейчас их мало? — с сарказмом сказал президент. — Весь мир гадает, что у нас за террористы, которые после удачного акта начинают такие разборки. Будете ее еще

использовать при терактах?

— Да, конечно, — ответил директор, — но это будет редко. Настя уже работала по этой теме с моими людьми.

— Я доволен, — сказал президент. — Запускайте в работу все проекты и проводите обработку своих людей. Когда Настя с ней закончит, свяжитесь со мной.

Встреча президента с Настей произошла через пять дней. Уже второй день не было никакой работы, поэтому девочка днем была дома. Сегодня позвонил сам Бабурин и попросил ее появиться в четырнадцать часов в том месте, где они встретились в первый раз. Ее сфера возникла возле особняка в Ново—Огарево и, как и в первый раз, влетела в комнату с камином.

— Здравствуйте, Владимир Викторович, — убрав сферу, поздоровалась девочка. — Я не рано прилетела?

— Ровно два, — бросив взгляд на часы, ответил президент. — Точность — вежливость королей, добавлю, что и королев тоже. Садитесь, ваше величество, побеседуем.

— Смеетесь, — улыбнулась она. — Знаете, я ведь всеми силами стремилась отделаться от трона, а потом почувствовала, что чего-то не хватает. Начала жить, как и мечтала, только для себя и своей семьи, и почувствовала ущербность такой жизни. Дело не в самой власти, а в возможности что-то решать для миллионов людей. После этого свои проблемы кажутся незначительными.

— Вы поняли суть власти, — кивнул он, с уважением посмотрев на девочку. — Почести и привилегии — это приятная, но внешняя ее сторона. Если они для вас много значат, вам в политике делать нечего. Честолюбие важно, но оно должно играть второстепенную роль. Я сам не ангел, иначе не добрался бы до своего поста. Но в отличие от многих других, мне не безразлична эта страна и ее народы. Я тоже стремлюсь стать богаче, но не столько ради самого богатства, сколько для того, чтобы выжить. Президентство это не корона, оно не навсегда. В этой стране на меня обижены очень влиятельные люди, а таких обиженных за ее пределами еще больше. А в моем распоряжении уже не будет спецслужб, только те возможности, которые я обеспечу себе сам. Связи — это хорошо, но они не всегда работают, а со временем перестают работать вообще. Деньги — вот единственная сила, которая у меня останется.

— Это понятно, — согласилась Настя, — непонятно, зачем вы мне это говорите.

— Сейчас поймете, — сказал он. — Вы зомбировали меня, запретив причинять вам вред...

— Зомби — это те, кто теряют над собой контроль и подчиняются чужой воле, — сердито перебила его девочка. — Один запрет это еще не зомбирование, и у меня были основания так поступить!

— Я это сказал не в упрек вам, а по другой причине, — пояснил президент. — Я согласен с тем, что такие причины у вас были, хотя сам от этого не в восторге. Но я мог подчиниться вашим требованиям и не оказывать вам никакого содействия. Сказать, сколько времени вы бы безбедно просуществовали, если бы я не приказал обработать всех тех, кто о вас знает? А с вашей смертью я освобождаюсь от зависимости. Естественно, что я перед этим воспользовался бы вашими услугами.

— Вы прониклись ко мне симпатией или сумели оценить пользу и, несмотря на мое зомбирование, оказали мне помощь и содействие! — сказала Настя. — Это я уже поняла. Вам остается сказать, чем я должна за это расплатиться.

— Давайте начнем разговор сначала, — предложил он. — Вы не позволите называть вас на ты? Как-то непривычно выкать девочке. Вам этого не предлагаю, а то еще войдет в привычку, и ляпните на людях.

— Тыкайте, — разрешила девочка, — и переходите к тому, из-за чего вы меня сюда вызвали.

— Я хочу с твоей помощью сократить число своих врагов, — сказал президент. — Не бойся, никто тебя не заставит их убивать. Ты знаешь, кто сегодня правит Россией? Не в Думе или в правительстве, а на самом деле?

— Откуда? — сказала Настя. — В интернете только пишут о кланах и делают многозначительные намеки. Конкретные фамилии мне не встречались.

— Если будешь мне помогать, узнаешь все это и многое другое. Ты можешь распознать ложь? В твоём рассказе об этом ничего не было.

— Могу распознать ложь и определить, как человек относится ко мне или к кому-нибудь другому. Вы хотите, чтобы я кого-то проверила? — догадалась девочка.

— И это тоже, — сказал президент. — Со временем проверишь чиновников в моей администрации и еще кое-кого. Что для этого нужно?

— Только уединиться с каждым в отдельности минут на пять, — ответила Настя. — Я их подчиняю, а потом задаю те вопросы, которые вы мне дадите, и оцениваю правдивость ответов. Если вы будете с ними общаться, а я окажусь рядом, смогу оценить то, как они к вам относятся. И делать это можно, находясь в шаре.

— Замечательно! — довольно сказал он. — В ФСБ тебя не просили заниматься чем-то подобным?

— Александр Васильевич сказал, что, пока будут строить клинику и организовывать все для изучения языков, у них нужно будет кое-кого проверить. Но это не сплошная проверка, потому что речь шла о нескольких офицерах.

— Я тебя тоже не заставлю проверять всех. Но это хоть и важная, но не первоочередная работа.

— Первоочередная — это враги, — кивнула девочка. — Кто они?

— Это очень влиятельные люди, — ответил он. — Всего наберется человек тридцать-сорок. Когда все сделаешь, мне будет гораздо легче делать свое дело. Сейчас у меня во многих вопросах связаны руки.

— Я согласна, — сказала она, — но будут два условия. Первое заключается в том, что я должна ознакомиться с досье на каждого и знать, что им нужно будет внушать.

— Не доверяешь мне и хочешь оценить их сама, — сделал он вывод. — Это можно сделать. А что у тебя было вторым условием?

— Если обо мне узнают, придется где-то прятаться или защищаться. В этой защите мне может понадобиться помощь государства, вплоть до серьезного оружия.

— Я постараюсь, но не могу твердо обещать, — сказал президент. — Я не император, а управляющий и тоже во многом обязан следовать законам, но если задействовать твои способности, эти ограничения, наверное, можно будет обойти. Теперь давай договоримся о связи. Возьми этот мобильный телефон. Он не заменит тот, который у тебя есть, а будет служить только для общения со мной. Он связан с одним из моих стационарных телефонов, поэтому ты можешь не дозвониться. В таком случае просто сообщи причину звонка. Все запишется, и я позже прослушаю. Ты можешь провести оптимизацию?

— Это займет с полчаса и нужно будет еще столько же времени каждый день в течение

недели, — предупредила Настя, — да и потом не помешает провести два–три сеанса. Но все можно сделать проще, если вы согласитесь полностью мне подчиниться. Тогда я вам ненадолго надену свой браслет, а потом сниму. Подчинение — это страховка на тот случай, если вам не захочется его возвращать.

— Если только для этого, то я согласен, — сказал он и протянул руку. — Правая подойдет?

— Браслету все равно, — ответила она, надевая ему Раша на запястье. — Теперь нужно подождать. Если хотите, он заодно может вас омолодить. Не сильно, но лет пять скинете.

— И ты еще спрашиваешь, — засмеялся он. — Конечно, пусть омолаживает.

— Ответите на один вопрос? — спросила Настя. — Как далеко вы готовы пойти в противостоянии с США?

— Нам нужно не столько бодаться с Америкой, сколько укреплять себя, — ответил президент. — Они себе однажды сами свернут шею. Это будет счастливый день для многих, только не все его переживут. Знаешь китайскую поговорку? В ней говорится, что нужно спокойно сидеть на крыльце своего дома, и мимо пронесут труп твоего врага. Наша война с США станет для всего мира последней неприятностью, жаль, что многие в руководстве Соединенных Штатов этого не понимают. Они считают, что можно добиться такого подавляющего превосходства, которое позволит решить дело одним ударом и не получить такой удар в ответ. Вообще–то, если довольствоваться тем, что у нас есть и не тратиться на оборону, когда–нибудь так и будет. Мы живем в очень интересное и опасное время. Возникают новые центры сил, и прежним игрокам это нужно учитывать. Но к превосходству привыкают, а еще быстрее привыкают жить не по средствам и начинают считать такое в порядке вещей.

— А что можете сказать о других угрозах существованию человечества, кроме войны?

— Что о них скажешь, Настя? — пожал он плечами. — Потенциально их много, а вот реализуется что–то или нет, в этом нет определенности. В любом случае, пока столько сил тратится на войну и каждый заботится только о своих интересах, ничего сделать не получится. Чем хуже живут люди, тем меньше их беспокоят какие–то отдаленные катаклизмы, которые то ли будут, то ли нет. И они не склонны тратиться, чтобы их предотвратить. Нас ведь тоже обвиняют во многих грехах, а сами подрывают возможности нашей экономики. Деньги всегда тратятся на первоочередное — это заложено в природе человека.

— А коррупция? — спросила девочка. — Неужели с ней нельзя бороться? Ведь доходит до смешного...

— Доходит, — согласился президент. — Ты решила воспользоваться случаем и взять у меня интервью по самым болезненным вопросам? Язв у нас в обществе много, коррупция — только одна из них. Это тоже свойство человека — использовать свое положение для обогащения. Наверняка взятки брали еще в Древнем Риме, а то и в более древние времена. С этим очень трудно бороться, особенно с тем государственным аппаратом, который мне достался от прежнего президента и во многом не изменился. Крадут или берут взятки почти все. Знаешь, что такое откаты? Вижу, что знаешь. Во всем мире с этим пытаются бороться, но успехи так себе. Для эффективной борьбы нужна вся полнота власти и драконовские меры. Сейчас такая борьба невозможна, потому что у меня нет такой власти, и я не могу себе позволить таких мер. Меня и так обвиняют во всех смертных грехах, а если дать повод...

— А если я сделаю ваших врагов друзьями?

— Друзьями их не сделаешь даже ты, — вздохнул он. — Мне достаточно их лояльности. Если у тебя получится, это многое изменит. Но в любом случае не рассчитывай на быстрый эффект, потому что в таких делах спешить опасно. И многое будет зависеть от положения в международных делах. Это СССР, пока не потерял продовольственную независимость, имел замкнутую экономику и мог плевать на соседей, хотя и тогда такого не делали. У нас зависимость гораздо больше. Я ответил? Тогда задам свой вопрос. Когда ты в первый раз здесь появилась, сказала об Овальном кабинете. Насколько это реально?

— А что в этом может быть нереального? — удивилась она. — Прилетаю и записываю на камеру все, что там происходит. Если сфера на полу, энергия совсем не тратится, вот целый день висеть в воздухе будет трудно. Но ведь и американский президент там столько не сидит, а подлететь можно только для того, чтобы заснять документы. Только нужен чувствительный микрофон, чтобы я отлетела подальше, а то и меня могут услышать. И почему только Овальная кабинет? У других президентов и премьеров нет кабинетов? Или вы не знаете, как они выглядят? Можно снимать их всех на каком-нибудь совещании. Только достаньте мне хорошие наушники, чтобы я сама не слушала, что они болтают, и установите камеру на треногу. А я лучше возьму учебники за оставшиеся классы и подготовлюсь к сдаче экстерната. Пока все строят, и я ничем не занята, это нужно использовать.

— Сегодня все подготовят, — пообещал президент. — Учебники есть?

— Купила сразу за все классы, — ответила Настя. — Месяца за три должна сдать за все оставшиеся четыре года. Через две недели начало учебного года, поэтому завтра побегу оформлять экстернат.

— Нечего тебе бегать самой, — сказал он. — Я позвоню Бабурину, и тебе все сделают. Как с работой у сестры?

— Пока не жаловалась, — ответила девочка. — Тринадцать языков я в нее вложила, а позже добавлю еще. Свою борьбу тоже записала, так она, наконец, занялась укреплением тела. В службе ее сейчас тоже чему-то учат. Пусть поработает, пока не заарканит кого-нибудь из офицеров. Там ребята все, как один, умные и плечистые. Наверное, среди них есть и холостые.

— А сама? — усмехнулся президент. — В твоём возрасте уже вовсю влюбляются, причем редко в сверстников. Мои дочери ходили с задумчивыми улыбками и тайком смотрели на фотографии. Или пока никто не понравился?

— Черт его знает, — откровенно сказала она. — Перед моим похищением нравился один мальчишка. Сидела в лесу людоедов и ревела в первую очередь из-за родителей, но и из-за него тоже. А потом... Принцы увивались, но мне они были не нужны. Или возраст у них был маловат, или я не хотела себя ни с кем связывать — сейчас уже и не скажу. А когда вернулась, уже чувствовала себя взрослой, а все одноклассники так и остались детьми. Какая может быть любовь? Ничего, мое от меня не уйдет, все еще будет. Все равно мне еще рано любить.

— Это хорошо, что ты такая рассудительная, — довольно сказал он. — Надеюсь, что такой и останешься. У взрослых часто из-за любви отшибает мозги, а у молодых так бывает всегда.

— Раш передал, что его можно снимать. Протяните руку.

Президент подал руку, и Настя сняла с нее браслет и надела его на свое запястье.

— Ваше послушание я сняла, — сказала она, поднявшись со стула. — Оптимизацию

почувствуете уже завтра, хотя она будет продолжаться с неделю, а помолодеете через две недели. Почаще появляйтесь на людях, и никто ничего не заметит. Подумайте, какие языки хотели бы знать. Необязательно на них говорить прямо сейчас. Заговорите, когда откроем учебный центр. Для него это станет хорошей рекламой. Я больше не нужна? Тогда до свидания.

Когда Настя вернулась от президента, увидела, что родная контора выполнила ее просьбу. Пять дней назад, когда она приехала в Следственное управление зомбировать имевших доступ к ее делу сотрудников, там же был и Александр Васильевич. Он вызвал Настю по своим делам в кабинет Можейко, и девочка решила этим воспользоваться.

— Мне нужна ваша помощь, — сказала она директору. — Я пока не занималась вторым перстнем, а сейчас для таких занятий есть время и желание, нет только подопытного объекта.

— И какой объект нужен? — спросил он. — Второй перстень — это тот, который убирает генную несовместимость?

— Браслет сказал, что с его помощью можно менять внешность, — объяснила Настя. — Можно взять собаку или кошку, но мне все нужно пробовать для человека. Не достанете мартышку? Нет, в центре я этим заниматься не хочу. Нужно провести много опытов и долго ждать результатов. Даже с моим шаром неудобно каждый день мотаться в центр только из-за одной обезьяны. Так достанете?

— Я распоряжусь, — пообещал Александр Васильевич. — Возьмете свою макаку в центре у Бабурова.

И вот теперь на диване сидела небольшая мартышка с буровато-зеленой шерстью и белым воротничком. С одной стороны от нее сидела Оля, а с другой примостился Марк.

— Откуда она взялась? — спросила Настя находившуюся в гостиной мать. — Я заказывала, но сказали, что буду забирать сама.

— Зеленин привез, — ответила она. — Оставил для этой обезьяны сумку с фруктами и сказал, что будет есть все, даже мясо. Вот тебе по ней все распечатали. Это зеленая мартышка, ее кличка — Джуна. Не скажешь, для чего она тебе нужна?

— Буду с помощью магии лепить из нее человека, — пошутила девочка. — Не беспокойся, она хлопот не доставит. Магией приучу к горшку, а если окажется тупой, обработаю браслетом.

— Позвоню отцу, чтобы купил горшок и детскую кроватку, — вздохнула мать. — Учти, что спать она будет в вашей комнате. Места там хватит, а больше ее класть некуда, разве что на лоджию, но там скоро станет холодно.

— Марк, присмотри за ней, чтобы не безобразничала, — попросила Настя домового. — Мне нужно навестить подруг.

Девочка позвонила Алле и спросила, не может ли к ней приехать Ольга.

— Созвонись с ней, — попросила она подругу. — Мне позвонишь, если она не приедет, или когда уже будет у тебя.

Через полчаса последовал звонок, и Настя ушла в Ростов к Сулеминым. Сферу убрала в подъезде, поднялась по лестнице и позвонила. Обе девушки встретили ее в прихожей и увели в комнату к Алле. Находившиеся в гостиной родители подруги девочку не заметили.

— Давно приехала? — спросила Ольга. — У кого ты останавливаешься? Я тебе предлагала останавливаться у нас, а ты уже три раза...

— Зачем мне вас стеснять, когда у нас осталась своя квартира? — перебила ее Настя. —

Слушай, почему Алла какая-то не такая, как всегда?

— Она влюбилась! — засмеялась Ольга. — Скоро мы с тобой потеряем подругу. До свадьбы еще минимум два года, но в ее сердце для нас уже не останется места. У нее все очень серьезно.

— И кто этот тип, который ее у нас отнял? — спросила девочка.

— Классный парень, — с ноткой зависти ответила Ольга. — Только зря ты его ругаешь, он о своей будущей свадьбе еще не догадывается.

— Так, может, ее и не будет? — спросила Настя.

— Шутишь? — громким шепотом сказала подруга. — Кто устоит против такой девушки, как наша Алла?

— На татами — никто! — засмеялась девочка.

— Болтушки, — тоже засмеялась Алла. — Это, девочки, пока не любовь, а только симпатия, но со временем все может быть.

Они очень хорошо провели время, а около семи вечера Настя попрощалась и ушла. Дома уже поужинали, поэтому она села есть одна. Закончив, убрала за собой и ушла в свою комнату. Там к двум кроватям добавилась маленькая кроватка, в которой уже лежала мартышка. Рядом стояла Оля и, тихо напевая колыбельную, качала кровать.

— Помой горшок, — сказала она сестре. — Джуна твоя, поэтому тебе его и мыть. Хватит с меня того, что я ее качаю.

Настя не стала спорить и вынесла обезьянью мочу, после чего занялась перстнем. Она прогнала Олю и поставила к кровати стул. Первое же обращение к перстню поставило в тупик. Он развернул очень сложное заклинание, в разные части которого нужно было вставлять управляющие образы, вот только что вставлять и куда, она не знала. Немного подумав, Настя просто наложила на заклинание образ Джуны. Наложенный образ мартышки сам собой втянулся в самую свободную область заклинания и стал пульсировать красным светом в такт ударам ее сердца. Для начала девочка сформировала изображению человеческий нос и отдала приказ выполнить. Изображение сменило цвет с красного на зеленый, и все исчезло.

— Если все получится с Джуной, я тебя сделаю красавицей, — пообещала Настя сестре. — У перстня очень сложное управление, но я, кажется, научилась на нем работать. Сделаю я ее немного умнее, может, будет сама выносить свои горшки или садиться на унитаз.

— Что ты смеешься? — спросила Оля сестру.

— Я ей после оптимизации запустила изучение русского языка, — пояснила Настя. — Будет интересно, сработает оно на обезьяне или нет. Говорить, как человек, она не будет даже после оптимизации, но понимать должна много.

— Я бы не стал такое делать, — недовольно сказал Раш. — Взялась изменять внешность, вот и изменяй! А зачем лезть в мозги? В империи делали много разумных животных, но у тебя нет опыта тех магов.

— Все, я ложусь спать и попрошу мне не мешать! — сказала девочка сразу всем. — Мне скоро придется очень рано вставать, поэтому буду отсыпаться впрок.

На следующий день ей позвонили в десять.

— Вам не надо никуда летать, — сказал ей Зеленин. — Я скоро подъеду и привезу все, что нужно.

Через пятнадцать минут он уже сидел в их гостиной и проводил инструктаж.

— Вот это камера и тренога, — говорил полковник, выкладывая на стол коробки. —

Там вложено описание, поэтому первым делом научитесь работать. В этой коробке защищающие от шума наушники. В них вы не услышите никаких разговоров. Вообще-то, я это не одобряю и считаю опасным. Конечно, изучать школьную программу интересней, чем слушать государственных деятелей, но лучше все же не читать, а следить за обстановкой.

Мать ушла с Олей в школу оформлять ей экстернат, остальные уехали на службу, а квартира была защищена от прослушивания, поэтому можно было говорить о делах, избегая конкретики.

— Когда туда лететь? — спросила не ставшая с ним спорить Настя.

— Разница у нас в семь часов, а вот его типовой график работы. Скорее всего, сегодня вы его там не застанете. Изучите и опробуйте камеру и ложитесь раньше спать, а начнете работать часа в три ночи. Как ваша обезьяна?

— Делаю из нее невесту своему домовому, — пошутила девочка. — Думаю, вы ее через месяц не узнаете.

Сегодня Настя прилетела сюда в третий раз. Занять место возле одного из трех окон не получилось, потому что президент нервничал и долго за столом не сидел. Отодвинув для чего-то стоявшие за его спиной два кресла, он расхаживал взад-вперед и мог наткнуться на сферу. Пришлось расположиться у потолка над одним из двух американских флагов. Тратить силу не хотелось, но отсюда были прекрасно видны все бумаги, лежавшие на знаменитом Резолюте. Собираясь в Овальный кабинет, девочка прочитала о нем несколько статей и посмотрела фотографии, а увиденное от них почти не отличалось. Нацелив камеру на стол, она открыла очередной учебник и углубилась в его изучение. Наушники неплохо глушили звуки, и голоса начинали мешать только тогда, когда говорили на повышенных тонах, а такое за все время случилось только один раз. Настя не удержалась и послушала, но разговор шел о каких-то неизвестных ей людях и не содержал ничего интересного. Незадолго до возвращения девочке пришла в голову интересная мысль. Приблизившись к президенту, она его подчинила и спросила, какие здесь применяют меры против подслушивания.

— В кабинете нет никаких приборов для наблюдения, — ответил он, — Не ведется вообще никакой записи. На дверях есть приборный контроль на наличие оружия, и кабинет каждое утро проверяют сканером.

Ответив, он о ней забыл и продолжил заниматься бумагами.

— У меня есть предложение, — сказала Настя, когда после возвращения отдавала камеру майору Никонову. — Овальный кабинет проверяют только утром. У вас есть небольшое записывающее устройство, чтобы его хватило на весь день? С изображением ничего не получится, но хотя бы звук? Я его после проверки кабинета куда-нибудь брошу, а вечером заберу.

— Надоело там сидеть? — понимающе спросил он. — Все у нас есть, Настя, но как вы это проделаете, не покидая сферы?

— Очень просто, — сказала она. — Сфера не препятствует магии, а я с ее помощью могу захватывать и удерживать не очень тяжелые предметы. Притяну ваш диктофон к сфере, как магнитом, а потом уроню. Там до вечерней уборки вообще не бывает посторонних. Жаль, что мне запретили влиять на президента, а то ничего бы этого не понадобилось.

— А что бы вы сделали? — с любопытством спросил майор.

— Он бы у меня каждый вечер писал отчет о проделанной работе, — ответила Настя, — и оставлял его на своем антикварном столе.

— И ваше программирование никак не сказалось бы на его поведении?

— Черт его знает, — честно ответила девочка. — Наверное, в чем-то он мог измениться.

— В том-то и беда, что никто не знает, как себя поведут люди после вашего вмешательства. Одно дело — поставить запрет на разговоры о вас, который только подтверждает приказ, а совсем другое — вносить в чью-то личность изменения, конфликтующие с ее основой. А если на эту личность составлен психологический портрет, и она каждый день на виду множества знающих ее людей...

— Ладно, я уже давно все поняла, — сказала Настя, забирая камеру, после того как Никонов скачал с нее все записи и очистил накопитель. — Передайте насчет диктофона. Когда появится другая работа, я там не смогу торчать полдня, а слетать туда и обратно труда

не составит.

Когда девочка оказалась дома, было десять часов утра. Она заглянула в комнату к матери и отчиталась, что прибыла, есть не хочет и сейчас идет спать. Перед тем, как лечь, выпроводила Олю в комнату к Татьяне и посмотрела нос Джуны, который пока ни капли не изменился. До обеда Настя поспала, потом поела вместе с Олей и приехавшим со службы отцом и пошла разговаривать с позвонившим к ней Зелениным.

— Здравствуйте, Настя, — поздоровался полковник. — Вы сейчас можете подскочить в центр?

— Могли бы и не спрашивать, Дмитрий Павлович, — ответила девочка. — Сейчас буду.

Через пару минут она уже была в том кабинете, который в центре использовали работники других служб.

— Быстро вы, — заметил он, — раньше добирались дольше.

— Привычка, — пожал плечами, ответила Настя. — Вы привезли мне работу?

— И не одну. Сейчас в пятнадцатую комнату привезут тех наших сотрудников, кого желательно оздоровить и омолодить. Если этого не сделать, их всех придется увольнять, а это классные спецы и труженики, которым трудно найти замену. Всего будет около пятидесяти человек.

— Сделаю без труда, — пообещала девочка. — Мне вообще непонятно, почему вы меня так мало используете для своих нужд. Оптимизация — дело долгое, но вылечить всех для меня труда не составит. Это ваших лейтенантов можно отправлять в космос, а у старших офицеров болячки найдутся плюс возраст. Могли бы собрать и своих пенсионеров, я бы их тоже вылечила. Даже если кто-то сболтнет, это свяжут не со мной, а с будущей клиникой.

— Спасибо, я доложу начальству, — сказал он, с уважением посмотрев на Настю. — Есть и еще одно дело. Вы проверили всех по списку, кроме подполковника Юдина. Он был в командировке, но вчера вернулся. Директор просил закончить с этой работой. Я знаю, как вы не любите ездить в машине, поэтому с собой не приглашаю. Выеду прямо сейчас, а вы появитесь после лечения. Лучше, чтобы вас никто не видел, поэтому летите в мой кабинет.

Лечение заняло всего пару минут, но пришлось потерять еще полчаса на паузы между заклинаниями. Жаль, что она не захватила с собой учебник. Закончив с лечением, девочка тут же перенеслась на Лубянку и, отсчитав окна в нужном здании, влетела в кабинет Зеленина. Он уже успел приехать и сидел за своим столом.

— Никак не привыкну к вашему появлению, — вздрогнув, сказал Дмитрий Павлович. — Садитесь, я сейчас попрошу подойти Юдина. Николай Ильич? Это Зеленин беспокоит. Вам уже передали, что вы должны ко мне подойти? Ну и прекрасно, я вас жду.

— У нас была утечка, — сказал он Насте. — Под подозрение попали все те, кого вы проверяли. Все проверенные оказались чисты. Это не моя работа, просто к вам не хотят подключать новых людей. Это список вопросов по Юдину, а вот и он сам.

В коридоре послышались приближающиеся шаги, дверь отворилась, и в комнату вошел невысокий, начавший полнеть мужчина лет пятидесяти. Увидев девочку, он испуганно дернулся и застыл.

— Он испугался, — заметил Зеленин, — а доступа к вашему делу у него не было, поэтому не должно быть и оснований для испуга.

— Теперь они появились у меня, — сказала Настя и обратилась к Юдину: — Кому стучите?

— Я завербован ЦРУ два года назад, — признался подполковник.

— Что передали обо мне? — спросил девочка. — Немедленно отвечать!

Она усилила нажим, и он сломался.

— Очень мало. Все материалы по вашему делу для меня закрыты, поэтому пришлось довольствоваться тем, что болтали офицеры и служащие центра. Болтали немного, но кое-что сложилось.

— И что же у вас сложилось? — недобро посмотрела на него Настя.

— Аномальщики в кои веки вышли на что-то реальное, — ответил он, — что-то настолько ценное, что дело у них забрали и передали Можейко. Вскоре его закрывают, а в нашем научном центре начинают проводить какие-то работы с вашим участием. Если по крупицам собрать все то, что мне удалось узнать, можно предположить, что вы очень сильный экстрасенс, который реально лечит самые разные болезни. Были намеки на какую-то чертовщину с внушением, но лично у меня это не вызвало удивления. Умеющих внушать гораздо больше, чем лечащих болезни. Была информация насчет изучения иностранных языков... Я в это не поверил и сделал соответствующую пометку.

— Значит, лечение самых разных болезней, внушение и, как недостоверное, изучение иностранных языков, — сказала девочка. — Больше ничего?

— Только это, — подтвердил он. — А что могло быть еще?

— Любознательная сволочь! — зло сказала она. — Даже в подчиненном состоянии умудряется задавать вопросы. Допрашивайте его сами, а то я не удержусь и прибью! Он на все ответит правдиво.

Через десять минут арестованного Юдина увели, а Настю вызвал к себе Бабурин. Чтобы не светиться, она и в кабинет директора прилетела в сфере.

— Вы бы хоть кашлянули, — сердито сказал Александр Васильевич, когда она возникла у его стола. — Когда-нибудь сделаете заикой. Возьмите стул!

— У вас в приемной офицеры, — ответила она, — да и вообще...

— С полетами в Белый дом завязываем! — сказал он, хлопнув ладонью по столу. — Жаль, но для вас так будет лучше. При необходимости где-то появиться, будете использовать служебный автотранспорт! Полеты допускаются только в тех случаях, когда о вашем появлении будут знать сотрудники, которые полностью в курсе ваших способностей и обработаны магией. Если узнают о вашем лечении, даже о возможности что-то внушать или как-то ускорять изучение языков, небо на землю не упадет. Будет сильный шум, потребуют изучить феномен, но и только! Пока не узнают об остальных ваших талантах, вашей жизни ничего не угрожает. Я знаю, что вы свой шар используете и в личных целях. Настоятельно советую это прекратить! У нас есть места за границей, куда вы можете слетать. Позже, когда нагрузим вас работой, побеспокоимся и об отдыхе. Настя, это не шутки, поэтому слушайте, что вам говорят! Не будете слушать, подвергните опасности не только свою жизнь, но и жизни своих близких. Вы обработали тех, о ком говорил президент?

— Пять человек обработала. Никто из них обо мне никому не говорил.

— И здесь все обработаны, — с облегчением сказал директор. — Значит, если вы сами не подставитесь, большой опасности не будет. Теперь по вашим предложениям. Всех мы оздоравливать не будем, подберем тех, кто постарше, и у кого есть проблемы со здоровьем. Все сделаем под видом медосмотра. Вашу мысль насчет лечения наших пенсионеров я поддерживаю. Все проведем точно так же, разве что кое к кому придется съездить на дом, но таких будет немного. Сумеете почистить им память?

— Без проблем, — заверила Настя. — Обо мне никто из них не вспомнит. Может,

заодно займемся оптимизацией? Сейчас времени много...

— Через два дня сформируем первую группу, тогда займемся, — ответил он. — Все это будет совмещено с разного рода мероприятиями, чтобы вы не сходили с ума от скуки, да и наши ребята развлекутся.

— Я бы могла учиться... — начала девочка.

— Тогда будут сходить с ума те сто офицеров, которых мы подберем, — улыбнулся директор. — Ваша оптимизация не на час-два, а на полдня, да еще займет больше недели. Может, вы и посидите с книгами, но не все время.

— Это он делает не для своих офицеров, а для тебя, — сказал Раш. — Им достаточно приказать, и будут сидеть, наплевав на то, скучно кому-то или нет. Так что цени. А вообще-то, ты их можешь усыпить и заниматься со своими учебниками.

— Если обо всем договорились, можете исчезать, — сказал Бабурин. — Вся связь только через полковника Зеленина, меня и президента. Если с вами свяжется кто-то другой, звоните Зеленину или мне!

Дома ее ждал сюрприз.

— У Джуны растет нос! — радостно сообщила Оля. — Когда займешься моей красотой?

— Рано мне заниматься тобой, — ответила Настя. — Ну-ка, где наш нос?

Мартышка забралась на кровать Оли и ожесточенно терла мордочку. Поймав ее ручонки, девочка смогла рассмотреть, что плоский носик вздулся бугорком. Этот бугорок походил на крупный прыщ и, видимо, сильно чесался. Настя убрала зуд магией и поделилась с обезьянкой силой. Доверчиво посмотрев на девочку, она обхватила ее руками за шею и прижалась мордочкой к груди.

— А ко мне она так не ластится, — ревниво сказала Оля. — Можешь сделать, чтобы она и меня любила?

— Я ее только лечила, — ответила Настя, обняв мартышку, — обниматься она полезла сама. Больше проводи с ней время и корми фруктами, она к тебе будет относиться как к сестре.

— Она от этой обезьяны и так не отходит, — проворчала мать, — даже занятия забросила. Может, я зря оформляла экстернат? А фрукты они едят на пару.

— Так ты ее объедаешь? — улыбнулась девочка. — Тогда, конечно, какая может быть любовь! Я сейчас сбегаю и наберу фруктов.

— Сиди со своей макакой, — остановила ее мать. — Я позвонила Тане, она купит. Ее со вчерашнего дня отвозит домой какой-то старлей, поэтому заедут на рынок и возьмут нормальные фрукты, а не китайскую химию.

— Значит, она пошла по твоим стопам, — сделала вывод Настя. — Скоро выйдет замуж, и прощай работа! Все лучшее детям!

— Правильный лозунг, — сказала Оля. — Ты уже почти девушка, поэтому ехидничаешь. Скоро я останусь единственным ребенком в семье!

— Что ты думаешь делать с этим несчастным животным? — спросил Раш. — Нос я вижу, но ведь ты носом не ограничишься?

— Изменю овал мордочки и сделаю нормальный рот вместо этой пасти, — ответила девочка. — Складки, которые идут от носа, нужно убрать, защечные мешки...

— Учти, что будут меняться кости черепа, — предупредил браслет. — Это работа на месяцы. И куда ее такую потом? Будешь от всех прятать?

— Если о моем целительстве узнают, обезьянка пойдет к нему довеском, — вздохнула

Настя. — Пока я на ней не потренируюсь, за Олю не возьмусь.

Весь вечер Джуна ходила за ней хвостом, а утром девочка обнаружила ее у себя в постели. Отшлепать не поднялась рука, поэтому она молча перенесла мартышку в ее кровать и погрозила пальцем. Отец и Татьяна позавтракали раньше и уехали, Настя поела на час позже. Вскоре позвонил тот телефон, который ей дал президент.

— Помнишь, о чем я говорил? — когда поздоровались, спросил он. — Я узнал, что тебя сегодня до обеда не тронут. Не хочешь мне помочь?

— Прилететь сейчас? — спросила девочка. — Хорошо, я сейчас буду.

Она вызвала сферу и финишировала высоко над президентской резиденцией. Низкий финиш сопровождался слишком сильным хлопком, на который реагировала охрана. Быстро спустившись, Настя влетела в комнату с камином, в которой сидел президент с незнакомым ей мужчиной лет сорока. Незнакомец в черном костюме лицом был похож на графа Рошфора из «Трех мушкетеров», но, в отличие от игравшего графа актера, не имел на лице никакой растительности. На внезапное появление девочки он внешне никак не отреагировал.

— Это мой человек, с которым ты будешь работать, — сказал Владимир Викторович. — Зови его просто Андреем. По ряду причин я не могу приглашать твоих клиентов сюда, поэтому все встречи будет обеспечивать он. Он же будет давать на них досье и то, что нужно внушать каждому.

— Сначала я кое-что внушу ему, — сказала Настя, — иначе никакой совместной работы не будет. Внушение коснется только неразглашения моих способностей и того, что мне придется делать.

— Да, конечно, — согласился Андрей. — Мне заранее сказали, что вы потребуете чего-то такого. Можете внушать.

Девочка произнесла уже заученные фразы и закрепила внушение магией.

— Все? — спросил президент, получил утвердительный ответ и продолжил: — Для начала у тебя будет один клиент, входящий в руководство СПС. Помимо своей политической деятельности, он имеет большой вес в промышленных кругах.

— Не Чубайс? — спросила она, заставив мужчин перегляднуться.

— Нет, это другой, — ответил президент. — Возьми папку, в которой его краткая характеристика и текст внушения. Когда прочитаешь, отдашь Андрею. А это фотография его двора. Отправляйся туда и до приезда Андрея знакомься с бумагами. Лучше вам добираться отдельно.

Настя взяла в руки папку и фотографию, сделала шаг назад и исчезла. Двор, над которым, напугав хлопком голубей, возникла ее сфера, был больше похож на очень маленький, ухоженный заботливым садовником парк. Если он находился в самой Москве, а не где-нибудь на ее окраинах, то для небольшого дома всего в два этажа это было шикарно. Чтобы не тратить силы, девочка опустила сферу на уложенную плиткой дорожку, открыла папку и принялась читать текст, отпечатанный на двух небольших листах. На третьем листе были отпечатаны пожелания президента. Потратив на чтение несколько минут, она задумалась. Ей не нравилось соглашение с президентом и то, на что он ее толкал. Вроде бы все ясно, и он прав, но жизнь научила тому, что у каждого своя правда, как правило, подкрепленная выгодой, а напечатать можно что угодно. Вряд ли она это проверит в интернете, а значит, нужно или принимать на веру, или вообще отказаться. Был, правда, третий выход. Посмотрев на адрес, Настя выбрала подъезд и направила в него сферу. Найти

квартиру, которых было всего две на этаж, труда не составило. В нужной квартире находились всего двое мужчин. Одним был здоровяк с кобурой на поясе, который лежал на диване в небольшой, но богато обставленной комнате. Вторым был пожилой полнеющий мужчина, который сидел в кресле перед огромным телевизором. У него были редкие волосы, узко посаженные глаза, широкий, приплюснутый нос и тонкие поджатые губы. Это и был ее клиент, который смотрел футбольный матч, не проявляя при этом большого азарта. В гостиной было жарко, поэтому он распахнул теплый халат, продемонстрировав девочке свои трусы и волосатую грудь. Начала она с охранника.

— В квартире есть видеонаблюдение? — спросила она подчиненного мужчину.

— Камеры есть в прихожей и в гостиной, — ответил он. — С них запись идет постоянно. В спальне камера тоже есть, но сейчас она отключена. На кухне, в моей комнате и кабинете хозяина ничего нет. Окна защищены от прослушивания, дверь на контроле и в ней есть камера с дисплеем.

— Отключи обе работающие камеры, — приказала Настя. — Потом вернешься сюда, ляжешь и заснешь.

Подождав, пока он выполнит приказ, она полетела к любителю футбола. Подчиненный клиент встал с кресла, запахнул халат и выключил телевизор. Убрал сферу, девочка села на диван.

— Дмитрий Юрьевич, садитесь рядом! — приказала она клиенту. — Возьмите эти два листка и прочитайте. После этого скажете мне, что в них неправда.

Он быстро прочитал свое досье, на минуту задумался, а потом ответил:

— Лжи здесь нет, но оценки очень пристрастные. Одни и те же факты можно объяснить разными причинами. Я бы того, кто это печатал, к своим друзьям не отнес.

— Охарактеризуйте нашего президента, — сказала Настя. — Что он за человек и чего добивается. Насколько, по-вашему, то, что он говорит, соответствует действительности.

— Очень властолюбивый человек, как и большинство тех, кто лезет в политику. Его слова... Во что-то он, безусловно, верит, остальное говорится с целью обеспечить себе максимальную поддержку.

— Он очень много сделал для независимости России, — возразила Настя.

— Какая независимость, о чем вы говорите? — сказал клиент. — Милая девочка, не может быть никакой независимости, если нет возможности управлять страной! Не поняли? Попробую объяснить. Финансы — это кровь экономики, а банковская система — ее сердце и артерии. С тех пор как мы изменили Конституцию и вступили в МВФ, ничего это нам не принадлежит. Нашей финансовой системой, а значит, и экономикой управляют не президент и правительство, а, как выражались во времена моей юности, из-за бугра. Вы знаете, что такое ключевая ставка? Так вот в США она всего четверть процента, а в ЕЭС — пять сотых! Среди развитых стран самая большая ставка у Австралии, и она меньше трех процентов. У нас она составляет одиннадцать процентов, у белорусов — двадцать пять, а у украинцев — тридцать! Вам это ни о чем не говорит? На эту ставку банки накручивают свои проценты, за счет чего и существуют. Поэтому предприятия могут брать кредиты в лучшем случае под тринадцать процентов годовых, а у большинства тех, кто производит товары, рентабельность такая же или даже ниже. Какое уж тут развитие, им бы выжить! Крупные торговые сети, которые очень вольно обращаются с ценами, еще могут развиваться, да и добывающая промышленность как-то выкручивается из-за большей рентабельности, но они почти целиком ориентированы на экспорт, а цены там тоже устанавливаем не мы.

Снизились цены на нефть и привязанный к ним газ, и где наше недавнее благополучие? Не имея возможности управлять финансами, с сырьевой экономикой вести какие-то разговоры о реформах можно только для отвода глаз. Мы эти реформы проводим регулярно, и ничего не меняется.

— Значит, все упирается в наш Центральный банк? Но ведь директоров туда назначаем мы.

— Дело не только в Центральном банке, хоть это одна из основных причин. Директора в нем сами мало что решают. Мы даже своими золотовалютными резервами не можем распорядиться без согласия Центрального банка и вместо инвестиций в свою экономику финансируем США, покупая их низкодоходные облигации. И оправдание придумали просто замечательное! Чем больше денег вольем в экономику, тем больше их разворуют, а поэтому лучше пусть хранятся в надежных американских бумагах с доходностью один-два процента годовых!

— Нашей внешней политикой недовольны, президента называют диктатором, и при этом нам до сих пор не перекрыли кислород?

— Милая девочка! — засмеялся клиент. — Даже крысу нельзя загонять в угол. Нас выгодно душить понемногу, не провоцируя на серьезные изменения.

— А почему президент заявил, что у нас в Конституции ничего не нужно менять? Я сама недавно читала.

— А кто ему это позволит? Были уже желающие ее поменять, но дальше говорильни дело не пошло. В семьдесят пятой статье Конституции записано, что Центральный банк должен поддерживать стабильность рубля. На это наплевали, но все молчат, хотя можно было изменить статью, не меняя всей Конституции, одной поправкой. Президент, золотко, даже свою собственную партию не контролирует, а ему нужны две трети голосов в Думе, а потом еще ратифицировать это решение во всех субъектах Федерации! Либералы хорошо намутили, сейчас вряд ли получится отыграть назад.

— Вы же сами либерал! — сердито сказала Настя.

— Так сложилось, — пожал плечами, ответил он. — У нас в политике часто главную роль играют не убеждения политика, а его связи и источники финансирования. Я получаю больше на своем месте, и смена команды не принесет ничего, кроме потерь. К тому же я не верю, что нам позволят еще раз подняться. Вы думаете, что президент такой уж патриот? Да если бы его допустили на равных в большую политику, не было бы этого противостояния с Западом! Там совершили ошибку, указав нашей верхушке, что их место не в партере, а на галерке. Это все американцы. У них нет гибкости, все вопросы привыкли решать силой. Теперь и рады бы все поменять, но не получится без потери лица.

— И что, по-вашему, будет?

— Я вам не Кассандра, — ответил клиент. — Предсказания — это занятие неблагодарное, особенно в России. Ваш президент поднял свой рейтинг захватом Крыма, но санкции и те средства, которые придется вбухать в это приобретение, понемногу все отыграют назад. На китайцев сильно не надейтесь. У них очень сложное положение и хитрая политика, да и санкции они любят не больше других. В связи с этим уже имеем немало трудностей. Гадать трудно: слишком много игроков и слишком много факторов, которые на них влияют.

— Ладно, я вас выслушала, теперь вы слушайте меня, — сказала Настя и прочитала президентскую бумажку, закрепив свои слова магией.

После этого девочка стерла у него память о себе, вызвала сферу и вылетела во двор, разбудив перед этим охранника и заставив его включить камеры. Машина Андрея стояла на улице, а он сам нервно прохаживался по тротуару, не приближаясь к охраняемому входу во двор.

— Я все сделала, — сказала Настя, заставив его вздрогнуть. — Уезжайте, бумаги я сама верну президенту.

Прежде чем он успел что-нибудь сказать, она уже опять была в Ново—Огарево. Президент остался в той же комнате. Владимир Викторович явно нервничал и дернулся при ее появлении.

— Вы почему отключили свой телефон? — недовольно спросил он. — В таких делах, как ваше, лучше действовать без самодеятельности!

— Не скажете, чего вы добиваетесь? — спросила Настя, без приглашения садясь на стул.

— Сначала скажи, сделала что-нибудь или нет, а потом будем говорить о жизни! — ответил президент. — И уточни, что ты имела в виду.

— С этим клиентом я сделала все, что вы хотели, — сказала девочка, — а интересуется меня только один вопрос: как вы собираетесь проводить реформы, не затрагивая Центральный банк.

— Допросила клиента? — понимающе спросил он. — Это большой вопрос, который быстро не решается. И таких вопросов у нас много.

— А если вынести этот вопрос в Думу? — спросила она. — Скажете, кто может быть против, и я их обработаю прямо перед голосованием! Подумайте, только имейте в виду, что я дальше по вашему списку работать не буду. С ФСБ буду, а с вами нет. Для того чтобы проводить теперешнюю политику, у вас достаточно своих сил, а я не собираюсь лезть людям в головы только для того, чтобы облегчить вам жизнь.

Дома она ушла в комнату Татьяны и легла на ее кровать.

— Стоит ли тебе вмешиваться в политику? — сказал Раш. — Ваша страна это не твое королевство. Здесь все намного сложнее, а ты не знаешь ничего, кроме того, что вычитала в интернете. Тебя обманут и используют, преследуя свои цели. Тот же президент, если бы хотел проводить реальные реформы, действовал бы по-другому. Хотя я тоже многого не знаю, может, он просто боится, что его грохнут. Кстати, очень жизненный вариант.

— Пусть думает! — сердито сказала Настя. — Если откажется, я выброшу его телефон.

— Так уж и выбросишь? — усомнился он.

— Ну, выключу или перестану отвечать на звонки, — поправилась девочка. — Ты считаешь, что я ничего не должна делать?

— Если хочешь заняться политикой, занимайся, — ответил Раш. — Только не наскоком, а основательно, иначе будешь у кого-нибудь на подхвате. И полумерами не обойдешься, можешь сделать еще хуже. Я вижу, что желание сделать лучше у тебя есть, а копать в дерьме ты не хочешь. Поэтому лучше лечи людей и понемногу помогай правительству в обмен на встречные услуги. А вот если тебя возьмут за жабры, и уже нечего будет терять, спрячешь семью в надежное место и повеселишься. Покажешь всем, что такое настоящий маг! Я подумаю, что для этого нужно будет сделать.

— Подумай, — сказала Настя. — Что ты имел в виду, когда говорил о надежном месте?

— Построй где-нибудь в глухом месте в Сибири хороший дом, запасись продовольствием и горючим и пробури скважину для воды. Поставишь генератор на дизеле,

и будет электричество. Можно даже использовать спутниковое телевидение и интернет. Необязательно забираться в самую глухомань, можно все это построить неподалеку от какого-нибудь города. Найди толкового мужика, сделай его своим помощником и дай деньги. Он все сделает сам, а ты только перенесешь туда семью. Экзотические острова приятней, и на них можно обойтись палаткой, но если с тобой что-нибудь случится...

— Так и сделаю, — решила девочка. — Дам денег, и пусть строит. И подкину туда на всякий случай оружие. Можно нанять и охранников. Денег навалом, а с магией меня никто не предаст. Интересно, когда Верона начнет что-то решать?

— Куда торопиться богине? — сказал Раш. — Я думаю, что она будет решать, когда ты на все здесь махнешь рукой или вернешься в ее мир.

Пациентов набралось около тысячи, поэтому Насте пришлось обрабатывать их в два приема. Затратив на это благое дело час, она вернулась домой, и только после этого с ней смог связаться полковник Зеленин.

— Плохо, что шар не пропускает сигнала телефонов, — сказал он. — Пока вы не закончили работу с нашими офицерами, я не мог дозвониться.

— А вас там разве не было? — удивилась девочка. — Мне кажется, что директор собрал на лечение всех офицеров старше капитана.

— Были там и капитаны, — сказал Дмитрий Павлович, — а вот я приехать не смог. Вылечите по блату?

— Без проблем, — пообещала она. — Но вы ведь звоните не из-за лечения?

— Вы правы, — ответил он, — только об этом не стоит говорить даже по вашему защищенному телефону. Можете подскочить в мой кабинет?

Через несколько минут она уже сидела за одним столом с полковником.

— Ваш ученик освоил все, что вы ему дали, — продолжил разговор Зеленин. — Сегодня он продемонстрировал свои достижения руководству. В связи с этим к вам один вопрос. Он действительно достиг своего потолка, или вы ему можете дать что-нибудь еще?

— Возможно, найду еще два-три заклинания из тех, которые ему по силам, — подумав, ответила Настя, — но это все. Извините, Дмитрий Павлович, но давать ему что-то еще бессмысленно. У него еще меньше сил, чем их было у меня до усиления. Их не хватит ни на что серьезное, да и не запоминает Валентин Сергеевич сложные заклинания. В этом ему и оптимизация мало помогла.

— Но одного добровольца из трех он все-таки подчинил.

— самого слабого, — возразила девочка. — Люди по-разному поддаются не только гипнозу, но и магии. Для сильного мага разницы нет, а для таких, как он... Одним словом, я больше ничего не могу для него сделать.

— Жаль, — вздохнул Зеленин, — но вам все равно нужно поговорить с Блиновым. Он очень вам благодарен и сам рвется отблагодарить. Говорит, что знает методику увеличения силы. Он ее опробовал на всех в группе и получил неплохие результаты. Попробуйте, может, и для вас будет польза. Завтра вы начнете работу по оптимизации...

— И что за развлечение подобрали? — спросила она. — Бабурич меня прямо заинтриговал.

— Завтра будете смотреть художественные фильмы в нашем просмотровом зале, — ответил полковник, — а послезавтра поедете в спорткомплекс нашей Академии. Для вашей группы на полдня забит бассейн. Чтобы вы там не бросались в глаза, возьмем несколько девочек вашего возраста. Или хотите просидеть в своем шаре с учебниками?

— Что я дура? — засмеялась Настя. — Я буду плавать, а браслет пусть работает. Не скажете, что со строительством?

— Слышал краем уха, — сказал он. — Лечебницу закончат строить через месяц. Еще месяц уйдет на ее оборудование. Сейчас на одном жутко секретном заводе срочно изготавливают те приборы, которые по легенде будут всех лечить.

— А больничные корпуса? — спросила девочка.

— Первый закончат месяца через три, остальные — позже. Основное внимание уделили

клинике, поэтому ее так быстро построили. С месяц вам будут привозить больных из лечебных учреждений Москвы. Туда же их будут возвращать после вашей обработки, так что пока нам больничные корпуса не нужны. По мере их готовности будем завозить больных из других городов. Центр для изучения языков строить не будем, используем для него брошенный военный городок. Там сейчас все приводят в порядок, но работы затянутся до зимы. Не скажете, как у вас живется Джуне?

— Лопают фрукты и с удовольствием смотрит мультики, — с улыбкой ответила Настя. — Все это она делает в компании с моей младшей сестрой, а вот с ее куклами играет сама.

— Вы ее, случайно, не оптимизировали? — спросил Зеленин. — Или только меняете внешность?

— Я ее, Дмитрий Павлович, не только оптимизировала, но и научила русскому языку! — ответила девочка, посмотрела на округлившиеся глаза полковника и засмеялась.

— Вы хоть предупреждайте, когда шутите, — недовольно сказал он. — Насчет ваших опытов с маргышкой спрашивал директор. Он пошел вам навстречу, а теперь, похоже, жалеет.

— Я действительно запустила Джуне изучение языка, — призналась Настя. — Она после оптимизации стала заметно умнее, но на полноценный разговор ее ума не хватает, да пасть для него не приспособлена. Но значение многих слов стала понимать. Если говорим медленно простые фразы, понимает и их. Не бойтесь, это чудо из квартиры не сбежит, а посторонние к нам не ходят. Если кого-нибудь все же занесет, я ему просто немного подправлю память.

Мероприятия девочке не понравились. Никакого удовольствия от шестичасового просмотра неплохих, но уже несколько раз виденных фильмов она не получила. В бассейне было неплохо, но девчонки ее не заинтересовали, а просто плавать шесть часов...

— Передайте Александру Васильевичу, что меня не нужно развлекать, — сказала она Зеленину. — Все это только бесполезная трата времени. Выделите нам класс и дайте своим офицерам что-нибудь изучать, чтобы они не мешали мне заниматься. Если не найдете, чем их занять, я могу всех усыпить. В классе я буду работать в шаре, и меня никто не увидит.

Именно так она смотрела фильмы, а в бассейне были пятнадцать девчонок, которые не знали друг друга, поэтому пока обошлись без внушений и стирания памяти. Никто из сотни проходивших оптимизацию офицеров о ней пока не знал.

— Все время таскаете с собой учебники, а когда начнете сдавать свой экстернат? — спросил полковник. — Мы вам в этом не сильно мешаем?

— Все нормально, — ответила Настя. — Мешаете, конечно, но мне спешить некуда. Дня через три-четыре должна все закончить и пойду в школу договариваться о сдаче. Закончу восьмой класс и сразу же возьмусь за девятый.

Следующие три дня собранные в учебный класс офицеры без большого энтузиазма листали какие-то брошюры, а девочка лежала в сфере на прихваченной из дома подушке и читала учебники. Когда закончилась пятая обработка, Настя вернулась домой, надела плащ и побежала в школу. Она только видела ее издали, но внутри еще не была и никого в ней не знала. Насчет Оли ходила договариваться мать, а ей об оформлении экстерната сказал Зеленин. Директором оказался здоровый как лось мужчина, не старше пятидесяти лет. Прочитав табличку на двери, она узнала, что его зовут Вадимом Петровичем. В кабинете директора, кроме него самого, находился красивый юноша лет шестнадцати.

— Ты по какому вопросу? — спросил директор, когда Настя постучалась и вошла.

— Я, Вадим Петрович, хотела сдать экстернат за восьмой класс, — потупив глаза, ответила она. — Я Настя Никитина.

— Сейчас посмотрю, — сказал он, беря в руки какой-то журнал. — Садись на стул.

Искал он всего пару минут.

— Ты и седьмой класс сдала экстернатом, — прочитав запись, обратился он к девочке, — причем на одни пятерки. И было это в конце учебного года. Неужели уже подготовилась?

— Зачем бы я к вам пришла, если бы не была готова? — вопросом ответила Настя и подтолкнула его магией.

— Да, действительно, — сказал директор. — Подожди, сейчас составлю расписание сдачи экзаменов. Сдавать их будешь вместе с этим молодым человеком. У него десятый класс, но многие предметы будете сдавать одним и тем же учителям.

Он минут десять что-то смотрел по разным журналам и делал записи на двух листах, а Настя разговаривала с Рашем, игнорируя взгляды сидевшего рядом юноши.

— Так! — сказал закончивший работу директор. — Все сдаете вместе, кроме четырех предметов, которых нет в восьмом классе. У тебя какой язык, Брагинский?

— Французский, — ответил юноша.

— А у тебя? — обратился директор к Насте.

— Вообще-то, в седьмом я сдавала английский, но, чтобы не отвлекать учителя, могу сдать и французский, — ответила она, вызвав два удивленных взгляда.

— У нас три англичанки, так что сдашь английский, — решил Вадим Петрович. — Держи, Никитина, это твой график. Все экзамены будете сдавать после двух. Надеюсь, что вы хорошо подготовились и не сильно задержите учителей. Возьми свой график, Брагинский. Вопросы есть? Ну если нет, можете идти.

— Подожди! — остановил Настю юноша, когда следом за ней вышел из директорского кабинета. — Если нам на экзаменах тереться спинами, может, назовешь свое имя? Фамилию я уже слышал.

— Настя, — ответила девочка. — У тебя все?

— Олег, — представился он и добавил: — Ты всегда такая некоммуникабельная? Или бегаешь только от парней?

— У меня мало времени, — пояснила она. — Парни мне пока не нужны, поэтому я их посылаю, а на имя Олег у меня аллергия из-за печального опыта старшей сестры.

— И многих послала? — засмеялся Олег.

— Парочку принцев и бывшего одноклассника. Ты, конечно, красавчик, но это тебе идет минусом. Мужчина должен быть сильным, умным и верным, красота идет в самом конце списка. А ты наверняка избалован вниманием и превыше всего ценишь собственную личность. Все, я побежала.

— Если ты не против, я тоже пробежусь, — сказал он догоняя быстро идущую девочку. — Знаешь, кое в чем ты права. Я говорю не об избалованности, которой у меня почти нет, а о любви к своей личности. По-моему, такая любовь есть у всех. Вот если человек полюбит кого-то еще, он уже не так заикливается на себе. Главное — это найти свою любовь!

— Ты побежал не в ту сторону, — засмеялась Настя. — Со мной любви не найдешь, а если найдешь, сам будешь не рад!

— Красивая — это раз! — загнул он палец. — Умная — это два. На красавчиков не бросаешься, поэтому будешь верной женой. Что я еще упустил?

— Самое главное ты упустил, — ответила девочка. — Нет у меня ни времени, ни

желания с тобой возиться, а чьей-то женой я стану не раньше, чем через три года.

— Я пока не начал ухаживать, — возразил он. — Ни одна женщина не устоит против правильной осады. Это сейчас у тебя нет желания, со временем появятся и желание, и любовь.

— Ты, смотри, сам не влюбись, — предупредила Настя. — Ничего хорошего не будет, сплошные неприятности.

— Ты опоздала со своим предупреждением! — трагическим голосом сказал он.

— Слушай, отстань! — рассердилась она. — Иди своей дорогой.

— Я и так иду домой, — сказал Олег. — А ты тоже здесь живешь? Это подарок судьбы и знамение!

— Ты меня достал, — рассердилась девочка и, чтобы от него избавиться, поспешила пройти охранников.

К ее удивлению, Олега тоже пропустили, и он, помахав ей на прощание рукой, направился к соседнему дому.

— Не скажешь, почему ты так взбеленилась? — спросил Раш. — Нормальный парень, и ты ему понравилась. Так реагировать на обычный треп... Мне кажется, что тебе не помешает подлечиться и отдохнуть. Магу себя трудно лечить, но ты попробуй. И не спеши с девятым классом, лучше сделай паузу и отдохни. Через три дня закончим оптимизацию, а потом останутся одни пенсионеры. На них у тебя уйдет всего несколько часов. Предупреди Зеленина, чтобы на тебя неделю не рассчитывали, и смотайся куда-нибудь отдохнуть. Заодно можешь совместить отдых со строительством убежища.

— Не в усталости дело, — нехотя ответила Настя. — Я, Раш, совсем не устала. Пришлось психовать, но я после этого отдохнула на полжизни вперед. Дело в том, что он мне понравился, и сам стал липнуть, а я не хочу... Мне и родителей с сестрами достаточно, не хватало еще трястись из-за него! Да и рано все это. А строительством в этом году заниматься поздно. Уже середина сентября, а в Новосибирске в конце октября уже отрицательные температуры. Я посмотрела по интернету, когда выбирала место. Искать нужного человека и начинать строить нужно к концу весны.

— Глупо, — выразил он свое отношение к ее словам. — Никогда ничего в своей жизни не откладывай на потом. Я не о стройке, с ней ты права. Любовь в каждом возрасте своя, и она всегда дарит радость, даже детская, а ты уже через год будешь девушкой. Никто тебя не торопит, но отказываться от дружбы...

Девочка открыла входную дверь и из прихожей увидела деда с мартышкой на руках. Сбросив туфли, она пошла обниматься.

— Ты что с ней сделала? — спросил он внуку. — Человеческий нос на обезьяньей мордочке — это уродство!

— Не шуми, дед, — сказала Настя, — будет ей к носу все остальное. И меньше критикуй ее внешность: Джуна почти все понимает и после твоих слов будет переживать. Надолго приехал?

— Поужинаю и уеду, — ответил он. — Ты ко мне дорогу забыла, поэтому приходится ездить самому. Слава богу, что теперь не разваливаюсь при ходьбе. Долго я еще буду таким огурчиком?

— От трех до пяти лет, — подумав, ответила девочка, — ну и из-за лечения прибавишь себе года три жизни. Потом все вернется. Извини, но старость я тебе убрать не могу.

— Восемь лет жизни, да еще без болезней — это по-царски! — сказал он и поцеловал

ее в щеку. — Спасибо тебе! Я ведь не рассчитывал пережить зиму. Пойдем, пока нет твоего отца, расскажешь мне о делах. Наверное, все они жутко секретные?

— Жутко, — подтвердила она, — только не для тебя. Тебе расскажу все и попрошу совета. Слушай, а где все остальные?

— Надя с Олей в магазине. Я позвонил перед приездом, поэтому они меня дождались, а потом ушли. А Марк, наверное, где-то здесь.

— Марк, ты где? — спросила Настя. — Это хорошо, что на диване, вот там и сиди! У нас будет такой разговор, при котором тебе не стоит присутствовать. Пойдем, дед, в мою комнату.

Они зашли в спальню и сели в кресла. Джуну, чтобы она не мешала разговору, уложили на кровать. Настя подробно рассказала о своей работе в ФСБ и о делах с президентом.

— Я считал, что тебя оставят только для внутреннего употребления, — обдумав ее рассказ, сказал Сергей Алексеевич, — но они поступили умнее. Шум, конечно, будет, и о тебе в конечном итоге узнают, но, если не раскроются твои возможности с шаром, ничего страшного не случится. Ну есть у нас такой уникам, которым мы ни с кем не собираемся делиться! Лечим? Вот и скажите спасибо! Учитывая то, как многие к нам относятся, могли бы и не лечить. Возможно, даже допустят кого-нибудь из их ученых, чтобы убедить в том, что ты уникальная, и других таких не нашампуешь. Если ты вылечишь миллионы людей, будешь народной любимицей, а власть, и в первую очередь президент, сильно поднимет свой рейтинг. Они это сумеют обыграть. Если хотя бы четвертая часть больных будет из-за границы, то даже при низких по их понятиям ценах ты для государства за год заработаешь миллиарды. Естественно, не рублей, а долларов. А если еще править мозги... Представляешь, какие перспективы? А твоими услугами они и так всегда смогут воспользоваться. Если ты не наделаешь глупостей, то все еще может сложиться самым благоприятным образом. Теперь насчет твоих дел с президентом. Я, сама понимаешь, человек, в общем-то, далекий от политики, но и мне понятно, что без изменения Конституции подлинной независимости у нас не будет. И дело не только в независимости. Можно быть независимым, сидеть на богатствах и оставаться бедным. Это у нас сейчас и происходит. Кое в чем мы обогнали остальных, в чем-то находимся на мировом уровне, но во всем остальном безнадежно отстали! Образование разваливают и допускают, чтобы наши самые способные ребята уезжали укреплять противников России! Мы во многом живем тем заделом, который остался еще со времен СССР. Все это быстро устаревает, а старые специалисты умирают, и заменить их во многих случаях некем. Президент и те, кто его поддерживает, кое-что делают, но ограничиваются полумерами. Не знаю, то ли они не хотят что-то серьезно менять, то ли им этого не позволяют. Лезть в эти разборки для тебя смертельно опасно! Одна ошибка — и все узнают, что ты не только лечишь людей, ты еще лазишь им в мозги и меняешь их по своему усмотрению. И самое страшное, что никто не может от тебя защититься! Простые люди могут даже обрадоваться, особенно если тебя уже будут любить. Скажут, что ты молодец, что давно пора навести порядок хоть так, если не получается по-другому... Но вот хозяева жизни не пожалеют ничего, лишь бы тебя поймать и выпотрошить! Твоей ловлей займутся и те, кто заправляют властными кланами у нас, и вся так называемая западная элита. И президенту не останется ничего другого, как только присоединиться к твоей ловле. Я рискну дать один совет. Твое внушение держится крепко? Если кому-то внушить, что ты для него дороже родных дочерей...

— Если внушу, то и буду, — ответила Настя, — причем на всю жизнь. Есть только одно

ограничение: человек не должен испытывать ко мне ненависть. А к чему этот вопрос?

— Обработывай всех работников ФСБ, до кого сможешь дотянуться, — посоветовал дед. — Они должны о тебе молчать, но, если понадобится, не ловить, а предупредить и оказать помощь! Естественно, это нужно делать так, чтобы не узнал никто из тех, кого ты еще не обработала. И лучше это делать не в помещениях, где твои слова могут записать, а на свежем воздухе. Хотя и там могут использовать направленный микрофон...

— Для этого есть заклинание, которое гасит все звуки, — сказала девочка. — Я его редко использую, потому что оно тянет много силы, но если недолго...

— Вот и применяй! Вывези всех своих офицеров на шашлык и по одному обработай. И пенсионеров можно использовать. Среди них должны быть очень авторитетные и влиятельные люди. И необязательно ограничиваться ФСБ, можно при случае делать своими людей из других властных структур. Не менять у них ничего, кроме отношения к тебе. Ты в своем шаре можешь летать по министерствам и обрабатывать их работников одного за другим. Если сможешь глушить звуки, то можно не морочить себе голову с подслушкой. Только, Настя, осторожной нужно быть в любом случае! Если все раскроется, будет плохо! Во-первых, ты все равно обработаешь немногих, а, во-вторых, пусть за тебя у нас грудью станут все, останется граница. Если все узнают, дело может дойти до войны! Как жить, если ты можешь украсть любые секреты, влезть в голову любому политику или финансисту и заставить делать все, что тебе будет угодно? Ты их даже можешь убить, и не поможет никакая охрана! Конечно, можно прятаться в таких местах, для которых у тебя нет образов, но разве это жизнь!

— Дед, а насчет Конституции...

— Сама во все это не лезь! — предупредил он. — Дело ведь не только в бумаге! Ну перепишут всю Конституцию или ее отдельные статьи, и что дальше? Думаешь, что эти одиннадцать процентов не может установить принадлежащий государству банк? Еще как сможет, и оправдания найдут. Сейчас объясняют большой инфляцией, хотя даже дураку понятно, что сами ее этим и разгоняют. Ну и потом найдут что сказать. Конечно, президенту и правительству оправдаться будет трудно. Можешь попробовать найти кого-нибудь из тех депутатов, которые пытались пропихнуть через Думу закон о Конституционном собрании. Я уже точно не помню, но, по-моему, таких попыток было несколько, и все они провалились. Вспомнил! В одной из них инициатором был Бабурин. Его потом выгнали с поста ректора торгово-экономического университета. Была какая-то мутная история, там дошло до забастовки студентов. Если интересно, поищи в интернете. Необязательно его, были и другие. Они тебе обо всем расскажут гораздо лучше меня. А лучше брось ты это дело, и пусть все идет своим чередом. Пока не заменят то дерьмо, которое у нас называют элитой, никакая Конституция жизнь не изменит.

Джуне надоело лежать в кровати и ждать, пока они наговорятся. Мартышка забралась в одежный шкаф, вытащила из него одну из кукол и подбежала к Насте. Дернув ее за платье, она показала ладошкой сначала на лицо куклы, а потом на свое собственное.

— Маленькая моя! — растроганно сказала девочка и взяла ее на руки. — Я тебя сделаю еще красивее, чем эта кукла! Сегодня же и займусь.

— Красавчика для нее тоже будешь делать? — вздохнув, спросил дед. — Это не игрушка, а живое существо, а твоими стараниями еще и разумное! Интересно, эти изменения передаются по наследству?

— Все закрепляется в генах, — ответила Настя. — Имперские маги вывели много

разумных животных, некоторые из которых существуют уже тысячу лет.

— И кому у нас нужен еще один разумный вид? — спросил внучку Сергей Алексеевич.
— Читала «Планету обезьян»?

Разговор о разумных обезьянах прервался из-за появления матери и Оли.

— Какие-то вы неправильные миллионеры, — ехидно сказал дед, забирая у матери торт и тяжелую сумку с продуктами. — Сами возитесь с готовкой и ходите в магазин за продуктами, и даже ездите на отечественной машине. Не думала взять домработницу?

— А чем тогда заниматься мне? — спросила мать. — Можно, правда, вернуться в полицию... Благодаря Насте, я вспомнила все, чему учили. Нет, не хочу. Мне нетрудно приготовить еду и убрать в квартире, а за продуктами я хожу редко. Обычно мне их привозит Николай, а это я из-за тебя пошла за тортом и заодно кое-что купила.

— Наживешь грыжу, а я буду виноват, — проворчал он. — А ты для чего ходила, красавица?

— Как для чего? — удивилась Оля. — А кто выбирал торт?

Дед перенес свое внимание со средней внучки на младшую, а Настя до приезда с работы отца с Таней успела обработать мартышку, на этот раз на изменение всей мордочки. Этот вечер у них прошел очень весело, а когда закончили ужинать, Настя обняла деда и отвезла его в сфере домой.

— Когда захочешь нас навестить, позвони, — сказала она ему перед тем, как исчезнуть. — Незачем тратить время на поездки. И не обижайся на то, что не навещаю. Разделаюсь со школой, тогда будет больше времени.

— Разделаешься с одними делами, появятся другие, — вздохнул он. — Внуки досаждают старикам только тогда, когда им что-нибудь нужно. Это почти закон природы, и обижаться на ваше невнимание — все равно что обижаться на плохую погоду. Лети уж, ведьма.

— Ты воспользуешься его советами? — спросил Ращ, когда Настя вернулась в свою квартиру.

— Воспользуюсь, — ответила девочка, — но спешить не буду.

— ФСБ, министерства обороны и внутренних дел, — начал он перечислять. — Я бы еще обработал верхушку министерств иностранных дел и юстиции, Генеральную прокуратуру и Следственный комитет, Федеральную службу охраны и Службу внешней разведки. ГРУ нужно не забыть. Настя, слетай в Центральный банк и поговори по душам с его председателем. Под контролем она тебе врать не сможет и расскажет немало интересного. Можешь попробовать через нее снизить этот процент, который тебя так волнует. Только сначала узнай, кто еще, кроме нее, его устанавливал. Если она резко поменяет свою позицию и пошлет к черту договоренности с этими людьми, это может плохо для нее кончиться. Думу и Совет федерации нужно обрабатывать в самом конце. Еще есть телевидение и пресса. Там тоже нужно заводить друзей. А закончишь с нашими, нужно будет взяться за верхушку основных развитых государств. Всех чиновников делать друзьями развяжется пуп, но хотя бы ключевые фигуры. Глядишь, этому миру и Верона не понадобится. Одни США, если их усилия направить в мирное русло...

— Шутишь? — спросила Настя. — Мне и с нашими работы надолго, а лезть за границу я не буду. Я там никого не знаю, кроме президентов или премьеров, а они сами мало что решают. Если поплывут против течения, их просто убьют, как убили Кеннеди. И потом я не хочу этим заниматься. Я и нашим даю только установку на дружбу с собой и ничего больше.

А насчет Центрального банка — это неплохая мысль, надо будет попробовать. Не сейчас, позже.

— Кто-то однажды руками и ногами отпихивался от управления королевством, — ехидно сказал Раш. — Это была не ты? А потом были ностальгические заявления по поводу того, как здорово было решать судьбы миллионов людей. Здесь то же самое, только людей миллиарды.

— Я на эту тему разговаривать не хочу, — сказала она браслету. — Там я правила на законных основаниях и делала это открыто, а здесь придется исподтишка вертеть сотнями, если не тысячами, людей. На это нужно потратить всю жизнь, а в результате может получиться хуже, чем сейчас. Мало быть умной, нужно знать столько, сколько ни в одну голову не влезет. И не просто экономику, финансы или что-то еще, но и каждую страну, которой лезешь рулить. А таких стран будет как минимум десятков! И попробуй увязать интересы их населения, если они часто противоречат друг другу. Ну их всех к черту! Я, Раш, только обезопасю себя и свою семью и кое-что сделаю для своей страны, а остальные пусть идут лесом!

На следующий день она попробовала совмещать обработку браслетом со своим внушением. Офицеры сидели по двое за одним столом, поэтому она двоих и подчиняла. После этого ставила заклинание «полог тишины» и делала внушение. На обработку всех у нее ушло полтора часа, поэтому остаток времени был потрачен на чтение учебников за девятый класс. Закончив с офицерами, Настя вернулась домой, пообедала и стала собираться на экзамен.

— Самое красивое платье, да еще эти серьги, — с иронией сказал Раш. — Тебе не жалко Олега? Или ты из тех садисток, которым доставляют удовольствия мужские страдания? Только не надо мне врать, что ты это делаешь ради себя.

Не ответив, девочка вышла из квартиры и бегом спустилась по лестнице. Она дошла быстрым шагом до калитки, поздоровалась с охранниками и увидела на улице поджидавшего ее Олега. Юноша ограничился красивым серым костюмом и сейчас мерз на ветру.

— Сошел с ума? — спросила Настя и постучала себя по голове. — Давно здесь стоишь?

— Любовь требует жертв, — ответил он. — Не беспокойся, не простужусь. Пошли быстрее, а то осталось всего двадцать минут. Многие учителя не любят таких, как мы. Если на минуту опоздаем, уйдут, а потом придется за ними бегать и упрашивать.

Они за десять минут дошли до школы, а потом юноша подождал, пока она снимет плащ.

— Классно выглядишь, — сделал он ей комплимент. — Жаль, что такая молодая.

— Два года разницы — это нормально, — засмеялась Настя, — или ты уже раздумал брать меня в жены? Пойдем в учительскую, а то действительно опоздаем. Где она у них?

— Пойдем, я знаю! — сказал Олег и взял ее за руку.

Учительская была совсем рядом с кабинетом директора, и в ней не было никого, кроме пожилой женщины с уставшим лицом. Девочка применила магию и поняла, что учительница страдает от сильной головной боли. Одного из заклинаний исцеления оказалось достаточно, чтобы ей сразу стало легче. Заодно она сразу обработала и Олега. Он сильно замерз и не отличался особым здоровьем. Не хватало еще, чтобы из-за нее простыл.

— Вы пришли сдавать алгебру? — спросила немного удивленная исчезновением боли учительница. — Меня зовут Клавдия Ивановна.

— Клавдия Ивановна, а вам можно заодно сдать геометрию? — спросила Настя, подтолкнув ее магией. — Я могу решать задачи без подготовки и вас не задержу.

— Ну, если без подготовки, — с улыбкой сказала математичка, — тогда сдавай. А вы, молодой человек, сдаете за десятый? Вот ваше задание. Пока девочка ответит, у вас будет время на подготовку. Кстати, как тебя звать?

Девочка назвалась, взяла лист с заданием и быстро решила все примеры. Клавдия Ивановна задала ей несколько вопросов и получила быстрые и четкие ответы. Готового задания по геометрии у математички не было, но она его быстро составила за несколько минут. С геометрией Настя справилась так же быстро, как и с алгеброй.

— Замечательно! — сказала ей учительница. — Ставлю в твой табель две пятерки. Теперь ваш черед, юноша.

Перед тем как уйти, девочка создала второе исцеляющее заклинание. Урок закончился, и в коридоре было много учеников, которые с интересом смотрели на незнакомую, красивую девочку. Не обращая ни на кого внимания, она надела плащ и стала ждать Олега.

Пенсионеров, которых привезли автобусами и легковыми машинами, было всего около трехсот, поэтому Настя управилась с ними за полчаса, но потом пришлось еще ездить к тем, кого рискованно было перевозить даже на «скорой». Таких набралось пятнадцать человек, и ей пришлось уменьшать паузы между заклинаниями, чтобы успеть на экзамен.

— Я бы наплевала на экзамен и сдала его в другой день, если бы им от моей работы было много пользы, — сказала девочка возившему ее Зеленину, — но ваши лежачие пенсионеры в таком состоянии, что им уже не поможет никакая магия. Магические силы своих не заменят.

— Вам видней, — пожал плечами полковник. — Я не разбираюсь ни в обычной медицине, ни в магической. Хоть какое-то облегчение у них будет?

— Не знаю, — честно ответила она. — Магия должна бросить все их силы на исцеление, а моя сила поддерживает не столько больных, сколько заклинание.

Когда закончили с последним больным, было уже пятнадцать минут второго.

— Уходите, Дмитрий Павлович, — сказала Настя Зеленину. — Я им сейчас почищу память и улечу в сферу. Нет у меня времени разъезжать с вами в машине.

Полковник ушел, а она заперла за ним дверь и подошла к неподвижно лежавшему на навороченной медицинской кровати старику и его застывшей в кресле жене. Заставив их забыть ее появление, девочка вызвала сферу и через несколько минут была дома.

— Наконец-то! — недовольно сказала мать. — Иди на кухню обедать, пока все теплое.

— После экзамена, — ответила Настя, поцеловала ее в щеку и побежала переодеваться.

В последние дни похолодало, и она предпочитала платьям костюм. Не всем учителям нравилась такая вольность в одежде, но ей на это было плевать. Пусть следят за своими ученицами. Плащ заменила легкая куртка, а на голову она пока ничего не надевала. Олег, как обычно, ждал ее на улице напротив будки охраны. Он тоже был в куртке и простоволосый.

— Опаздываем, — недовольно сказал юноша. — Я немного поспрашивал об учителях и узнал, что историчка у них стерва. Ее и прозвали истеричкой за сволочной характер. Есть еще учитель истории, но он сейчас болеет. Она нас и так может не принять из-за того, что приходится пахать за двоих, а если еще опоздаем...

Они очень быстро пошли, а перед школой еще и пробежались, поэтому были у учительской с запасом в пять минут.

— Задерживаетесь и задерживаете меня, — неприязненно сказала им худая, высокая женщина в очках с большим минусом. — Берите вопросы. Я надеюсь, вам хватит на подготовку десяти минут?

Представляться она не сочла нужным, а своего отношения к ним не скрывала. На пятерки по истории можно было не рассчитывать. Олег это тоже понял и приуныл.

— Я могу ответить без подготовки, — предложила Настя. — Можно?

— Отвечай, я слушаю, — разрешила историчка.

Настя почти по учебнику ответила на все три вопроса и замолчала, ожидая, что скажет эта мымра.

— Ну что же, неплохо, — нехотя сказала учительница. — Ставлю четыре. Где твой табель?

— Ставьте пятерку, — приказала девочка, передавая ей табель. — Ему тоже. Олег,

отдай ей свой табель.

— Не скажешь, что я сейчас наблюдал? — спросил он, когда они вышли из учительской.

— Гипноз, — ответила она. — Я им стараюсь не пользоваться, тем более в школе, но она нам специально занижала оценки. Мне по большому счету не очень важно, четыре поставят или пять, просто не люблю таких, как она, и не собираюсь под них прогибаться.

— А что еще я о тебе не знаю? — спросил юноша, помогая ей надеть куртку.

— Ты обо мне ничего не знаешь, — ответила Настя, — и чем меньше будешь знать, тем будет лучше.

— С последним утверждением категорически не согласен, — заявил он и взял ее за руку. — Настя, ты слишком быстро сдаешь экзамены. У тебя их и так меньше, а ты еще часто умудряешься сдавать за один день сразу два.

— Бедный, — пожалела его девочка. — Придется ходить в школу одному.

— Это я переживу, — сказал Олег, — но мы с тобой должны хоть ненадолго встречаться.

— Могу дать тебе свой скайп, — предложила Настя, — только с условием, что ты не станешь часто названивать.

— Давай, — согласился он, — только мне этого мало. Чем ты сейчас думаешь заняться?

— После восьмого класса нужно будет сдавать девятый, — ответила она, — а потом еще два. Я намерена в этом году разделаться со школой.

— Четыре класса за год? — недоверчиво спросил он. — Я тоже собираюсь сдать одиннадцатый, но четыре — это слишком много, и тебе будет очень трудно самой учиться в старших классах. Хочешь, я помогу?

— Там будет видно, — ушла от ответа Настя. — Сначала нужно разделаться с девятым.

— Давай зайдем ко мне, — предложил Олег. — Посмотришь на мое житье-бытье, поговорим, а то все общаемся на бегу. Отца дома нет, но я ничего...

— Это понятно, — насмешливо сказала девочка. — С оторванными руками ты мне ничего не сможешь сделать. Ты сказал об отце, а мать?

— Умерла, — ответил он. — Сестра тоже умерла, когда ей был всего год, так что у меня только отец. Есть еще семья тети и дед.

— А деда зовут не Алексей Иванович?

— Откуда ты его знаешь? — удивился Олег.

— Познакомились на одной вечеринке, — рассмеялась Настя. — Он мне понравился.

— Лучше бы тебе понравился я, — сказал он. — Так что, зайдешь навестить почти сироту?

— Ладно, сирота, — согласилась она. — Но учти, что зайду ненадолго.

Они прошли калитку и свернули к дому, в котором жили Брагинские. К квартире пришлось подниматься на лифте, потому что она была на восьмом этаже.

— У нас только двухкомнатная, — сказал Олег, помогая девочке снять куртку. — Здесь сумасшедшие цены, поэтому и ее потянули только с помощью деда.

— А кто твой отец? — спросила она.

— Главный инженер. Дед хотел, чтобы отец занимался наукой, а он занялся производством.

— Тоже нужное дело, — сказала Настя. — Твоего деда я знаю, об отце ты рассказал, а чего хочешь ты? О любви можешь не говорить, я имею в виду дело.

— Проходи в комнату, — пригласил он, — а то застряли в прихожей. Садись где

удобно. Хорошо, что я тебя заинтересовал, только мне на твой вопрос трудно ответить. Я слишком талантлив во всем, и у меня много интересов. Настя, не хочешь чай или кофе? Вино не предлагаю, а то сразу уйдешь.

— Меня дома ждет обед, — ответила девочка, — поэтому обойдусь без чая. Жаль, что ты не хочешь о себе говорить. Я для того и зашла, чтобы лучше тебя узнать. Но если...

— Расскажу, что хочешь, только не уходи, — попросил он. — Мы сюда приехали полгода назад, а все друзья остались в Новосибирске. Сижу один в этой квартире и грызу учебники... Общаемся, конечно, в интернете, но уже редко. У них своя жизнь, от которой я откололся. Знаешь, как плохо одному?

— Излишней скромностью ты не страдаешь, — сказала Настя, — язык тоже хорошо подвешен. Непонятно, почему до сих пор ни с кем не познакомился.

— А с кем? — спросил Олег. — Соседи здесь живут сами по себе и ни с кем не общаются. Ты во дворе часто кого-нибудь видела? Если и появятся, то бегут к своим машинам или к калитке. Идти знакомиться в школу? Из-за моего возраста и экстерната возможностей почти никаких. И потом я хочу общаться не с кем-нибудь, а с теми, кто мне нравится.

— С такими, как я.

— С такой, как ты, — поправил он. — Я ведь дружил с девчонками, но все это было так...

— А со мной не так, — засмеялась она. — Конечно, я моложе их...

— Ты другая! — перебил Олег. — Знаешь, может, мне просто не повезло, но все красивые девчонки, с которыми я знакомился, оказывались либо дурами, либо расчетливыми и эгоистическими особами.

— А запать на некрасивую не получилось, — сочувственно сказала Настя. — Нам подавай лучшее!

— Все тянутся к красоте, — возразил он, — я в этом не исключение. Наверное, мог бы увлечься и некрасивой, но она для этого должна быть замечательным человеком. Мне такие пока не встречались. Ты все-таки уходишь?

— Подойди ко мне, — встав с дивана, сказала девочка. — Обниматься я с тобой не буду, просто дай руки.

Она взяла его ладони в свои и вызвала сферу. Миг — и они очутились над небольшим островом, своей формой напоминаям запятую. В его середине зеленели какие-то кусты, над которыми возвышались пальмы. Сфера опустилась в десяти шагах от воды и исчезла.

— Я уже раз двадцать здесь отдыхала, и все время было солнечно, — опустившись на теплый песок, сказала Настя, — а такие облака вижу в первый раз. Наверное, будет шторм. Ладно, ветер теплый и нам не помешает. Садись рядом, я расскажу тебе сказку.

— Что это? — спросил ошеломленный юноша. — Как такое может быть? Кто ты?

— Мой дед называет ведьмой, — засмеялась девочка. — А ответы на свои вопросы ты получишь, когда меня выслушаешь. Можешь слушать стоя, но учти, что рассказ будет долгим. Я могла бы рассказать все в твоей квартире, но тогда пришлось бы показывать груду барахла, здесь моим словам будет больше веры.

Он тоже сел на песок, все еще не веря в то, что случилось.

— Жила-была девочка, — начала рассказ Настя. — Ей еще не было четырнадцати, когда...

За все время, пока она уже, наверное, в десятый раз рассказывала о своих

приключениях, Олег не сказал ни слова. Закончила она рассказом о вечеринке, на которой познакомилась с его дедом.

— Может, это тоже твой гипноз? — спросил он, когда девочка замолчала.

— Бросить тебя в воду, чтобы поверил? — задумчиво спросила Настя. — Так и сделаю!

Она вскочила с песка, схватила юношу за ногу и с неожиданной для него силой потащила к воде.

— Отстань, сумасшедшая! — закричал Олег, не имея возможности встать или за что-нибудь ухватиться.

Бить ее второй ногой по руке он не стал.

— Вот она мужская любовь! — сказала Настя, отпустив его ногу. — Все ваши слова...

— Как поверить в сказку? — спросил вставший с песка юноша. — Ладно, я верю, что все это не сон и не глюки. Ты меня сюда перенесла с помощью какой-то инопланетной штуковины. Но боги, другие миры и эти орки... Девчонка просто не могла бы сделать все то, о чем ты рассказала!

— Да, не получилось, — с сожалением сказала она, подходя к Олегу. — Жаль! Ладно, будешь и дальше в гордом одиночестве грызть свой гранит науки, а обо всем этом забудешь. Дай мне руки.

— Я не собираюсь ничего забывать, — возразил он. — Расскажи правду...

Остров исчез, а под сферой где-то далеко внизу виднелся двор. У юноши закружилась голова, и он поспешил сесть. Через минуту, когда он открыл глаза, они уже находились в той комнате, откуда ушли на остров. Оставив в ней Олега, Настя оделась в прихожей и опять вызвала сферу.

— Почему не довела дело до конца? — спросил Раш. — И память ему не стерла, а только заблокировала. Трудно было показать магию и достать что-нибудь с хранения?

— Отстань, Раш! — сказала девочка. — Нет у меня настроения с тобой разговаривать. Жила я без такой дружбы, проживу и дальше. Мне вместе с ним сдавать только три экзамена. Эфэсбэшники, для которых я была только объектом работы, поверили, а этот... Пошел он к черту!

Дома ее ждал выговор.

— Можешь мне не показывать свою пятерку! — сердито заявила мать. — Ушла в половине второго, а уже четыре! Я дважды все грела, теперь иди греть сама! У тебя нет телефона позвонить, чтобы я не переживала?

Когда Настя разогрела и поела обед, к ней на кухню пришла Джуна. Возбужденная мартышка хлопала себя ладошками по мордочке и явно пыталась что-то сказать. Всмотревшись, девочка увидела, что ее глаза стали заметно больше, и начали разглаживаться идущие от носа складки.

— Скоро будешь красавицей, — пообещала она обезьянке, взяла ее на руки и понесла в свою комнату.

Там за столом, обложившись учебниками, сидела Оля, а на ее кровати с «Природоведением» в руках лежал домовый.

— Тоже готовишься к экзаменам, Марк? — пошутила Настя. — Как у вас идут дела?

— О твоей пятерке я отсюда слышала, когда тебя ругала мама, — ответила Оля, — а мои пятерки впереди! Через три дня должна все закончить и пойдем с мамой сдавать. А Марка не трогай, пусть читает.

Девочка отпустила Джуну и легла на кровать.

— Со стариками ты закончила, — тут же взялся за нее Раш, — а еще раньше закончила с оптимизацией. Остались всего три экзамена, к которым не нужно готовиться, а лечения раньше чем через месяц не будет. Чем думаешь заняться? У тебя были наполеоновские планы, а вместо их выполнения я вижу попытки охмурения парней и хандру.

— Я тебя просила отстать? — сказала Настя. — Завтра с утра займусь Министерством обороны. Доволен?

С утра заняться своими делами не получилось. Сразу после завтрака позвонил Зеленин и попросил ее, как он выразился, подскочить.

— У руководства к вам просьба заняться тем, что вы делали до лечения, — сказал он, — так что рассчитывайте на то, что вы у нас задержитесь на полдня. Можете взять учебники.

Когда девочка влетела к нему в кабинет, в нем, кроме самого полковника, находился Блинов. Она убрала сферу, поздоровалась с обоими и села на свободный стул.

— Эффект от оптимизации превзошел все ожидания, — сказал Насте Зеленин. — Мы сформировали вторую группу, в которой полторы сотни офицеров. Они ждут вас в том же классе. Директор просил передать, что любые ваши просьбы...

— Мне нужны автоматы, — перебила она полковника. — И добавьте к ним побольше патронов. Не помешают хорошие пистолеты. Всего сделайте по десять стволов.

— Зачем вам оружие, да еще столько? — поразился он.

— Я же вас не спрашиваю, зачем вам столько суперменов, — ответила она. — Как там говорил директор? Любые просьбы? Пока все оружие отправится на хранение, вам только нужно будет научить меня с ним обращаться. У меня, Дмитрий Павлович, впереди может быть все, и я хочу к этому «всему» подготовиться. Магия — это хорошо, но у нее есть один серьезный недостаток: она не отличается дальностью. Если у директора будут сомнения, скажите ему, что я могу обойтись и без вашей помощи. Смотаюсь в Донбасс и разоружу там какую-нибудь батарею, а все оружие отправлю на хранение, даже не выходя из сферы.

— Я передам, — согласился Зеленин. — А как наша группа?

— Сейчас я ею займусь, — пообещала Настя. — Валентин Сергеевич, вы вроде хотели поделиться со мной какой-то методикой увеличения силы?

— Держите, — отдал ей тетрадь Блинов. — Здесь описана методика медитации, которая нам в разы увеличила силу. До медитаций я мог взглядом только шевелить спичку, а после них гонял ее по столу. Я считаю, что эта медитация очищает каналы, по которым в нас поступает сила. Только заниматься нужно долго. У меня пошло увеличение после двух месяцев занятий, а у самых слабых в группе — через полгода. Я переписал методику из первоисточника и добавил свои комментарии.

— Спасибо, — поблагодарила девочка. — Полетела заниматься вашей группой.

— Не скажешь, зачем тебе столько оружия? — спросил Раш.

— Пригодится, — ответила Настя. — Часть оставлю в убежище, а остальное пусть лежит на хранении под рукой. Моя просьба очень не понравится директору, посмотрю, пойдут мне навстречу или начнут убеждать, что оружие мне ни к чему, потому что я за ними как за каменной стеной.

Три следующие дня она до обеда занималась офицерами, а к двум вместе с Брагинским шла сдавать экзамены. Олег вел себя дружелюбно, но никаких ухаживаний больше не было. Сдав последний экзамен, Настя отнесла табель директору и тут же написала заявление об экстернате на девятый класс. После выходных она опять занялась оптимизацией, совмещая

ее с учебой. Когда группа была обработана, девочка спросила Зеленина, как обстоят дела с ее просьбой.

— Все готово, — ответил полковник, — но ничего не получите, пока не пройдете подготовку. Еще не хватало, чтобы вы случайно застрелились. Завтра пятница, так что можете появиться сразу с утра.

Когда она на следующий день прибыла в кабинет Дмитрия Павловича, он вызвал одного из своих подчиненных и приказал ему отвести девочку в тир. В тире ее встретил инструктор, который, не выказывая удивления возрастом своей ученицы, выложил перед ней на стойку автомат и пистолет.

— Это автомат СРЗМ в максимальной комплектации. Как видите, у него установлены глушитель и оптический прицел. С ним можно прицельно стрелять на дальность до четырехсот метров. Патроны дозвуковые, поэтому стрельбы почти не слышно. Передняя рукоятка и приклад могут складываться. Вес с магазином в тридцать патронов чуть больше трех килограммов. Разборку будете изучать?

— Обойдусь, — ответила Настя. — Покажете только, как снять оптику. Главное — это стрельба.

— Хозяин — барин, — пожал он плечами. — Теперь пистолет. Это модель ПСМ, которую отличают малый вес и размеры. В магазине восемь патронов пять и сорок пять на восемнадцать. Несмотря на несерьезный вид, это очень хорошее оружие. Разборка тоже не нужна? Ну тогда начнем с правил безопасности при стрельбе.

В тире девочка задержалась почти на два часа. После того как она обработала инструктора, он все-таки настоял на изучении разборки и сборки оружия, после чего она расстреляла по десять магазинов, собственноручно набивая их патронами. Результаты стрельбы инструктора удивили.

— Не снайпер, но очень неплохо, — одобрительно сказал он. — Немного потренироваться, и дотянете до уровня наших оперативников. Я сообщу, что вы все сдали. В отличие от других, вам ничего подписывать не нужно.

Ничего она не подписывала и тогда, когда получила свои стволы и сумки, набитые магазинами.

— Учитывая условия хранения, вам дали не цинки, а снаряженные магазины, — сказал ей Зеленин, — и оружие не в консервации, а готовое к бою. Руководство надеется, что вы очень хорошо подумаете, прежде чем все это использовать.

— Не беспокойтесь, Дмитрий Павлович, — ответила девочка, отправив все храниться. — Я плохо думать не умею. Не скажете, когда у нас начнется лечение, ну и все остальное?

— Лечение — примерно через месяц, — ответил он. — Обучать языкам на постоянной основе начнете в ноябре или декабре, пока точно не скажу. Но до этого вас еще попросят обучить языкам наших сотрудников. Возможно, обратятся и насчет лечения.

— Все сделаю, — пообещала Настя. — Только будет просьба дать мне неделю отдохнуть и не дергать без необходимости. Я никуда из Москвы не улечу, просто хочу от всего отдохнуть, ну и заодно опробую медитацию Блинова.

— Я передам руководству, — сказал полковник. — Думаю, что никто вас не побеспокоит. Отдыхайте, только постарайтесь действительно никуда не улетать. На вас возлагают очень большие надежды, и будет плохо, если вы их разрушите каким-нибудь необдуманным поступком.

Всю следующую неделю, с десяти утра до пяти вечера, она облетала намеченные

министерства и службы, делая себе небольшой перерыв на обед. Из-за того, что приходилось постоянно использовать «Полог тишины», сил к концу дня оставалось на доньшке, а за ночь Настя не успевала восстановиться. Приходилось восполнять потери у Раша, но для него такие траты были мелочью. Девочка летала по коридорам и читала таблички на дверях. В двери, на которых таких табличек не было, приходилось заглядывать. Воздействию подвергались только начальники. Как правило, они имели отдельные кабинеты, а не сидели по несколько человек в одной комнате. В тех случаях, когда она не могла определиться, чиновника приходилось допрашивать. Всего у нее «в друзьях» оказалось около трех тысяч начальников из четырех министерств и шести служб и комитетов.

— Теперь осталось обработать редакторов газет и основных телевизионных каналов, — сказал ей Раш. — На закуску оставь парламентариев. Там тоже ни к чему заниматься массовой, работать нужно только с теми, кто что-то решает. Будешь заниматься администрацией президента?

— Не буду я ими заниматься, Раш, — ответила Настя, — и парламентариями не буду. Обработаю твоих редакторов, и на этом все. Я сказала, что буду отдыхать, а сама устала как собака. Мне уже это внушение противно произносить. Президент ко мне, между прочим, так и не обратился.

— Он получил от тебя все, что ты могла дать, кроме языков, — сказал Раш, — а их он всегда может выучить, когда заработает центр. Наверное, решил, что разбираться с противниками с твоей помощью слишком рискованно. Да и ты начала ставить условия. Мне бы такое на его месте не понравилось. Ладно, закончим с политикой. Не скажешь, чью фотографию ты сегодня смотрела на дисплее телефона? Это, случайно, был не Олег?

— Запретить тебе, что ли, смотреть моими глазами? — задумалась девочка.

— Обижусь и перестану с тобой общаться, — предупредил браслет. — Если тебе плохо без Олега, зачем было накладывать на него эти запреты? И память ты не стерла, а заблокировала. Тебе сказать, к чему это приведет? Со временем он начнет кое-что вспоминать, мучаясь из-за того, что не может вспомнить все. И сейчас он будет мучиться, потому что его тянет к тебе, а непонятно что запрещает проявлять хоть какую-то инициативу. Если хочешь с ним порвать, сделай все так, как надо!

Олег в это время сидел в своей комнате и смотрел на фотографию Насти. Он ее несколько раз тайком сфотографировал телефоном, а потом выбрал лучший снимок и отнес его в ателье. Недавно позвонил дед и сказал, что скоро приедет. Два дня назад юноша сдал последний экзамен и, можно сказать, перешел в одиннадцатый класс. Все было сдано на отлично, и такой подвиг, по мнению деда, нуждался в поощрении. Когда прозвенел дверной звонок, Олег положил на столик фотографию и пошел открывать.

— Здравствуй, — поздоровался зашедший в прихожую Алексей Иванович. — Отец еще не приехал?

— Если не задержится, приедет через полчаса, — посмотрев на часы, ответил юноша. — Пойдем в мою комнату.

— Что тебе подарить за сданную на отлично сессию?

— Можешь ничего не дарить, — ответил он. — Я ее сдавал для себя, а не для вас с отцом.

— А все-таки?

— Садись в кресло, — пригласил он деда. — Если хочешь сделать мне приятно, подари деньги. Я найду, куда их пристроить.

— Откуда у тебя эта фотография? — спросил старик, пододвинув к себе оставленную на столе фотографию Насти. — Это ведь Настя Никитина?

— А ты ее откуда знаешь? — удивился Олег, который не помнил разговора о вечеринке.

— Я, кажется, первый задал вопрос! — рассердился дед.

— Да пожалуйста, — ответил юноша. — Мы с ней на пару сдавали экстернат, только у нее он был за восьмой класс. Сдала, как и я, на одни пятерки и сейчас готовится сдать экзамены за девятый класс. Говорила, что хочет в этом году разделаться со школой.

— Нам она говорила то же самое, — сказал старик. — Умная и очаровательная девочка, но я бы тебе посоветовал найти другую!

— Но почему? — не понял внук. — Что в ней такого, чтобы я ее сторонился?

— Настя — внучка моего старого друга. Он привез ее на одну из наших вечеринок. Объяснил этот не совсем обычный поступок желанием познакомиться ее с ректором МГТУ. Обычно мы собираемся у Снеговых. С нами она не сидела, ушла болтать к племяннику Николая. Потом вернулась оттуда верхом на собаке, к которой боится подойти Александра.

— Я к ней сам побоялся подойти, когда мы с тобой там были, — сказал Олег. — А как на Настю отреагировал Андрей?

— Не знаю, — ответил дед. — Меня это не интересовало ни тогда, ни потом. Главное было в другом. После этого вечера мы все дружно избавились от своих болезней и сильно помолодели. Ты ведь помнишь, каким я был?

— Конечно, помню. Мы с отцом тогда сильно удивились.

— Мы все помалкивали, не стал молчать Олег, который за несколько дней излечился от убивавшей его саркомы. Как я позже узнал у Николая, он пригласил сына по настоятельной просьбе Никитина, причем пригласивший его Сергей за весь вечер с молодым Снеговым не разговаривал, так, перебросился парой фраз.

— Он хотел, чтобы Настя вылечила сына его друга, а вам просто повезло оказаться рядом! — догадался Олег. — Кто же она такая?

— Не знаю, — сказал старик. — Через некоторое время нашей вечеринкой заинтересовались в ФСБ и стали задавать много вопросов. Догадываешься, о ком спрашивали больше всего? Я говорил с Сергеем, но он не захотел рассказывать о внучке. Когда что-то скрывают от старых друзей, это «что-то» должно быть не просто очень важным, но и опасным. Кстати, на той вечеринке она в шутку называла себя ведьмой.

— Не верю я ни в какую чертовщину! — с возмущением сказал юноша. — И ты в нее никогда не верил! Она с вами просто пошутила!

— Я и сейчас не верю, — успокоил его дед. — Но что-то с ней не так. Какие у вас отношения?

— Никаких! — мрачно ответил Олег. — Пока сдавали экзамены, виделись каждый день. Я даже начал за ней ухаживать. Сначала она меня послала, а потом уже принимала нормально. А в последние дни словно что-то случилось. Она от меня воротила нос, а я не мог набраться смелости и спросить, в чем причина! Только соберусь, и сразу накатываются страх и нерешительность. Не помню, чтобы со мной такое когда-нибудь было. А теперь вообще не видимся. Сижусь и вместо занятий смотрю на ее фото! Я понимаю, что она еще девчонка, что это глупо, но ничего не могу с собой поделать!

— Не так уж это и глупо, — сказал дед. — Через три года вы уже будете взрослыми. Конечно, вовсе необязательно жениться только потому, что это уже можно сделать, но если будет любовь, то почему бы и нет? Умным людям брак не помеха, а материально я бы вам

помог, так что могли бы дальше учиться. Только я все-таки хотел бы видеть твоей избранницей другую. Надеюсь, что так и будет.

— Вряд ли ей нужна твоя помощь, — сказал Олег, пропустивший мимо ушей последние фразы. — Их семья живет в доме напротив в четырехкомнатной квартире. Знаешь, сколько они стоят?

— Странно, — задумался Алексей Иванович. — У нее отец полковник полиции, а мать вообще не работает. У Сергея, конечно, есть сбережения, но не такие. Эта семья переехала сюда из Ростова через пару месяцев после разборок с нашей вечеринкой. Может, это не их квартира?

— Хочешь сказать, что им ее купили из-за Насти? Кто же она такая?

— Вот это ваше рабочее место, — сказал Зеленин, открыв дверь в длинный и узкий коридор с высоким потолком. — Освещение в нем естественное через окна, но есть и светильники.

— Надеюсь, что я не буду ими пользоваться, — отозвалась Настя. — Сколько палат?

— Пять палат и по сто двухъярусных кроватей в каждой, — ответил полковник. — Мы рассчитывали на тяжелых больных, поэтому стоячий вариант исключили. Уплотняли по максимуму, оставляли только узкие проходы. Размеры палат такие, что вас хватит только на одну.

— Обработала палату и перехожу к следующей, — сказала девочка. — За пятнадцать минут успею пройти все пять и вернуться к первой. Получается, что на тысячу больных у меня уйдут сорок пять минут. Долго их будут менять?

— Менять начнем сразу после окончания третьей обработки, — ответил Зеленин. — Вы перешли ко второй палате, а в первой уже пойдет замена. Санитаров много, поэтому за нами задержки не будет. Конечно, в первые дни много не пропустим.

— А найдут вам столько тяжелых больных? — спросила она. — Пять тысяч в день — это сто пятьдесят в месяц. Если брать только из Москвы...

— С лечебными учреждениями уже работают, — пожал он плечами. — Не хватит тяжелых, дадут обычных. Все равно нужно ждать, пока сдадут первый больничный корпус. Потом мы с вашей помощью очистим московские больницы, и пациентов из других городов можно будет завозить в них. Все равно изучать будут не всех, а отдельных выздоравливающих.

— Значит, рабочий день будет немного больше четырех часов. Выходной дадите? Ходить взад-вперед четыре часа каждый день и выполнять одно и то же... Я, конечно, рада дарить людям жизнь и здоровье, но если такая работа будет долго продолжаться без отдыха, могу рехнуться.

— Вы будете отдыхать по воскресеньям, — сказал Зеленин, — да и в обычные дни никто не помешает слетать в те места, где у нас есть что-то вроде баз. Там вам обеспечат такие условия, которые полностью исключают какую-либо опасность. Контакттировать будете с небольшим числом проверенных людей. Конечно, их тоже нужно будет обработать.

— Это хорошо, — довольно сказала Настя. — Вы уже продумали, как объяснить то, что ваши исцеления проводятся не круглосуточно, а только четыре часа? Да и из-за воскресенья поднимется вой.

— Наверное, что-то придумали, — ответил полковник, — я не в курсе. Вряд ли наша затея с лечащим оборудованием продержится долго, так что готовьтесь к славе. Неудобств лично вам она не принесет, а вот вашей семье... Как только поймут, что вы дарите жизнь, начнут осаждать наши отборочные комиссии и пытаться выйти на вас хотя бы через родственников. Хорошо, что у вас охраняемый двор, но придется усилить охрану. К тому же и в вашем дворе есть больные. Посмотрим, может, вам на время придется сменить место жительства. Хорошо, что ваша младшая сестра не ходит в школу.

— Ольга уже отчиталась экстерном за первый класс и сейчас засела за учебники второго, — вздохнула девочка. — С одной стороны это хорошо, а с другой... Она ведь совсем не общается со сверстниками и жизнь знает только по книгам и фильмам. Ладно, рабочее

место я посмотрела. Вы для меня что-нибудь приготовили на оставшееся время?

— Завтра будет группа наших офицеров и чиновников Министерства промышленности и торговли. Всех нужно обучить китайскому. Будут несколько больных, но на следующей неделе. Это пока все. Обучение проведем в нашем классе, а о времени я вам позвоню.

Простившись с Зелениным, Настя через несколько минут была дома. Она хотела успеть, подготовиться к экзаменам, пока не заработала клиника, но не успевала.

— Может, уже займешься моей красотой? — пристала Оля. — У Джуны все получается, значит, должно получиться и у меня!

Мордочка мартышки действительно с каждым днем становилась все симпатичней. Глаза увеличились раза в два, а ресницам могла позавидовать кукла, образ которой Настя взяла для заклинания. Щечные мешки ушли, окончательно сформировался очаровательный носик, складки разгладились, а шерсть на лице стремительно исчезала. Изменились даже челюсти, хоть пока и не очень сильно.

— Куда ты торопишься? — сказала Настя. — Ты подумала, что будем делать, если у меня получится какая-нибудь ерунда? Подожди хотя бы месяц. А сейчас не мешай, мне нужно заниматься.

Отделавшись от сестры, она взяла из стопки учебников «Естествознание» и легла с ним на кровать. Долго учиться не получилось. Сначала опять помешала Оля, которой надоело заниматься математикой. Она вспомнила, что еще не показывала Насте купленную вчера кофту и пришла хвастаться. Вторым помешавшим был Раш.

— Отвлекись от учебника, — сказал он девочке. — Все равно от такого изучения не будет толку. Нужно сосредоточиться на том, что читаешь, а чем занимаешься ты?

— Ты уже научился заглядывать в мои мысли? — с подозрением спросила она.

— Мне и заглядывать не нужно, — ответил Раш. — Мыслей я твоих не читаю, а состояние чувствую. Опять эта вселенская печаль! Когда зомбировали редакторов, ты от нее отошла, а теперь опять грустишь. Слетала бы к нему и сняла свои запреты. Люди бывают разные, а тебе попался рационально мыслящий кадр. Ну не хватило у него фантазии, чтобы сходу поверить в твою сказку! Так что, из-за этого его мучить и мучиться самой? Ты в таком состоянии ни учиться, ни даже медитировать нормально не сможешь.

— Отстань, Раш, — рассердилась Настя. — С этим я разберусь сама!

— Как же, разберешься! — ехидно сказал браслет. — Это у тебя точно первая любовь, из-за которой перестают нормально соображать. А ведь есть хорошее средство, и ты его знаешь.

— Это какое же? — с подозрением спросила девочка. — Ты мне не «убийцу эмоций» предлагаешь? Так я тебя за такое предложение сейчас засуну куда-нибудь в шкаф и не выну, пока не понадобится сила!

— Он не все эмоции убивает, — ответил Раш, — а только связанные с тем объектом, который на него наложишь. наложи образ своего красавчика, и будешь опять радоваться жизни. Все равно тебе рано любить. И его можешь точно так же обработать, чтобы не мучился.

— Точно, в шкаф! — решила она.

— Как хочешь, — не стал спорить Раш, — я могу полежать в шкафу, мне там будет спокойно, в отличие от тебя. А лучше подумай своей красивой головкой, может, поймешь, что я прав. Кто сказал эфэсбэшникам, что я умнее тебя? По-моему, это была ты. И учти, что у меня перед тобой есть огромное преимущество: нет мозгов и гормонов, которые

отключают в них соображение. Ты же умница! Не хочешь убивать те ростки любви или дружбы, которые у вас зародились? Тогда дай им расти! Чувство, как и жизнь, не может застыть в одном состоянии. Оно или развивается и крепнет, или чахнет и погибает. Тебе ничего не стоит слетать к нему и взглянуть в глаза. В конце концов, примени магию и узнай, как он к тебе относится.

— Слетаю! — решила Настя. — Сейчас переоденусь...

Она сняла помявшийся костюм и надела платье, в котором ходила сдавать экзамены. Когда одевалась, подумала, что нужно заняться своей одеждой. Мысль появилась и исчезла, смытая страхом и волнением.

«Раш прав, в том, что мне это ненужно, — подумала она, с трудом застегнув молнию. — Черт бы побрал этот экстернат и эту школу, и ее директора, которые свели нас вместе! Пусть это случается со всеми, но не в четырнадцать с половиной лет!»

Сфера послушно пролетела сквозь стену и устремилась к соседнему дому. Отсчитав восьмой этаж, Настя полетела вдоль окон, заглядывая в каждое. Комнату Олега узнала сразу и тут же увидела его самого. Юноша сидел за столом и что-то рассматривал. Когда она оказалась в комнате, увидела, что он уставился в ее фотографию. Настя убрала сферу, но, для того чтобы обратить на себя внимание, пришлось заговорить.

— Давно так сидишь? — спросила девочка.

— Ты? — оторопел он. — Точно, пошли глюки! Ну и ладно, пусть ты глюк, только не исчезай!

— Стукнуть тебя, что ли? — задумчиво сказала она. — Во всех книгах читала, что галлюцинации проверяют болью. Ты хорошо терпишь боль?

— Точно Настя! — воскликнул Олег и вскочил, опрокинув стул. — Как ты здесь очутилась?

— Сейчас вспомнишь, — сказала девочка и сняла блокировку памяти.

— Ты заставила меня забыть! — возмущенно крикнул он. — Кто дал тебе право копаться в моей голове! Почему ты меня оттолкнула? Ведь я тебе нравился, иначе ты бы меня и на остров не взяла! Я тебя интересовал, а потом вдруг стал безразличен. Почему?

— Нравился, — согласилась Настя, — но ты неправ: безразличия у меня к тебе не было, просто ты меня обидел. Я открыла тебе свой секрет, хотя для меня это смертельно опасно. Если о моих возможностях узнают, я долго не проживу. Не ты первый, кому я доверяла, но все или забыли мои откровения, или получили магическое внушение. Ты говорил о правах. Любой человек вправе защищать свою жизнь, я это тоже делаю как умею.

— И чем же я тебя обидел? — спросил Олег. — Тем, что не поверил в твою сказку?

— Ты не поверил мне! — крикнула она, и лежавшая на столе фотография вспыхнула и мгновенно сгорела. — Я не сказала тебе ни слова неправды, наоборот, рассказала больше, чем говорила другим! Но они мне поверили, даже такой скептик, как мой дед, даже руководство государства! Сказка! Тебя бы засунуть в эту сказку, ты бы в ней долго не прожил! Слабак, который прячется за свой рационализм! Зря я сюда пришла. Не бойся, я больше не полезу в твою память, но внушение ты получишь. Оно никак на тебя не повлияет, просто не сможешь никому рассказать то, что обо мне узнал. А чтобы ты поверил, что это магия, а не гипноз...

В руке Насти появился меч, которым она изо всех сил рубанула журнальный столик. Девочка перестаралась, и заточенное до бритвенной остроты лезвие разрубило тонкую столешницу пополам. Вызвав сферу, она не стала возвращаться в квартиру, а перенеслась на

остров. Сфера исчезла, а она упала на песок и заплакала так, как плакала в далеком детстве от боли или обиды.

— Наревелась? — спросил Ращ, когда она выплакалась. — Иди умойся и будем возвращаться. И выбей платье и шлепанцы, а то натащишь домой песка, и Марк будет ругаться. Легче стало?

— Я очень глупо себя вела? — спросила Настя.

— Ужасно глупо, — ответил он. — Все влюбленные женщины глупеют на глазах, а если у них это первая любовь, то вообще тушите свет!

— Ты у нас большой знаток женской натуры, — выбивая из платья песок, съязвила девочка.

— О земной жизни я знаю все, что знаешь ты, — возразил Ращ, — а ты прочитала уйму книг. А в империи я слушал не только лекции по магии. За двести лет чего только не услышишь, так что опыта у меня навалом, пусть даже чужого. Ты обиделась на недоверие и все решила за обоих, хотя для недоверия были все основания. Родные тебе поверили, потому что они тебя знали, а в ФСБ сразу не поверил никто. Но они там все прагматики, поэтому во главу угла поставили возможную пользу, да и приказ от зомбированного руководства сыграл свою роль. Поверили уже позже под давлением фактов, когда прослушали твой рассказ по десять раз. А ты показала Олегу только шар, а потом рассказала о богах и магии. Парень посмотрелся фильмов и начитался книг о пришельцах, поэтому и решил, что шар — это их аппарат, а рассказ... Не было у него ни времени для анализа, ни доказательств. Вот разрубленный стол это уже не гипноз. Интересно, как на порчу мебели отреагирует его отец.

— Я заплачу, — сказала она. — Ращ, ты не видел, куда делся один тапок?

— Зарылся в песок, — ответил браслет. — Наплюй, дома есть другие. Мойся и уходим, а то сюда кто-то плывет.

— Действительно парус, — всмотрелась Настя. — Первый раз вижу на этих островах людей.

— Смотри, чтобы они тебя не увидели, — предупредил он. — Зарывай второй тапок и уходим. Умыться можно и дома.

Настя вызвала сферу и после финиша во дворе полетела не в свою комнату, а в подъезд, а потом через входную дверь в прихожую. Из нее она вошла в ванную комнату, где умылась и помыла ноги.

— Ты вовремя, — сказала встретившая ее в гостиной мать. — Оля с Марком обедают, так что присоединяйся к ним. И не ходи без тапок по полу.

— Куда это ты сорвалась? — спросила Оля, когда Настя зашла на кухню. — Сказала, что мешаю заниматься, а сама одела лучшее платье и улетела! И звонка тебе с работы не было!

— В самом деле, куда ты исчезла? — спросила из гостиной мать. — Обычно говоришь, куда уходишь, а сейчас улетела молчком. Неужели появился мальчик?

— Мне мальчики не нужны, мне нужен мужчина, — прикрылась шуткой Настя. — И вообще за столом нужно есть, а не болтать.

— Почему так мало ешь? — спросила вошедшая на кухню мать. — Марк положил в тарелки больше тебя!

— Не хочу есть, — ответила Настя, — и потом у меня скоро медитация, а ее не делают с полным животом. Я лучше больше поем в ужин.

Она быстро пообедала и ушла в спальню читать учебники. Мысли были далеки от

учебы, и сильно мешала Джуна, пока девочка не выгнала мартышку в гостиную и не заставила себя настроиться на учебу. Дело пошло, и к приезду отца она осилила треть учебника. Таня позвонила и предупредила, что сегодня будет ночевать у жениха. Женихом был старший лейтенант из Службы экономической безопасности, который прошел проверку магией и понравился Насте. Он уже несколько раз был у них в гостях, а такая ночевка была не первой, поэтому родители промолчали. Пользуясь случаем, девочка выгнала всех из своей спальни в спальню сестры. Отец пообедал на работе, поэтому сразу же расположился в гостиной у телевизора. Второй телевизор был в спальне родителей, но в это время у матери был какой-то сериал. Отец был ближе всех к прихожей, поэтому и пошел открывать дверь, когда раздался звонок. Через минуту он заглянул в комнату к Насте.

— Поменяй пижаму на что-нибудь приличнее, — улыбаясь сказал он дочери. — Я пока поговорю с твоим женихом, а ты приведи себя в порядок.

— С каким женихом? — не поняла она.

— Молодой и красивый, с цветами и тортом, — засмеялся отец. — Так ходят только с серьезными намерениями. Мне он понравился.

— Конец учебе, — констатировал Раш. — Медитации сегодня тоже не будет. Ты что делаешь, сумасшедшая? Зачем этот маскарад?

— Пусть посмотрит, — сказала Настя, натягивая на себя парадное королевское платье. — Чертова шнуровка!

— Если бы не шнуровка, ты бы в него не влезла, — возразил Раш. — Когда шили платье, у тебя не было таких мышц, да и подросла ты за эти полгода. Колье наденешь?

— Обязательно, — ответила девочка. — Черт, я не влезаю в туфли, а в тапках совсем не тот вид. И прическа к этому платью нужна другая!

— Ему хватит и этого, — мысленно ухмыльнулся браслет. — Вот короны не хватает, но у тебя, кажется, была пара каких-то диадем?

— Слетят с головы, — с досадой сказала Настя. — Для них нужно укладывать прическу. Ладно, ты прав: хватит с него и этого!

Когда она вышла в гостиную, удивленный отец прервал разговор, а одетый в черный костюм Олег поднялся со стула и застыл.

— Точно жених, — насмешливо сказала девочка. — Папа, я забираю у тебя этого юношу. Смотри телевизор, возможность с ним поговорить у вас еще будет. Пойдем, Олег.

Она привела его в свою комнату и села в одно из двух кресел, показав ему на другое рукой.

— Садись. Расскажи, как твой предок отреагировал на разрубленный стол. Честное слово, я хотела только оставить зарубку, просто ты меня сильно разозлил.

— Спасибо за то, что ограничилась столом, — сказал юноша. — Его обломки я выбросил и до прихода отца успел купить очень похожий столик. Отец может и не заметить замены, а если заметит, что-нибудь придумаю.

— Сколько он стоит? — спросила Настя. — Я виновата, поэтому заплачу. Денег у меня навалом.

— Забудь, — сказал Олег. — Дед мне их дал достаточно за сдачу экзаменов, я и половины не потратил. Скажи, это платье оттуда?

— Да, оно из моей сказки, — засмеялась девочка. — Специально надела для таких недоверчивых, как ты. Камни настоящие, ими выложен мой королевский герб.

— Ты что-то говорила о руководстве государства. Они о тебе знают?

— Знают и используют. В скором времени я буду излечивать от болезней сотни тысяч людей. Пока будет возможность, постараюсь остаться в тени. Но даже если узнают, большой беды не будет. Шар — это другое дело. Узнают — и мне крышка.

— А наши знают?

— Знают, но всем таким знающим поставлен магический запрет на болтовню, так что ты такой не один. Что это ты скис?

— Я обычный мальчишка, — печально ответил он. — Рядом с тобой...

— Рядом со мной будешь хорошо смотреться, — перебила Настя. — Вот только должна предупредить, что быть моим близким другом может быть опасно. Нормальной жизни со мной точно не будет. Если узнают, что я лечу от смерти, не будут давать прохода, причем не только мне, но и моим родным. А если узнают о шаре... Наши меня не выдадут, но придется жить под другими именами и менять внешность. А может не хватит и этого.

— А ты хочешь, чтобы я был близким другом?

— Не знаю, Олег, — сказала она. — Я ведь с тобой знакома меньше двух месяцев. Ты мне нравишься, меня к тебе тянет, но я не могу ничего обещать. Все будет зависеть от тебя. Обманешь или обидишь недоверием, и я с тобой порву. И учти, что у меня будут секреты. Я не имею права говорить о своих делах с государством. Если тебя это устроит, будем дружить. Все равно мой возраст не позволит ничего другого, хотя многие сейчас думают иначе.

— Появиться можно? — пропищал Марк, заставив вздрогнуть обоих. — Если ты в этом платье...

— Появляйся, — разрешила Настя. — Знакомься, Олег, это настоящий домовый из моей сказки. Зовут его Марк. Марк, не скажешь, что ты здесь забыл?

— Вас приглашают к столу, — ответил ухмыляющийся домовый. — Торт уже порезан, и чай тоже на столе.

Когда они появились в гостиной, вся семья уже сидела за столом. Знакомство много времени не заняло, и вскоре все занялись тортом. Молча его ел только Марк, остальные весь вечер провели в разговорах.

— Заходи без приглашения, — сказала мать Олегу, когда он уже собрался уходить. — У Насти было много подруг и ни одного друга. Я рада, что он наконец появился.

— Я не буду тебя провожать, — сказала Настя, когда они остались в прихожей одни. — Идти всего несколько минут, а мне долго переодеваться. Завтра с утра я занята, а после обеда выйди на мой скайп. Поболтаем, а если будет хорошая погода, можно будет погулять. Только учти, что ни по компу, ни по мобильнику ничего обо мне болтать нельзя.

Раш со своим высказыванием о пропавшем вечере оказался не совсем прав, медитацию она все-таки выполнила. Девочка выполняла их два раза в день, но пока заметного эффекта не было. На следующий день она впервые увидела «обучающую аппаратуру». В учебный класс ФСБ поставили металлический цилиндр с двумя закрепленными клавиатурами и выдвижным пультом управления. На его вершине установили нечто вроде антенны радиолокатора, на которой по расходящейся спирали располагались многогранные стеклянные призмы. В центре на выносном кронштейне были закреплены то ли лазеры, то ли светодиоды, каждый из которых бросал на свою пирамиду луч света. Красные, зеленые и синие лучи как-то модулировались по яркости, а «антенна» с тихим жужжанием качалась влево и вправо, сканируя весь класс. Цилиндр сверкал полировкой, а голубоватые от просветляющего покрытия призмы бросали во все стороны лучики света. На двух небольших экранах отображались какие-то графики, а на пульте управления вспыхивали и гасли

светодиоды. Видно было, что в эту бутафорию кто-то вложил душу. Рассмотрев творение «жутко секретного завода», Настя быстро обработала собравшихся мужчин и ушла. Дома она позвонила Зеленину и отчиталась о выполнении работы, а потом включила свой компьютер, проверила, запущен ли скайп и легла на кровать с учебником. До обеда она успела закончить с естествознанием, а после еды учеба была на время отложена, потому что ее вызвал Олег.

— Не хочешь погулять? — спросил он после приветствия. — Погода не очень хорошая, но к вечеру она будет еще хуже. Может, пока нет дождя, сходим в парк?

— Я с удовольствием, — сказала Настя. — А куда пойдем? Я, кроме парка Горького, других в Москве не знаю.

— Можно и в Горького, — согласился Олег. — Я здесь вообще ни в одном не был. Я буду ждать тебя возле калитки.

— Мам, я на час сбегаю в парк, — сказала девочка занятой готовкой матери. — Забодала учеба, поэтому нужно немного прерваться. Вечером обещали дождь, а пока даже проглядывает солнце.

— Гулять будешь с Олегом? — спросила мама. — Привет ему от меня. Обязательно возьми зонт или хотя бы пристегни капюшон.

Когда Настя вышла из дома и подбежала к калитке, Олег уже ждал ее на улице.

— Надо было тебе прийти к нам, — сказала ему Настя. — Посмотрели бы по компу фотографии парков, а потом слетали бы в моем шаре. Жаль, что я об этом сразу не подумала.

— Ничего, доедем на метро, — ответил он. — Идти четыре км по улицам — это перебор.

Станция была рядом, поэтому через десять минут они уже гуляли в парке. К удивлению Насти, несмотря на холод, пасмурное небо и будний день, на аллеях было много людей.

— Пошли туда, где никого не будет, — предложила она, взяла Олега за руку и повела по аллее подальше от входа.

— Никогда не гулял с королевой, — сказал он, с удовольствием смотря на раскрасневшуюся подругу. — Каково это — управлять народом?

— Мне это было в тягость, — засмеялась Настя, — но я ведь не родилась принцессой, и меня для этого не готовили. Там женщины вообще не правят, поэтому даже с настоящими принцессами много не возятся, а мне всему пришлось учиться самой. Очень помогала магическая сила, без нее я бы не удержалась. Силы было в сто раз больше, чем сейчас, и ее нетрудно было восполнить. Тяжело было из-за мятежа. Когда убили отца, многие попытались урвать себе кусок побольше. Чтобы не развалилось королевство, пришлось действовать жестко. Дворянство само чаще действует силой и только силу признает. Вот мне и приходилось ее показывать. Дворяне умылись кровью, но удалось навести порядок и не позволить соседям разорвать нас в клочья.

— Я тебе верю, — сказал Олег, — но все равно трудно представить тебя на троне.

— Какая жизнь, такие и представления, — пожалала она плечами. — У нас на Земле в древности правили и моложе меня, причем правили без всякой магии, только по праву рождения. Подожди, Олег, видишь идущих за нами мужчин?

— Идут двое, — подтвердил он. — А что?

— Они за нами следят, — ответила Настя. — Обычно я все время проверяюсь, а сейчас это сделала первый раз. Давай присядем на лавку и посмотрим, что они будут делать.

— Это не твоя охрана? — спросил юноша, получил отрицательный ответ и предложил: — Тогда, может, наоборот, быстрее отсюда уйдем?

— Они мне не страшны, — ответила она, — а узнать, что им нужно, будет нелишним. Садимся на эту скамейку, она вроде чище других.

Они сели и стали открыто наблюдать за двумя молодыми мужчинами, которые неторопливо шли по аллее. Увидев, что объект наблюдения сам за ними наблюдает, мужчины переглянулись и направились к Насте.

— Здравствуйте, — поздоровался тот, который выглядел старше. — Позвольте представиться. Я Алан Прайс, а мой спутник — Дональд Брукс.

— Англичане или американцы? — спросила девочка.

— Второе, — ответил Прайс. — Я секретарь нашего посольства. Вы ведь Настя Никитина? Меня просили с вами поговорить.

— Говорите, только недолго, — разрешила Настя. — Сегодня прохладно, и мы уже собрались возвращаться. Садитесь, господа, а то мне как-то неудобно сидеть, когда вы стоите.

— Я бы хотел уточнить, — сказал севший слева от нее Прайс. — Действительно ли вы будете главным звеном того проекта оздоровления, который вот-вот заработает в Москве? Я имею в виду масштабное строительство нового медицинского центра?

— Допустим, это я, — ответила девочка, — и что дальше?

— Вам хотят предложить... — начал говорить американец, но Настя его перебила.

— Нет, — сказала она. — Меня, господа, не интересуют ваши предложения, в чем бы они ни заключались. Из России я никуда не уеду, а денег у меня столько, что не хватает фантазии на то, как их все потратить. У нас есть пословица, что от добра добра не ищут. Так вот, она как раз для моего случая. Насколько я знаю, помимо наших, будут лечить и больных из-за границы. Для них лечение будет платным, но не слишком дорогим.

— Зря вы отказались, даже не выслушав того, что вам хотят предложить, — недовольно сказал до этого молчавший Брукс. — Таких денег и такой свободы здесь у вас не будет. А лечение... До вас будет долго и дорого добираться, и принимать будут немногих. К тому же, учитывая ваши возможности внушать, я бы на такое лечение не рискнул. Если вы уедете к нам, это не будет иметь большого значения.

— Если не хотите лечиться, можете умирать, — пожала плечами Настя. — Я все равно весь мир не вылечу. Я догадываюсь, от кого вы узнали о моих способностях. Только майор, который сейчас сильно жалеет о том, что с вами связался, сам толком ничего не знал. Есть у меня способность внушать, но она очень ограниченная. Для успеха нужно работать только с одним человеком, и даже в этом случае не со всеми получается. Это у меня только для обороны. А когда больных будут тысячи, внушить им что-то...

— А что насчет передачи знания языков? — спросил Прайс.

— Зря наш майор пометил это как недостоверное, — ответила девочка. — Языкам будут платно учить в центре, который сейчас строят. Я удовлетворила ваше любопытство?

— Вы все-таки подумайте, — встав со скамейки, сказал Прайс. — Если вы действительно можете исцелять тысячи больных, будете купаться в деньгах.

— А зачем? — спросила она. — Если у меня есть все, что нужно, для удобной и приятной жизни, зачем мне лишние деньги?

— Возьмите на всякий случай мою визитку, — предложил Прайс. — Может, еще передумаете.

— Ты их убила фразой о лишних деньгах, — заметил Олег, когда американцы скрылись за поворотом дорожки.

— Ну их к черту, — сердито сказала Настя. — Хотела отсюда улететь сферой, а теперь придется идти к метро. Пока шли, вроде не мерзла, а после этих посиделок замерзли ноги.

— Можем куда-нибудь забежать и попить горячего кофе, — предложил он. — Возьмем пирожные...

— Не соблазняй, — засмеялась девочка. — Скоро обед, поэтому никаких пирожных. Я их куплю, но на вечер. Приходи, будем коллективно гробить организмы. Да, этот тип напомнил о том, о чем я забыла. Все, теперь можем идти.

— А что ты сделала?

— Ты у меня вундеркинд, а будешь еще и полиглотом. Сейчас я дала тебе знание английского языка. Через два дня будешь на нем болтать не хуже этих американцев, а еще через три освоишь письмо. Потом научу другим языкам, я их освоила больше двадцати.

— Будешь кому-нибудь говорить об этой встрече?

— Обязательно. Во-первых, нашим об этом нужно знать, а, во-вторых, за мной наверняка кто-нибудь наблюдает, поэтому о них узнают и без меня. Потеряю доверие, а мне это совсем не нужно.

— Первую палату загрузили! — доложил прикрепленный к Насте капитан Фокин. — Вторую загрузят через несколько минут, а с третьей придется ждать. Два автобуса где-то застряли, и «скорые» работают медленней, чем мы рассчитывали. Дороги...

— А если начинать завозить заранее? — предложила девочка. — В клинике много помещений, неужели ничего не найдем?

— Накопители предусмотрены для следующей партии, — сказал капитан, — но вы правы: можно начинать с них. Просто никто не ожидал, что в больницах столько провозятся. Мы к ним послали санитаров и выделили транспорт, а толку мало.

— Наверное, боятся, что мы их оставим без работы, и попадут под сокращение, — пошутила Настя. — Откуда взяли такую толпу санитаров?

— Это мы их называем санитарями, — улыбнулся Фокин. — Обычные солдаты, которым провели инструктаж о том, как обращаться с больными. При такой работе этого достаточно.

На стене в двух десятках шагов от них индикатор сменил цвет с красного на зеленый.

— Вторая палата загружена, — обрадовался майор. — Наверное, можно начинать. Пока вы обработаете эти две палаты, мы закончим с третьей. Всех, кто будет прибывать, пошлем в накопители на второй заход. Полной загрузки у нас с вами сегодня не будет.

Когда Настя заканчивала лечить пятую партию больных, которых набралось на четыре палаты, в клинику приехал Зеленин.

— Как я говорил, так и вышло, — сказал он девочке. — У нас никакой задержки нет, а в больницах работают так, как привыкли — без спешки. И наши санитары в этом ничего не изменят. Туда нужно посылать солдат не в белых халатах, а в форме и с автоматами, тогда забегают. А дороги — это вообще мрак. Надо начинать раньше и отвести еще несколько комнат под накопители. Для самых слабых поставить кровати, а остальные обойдутся стульями. Сколько у вас сегодня вышло?

— Около трех тысяч, — ответила Настя, — но эти все тяжелые.

— Выздоровливать начнут дня через три, — прикинул полковник. — Не полностью, конечно, но уже будет видно, что пошли на поправку. Вот тогда и начнется шум. Сейчас больше смешки и ирония насчет затеи правительства с лечащими машинами. Наверное, еще и это влияет. Медики не принимают всерьез нашу затею, потому и не спешат.

— Сегодня четверг, — сказала девочка. — Четвертый день — это воскресенье. Значит, шум поднимется в понедельник.

Настя ошиблась: шум начался в воскресенье. В субботу она отработала с почти полной нагрузкой и довольная улетела домой. Вечером пришел Олег, и они очень хорошо провели время. Перед его уходом Настя рассказала новость. Для нее приготовили домик в Камране и небольшой пляж, огородив все это от остальной военной базы. Место для купания было прикрыто волноломом и отгорожено от моря сетями. Зеленин передал пару фотографий и сказал, что «курортом» уже можно пользоваться. Правда, тут же добавил, что в воскресенье там ожидается шпорм. Девочка предупредила, что может привезти туда друга, и тут же подверглась допросу. О том, что она дружит с Олегом, узнали после их похода в парк, а вот знание юношей ее способностей оказалось для полковника сюрпризом. Дмитрий Павлович немного успокоился только когда узнал, что Настя обработала друга магией. Ей тогда

пришлось выслушать немало упреков в легкомыслии.

— Завтра можем туда смотаться, — предложила девочка. — Пусть шторм, но можно будет погулять на берегу. Там время на четыре часа позже, чем здесь.

— А для Вьетнама не нужны прививки? — спросил Олег.

— Наверное, нет, — сказала она. — Мне о них ничего не говорили. Когда пойдём? Давай в одиннадцать?

С Вьетнамом у них в тот раз ничего не вышло. Утром Настя, как обычно, включила компьютер и прошлась по новостным сайтам. В основном она смотрела последние новости на RT и вести, но иногда заглядывала и на mail.ru. На последнем сайте в новостях было много чернухи, которую еще и подавали в пику «правительственной пропаганде», но иногда там попадались интересные сообщения. Одно такое она нашла, а когда прочитала, настроение упало ниже плинтуса. Какой-то американец путешествовал на яхте с подругой и своим псом. Плыл он из Индии к Андаманским островам в Порт—Блэр и натолкнулся на островок, который облюбовала Настя. Погода начала портиться, и он решил ее переждать. На подходе к острову он увидел на нем девушку. Рассмотреть ее у американца не получилось, потому что пока он достал из каюты бинокль, она куда-то исчезла. Никаких лодок или катеров там не было, но и девушки на крошечном островке не оказалось. А вот ее следы там были, а выпущенный на остров пес раскопал и принес хозяину два домашних тапка. Что особенно поразило американца, так это то, что обувь была российского производства.

— Надо было покупать китайские, — сказал отец, когда она подвела его к компу. — Не печалься, ему все равно никто не поверит. Ну нашел он эту обувь, но наши соотечественники сейчас путешествуют повсюду. Могли заплыть и туда, а все остальное припишут его фантазии.

— Сейчас не поверят, а при случае могут вспомнить, — возразила Настя.

— А ты старайся, чтобы таких случаев не было! — рассердился он. — И во Вьетнам вам нечего мотаться, хватит бассейна! Дом тебе огородили, но с кораблей, если пойдешь купаться, будет видно. Оптике на кораблях до фига, и времени у вахтенных тоже много, а что может быть естественней для матроса, чем наблюдение в бинокль за красивой девчонкой? База там не такая уж и большая, поэтому таких, как ты, там раз, два и обчелся. Дальше продолжать?

— А если купаться, когда стемнеет?

— Если там все огорожено, да еще вдвоем, наверное, можно, — подумав, ответил отец. — Только ты тогда сначала поговори со своим Зелениным, чтобы туда передали, когда вы будете приходить. И сразу же обработай всех, кто будет о вас знать, чтобы не болтали. И меньше лазьте в воду. Погулять по берегу и подышать морским воздухом — это уже отдых.

После такого облома Настя воскресную передачу об их лечении восприняла почти спокойно. Кто-то очень шустрый успел в пятницу взять несколько интервью, заснять обработанных больных и сам центр. В субботу на скорую руку смонтировали фильм, а в воскресенье он в первой половине дня был показан по каналу ОТР. Такая оперативность настораживала, да и вопросы в фильме поднимали те, которые прямо касались Насти. Врачи в фильме осторожно говорили об улучшении состояния пациентов, а сами пациенты говорили о том же самом уже без всякой осторожности. Панорама строительства центра тоже впечатляла. Вот только комментарии...

— В кои веки правительство занялось здоровьем наших граждан, — говорил молодой

мужчина, который брал у всех интервью. — Созданные приборы, по заявлению директора центра, способны лечить практически любые болезни. Возникает вопрос, почему их используют только четыре часа в сутки? Можно было бы предположить, что сейчас отрабатывается методика массового лечения, поэтому просто нет возможности для круглосуточной работы, но директор центра профессор Евдокимов заявил, что такой режим работы будет и в дальнейшем. Более того, он сказал, что в воскресные дни центр будет закрыт. Объяснений подобного отношения к здоровью и жизни людей нам не дали, были только невразумительные намеки на ограниченность применяемых секретных технологий. Но любому здравомыслящему человеку понятно, что если смогли сделать один прибор, их можно сделать сотню! Все упирается во время, деньги и желание. Мы готовы ради здоровья ждать и тратить деньги, а вот правительство, судя по высказываниям руководства центра, к этому не готово! Пока проходит пробное лечение и до конца не выздоровел ни один пациент, с этим можно мириться, но если...

Они всей семьей смотрели этот фильм и после его окончания остались в гостиной.

— Этого следовало ожидать, — сказал отец, когда выключили телевизор. — Я даже не знаю, какое объяснение можно придумать, чтобы в него поверили. Тебя засветят, дочь, и очень скоро. Неделя на выздоровление больных, да еще столько же на рост народного возмущения. Кажется, ты зря тратила золото на эту квартиру.

— Буду звонить Зеленину, — решила Настя. — Пусть думают над тем, чтобы нам временно переселиться в лечебный центр. А тебе нужно купить хорошую машину, а еще лучше — перейти работать в нашу охрану. Тогда никому из нас не придется никуда мотаться.

— Звони, — согласился он. — Здесь для нас нормальной жизни не будет. В охрану я вряд ли перейду, но машину поменяю. Мне от вашего центра до службы, если нигде не застряну, всего минут двадцать езды. Заодно буду отвозить Татьяну.

— Я переселюсь к Славе, — сказала Таня. — Все равно завтра пойдем подавать заявление в ЗАГС. Сменю фамилию...

— Мы, что же, не будем здесь больше жить? — спросила растерянная мать.

— Успокойся, Надя, — сказал отец. — Постепенно все утрясется, но, пока будет идти эта утряска, нам лучше пожить подальше отсюда. Здесь мы от людей не отгородимся.

Настя ушла в свою комнату и позвонила полковнику.

— Я сам не видел этого фильма, но уже в курсе его содержания, — сказал Дмитрий Павлович. — Я вам уже говорил, чтобы готовились к славе. Нормально нашу затею не объяснишь и рты не закроешь. Не те времена, да и на Западе молчать не будут, тем более что обо всем известно американцам. Так что ваша безвестность продлится две–три недели. Мы это, естественно, предусмотрели. В первом больничном корпусе для вас заканчивают отделку четырехкомнатной квартиры. Через дней десять в нее можно будет въехать. Это временное жилье, поэтому мы ее меблировали сами. С питанием возиться не придется, потому что для вас будут готовить в больничной столовой. Скажете, что нужно, и они все сделают. Если вашей матери надоест сидеть за телевизором, она может поработать у нас. С вашим отцом поговорят и предложат поменять работу. Сестра от вас уходит?

— Да, она выходит замуж за вашего лейтенанта.

— Он такой же мой, как и ваш, — хмыкнул Зеленин, — а после свадьбы будет больше вашим, чем моим. Вы, Настя, теперь тоже наша, разве что вам из–за молодости лет не дали погон, а говорить об окладе при вашем богатстве просто смешно.

— Ну и зря, — сказала она, улыбнувшись первый раз за сегодняшний день. — Царей

записывали в полки с младенчества и давали чины, а мне скоро пятнадцать и в прошлом королева. А вы жадины, если пожалели для меня даже лейтенантские погоны!

— Я поговорю, — то ли в шутку, то ли всерьез ответил он. — Что у вас с учебой?

— Завтра пойду договариваться о сдаче и попрошу, чтобы разрешили сдавать по два экзамена в день. Тогда за неделю разделаюсь с девятым классом и займусь десятым.

— А ваш друг?

— Ему еще долго готовиться. А почему вы спросили?

— Он не член вашей семьи, но он для вас дорог. Если за вас возьмутся всерьез, это могут использовать. Вы, что же, думаете, что они ограничатся одной встречей и этой визиткой? К сожалению, сейчас не прежние времена, и наши противники имеют здесь очень большие возможности. Вы первый раз за десять дней покинули дом пешком, а не в своем шаре, и вас сразу выследили и подвели людей из посольства. Вам это ни о чем это говорит? На полученную от нашего майора информацию обратили внимание и, видимо, часть ее смогли проверить. После этого стало несложно связать с вами строительство нашего центра. Вы там нигде не засвечены, но его назначение узнать несложно. Сказка о приборах, которые лечат все на свете, хороша для обывателя, а не для специалиста.

— И что делать? — встревожилась Настя. — Вы как-то можете помочь?

— Куда мы денемся? — пошутил Зеленин. — Будем опекать вашего бойфренда, а заодно узнаем тех, кто будет его пасти. Только вы его предупредите и о возможной опасности, и о нашей опеке. И вот еще что... Вы ведь будете к нему навещаться? Я так и думал. Его квартиру нужно защитить от прослушивания, поэтому пусть будет готов к визиту наших специалистов. Вы не были в Камране?

— Хотели погулять по берегу, но отец отсоветовал. Сказал, что могут увидеть с кораблей. Мы туда полетим, когда будет темно. Можете об этом предупредить?

— Мы это предусмотрели, — сказал Дмитрий Павлович. — Ваш домик расположен далеко от стоянки кораблей и огорожен высоким забором. На базе много женщин, поэтому появление еще одной внимания не привлечет. В домике никто не живет, но он оборудован всем необходимым для жизни. На базе знают, что приближаться к нему нельзя, а вам из него не следует выходить. Если что-то нужно, позвоните по телефону и обработаете того, кто придет на вызов. Можете туда отправиться хоть сейчас, только учтите, что там все на четыре часа позже.

Второй звонок был другу. Настя хотела к нему прилететь, но дома был отец, поэтому Олег сказал, что придет сам. Когда он с очередным тортом появился в их квартире, девочка увела его к себе в комнату, выпроводив из нее Олю с домовым.

— Скоро обо мне все узнают, — сказала она юноше, — поэтому нам придется на время переселиться в лечебный центр. Я постараюсь каждый день тебя навещать. О тебе знают американцы и могут этим воспользоваться.

— Ты же им отказала, — сказал он.

— И что это меняет? Они узнали, что я куда-то пропала, а потом вернулась, наделенная невероятными способностями. Думаешь, хоть одна разведка мира пройдет мимо такого? Я вчера за несколько часов вылечила почти пять тысяч очень тяжелых больных. Полное исцеление будет через неделю, поэтому пока нет шума, но один фильм уже вышел, хотя я лечила всего три дня. Представляешь, что начнется, когда вылечившихся будут десятки тысяч? А ведь многие из них были обречены на смерть! Меня обязательно постараются чем-то взять на крючок, и необязательно это будут американцы, они просто знают больше

других. Для тебя это тоже опасно, поэтому будешь ходить под охраной. Ты ее не увидишь, а если все-таки что-то заметишь, не дергайся. В вашу квартиру тоже придут и поставят защиту от прослушивания. Я могу защититься от него магией, но и техника не помешает. Ты еще не пожалел, что связался со мной?

— Зачем говорить глупости? — сказал Олег и взлохматил ей волосы. — Я буду с тобой до конца, каким бы он ни был! Очень надеюсь, что он будет счастливым. Эх, были бы мы с тобой старше!

— Молодежь, идите обедать, — из-за двери позвала мать. — Все уже на столе.

— Пошли поедим, а потом слетаем в Камрань, — предложила Настя.

— У меня нет с собой плавок, — сказал Олег, — Надо будет за ними сбегать.

— Не нужно никуда бежать, остановила его девочка. — Там был шторм, а может быть, штормит до сих пор. Наверное, вода еще грязная, поэтому мы просто осмотрим дом и погуляем по пляжу, а искупаемся в другой раз.

Все уже пообедали, поэтому они ели вдвоем. Когда закончили, Настя взялась мыть тарелки, но пришла мать и выгнала их с кухни.

— Ну и ладно, — сказала ей дочь. — Мама, мы слетаем во Вьетнам, посмотрим, что там для меня приготовили. Я думаю, что это не займет больше двух часов.

— Купаться не будете? — спросила мама. — Это хорошо, а то мне за тебя страшно. Олег, присмотри за ней, чтобы никуда не влезла.

— Поспешим, — посмотрев на дверь в комнату Татьяны, сказала Настя. — Если прибежит молодняк, попытаются упасть на хвост, а я сейчас хочу побыть только с тобой.

Они зашли в спальню, где девочка еще раз посмотрела на фотографию дома, взяла Олега за руку и вызвала сферу.

— Да, штормит, — сказал он, не отпуская руку подруги, — хотя и не очень сильно. Я в такой шторм купался.

Они стояли на узкой полосе песка, которую почти полностью заливали накатывающиеся с моря волны. Дом был огорожен высоким забором из гофрированного железа, который закрывал все, кроме пляжа, и позволял видеть только потемневшее море и такое же темное, покрытое тучами небо. Теплый ветер раскачивал две росшие возле дома пальмы и трепал обоим волосы.

— Шторм сильный, — не согласилась Настя. — От него прикрывает бухта и волноломы. Видишь буруны? Это первый волнолом, а есть и второй. Если бы не они, никто бы здесь сети не ставил.

— А зачем они? Только от акул или здесь много другой дряни? Я хотел почитать, но закрутился и забыл.

— Вообще-то, акул здесь полно, но сеть не только от них. Есть крупные ядовитые медузы и рыбы. От всех опасностей сеть не спасет, но акулы точно не пройдут. Видишь буйки?

— Пятьдесят на пятьдесят метров, — прикинул Олег. — Ничего, плавать можно. А воздух замечательный!

— На моем острове он лучше, — вздохнула Настя. — Сволочи американцы!

— А что случилось? — не понял он. — Почему ты их ругаешь?

— Пойдем посмотрим дом, заодно расскажу, — ответила девочка и, пока шли по усыпанной гравием дорожке к небольшому одноэтажному дому, рассказала о зарытых в песок тапках и американцах с собакой.

Входная дверь оказалась открытой, а ключ был вставлен в замок с внутренней стороны. В прихожей было темно, поэтому включили свет. Дом был привычного вида, как и мебель. Гостиная, две спальни, кухня и совмещенный санузел. В спальнях стояли двухместные кровати, а в гостиной был диван.

— Без Таньки с ее женихом можно переночевать всей семьей, — довольно сказала девочка. — Тебя я тоже включила в семью.

— Можно тебя за это поцеловать? — спросил Олег.

— Еще одна такая просьба, и я тебя из семьи исключу, — вздохнув, ответила Настя. — Терпи, раньше шестнадцати я с тобой целоваться не буду.

— А почему именно в шестнадцать? — спросил он.

— Я еще этим не занималась, но во многих книгах читала, что стоит только начать, и уже не остановишься, пока не дойдешь до конца. Я не собираюсь выходить замуж до семнадцати, а на год меня, наверное, хватит. Поэтому, если любишь, люби на расстоянии. Сам виноват в том, что запал на такую молодую. Со сверстницами так долго ждать не пришлось бы. Если хочешь, могу сотворить заклинание, которое на пару месяцев отобьет у тебя желание целоваться.

— Я потерплю без твоей магии, — поспешно сказал Олег. — Дело не в том, о чем ты подумала. Мне просто хочется лаской выразить свои чувства, а ты не даешь.

— Можешь выражать словами, а я развешу уши, — улыбнулась Настя. — Пойдем посмотрим кухню. Знаешь, она почти такая же, как в нашей квартире в Ростове. Даже кафель похожий.

— Электрическая плита есть, микроволновка — тоже, — сказал юноша. — Холодильник выключен, но вряд ли он нерабочий. Можно набрать продуктов и отдохнуть здесь все выходные.

— Мой полковник говорил, что их можно заказать по телефону. А выходной у меня теперь только один — воскресенье. Ладно, дом посмотрели, пойдем обратно на берег. Я люблю смотреть на волны. И воздух во время шторма какой-то особенный. Олег, тебе еще долго пилить одиннадцатый класс?

— Месяца три, — вздохнув, ответил он. — Не у всех такая память, как у тебя. Ты, наверное, уже подготовилась?

— Почти. Осталось совсем немного, но я завтра побегу договариваться о сдаче. Подожди, давай обойдем вокруг дома.

Пройдя по дорожке мимо клумб с цветами, они зашли за дом и увидели небольшую хозяйственную постройку.

— Интересно, что в этом сарае? — сказал Олег, открыл незапертую дверь и включил свет.

— Парусная доска! — воскликнула Настя. — Здорово! Я видела, как на них плавают, а сама ни разу не пробовала.

— Два спасательных жилета, зонт от солнца, надувная лодка с веслами и компрессором и два гамака, — перечислил юноша разложенные у стены предметы. — Больше здесь ничего нет.

— Нормально, — сказала девочка. — Привезти маски и ласты и можно отдыхать. А где здесь калитка? Я ее не видела.

— Вон она, — осмотревшись, показал рукой Олег. — Сливаются с забором. Кстати, стало темнее. Здесь уже половина седьмого. Когда будем уходить? Ты матери обещала не

задерживаться.

— Сейчас кое-что посмотрю, и уйдем, — пообещала она и подошла к калитке.

Замка на ней не было, и дверца открылась при повороте ручки. Выглянув, Настя увидела набережную с пирсами и стоявшие у причалов корабли. В порту кое-где уже зажгли свет, а за оградой базы виднелись какие-то утопающие в зелени дома и высокий холм.

— Глупо запирать калитку, если сюда можно легко зайти по воде, — сказал Олег и сбросил кроссовки. — Пойду хоть помочу ноги.

Он приподнял штанины и по воде вышел за ограду. Стало уже совсем темно, но стоявшие на рейде корабли были неплохо освещены. В базе их было всего три.

— Возвращайся, — позвала его Настя. — Ты все брюки замочил. Теперь придется застирывать, а то выступит соль. Дай мне свои руки.

— Подожди, а то увезешь меня отсюда без кроссовок, — остановил он подругу. — Сама оставляешь обувь в экзотических местах... Все, я их взял. Тебе хватит одной руки?

— Мне еще нужно твое сердце! — засмеялась девочка, взяла его руку и вызвала сферу.

— Слушай, нельзя прилетать ниже? — спросил Олег, быстро сев на дно сферы. — Я не привык висеть так высоко над землей. И твоего шара совсем не видно. Вроде никогда не боялся высоты, а в нем кружится голова.

— Это из-за хлопка, — виновато объяснила Настя. — Я к высоте давно привыкла. Закрой глаза, сейчас будем в квартире.

Когда прилетели, юноша вытер ноги, обулся и, простившись с Никитиными, побежал домой. Он понадобился отцу, а мобильный телефон почему-то не сработал.

На следующий день для Насти начались трудовые будни. Работа уже наладилась, поэтому свою норму в пять тысяч больных она выполнила. Очутившись дома, девочка тепло оделась и пошла в школу. Когда вышла через калитку, проверилась магией. За ней следили, причем несколько человек. Один такой любопытный сидел в стоявшей неподалеку машине, а других она искать не стала. Следят — и черт с ними! Наверное, кто-то из следивших ее охранял. Ей повезло: директор был на месте и после небольшого воздействия быстро написал график сдачи экзаменов, как она и просила, по два в день. Первые два экзамена нужно было сдавать уже сегодня, как и раньше, с двух часов. До этого времени оставалось всего двадцать минут, поэтому она вышла в коридор и подождала, пока закончится урок. Вид несущихся в раздевалку школьников вызвал что-то вроде ностальгии, которая быстро прошла. В учительскую стали собираться учителя, многих из которых девочка уже знала, поэтому она подошла ближе к дверям.

— Ты меня поражаешь, Никитина! — сказала Клавдия Ивановна, когда Настя показала ей график. — Выучить все предметы за девятый класс всего за месяц! Что ты мне хочешь сдать?

— Я занималась почти полтора, — сказала она. — Если нетрудно, примите у меня и алгебру, и геометрию. Оба этих экзамена в графике на сегодня. Я вас не задержу.

Потратив на сдачу десять минут и получив свои две пятерки, она поспешила домой. Когда подходила к калитке, ее хотел остановить какой-то хорошо одетый тип с неприятной физиономией. Пришлось его самую малость притормозить магией, чтобы без объяснений проскочить во двор.

— Две пятерки по математике, — отчиталась она матери.

— Молодец, — без особой радости сказала привыкшая к ее пятеркам Надежда. — Пообедай, а потом можешь включить телевизор или сесть за свой компьютер. О твоём

лечении уже говорят везде. Тысячи вылеченных доходят впечатлили даже медиков. Пока шумят только у нас, а за границей не знают, что об этом думать. Наверное, через несколько дней это волнение превратится в шторм. Ну и заварила ты кашу, дочь! Тысячи обреченных людей получили надежду, только не все они живут в столице и имеют силы и средства в нее приехать. А если даже и приедут, кто их пустит в ваш центр? Вам надо было сразу сказать, как их будут лечить. И много вопросов по времени работы центра. Никто не может понять, почему в нем лечат только несколько часов. И это только начало! Что-то твои начальники не доработали.

Надо было матери высказываться после обеда, потому что ее слова напрочь отбили аппетит. Наскоро поев суп, Настя не стала есть второе и ушла к компьютеру смотреть новости. Шума было много, но пока гораздо меньше, чем она думала. В комментариях чувствовалась не столько радость или возмущение, сколько растерянность. Наши научные светила предпочитали отмалчиваться, а вот зарубежные молчать не стали, дружно заявив, что таких машин быть не должно, а русские, как обычно, врут. Некоторые из них, правда, срочно вылетели в Москву. Настя хотела созвониться с Зелениным, но потом передумала. В правительстве сидят не дураки, поэтому должны были предвидеть такую ситуацию и к ней подготовиться. Если пока молчат, значит, так надо. Она позвонила Олегу и сказала о результатах экзамена. Долго не разговаривала и к себе не пригласила. Настроение было паршивое, и он это почувствовал и не обиделся. Перед медитацией Настя осмотрела Джуну. У марышки был уже почти человеческий овал лица, только крупные для ее размеров зубы немного портили впечатление. Странно было видеть на обезьяньем туловище красивое человеческое лицо. Ума у нее было как у ребенка лет пяти, вот только с разговором пока ничего не получалось. Прочитав о голосовых связках обезьян, она попыталась с помощью перстня вырастить недостающие мышцы. Надежды на удачу почти не было. Мало получить мышцы, нужно еще как-то научиться ими управлять. Ладно, пусть растут, а там будет видно. Может быть, что-нибудь и получится. Медитация прошла... так себе: после нее осталось чувство неудовлетворенности, но хоть удалось немного успокоиться. Отец приехал позже обычного из-за покупки новой машины. Старую продавать не стали, и Настя отправила ее на хранение. Таня не приехала: опять осталась у жениха. Женихом ее Слава стал законным, потому что они сегодня, как и собирались, подали заявление в ЗАГС.

— Держись, дочка! — после ужина сказал Насте отец. — Знай, что бы ни случилось, мы тебя всегда пойдем и поддержим! Все твои неприятности рано или поздно пройдут. А ты готовься к всенародной любви и восьмичасовому рабочему дню.

— Ничего не получится, папа, — ответила она. — Я не из-за собственного удобства ограничила это время. Если переберу сегодня, то не успею восстановить силы и на следующий день не смогу нормально лечить. Остается только воскресенье, но жить совсем без выходных... С такой монотонной работой я скоро свихнусь.

Понедельник закончился, а на следующий день, еще до лечения, в центр приехал Зеленин.

— Я хотела вам позвонить, но передумала, — призналась Настя. — Хотелось узнать, почему никто не внес ясность с центром. Я говорю не о себе, а о порядке лечения.

— Сам точно не знаю, — сказал он, — есть на этот счет мысли... Если сейчас официально что-то заявить о лечении, нужно раскрывать вас, иначе потом обвинят во лжи. Пока в ней можно обвинить только руководство центра, которое эти обвинения переживет. Но если это скажет кто-нибудь из правительства, всех потом оболуют грязью. А если сейчас

заикнуться о коммерческом лечении иностранцев, будет еще хуже. Поэтому я бы пока помолчал. Нашему директору стоило бы сказать, что по мере ввода больничных корпусов и освобождения коек в лечебных заведениях Москвы, будут приниматься для исцеления больные из других городов. Если молчание будет чревато неприятными последствиями, или выступят американцы, мы предъявляем вас и объясняем, чем вызваны ограничения. А когда центр заработает на исцеление иногородних, а за границей поднимут хай до небес, выделим им квоту на коммерческое лечение.

— И что обо мне скажут? — поинтересовалась девочка. — Вы же понимаете, что потребуют объяснений? И говорить придется какую-то часть правды, иначе потом опять обвинят во лжи. Или вы рискнете придумать что-нибудь свое? Наверняка американцы не будут молчать, а мою биографию начнут изучать с микроскопом. И вскроются девять месяцев моего отсутствия, экстернаты за месяц и неизвестно откуда взявшаяся сестра. Кто его знает, что еще смогут вытянуть. Если мои школьные подруги начнут болтать о гипнозе и опишут эпизод в сквере...

— Надо было вам меньше выпендриваться, — сказал Дмитрий Павлович. — Мы уже об этом подумали и навестили ваших подруг. К сожалению, их кто-то навестил раньше наших ребят. Догадываетесь, кто это мог быть? Вряд ли американцы после их рассказа поверили в то, что вы с трудом можете что-то внушить кому-то одному, да еще без гарантии. Чужой на темной аллее, который заставил обделаться толпу гопников, не стыкуется с вашей дезой.

— Можешь меня поздравить, — сказала Настя. — Я уже десятиклассница!

— Ты умница, — сказала мать. — Будешь сдавать дальше?

— Конечно, я уже написала заявление. Что нового передали?

— Все то же, — Надежда выключила телевизор, встала с кресла и обняла дочь. — Боюсь я за тебя, Настя! Этот шум до небес, причем уже и за границей... Вопрос о вашем центре хотят рассматривать в Думе, а в Европе кое-кто уже дошел до угроз. Я думаю, что через день-два о тебе все узнают. Что там с нашей новой квартирой?

— Когда закончила лечение, сбегала посмотреть. Сама квартира готова, сейчас приводят в порядок весь корпус, а завтра должны доставить персонал, включая работников столовой. За день они освоятся, так что послезавтра и переедем. Да не переживай ты так! Эта квартира никуда не денется, через несколько месяцев сюда вернемся.

— Дурочка ты еще, несмотря на весь свой ум! — сказала мать. — Дело не в квартире, хотя я к этой уже привыкла. Мы меняем не квартиру, а жизнь. В квартиру, может быть, когда-нибудь вернемся, а вот возврата к прежней жизни уже не будет. Таня ушла сама, а тебя у нас могут отобрать. Если узнают, что Оля из другого мира, и у нее не будет нормальной жизни.

— Смотря какую жизнь считать нормальной, — сказала Настя, — но хорошо, что ты мне о ней напомнила, а то я со своими делами закрутилась и кое о чем забыла.

Девочка поцеловала мать и ушла в свою комнату.

— Оля, отвлекись от учебников, — сказала она, сев в одно из кресел. — Иди ко мне, будем решать, что менять в твоей внешности.

— Наконец-то! — радостно воскликнула сестра, поторопилась занять второе кресло и сделала заказ: — Хочу быть такой, как ты!

— Я не буду делать из тебя свою копию, — отказалась Настя. — У тебя очень славное лицо, его нужно только немного подправить. А вот с фигурой поработаем больше.

— И что ты в нем собираешься править? — спросила Оля. — Если фигура будет, как у тебя, то лицо можно сильно не трогать. Для мужчин главное — это тело!

— Рано тебе думать о мужчинах, — засмеялась Настя. — Так, начнем с лица. Глаза сделаем чуть больше и немного их разнесем. Нос у тебя замечательный, поэтому мы его трогать не будем.

— Хочу густые и длинные ресницы! — заказала Оля.

— Сделаем, — пообещала Настя. — Рот нормальный и скуластость тебя не портит, а волосы — просто блеск! Уши не трогаем...

— А что тогда менять? — разочарованно спросила сестра. — Одни глаза и ресницы?

— А тебе мало? Давай договоримся так: я меняю фигуру и то, о чем сказала, а потом ты на себя посмотришь и скажешь, что тебя не устраивает.

— Так можно, — успокоилась Оля. — Долго мне сидеть?

— Уже все, — ответила Настя. — Считай, что ты уже красавица. Только учти, что все изменения затянутся на два-три месяца. Подожди убежать, возьми этот перстень и надень на любой из пальцев.

— Он для меня большой, — разочарованно сказала Оля, взяв в руки невидимый перстень.

— А ты попробуй. Перстень должен изменить размеры.

— Точно! — воскликнула малышка. — Он стал совсем маленьким, даже трудно снять с пальца.

— Вот и не снимай, — сказала Настя. — Сейчас он тебе не нужен, но если потеряешь или его заберут, у тебя в этом мире не будет детей. Все поняла? А теперь возьми эту перевязь и постарайся, чтобы она всегда была с тобой. Даю ее на всякий случай. Если тебе будет грозить опасность, используй их без колебания!

— Твои ножи, — взяв в руку перевязь с метательными ножами, сказала Оля. — Раньше ты мне их не давала. И сейчас говоришь, как будто прощаешься. Это из-за твоего лечения?

— Из-за всего, — ответила Настя. — Я не собираюсь умирать или куда-нибудь от вас сбегать, но всякое может случиться, а я хочу, чтобы у тебя все было хорошо.

— Если с тобой что-нибудь случится, мне будет не хорошо, а плохо! — всхлипнув, сказала Оля. — Я и сюда прилетела только из-за тебя! У Ларры появился муж, и Недор меня никогда не любил, а теперь и ты скоро выйдешь замуж!

— Не так уж скоро, — засмеялась девочка. — Когда это случится, ты станешь гораздо старше. Пройдет несколько лет, и у тебя тоже появится любимый человек. Там у тебя не было родителей, а здесь есть. Они не очень часто тебя ласкают, но все равно любят. Просто их так воспитали, со мной в твоём возрасте тоже много не возились. И есть еще дед.

— Звонят, — прислушавшись, сказала Оля. — Кто-то пришел.

Как оказалось, к ним приехал Николай Алексеевич.

— Ты почему не позвонил? — спросила открывшая ему Настя. — Я бы тебя доставила быстрее такси. Мы о тебе, дед, только что говорили.

— Это хорошо, что вы обо мне не забываете, — сказал он и поцеловал ее в щеку. — Есть надежда, что будете помнить, когда отдам концы. А звонить тебе насчет транспорта мне запретили.

— Как запретили? — не поняла она. — Кто мог такое запретить?

— Твои друзья из ФСБ, — ответил старик. — Так и будешь меня держать в прихожей или все-таки пустишь в квартиру?

— Пойдем в гостиную, — сказала Настя. — Сядь и объясни толком, что произошло!

— Ничего особенного, — сев на диван, ответил он. — Они объяснили, что вокруг меня вертятся разные мутные типы, которым по силам слушать мои разговоры и определить, есть ли кто-нибудь в квартире. Сейчас таких приборов много. А теперь представь, что я тебе позвонил, а ты прилетела и меня забрала. И что они увидят? Был один человек, потом непонятно откуда появился второй, а затем оба исчезли. Если к этому приложить запись разговора, можно сделать выводы, которые тебе не понравятся.

— Я о такой возможности не подумала, — призналась Настя. — Здесь у нас все защищено, а твоей квартирой не занимались.

— Ладно, бог с ней, с квартирой, ты мне лучше скажи, как собираешься жить?

— Назло всем! — ответила девочка. — Через два дня мы собираемся отсюда переезжать. В центре подготовили четырехкомнатную квартиру.

— Значит, о тебе скажут, — сделал вывод Николай Алексеевич. — Я так и думал. Много будут говорить или просто представят уникалом?

— Спроси что-нибудь попроще, — сердито сказала она. — По идее, прежде чем меня кому-то представлять, должны поговорить со мной, а на деле пока такого разговора не было, и курирующий наш проект Зеленин ничего не знает. О шаре точно будут молчать, а скрывать

остальное большого смысла нет из-за американцев. Но это мои мысли, а что придумали наверху... Если помолчат еще пару дней, я на этот самый верх сама слетаю. Если Магомет не идет к горе...

— С квартирой хорошо придумали, — одобрил он. — Здесь вам житья не будет. Мне тоже нужно будет на время уехать, иначе замучают просители и пресса. Съезжу я, наверное, к одному приятелю в Карелию. Поселок там совсем маленький, а его дом на отшибе. Идеальное место, чтобы отсидеться, но с условием, что ты вылечишь его семью.

— Без проблем, — пообещала внучка. — Сделай снимок его дома и сбрось мне по почте. Я подскочу и все сделаю, а заодно посмотрю Карелию. Говорят, там очень красиво.

— Смотреть можешь только в своем шаре, — сказал дед, — только сначала всех вылечишь и на прощание подправишь мозги, чтобы потом не болтали.

— Приехал дед, а ты молчишь! — упрекнула Настю прибежавшая в гостиную Оля. — Деда, а я скоро стану такой же красивой, как сестра!

— Ты для меня и так красивее всех, — сказал старик и посадил ее себе на колени. — Рассказывайте, что вы еще придумали.

— Ничего особенного, — ответила Настя. — Исправлю ей дефекты фигуры и самую чуточку поработаю с лицом. Станет красавицей, но сохранит свою индивидуальность. Ладно, вы общайтесь, а мне нужно позвонить.

Она хотела позвонить Олегу, но это пришлось сделать позже, потому что позвонили ей самой. Звонил директор ФСБ.

— Здравствуйте, Настя, — поздоровался он. — Мне нужно с вами поговорить. Я буду в своем кабинете один.

— Хорошо, Александр Васильевич, — ответила она. — Скоро буду.

Через три минуты она влетела в его кабинет и убрала сферу, предварительно кашлянув.

— Это правильно, — одобрил он, — вот так же кашляйте и в дальнейшем. Садитесь, Настя, нам с вами нужно решить, что и как о вас будут говорить. Наши специалисты кое-что приготовили, поэтому почитайте и дайте свою оценку.

Девочка села, взяла в руки лист бумаги и внимательно прочитала.

— Решили выложить всю правду, — сказала она, положив лист на стол. — Только богиню перекрестили в пришельца и скрыли ее цели, мой способ передвижения и кое-какие возможности. И зачем все это? Думаете, в такое поверят?

— Мы же поверили, — ответил он. — Если вы потрянете доказательствами, скептикам крыть будет нечем, а вы станете героиней и коронованной особой и привлечете к себе симпатии очень многих людей. Наши психологи считают, что это самый выигрышный ход. Вы прошли через страшные испытания и сделали такое, что не под силу многим взрослым. И все это для того, чтобы вернуться домой. И здесь вы поставили свои способности на службу людям. После этого на вас будет трудно лить грязь. Одновременно объявим, что начинаем лечение больных из других городов и рассматриваем возможность принимать нуждающихся из-за границы. Если на кого и посыпятся шишки, то не на вас.

— Вы ставите под удар мою сестру, — сказала Настя. — У нее не будет нормальной жизни.

— Смотря что считать нормальной жизнью, — повторил директор ее слова. — Нормальная она у королевы Великобритании? Ваша сестра — принцесса королевства с другой планеты, единственный человек в нашем мире с нечеловеческим геномом. И она, кстати — одно из основных ваших доказательств. Геном — это такая штука, которую не

подделаешь. Я думаю, что у нее будет завидная судьба. Детей, правда, не будет, но многие...

— Будут у нее дети, — перебила Настя Бабурина. — Я об этом позаботилась своей силой и тем перстнем, который сейчас у нее. Надеюсь, что он у нее и останется.

— Тем более! — сказал он. — Внимания и любви у вашей сестры будет больше, чем у кого бы то ни было, постарайтесь только подействовать на нее так, чтобы у девочки от всего этого не закружилась голова.

— Все будут с ней носиться, а я одна воспитывать! — с сарказмом сказала она. — Думаете, у меня получится? Ладно, вашим психологам видней, но я все-таки думаю, что многие люди не поверят в сказку. Я буду демонстрировать им чудеса, а они объявят их мошенничеством или действием инопланетной техники. Еще и скажут, что мой экстернат — липа, потому что я своей силой мутила мозги учителям.

— Будут и такие, — согласился директор. — Многое, Настя, будет зависеть от вас. У вас будут встречи с представителями прессы и выступления по телевидению, вот и блесните умом. Ложь проходит там, где затыкают рот правде. Останутся те, кто не поверил и пытается как-то очернить? Так такие всегда были и будут. У любого значительного человека есть враги и просто недоброжелатели, но не сидеть же из-за них серой мышкой! Если честно, я вам немного завидую. Многие проживают жизнь, не испытав и малой доли того, что выпало вам, а ведь вы еще только начали жить! Главное — не напортачьте со своими полетами. Я понимаю, что с шаром совсем другая жизнь, вот только его применение может ее сильно сократить. Если нет возражений, я отдаю эту бумагу президенту. Говорить о вас будет он.

Такое выступление состоялось через три дня. Вчера они все, кроме Татьяны, переехали на новую квартиру. Домового и Джуну Настя доставила в сферу, когда в пять приемов перевозила вещи, а остальных отвез на машине отец. Она только что закончила с лечением и собиралась есть доставленный из столовой обед, когда позвонил Зеленин и посоветовал включить телевизор и посмотреть первый канал.

— Передача начнется в два часа, так что еще есть немного времени, — сказал полковник. — Сегодня вас никто не будет трогать, а на завтра на это время ничего не планируйте. Скорее всего, вас будет терзать пресса.

О выступлении президента заранее не оповещали, поэтому многие узнали о нем в вечерних выпусках новостей. Позже передачу повторили еще два раза, а все желающие могли ее посмотреть в интернете, в том числе и с переводом на несколько языков. Вначале он рассказал о таинственном исчезновении Насти, и о том, что ее поиски ни к чему не привели. О ее появлении было сказано несколько слов, после чего президент сразу же перешел к результатам научных исследований приобретенных девочкой способностей.

— Работы проводились авторитетными учеными с привлечением самого современного оборудования, но наши специалисты только подтвердили наличие самих способностей. До сих пор совершенно непонятна природа той силы, при помощи которой девочка исцеляет людей, делиться знанием языков и производит внушение. Ничего не дали и исследования артефакта «кольцо». Это обычное золотое кольцо, которое тем не менее может по мысленному запросу убирать самые разные предметы в другой мир и возвращать их обратно. Единственное условие заключается в том, что эти предметы должны принадлежать Насте, поэтому нам пришлось «отдать» ей робот, с помощью которого дважды пытались исследовать место хранения вещей. Единственное, что удалось выяснить, это то, что время там сильно замедлено по сравнению с земным. Проводились и генетические анализы образцов тканей ее сестры, которые подтвердили ее инопланетное происхождение. Геном

Ольги Никитиной или Лиссы Навальской, как ее звали в родном мире, не имеет ничего общего с человеческим.

Дальше президент рассказал о проекте «Лечебница» и о том, почему прием ведется ограниченное время.

— Никакого лечащего оборудования в клинике нет, лечит сама Настя. На лечение каждого больного она тратит силы. Пять тысяч больных в день — это предел, иначе она не сможет восстановить силы. Надеюсь, не будет больше вопросов и насчет выходного дня. У девочки тяжелая и однообразная работа, и отдых ей просто необходим. Мы и так ограничились одним выходным днем вместо двух. Лечение одних москвичей проводили потому, что не были готовы больничные корпуса клиники. Вчера был сдан в эксплуатацию первый из них, а в течение нескольких месяцев достроят еще четыре. В них, а так же в частично освободившиеся лечебные учреждения Москвы будем привозить больных с тяжелыми заболеваниями из других регионов. Предпочтение будет отдаваться тем, у кого ограничено время жизни. В дальнейшем мы планируем в небольших количествах принимать таких больных из-за границы. Их будут лечить на коммерческой основе, а все заработанные средства пойдут на развитие отечественной медицины. Хочу вас заверить, что количество платных больных не превысит двадцати процентов от их общего числа. Сама Настя за свое лечение не получает никакого вознаграждения. Ей его предлагали, но у девочки на хранении много золота, поэтому она не нуждается в деньгах и от платы за лечение отказалась. Единственное, чем ее отблагодарили, это покупкой элитной квартиры в Москве и помощью с отдыхом.

— Вот сволочь, — нелестно отозвалась о президенте Настя. — Обязательно скажу, что выкупила эту квартиру.

— Я вам рассказал невероятные вещи, — продолжил президент. — Много из сказанного удалось проверить, кое-что мы приняли на веру. Конечно, будут сомневаться и многие из вас, потому что нелегко поверить в сказку. Хочу сказать, что мы предоставим возможность представителям прессы пообщаться с Настей Никитиной. Я рассказал о ней лишь самыми общими словами и, наверное, сильно разжег ваше любопытство. На пресс-конференции Настя сможет заполнить пробелы в моем рассказе и ответит на вопросы корреспондентов. Дополнительно мы организуем встречу с ней на телевидении. Надо сказать, что это необычайно умная девочка с железным характером. Она сама без репетиторов подготовилась и сдала экстернат за седьмой, восьмой и девятые классы на одни пятерки, затратив на каждую годовую программу всего один месяц. Говорю для тех, кто может усомниться в честности такой сдачи, что экстернат за десятый класс она сдаст комиссии при использовании приборных методов контроля.

— Это он хорошо придумал, — одобрила мать. — Будут гораздо меньше болтать.

— Напоследок хочу попросить всех оказать уважение целительнице и не обращаться к ней лично с просьбами о помощи, — сказал президент. — Вы ее не получите, а только превратите жизнь девочки в ад, нарушите ее восстановление и навредите самим себе и всем остальным. Мы опубликуем номера телефонов клиники, по которым можно будет справиться о лечении, и будем оперативно освещать ход строительства ее объектов и все изменения в работе. Еще пару слов о возможной реакции на мое выступление за рубежом. Я ожидаю, что она будет очень негативной. И из-за того, что мне не поверят, и потому, что их больных будем принимать не сейчас и с низкой квотой. По поводу веры или неверия могу предложить нашим зарубежным партнерам собрать авторитетную комиссию ученых,

которым мы предоставим возможность пообщаться с Настей Никитиной и провести те же исследования, которые проводили мы. Для этих целей они могут привезти в клинику любое оборудование. Обращения отдельных ученых мы рассматривать не будем. Что касается квот, то на первом месте для нас были и будут наши граждане, их жизнь и здоровье, а все прочие пусть скажут спасибо за то, что мы им предлагаем. У нас нет причин жертвовать своими жизнями и здоровьем ради граждан тех государств, в которых Россию и россиян подвергают травле. В случае каких-то попыток оказать на нас давление, никакого коммерческого лечения иностранцев проводиться не будет.

— Хороший ход, — сказала мать. — Ты не только заработаешь миллиарды, но и заставишь кое-кого пойти на уступки. Жизнь и здоровье большинство людей ценит превыше всего остального. В наше время редко встретишь по-настоящему здорового человека, а медики со своей химией здоровья не дадут, в лучшем случае на время придавят болезнь. А ты, дочь, будешь исцелять за год два миллиона больных.

В пятом часу раньше обычного приехал хмурый отец.

— Что-то случилось? — забеспокоилась Надежда.

— Нужно уходить с работы, — ответил он. — После этого выступления у меня побывали почти все сослуживцы. У каждого кто-нибудь болен, а некоторые рвутся приехать всей семьей. Намеки, уговоры и открытые просьбы. Уже и деньги предлагали. Если откажусь, буду сволочью, которой плевать на друзей. Я пока и не отказывался, сказал, что посоветуюсь с дочерью.

— Считай, что посоветовался, — сказала Настя. — Я их не могу лечить. И не только потому, что остается мало сил, а потому, что об этом обязательно узнают. Одного-двух, но не всех работников вашего Управления с их женами и детьми. Ваше министерство я обработала, а московские управления — нет. Лучше тебе перейти в нашу службу: здесь к тебе не будут обращаться с такими просьбами, и никуда не придется ездить. Кстати, ты мне подал хорошую мысль.

Она сходила за телефоном и позвонила Зеленину.

— Дмитрий Павлович, не обидитесь, если я займу несколько минут вашего отдыха?

— Излагайте, Настя, — ответил полковник. — Я еще не успел приступить к своему отдыху. Что у вас случилось?

— Отец подал полезную мысль. Мы лечили у себя в основном старших офицеров и тех, кто был действительно болен. Но у всех есть семьи. То же самое и у сотрудников нашего центра. Я думаю, что у них к нам с вами будет совсем другое отношение, если...

— Я вас понял, — сказал Зеленин. — И сколько таких больных вы сможете вылечить?

— Сколько нужно, — ответила она. — Если не хватит своих сил, возьму у браслета. Для него это пустяк. Только учтите, что эта информация только для вас. И есть еще два момента. Нужно приводить только больных, а не вообще всех, и собрать их в несколько приемов, чтобы не было большой толпы. Понятно, что никто об этом лечении не должен болтать. Наши офицеры однозначно не будут, а вот их жены и дети... А работников центра предупредить, что за болтовню будем увольнять. И всем нужно сообщить, что я умею отличать ложь от правды. Слухи все равно пойдут, но я их постараюсь как-нибудь пережить.

— Одних лечим по благу, а других посылаем лесом, — насмешливо сказал слышавший ее разговор отец. — И зря ты ссылаешься на меня, я тебе таких мыслей не подсказывал.

— Неважно! — махнула рукой Настя. — Ты меня на нее натолкнул. Пойми, папа, твои полицейские для меня чужие. Рисковать из-за них я не хочу. А этим лечением я себе

обеспечиваю надежный тыл. Я обрабатывала наших офицеров, а работники центра никакого внушения не получали. А если я вылечу их близких, его и не нужно будет делать. Большинство людей все-таки порядочные и не чужды благодарности. Так, мне кто-то звонит. Наверное, это Олег.

Она угадала: звонил Олег, который натолкнулся в интернете на сообщение о выступлении президента и только что посмотрел его на сайте первого канала.

— Теперь все узнают, что я влюбился в королеву, — невесело пошутил он. — Чем сейчас будешь заниматься?

— Чем позже о тебе узнают, тем будет лучше, — сказала Настя. — Лишь бы не проболтались американцы. Насчет королевы забудь: я уже давно не ношу короны, да и правила вынужденно и недолго. Хотела заняться с учебниками, но теперь придется полежать и подумать о том, что рассказать на пресс-конференции, а о чем лучше умолчать.

— Наверное, мы сегодня не увидимся?

— Наверное, нет. Извини, но у меня сейчас не то настроение и куча дел, а для встречи нужна совсем другая обстановка.

— Жаль, что я не могу тебе ничем помочь, — сказал юноша и отключился.

Вздыхнув, Настя пошла в комнату, которую отдали Оле и Марку.

— Марк, ты здесь? — спросила она домового. — Покажись, нужно поговорить.

— Для чего это я тебе вдруг понадобился? — пропищал появившейся на своей кровати Марк. — Уже и забыл, когда ты меня звала. И отдыхать два раза летала без меня. Я, конечно, читал о любви и понимаю...

— Ничего ты не понимаешь! — слегка покраснела девочка. — Не те у нас отношения, о которых ты читал. А на отдых я тебя возьму, когда мы туда выберемся все вместе. И не нужно меня упрекать за невнимание: сам видишь, что я все время занята, не лечением, так учебой. С Олегом и то почти не встречаюсь.

— Ладно, я тебя простил, — проворчал он. — Говори, что от меня нужно. Не просто же так ты ко мне пришла поговорить такая занятая.

— У меня, скорее всего, завтра встреча с корреспондентами, и я хочу, чтобы ты на нее поехал со мной. Только там нужно будет стать видимым, и тебя увидят миллионы людей во всем мире. Ты жаловался на невнимание, так вот, там этого внимания будет выше крыши.

— Вообще-то, это против всех правил и обычаев, — задумчиво сказал Марк, — но ради тебя... Я ведь вместе с вами слушал президента и понимаю, как важно, чтобы тебе поверили.

— Тогда слушай, о чем можно говорить, а о чем нельзя даже заикнуться.

Настя проинструктировала домового и переключилась на сестру.

— Ты слышала наш разговор? Так вот, все сказанное Марку справедливо и для тебя. Тебя я на первую встречу с прессой не беру, но таких встреч будет немало, и на некоторых будешь ты. Запомни о чем нельзя говорить ни в коем случае. Все остальное на твое усмотрение. Старайся не врать и говорить как можно меньше.

Закончив говорить с Олей, Настя ушла в свою комнату и легла на кровать. К ней тут же забралась Джуна и подставила голову под руку. Пришлось чесать, но это занятие не мешало думать. Обдумав часть своего рассказа, она не выдержала и, оставив на кровати недовольную мартышку, села к компьютеру посмотреть, какая реакция на выступление президента. В Европе ее можно было охарактеризовать тремя словами: удивление, недоверие и насмешка. Были даже заявления о безумии русского президента. Мы же говорили, что он чокнулся! Разве это выступление не доказательство? Или вы такие дураки, что верите в магию? В

Штатах тоже издевались, но таких высказываний было заметно меньше. У нас реагировали немного иначе. С облегчением писали, что наконец-то появилась хоть какая-то ясность насчет лечения. Естественно, многие ругали высказанную мысль о коммерческом лечении иностранцев. Лучше, мол, пусть лечат своих, а на медицину деньги найдутся, а не найдутся, можем сами сброситься. На хрен европейцев с американцами, которые спят и видят сделать нам гадость. В открытую кричат, что Россия им враг, а мы их должны лечить? Насчет магии мнения разделились. Многие допускали, что такая сила действительно существует. Если лечит не машина, а эта девчонка, то чем-то же она излечивает тысячи людей! Скептикам этот аргумент крыть было нечем, поэтому они переключились на волшебное кольцо и пришельцев. Все было примерно так, как девочка и предполагала. Оставив включенным комп, она вернулась на кровать додумывать свою версию рассказа. Закончив, Настя с час почитала учебник, а потом занялась медитацией, которую закончила за полчаса до ужина. Медитации Блинова пока не давали заметных результатов, но она упорно тренировалась и старалась их ни в коем случае не пропускать. Ужин прошел без обычных разговоров из-за того, что все, кроме Оли, были не в настроении.

Утром, когда сели завтракать, отец сказал, что решил сменить работу. Настя этого хотела, но радости ей решение отца не доставило. Поев, она раньше времени пошла в клинику. Больных уже начали привозить, но пока отправляли в накопители, поэтому она прошла по пустым палатам, пытаясь представить, что чувствуют люди, которых сюда свозят и в спешке укладывают на кровати. Здесь почти все были или просто очень тяжелые, или безнадежные. Палаты проветрили, но к концу лечения, несмотря на вентиляцию, появлялся какой-то неприятный запах. Многие его не чувствовали, а у нее он вызывал озноб. Машины с потолка так и не сняли, но теперь их уже не включали. Жаль, они красиво работали. Сколько в них вложили труда! Надо будет попросить, чтобы хоть одну сохранили. Можно еще предложить отдать киношникам, может, им пригодятся для съемки какой-нибудь фантастики. Посмотрев на часы, Настя поспешила в свой коридор. Ей здесь хотели поставить движущуюся дорожку, чтобы не ходить взад-вперед, а ездить. Как будто для нее это труд. Вот час за часом ставить заклинания было тяжело. Тот, кто никогда этим не занимался, не поймет. К концу лечения не хотелось вообще ни о чем думать. Хорошо, если ей перед пресс-конференцией дадут хоть немного отдохнуть. Загорелся зеленым светом индикатор заполнения первой палаты, потом второй. Когда три индикатора из пяти показали готовность, девочка начала работать. Семьдесят пять заклинаний и четыре часа хождения по пустому коридору. Когда все это закончилось, Настя растерла виски и несколько раз с силой ударила себя по щекам. Стало немного легче, и она поспешила покинуть клинику и добраться до квартиры. Больничный корпус был совсем рядом, и на дорогу уходила всего пара минут. Кухни в этой квартире не было, и они ели в гостиной. Обед уже стоял на столе, но девочка только выпила горячий чай и ушла в свою комнату. Медитация была единственным средством быстро привести себя в нормальное состояние, а горячий чай прогонял ощущение холода и пустоты в груди. Это чувство было связано не с потерей сил, а с чем-то другим, потому что притоком силы из браслета не убиралось. Медитация, на которую ушло двадцать минут, принесла облегчение. Настя хотела пообедать, но зазвонил телефон.

— Звоню насчет пресс-конференции, — сказал ей Зеленин. — Обычно о подобных мероприятиях предупреждают за несколько дней и отработывают их проведение, но у вас на подготовку будет только сегодняшний день. С прессой встретитесь завтра в четыре часа.

Хватит вам этого времени, чтобы отдохнуть? Вот и прекрасно. Никаких проработок с вами проводить не будем. Что там говорить, решите сами.

Пресс-конференцию проводили в конференц-зале Московского государственного института международных отношений. В зале, кроме телевизионщиков, собрались больше сотни корреспондентов, которые слушали сжатый рассказ Насти, о ее приключениях. Девочка старалась говорить о главном и выбросила все, по ее мнению, несущественное или опасное, поэтому смогла уложиться в полчаса. Когда она закончила, ведущий предложил собравшимся задавать вопросы. Он же, руководствуясь какими-то непонятными Насти соображениями, выбирал, кому дать слово.

— Соединенное королевство, газета «Дейли Экспресс», Луи Фишер, — сказал поднявшийся со стула мужчина лет пятидесяти. — Мы выслушали занимательную историю. Хотелось бы услышать, чем все это подтверждается.

— Чтобы все подтвердить, вас нужно отправить в тот мир, — сказала Настя, — хотя и в этом случае не получится узнать все. Кое-что я вам смогу подтвердить на этой пресс-конференции, что-то подтвердили ученые, например, внеземное происхождение моей сестры, а остальное... Хотите — верьте, хотите — нет, мне это безразлично. Давайте начнем с магии, потому что она вызывает больше недоверия. Лечение магией уже подтверждено десятками тысяч вылечившихся больных. Полное выздоровление происходит всего за несколько дней, и легких больных в наш центр не возят. Сейчас я продемонстрирую вам один из разделов магии, который требует мало силы. Это магия иллюзий. Проще всего создавать изображения, сложнее добавить к ним запах, а самое затратное — это придать иллюзиям видимость материальности. Я всем демонстрировала розы, подарю их и вам.

Она прошлась взглядом по залу, и каждому корреспонденту на колени упала красная роза. Все еще стоявшему Фишеру она упала к ногам. Англичанин нагнулся и поднял цветок.

— Пахнет розой, — с удивлением сказал он, — и даже шипы колются. И вы утверждаете, что это иллюзия?

Все розы одновременно исчезли.

— Это не внушение, — продолжила Настя. — Внушенные образы существуют только в воображении загипнотизированных людей, а эти цветы увидели миллионы телезрителей, и они останутся на фотоснимках. Могу вам наколдовать объект покрупнее.

Рядом с девочкой возник Чужой, который подошел к краю возвышения и зашипел на отпрянувших мужчин. Где-то в последних рядах послышался женский крик. Поискав взглядом, Настя увидела испуганную корреспондентку. Кажется, она здесь была единственной женщиной.

— Эта иллюзия позволяет ее потрогать, — сказала девочка, хлопнув ладонью по спине чужого. — Желающие могут выйти и попробовать.

Чужой опять открыл пасть, из которой выдвинулась внутренняя челюсть, и желающих его трогать не нашлось. Убрав иллюзию, Настя вернулась за свой стол.

— Магией можно внушать, не прибегая к словам, — продолжила она. — До того как у меня отняли почти все силы, я это могла делать сотням, а теперь нелегко справиться с одним человеком. Сейчас я напишу на листе бумаги, что хочу внушить, а вы проверите, что получится.

Сделав надпись, она опять вышла из-за стола и протянула руку. Англичанин поспешил подняться на возвышение и попытался ее руку поцеловать.

— Я сняла внушение, — сказала она сконфуженному мужчине, — хотя поцеловать руку королеве, пусть даже бывшей, не позор, а честь. Смотрите на бумагу.

Она показала всем лист, на котором крупными буквами было написано: «поцеловать руку».

— Последнее, что я вам продемонстрирую в магии, это передача знания чужих языков. Я знаю все языки нашей планеты, но чтобы пользоваться каким-то из них, должна его хоть раз услышать. Сейчас я говорю на тридцати двух языках, а вам только что подарила знание китайского. В отличие от меня, вам на его изучение понадобятся пять дней. Через три дня вы овладеете речью, а через пять — письменностью.

— Извините, а я? — спросил поднявшийся китаец.

— Вам я дам знание французского, — под смех зала сказала Настя. — Ни у кого нет сомнения в том, что сила, которую я называю магией, существует?

— Можно вопрос? — спросил еще не ушедший англичанин. — Ваша магия исчерпывается тем, что нам показали?

— Конечно, нет, — ответила девочка. — Просто у меня сейчас не те силы, чтобы продемонстрировать вам материализацию или, например, огненную магию, к тому же я их почти все потратила на лечение. Я знаю огромное число заклинаний, жаль, что сама могу использовать лишь те, которые требуют мало сил. Из всех заклинаний боевой магии я смогу вам продемонстрировать только удушение и остановку сердца, но вряд ли найду здесь для этого добровольцев. Перейдем от магии к кольцу, существование которого многие ставят под сомнение. Оно не видно на моей руке, но желающие могут пощупать.

Она спустилась к первому ряду и протянула руку одному из мужчин.

— Есть кольцо, — с акцентом сказал он и, не выпуская руки спросил: — Я могу ее поцеловать?

— Если хотите, — разрешила Настя. — Руки у меня чистые. Давайте я вам покажу некоторые предметы, которые сейчас находятся в мире с очень медленным течением времени. Это мое королевское платье, на котором драгоценными камнями выложен герб династии Навальских. Это мой меч, а это кошель с золотыми монетами, который я оставлю на столике. Когда закончится пресс-конференция, можете взять себе по одной монете на память.

— Разрешите вопрос? — поднялся со второго ряда высокий, крепкий мужчина. — Соединенные Штаты Америки, газета «Дейли Экспресс», Брет Варни. Как кольцо определяет, что вещь принадлежит вам?

— Я думаю, что считывает из моей головы, — ответила девочка. — Я должна быть уверена в том, что вещь моя. Даже формальная передача в мою собственность дает мне право забрать ее из любой точки мира. Например, если американское правительство подарит мне один из ваших авианосцев, я его заберу, а потом смогу вернуть в какой-нибудь порт. Только уберите с него всех матросов, потому что при передаче на хранение все живое гибнет. Ничего чужого я взять не смогу.

— Как исследовали кольцо? — спросил американец.

— По-моему, просвечивали рентгеном, — сказала она. — Никто не может снять его с моей руки, а я сама этого делать не собираюсь. Это мой шанс на бессмертие.

— Вы нам об этом не говорили, — заметил он.

— Я вам о многом не говорила. Неужели вы думаете, что можно за полчаса рассказать все, что со мной случилось за девять месяцев? К тому же я вам больше рассказывала то, во

что не так трудно поверить, или что можно хоть как-то подтвердить. В рассказе было несколько слов о Городе.

— Расскажите подробнее, — попросил он.

— Все, что я о нем знаю, взято из легенд и из короткого разговора моей богини с Владыками вечного города. Я с ними тоже говорила, но совсем немного.

— Какая богиня? — не понял американец.

— Я так называю женщину, которая меня украла, — пояснила Настя. — Ее вид правит в тысячах миров, населенных самыми разными разумными существами. Они настолько могущественны, что играют там роль богов. Но эти боги своих разумных не создавали, не говоря уже об их мирах. Я и с богиней говорила, точнее, больше говорила она, а я только слушала. Во Вселенной редкий мир не имеет бога, наш как раз из таких.

— И что она у нас забыла? — с подозрением спросил американец.

— Богине стало скучно в ее мире, — ответила девочка. — Она как-то узнала о том, что Земля не имеет хозяев, и пришла на нее посмотреть. Ей здесь не понравилось и не захотелось с нами возиться. Но я отвлеклась. Вечный Город появляется в самых разных мирах, которые пополняют его население. Для того чтобы остаться в городе, нужно очутиться в месте его появления, заинтересовать Владык и пройти испытание. Я его прошла, но не собиралась там оставаться. Потребовалось вмешательство богини, чтобы они меня отпустили. Кольцо должно меня вернуть, если я этого захочу или когда буду умирать. Не знаю, чем занимаются жители города, но смерти там нет.

— А для чего тогда это хранение? — не понял американец.

— Мне сказали, что это просто полезная функция, чтобы я его не выбросила. Еще сказали, что кольцо может меня как-то защитить и уничтожит любого, кто попытается его снять. Давайте перейдем к другим вопросам.

— Федеративная Республика Германия, газета «Франкфуртер альгемайне цайтунг», Альфред Бартель. Хотелось бы вернуться к той, кого вы назвали богиней. Как она смогла вас похитить из квартиры и какая цель этого похищения? Вы говорили об испытании, но любое испытание имеет цель. Или это она так развлекалась?

— Похитила очень просто, — ответила Настя. — Выдернула прямо со стула, когда я сидела за компом, засунула в какой-то шар, который пролетел сквозь стену и через минуту очутился в космосе. Просто так с планеты на планету не попадешь, только через космос. Я вам говорила о шаре. А цель... Может, она и развлекалась, но основной целью была оценка моих возможностей. В нашем последнем разговоре она сказала, что еще ничего не решила с Землей.

— Вы считаете, что ее здесь примут с распростертыми объятьями? — язвительно спросил немец. — У нас и в своих богов уже мало кто верит, а она вообще не бог.

— Я ничего не считаю, — ответила девочка, — сказала вам то, что слышала. Больше мне по этому вопросу добавить нечего, поэтому прошу задавать другие.

— Королевство Швеция, газета «Экспресс», Стиг Бринкман. Скажите, та, которую вы называете своей сестрой, пришла с вами по собственной воле?

— Я уже говорила, что она сирота, — ответила Настя. — У нее никогда не было теплых отношений с оставшимся править братом. При рождении Лиссы умерла королева, и Недор ей этого не простил. Со старшей сестрой были очень хорошие отношения, пока она не вышла замуж. А меня она любила, как и я ее. Мое появление ускорило мятеж, в результате которого были убиты король и наследник, но если бы не я, погибла бы вся семья. Я спасла

малышку и отвезла ее к старшей сестре, но она все равно вернулась ко мне.

— Уйти в чужой мир, где у нее не будет детей... — начал швед.

— Уйти с любимой сестрой в мир, где у нее будет семья, — перебила его девочка. — Теперь у нее есть родители и дед, которых она любит. И единственное, что я с ней сделала магией, это дала возможность иметь детей. Магия это вам не наука, она может и не такое. Еще вопросы?

— Аргентинская Республика, газета «Клариан», Эдуардо Фарбер. В вашем рассказе говорилось о сражениях с людоедами и профессиональными воинами. Извините, но, глядя на вас, в такое совершенно не верится.

— Я гораздо сильнее своих сверстниц, — ответила Настя, — и быстрее очень многих. Как я уже говорила, в мою голову было записано искусство боя лучших воинов погибшей империи. Каждый день я развивала тело и много тренировалась. В лесу людоедов мне попался старый орк, который применил магию и не ожидал сопротивления от пищи. А схватки... Сначала помогло владение метательным оружием, а потом сказались многочисленные тренировки с гвардейцами. Жрецов я сначала лишала магии, а только после этого убивала мечом. Для мага лишиться магии — это ошеломляющий удар, чем я и пользовалась. Уже здесь я какое-то время ходила на секцию борьбы для дочерей офицеров полиции. Когда немного отработала борьбу паладинов, стала побеждать взрослых девушек. Сила очень важна, но проворство и знание приемов боя не менее важно.

— Республика Индия, газета «Таймс-оф-Индия», Нирмал Тилак. Вы говорили об огромной силе. Неужели такое возможно для человека?

— Магические возможности людей могут быть больше моих, но они ограничены, — начала объяснять девочка. — Но есть возможность безграничного накопления силы в специальных магических устройствах. Такое было и у меня. Я покупала силу у магов и заставляла делиться силой виновных в мятеже жрецов. Перед своим уходом я собрала силу тысяч сильных магов, но меня сюда с ней не пустили.

— У вас отобрали этот артефакт?

— У меня забрали из него почти всю силу. Оставили совсем чуть-чуть. Я вам ответила?

— Я бы еще хотел узнать, есть ли свои маги на Земле.

— Люди с силой есть, хотя мне пока по-настоящему сильные не попадались. Но магия это не только сила, это еще умение ею управлять и знание нужных приемов, поэтому я считаю, что у нас магов нет.

— Китайская Народная Республика, газета «Жэнь минь жибао», Лу Маньшу. Я бы хотел услышать, с чем связано ограничение времени вашего лечения, и нельзя ли его как-нибудь увеличить?

— Об этом уже говорил наш президент, но могу сказать и я. На лечение одного человека уходит очень мало силы, но, когда их пять тысяч, я на них трачу две трети того, что имею. В том мире, где я была, полностью потраченная сила восстанавливается за три дня, а в нашем — примерно за полтора или чуть больше, поэтому при больших нагрузках я просто не успею восстановиться. Кроме того, долго лечить тяжело. Я и за четыре часа полностью выматываюсь.

— Тогда почему не снизить нагрузку?

— Потому что хочется спасти больше людей, а себя я потом быстро привожу в порядок отдыхом и медитацией. Следующий вопрос.

— Итальянская Республика, газета «Коррьере делла Сера», Пьер Солера. Расскажите

подробней о своей смерти.

— Я вам и без подробностей о ней зря рассказала, — недовольно сказала Настя. — Это самые неприятные воспоминания из всех. Может, зададите другой вопрос?

— Мне интересен этот. Если верить вашим словам, вы долго были мертвой и при этом что-то чувствовали. Это противоречит данным современной науки. Нашим читателям, несомненно, будет интересно узнать, что их ждет после смерти.

— Ничего хорошего, — ответила девочка. — Мыслей нет вообще, остается только осознание себя. Такое иногда бывает и в жизни, но очень недолго. Темно и никаких ощущений и мыслей, кроме чувства, что ты есть. Это очень неприятно и трудно объяснить словами. К тому же, когда я ожила, почему-то была твердая уверенность, что то состояние не навсегда. Если бы меня не вернули к жизни, я бы в той мгле постепенно исчезла. Растворилась бы, как сахар в воде. Следующий вопрос.

— Федеративная Республика Германия, газета «Ди Вельт», Рихард Меринг. Я бы хотел узнать ваше отношение к лечению больных из других стран.

— Как бы я ни старалась, все равно всех не вылечу, — сказала Настя. — Даже в России это невозможно, что уж говорить о других государствах. У нас эта идея правительства не встретила одобрения. Мне она тоже не нравится, но не столько из-за того, что придется меньше лечить своих, сколько из-за того, что придется лечить врагов. Лечение коммерческое, поэтому почти наверняка в первых рядах таких больных будут состоятельные европейцы и американцы. Напомнить, как вы к нам относитесь? Только не нужно сейчас убеждать меня в том, что мы сами же во всем виноваты. Эти слова вам лучше оставить для своих читателей. Я служу государству и выполню то, что мне поручат, но только до тех пор, пока под ударом не окажутся мои личные интересы. Если правительство какого-нибудь государства будет делать мне гадости, я на это спокойно смотреть не стану.

— Соединенные Штаты Америки, газета «Нью—Йорк пост», Френк Дальберг. Я хотел уточнить, действительно ли вы работаете на правительство без вознаграждения. Ваш президент говорил о золоте и о том, что вам купили квартиру...

— С золотом все правда, — улыбнулась ждавшая этот вопрос девочка, — а вот насчет квартиры он допустил неточность. Квартиру мне действительно купили, но я ее тут же выкупила золотом. Его у меня несколько тонн, так что можно не жаться. По этой же причине меня не интересует плата за лечение. У меня много денег и нет привычки ими сорить, поэтому нет надобности в оплате лечения. Это мой дар моему народу.

— В развитых странах вы бы имели больше! — сказал американец. — И вас бы сумели защитить.

— Я уже беседовала с секретарем вашего посольства, — сказала Настя, вызвав шум в зале. — Он меня как-то нашел, когда гуляла в парке, и тоже обещал золотые горы. Я ему ответила, что от добра добра не ищут, то же скажу и вам. Что касается охраны, вы ее не смогли обеспечить даже своему президенту. В вашей стране слишком много оружия, здесь я себя буду чувствовать спокойней.

— Соединенные Штаты Америки, газета «Уолл—Стрит джонерел», Вуд Касслер. Я думаю, все, о чем вы нам рассказывали, и что здесь демонстрировали, можно объяснить не какой-то магией, а действием инопланетной техники.

— И в чем вопрос? — спросила девочка. — Если вы так думаете, можете думать и дальше. По-вашему, над каждым из десятков или сотен тысяч магов другого мира выются невидимые инопланетные штуковины, которые улавливают и исполняют их мысли? Или это

мы вам душим мозги, чтобы не делиться своими секретами?

— Конечно, второе.

— Вашим ученым будет предоставлена возможность все изучить, хотя я от этого не в восторге. Они ничего не найдут, а я должна буду вместо отдыха заниматься с ними тем, что уже делала с российскими учеными. Знаете, Вуд, я почему-то уверена в том, что если бы все то, что случилось со мной, произошло с какой-нибудь американкой, вы бы наших ученых не подпустили к ней и на пушечный выстрел. Следующий вопрос.

— Российская Федерация, газета «Известия», Игорь Воронов. Вам помогли с отдыхом. Не расскажете об этом подробнее?

— Не расскажу, — отрицательно покачала головой Настя. — Это закрытая информация, разглашение которой может сказаться на моей безопасности.

— Тогда, может быть, вы нам еще что-нибудь покажете?

— Если хотите, могу показать инопланетянина, — засмеялась девочка. — Настоящего, а не иллюзию. Правда, никаких технологий он вам не выдаст, потому что их не знает. Это мой домовый, который прилетел вместе со мной на Землю. Домовые обладают своей магией, и они не коренные жители того мира, в котором я была, а перенесены в него одним из богов. Его зовут Марк. Когда-то он мне служил, а сейчас фактически стал членом семьи. Марк, покажись прессе.

У края возвышения возник домовый, который с удовольствием выслушал удивленные возгласы.

— Долго мне им себя демонстрировать? — пропищал он. — Вопросы не задают, только глазеют...

— Разрешите задам я? — вскочил сидевший во втором ряду толстяк. — Какая была цель вашего появления на Земле?

— Королева своей магией разрушила замок, который я считал своим, — ответил Марк. — Она разбиралась с графом Видьяром, а я пострадал. Но она была настолько великодушна, что спасла меня и отдала один из своих дворцов. Когда она стала принцессой, я последовал за ней. Ее квартира, конечно, не дворец, но у вас интересней жить. У нас компьютеров нет.

— Какая принцесса? — не понял толстяк.

— Как какая? — удивился Марк. — Настя, конечно. Она была дочерью короля, а королевством правила временно и не была замужем. Когда она все отдала брату, опять стала принцессой. Как можно не понимать таких простых вещей?

— И чем же вы занимаетесь?

— Сейчас отвечаю на ваши вопросы, — почему-то сердито ответил домовый, — а вообще, как вам сказала принцесса, я член ее семьи. Усыновлять меня нельзя из-за возраста, но мне бумажки без надобности. Настя, может, хватит?

Домовый исчез, а девочка предложила задавать вопросы.

— Республика Польша, газета «Наш Дзенник», Яцек Бехлер, — представился так и не севший толстяк. — Разрешите задать один вопрос о вашем домовом. Его исследовали ученые?

— В обычаях его вида вести скрытный образ жизни, — сказала Настя. — Он даже дома часто становится прозрачным. Меня просили об исследованиях, но Марк куда-то ехать отказался, разрешил только взять кровь и обследовать его ультразвуковым зондом. Что накопили ученые, я вам не скажу, потому что не интересовалась. Следующий вопрос.

— Государство Израиль, газета «Едиот Ахронот», Йорам Гринберг. Вы говорили о том,

что забрали с собой тонны золота. Неважно, кому они принадлежали, но разве не нанесло вред небольшому королевству изъятие такого количества золота?

— Во-первых, откуда вы взяли, что оно небольшое? — спросила девочка. — Я этого никогда не говорила. По размерам оно побольше Англии, хотя населения гораздо меньше. Во-вторых, хочу сказать, что большая часть золота извлекалась не из оборота, а из хранилищ. Живых владельцев этого золота не осталось, а изымалось оно у тех, кто создал свое богатство грабежами, причем делалось это с их же ведома.

— Как такое может быть? — удивился израильтянин.

Пришлось рассказать о том, как она обобрала жрецов.

— В довершении хочу сказать, что было еще и в-третьих. Половину своего золота я оставила брату. Это гораздо больше того, что было в королевской казне до мятежа. Если учесть то, что я не дала развалиться королевству и оставила брату сильную армию, орден магов и надежных помощников, ему будет нетрудно править. Следующий вопрос.

— Канада, газета «Торонто Стар», Дуглас Майтон. Вам нет пятнадцати лет, но после этой пресс-конференции я бы к ним без колебания добавил еще лет десять. И ваша учеба... Не скажете, в чем причина?

— Причин несколько, — ответила Настя. — Я очень много читала, а чтение развивает речь и дает знания. Книжный опыт своего не заменит, но он мне сильно помог. Кроме того, когда в мою голову вкладывали курс Академии магии, ее немного улучшили магически. Намного проще стало воспринимать и запоминать новые знания. К сожалению, сама я делать магическую оптимизацию не умею. Жизненные испытания отбили лень и заставили понять простую, в общем, истину, что человек делает себя сам. Если хочешь добиться большего, засучи рукава и работай. Именно этим я и занимаюсь. Думаю, что через две недели сдам экстернат за десятый класс.

— А зачем вам это нужно? — спросил корреспондент. — Вы собираетесь учиться дальше?

— Не хочу быть невежей, — сказала девочка, — поэтому обязательно закончу школу. Дальше учиться не буду: хватит с меня и высшего магического образования.

— Я думаю, мы на этом закончим, — сказал ведущий. — На днях на первом канале российского телевидения будет показана передача с участием Насти и Ольги Никитиных, из которой вы несомненно узнаете много нового об их жизни. А сейчас позвольте поблагодарить нашу целительницу за то, что она после трудной работы пришла сюда рассказать о себе и ответить на ваши вопросы.

— Какая чушь! — ругалась Настя, когда на следующий день после лечения просмотрела обзор прессы. — Наши написали много ерунды, а в Европе — это вообще мрак!

— А что пишут в Америке? — поинтересовалась мать. — Я только смотрела телевизор, так там высказывания, в общем, благожелательные. Многие тебе, правда, не верят.

— Американцы уверены, что мы что-то нашли и не хотим ни с кем делиться, — ответила дочь. — Почти все публикации об этом. Пишут, что неплохо было бы создать какой-нибудь международный институт под их присмотром и нас там препарировать. Нас — это меня, Олю и Марка. Это они еще не видели Джуну, а то приплюсовали бы к нам и мартышку! Европейцы пишут примерно то же самое, разве что больше оговорок и не так распускают языки. Свернуть бы им кукиш, да жаль, не получится.

— От тебя китайцы в восторге, — сказала вошедшая в гостиную Оля. — Я недавно смотрела. Японцы тоже не ругаются, но они вообще любят таких красивых, как ты.

— Приплюсуй сюда индусов, — добавила Настя. — Эти действительно пытаются разобраться и не отметают все сходу.

— Что ты сердишься? — сказала мать. — А то ты не знала, что так будет. Если уж у нас, где многие к тебе настроены доброжелательно, больше половины не верят в твой рассказ, то в Европе все и должно быть гораздо хуже. У них уже давно нет своего мнения, а мнение защитников и спасителей такое, что во всех мерзостях жизни виновата Россия. И приезд их ученых ничего не изменит. Если они ничего не найдут, воплей только прибавится. Им от тебя не будет никакой пользы, а вот мы со временем можем усилиться. Я боюсь, дочь, что многие могут решить, что без тебя жизнь будет спокойней.

— А лечение? — возразила Оля. — Их же тоже собираются лечить!

— Такое лечение — это палка о двух концах, — ответила ей мать. — Людей будут убеждать в том, что Настя не только лечит, но и влияет на мозги, поэтому нечего к нам ездить, особенно их элите. И потом оно принесет нам большие валютные поступления и усилит влияние, а все это однозначно плохо. Ладно, еще прошло слишком мало времени, посмотрим, что будет через несколько дней. Завтра вам ехать на телевидение, так что сможете там высказаться.

Встреча в студии первого канала была организована как интервью двух российских принцесс, как стали называть Настю с Ольгой. Рассказ Насти на пресс-конференции изобилдовал пробелами, их и пришлось заполнять, отвечая на вопросы ведущего. В основном говорила Настя, но много вопросов было и к Ольге. Это и понятно: Настя была все-таки своей, а Ольгу официально признали человеком другого мира. Ничего особенного от нее не слышали. Девочка только дополнила рассказ сестры и ответила на вопросы: почему решила уйти на Землю, и что ей здесь больше всего понравилось. Общее мнение смотревших передачу свелось к тому, что если их не дурят, то люди другого мира ничем не отличаются от землян, кроме генома. Говорили полтора часа, но теперь не осталось неясностей с тем, что делала Настя в другом мире, конечно, если этот мир был вообще. Многие в него по-прежнему не верили. Вот если бы вместо богов были пришельцы, а вместо магии работала их техника, в такое поверили бы.

Прошла неделя. За это время в российских и зарубежных СМИ появилось много материалов о работе лечебного центра. Через него прошли уже в общей сложности сто тысяч больных. Полностью излечившихся было больше половины, остальные быстро шли на поправку. Прибывшие в Россию специалисты Медико-генетического центра из Мюнхена взяли образцы ткани у Ольги Никитиной и после их анализов подтвердили ее внеземное происхождение. Сегодня сообщили об открытии центра обучения иностранным языкам, в котором каждый мог за минуты овладеть любым из трех десятков языков. Государственных служащих обучали бесплатно, всем остальным надо было раскошелиться. После первой поездки Настя взбунтовалась.

— Чем вы думали, когда восстанавливали этот городок? — наседала она на Зеленина. — Пятьдесят минут езды туда и столько же обратно! В шаре это не имело значения, но как я туда полечу, когда за каждым моим шагом следит уйма народа? Как хотите, но этот языковой центр должен быть неподалеку от клиники. Эту неделю я, так и быть, поезжу, а потом вам придется его закрывать!

— Я передам, — пообещал Дмитрий Павлович. — Постараемся что-нибудь сделать. Кто-то при планировании посчитал такое нормальным, а остальные как-то не подумали. Возможно, временно освободим какое-нибудь здание. Я думаю, что управимся не за неделю,

а раньше.

Сегодня Настя отработала в языковом центре пятый раз. Возвращались обычным порядком: впереди ехал «форд» полиции, а за ним один из «джипов» охраны. С небольшим интервалом следом двигался бронированный «мерседес», в котором сидела Настя, и замыкали движение еще один «джип» с бойцами ФСО и полицейская машина. Маршрут постоянно менялся. Водитель головной машины получал информацию о дорожном движении и направлял колонну туда, где можно было без помех проехать на максимальной скорости. В этот раз все шло, как и в предыдущие поездки, почти до самой клиники. Когда до нее осталось всего два квартала, из переулка на большой скорости выехала легковушка, которая рванулась наперерез «мерседесу». Водитель попытался избежать столкновения, но не успел. За мгновение до удара Настя вызвала сферу и вместе с вырванным из машины сиденьем улетела вверх.

Взрыв начиненной взрывчаткой автомашины изувечил и отбросил бронированный «мерседес» через дорогу на тротуар. Тоже бронированные «джипы» охраны пострадали меньше, но и им досталось. Полицейские машины, как и другие, которым не повезло проезжать в это время поблизости, снесло с дороги. Три машины упали на тротуары, убивая и калеча и так пострадавших от взрыва пешеходов. Водители уцелевших машин резко затормозили, вызвав столкновения с ехавшими сзади. Насте тоже досталось. Она успела взлететь на два десятка метров, когда внизу полыхнул ослепительный свет, и страшный удар подбросил сферу вверх, ненадолго лишив девочку сознания.

— Настя, очнись! — сквозь пелену беспомощности пробился крик Раша. — Немедленно пополняй силы, а то погибнешь! У тебя своих почти не осталось!

Преодолевая дурноту, она потянула из него силы, пока не почувствовала, что полностью восстановилась. Подлечив себя одним из исцеляющих заклинаний, девочка посмотрела вниз. Сфера на большой высоте висела в стороне от дороги. Там, где произошел взрыв, валялись разбитые машины, возле которых уже сустились люди, а на дороге по обе стороны от места теракта образовался затор из сотен остановившихся автомашин. На тротуарах тоже лежали машины и бегали люди, а дома по обе стороны дороги лишились всех стекол. Спустившись ниже, Настя увидела, что пострадавших пешеходов и тех, кого удалось извлечь из машин, уносят во дворы. Снега еще не было, но с утра подморозило, поэтому оставлять их на улице было нельзя. И как сюда теперь подъехать «скорым»? Первым делом она подлетела к машинам своего кортежа. Один из «джипов» лежал на боку, второй стоял на колесах, и дверцы в них были открыты. Все бойцы были контужены, а некоторые получили переломы. Обработав их магией, девочка полетела к «мерседесу». Вместе с ней ехали шофер и охранник, и оба были мертвы. Полицейские «форды» сильно пострадали, и пытавшимся оказать помощь людям не удалось открыть дверцы. В одной машине погибли все, во второй оба полицейских уцелели, но получили тяжелые травмы и были без сознания. Настя подлечила и их, после чего осмотрела место взрыва. Воронка на дороге была небольшой, но от машины террориста ничего не осталось. Девочка не стала оказывать помощь другим пострадавшим. Живых наверняка занесли в квартиры, поэтому искать их было долго. Шофер начиненной взрывчаткой машины погиб, но, может, был кто-то еще? Она применила магию и обнаружила чье-то пристальное внимание к разбитому «мерседесу». Полетев по следу, Настя обнаружила стоявшего на тротуаре типа, который не сводил глаз с ее машины. Смуглый молодой мужчина с модной небритостью, одетый в теплое пальто и меховую шапку, сильно мерз, но не спешил уйти с продуваемого ветром перекрестка. Девочка приблизилась к нему вплотную, подчинила и спросила, кто он и чем сейчас занят.

— Нагиб Аббуд, — с акцентом ответил он. — Нужно точно знать, убили девчонку или нет. Машина уцелела, поэтому могла и выжить.

— Поверни за угол и иди в первый же двор! — приказала Настя и полетела следом за ним.

В проходе во двор, куда он свернул, никого не был. Со двора доносились громкие голоса, но людей она отсюда не видела. Убрав сферу, девочка на всякий случай отвела глаза и подошла к застывшему Нагибу.

— Оружие или взрывчатка есть? — спросила она, разрешив ему двигаться.

— Пояса нет, — помотал он головой, — только это.

Настя забрала у него тяжелый пистолет и взялась свободной рукой за пальто. Когда они оказались в сфере, девочка парализовала свою добычу и, поднявшись выше домов, полетела домой. Клиника была совсем близко, поэтому проще было долететь, чем подниматься, чтобы скрыть хлопок. Влетела она в свою комнату и тут же убрала сферу, вывалив Нагиба на пол. К счастью, по телевизору о покушении пока ничего не сообщали, поэтому мать встретила ее спокойно.

— Оработала? — спросила она, оторвавшись от телевизора. — Можешь поесть пирожные, мы их тебе оставили в вазе.

— Какие-то сволочи разнесли вдребезги мой кортеж, — ответила она, заставив мать побледнеть. — Позвони отцу и Тане и скажи, что у меня все в порядке, а я сейчас буду звонить Зеленину.

Полковник сразу ответил на звонок.

— Слава богу, что вы живы! — взволнованно сказал он. — Почему отключили телефон?

— Потом будете со мной разбираться, — ответила Настя. — Дмитрий Павлович, я захватила одного из террористов, который сейчас в моей комнате. Вам нужно его забрать и привезти всех пострадавших от теракта в нашу клинику. Мое спасение объясним помощью кольца, я об этом не зря говорила на пресс-конференции.

— Договорим, когда приеду, — оборвал ее полковник. — Даже по защищенному каналу не стоит об этом болтать!

Он вместе с оперативниками приехал через десять минут. Пока их не было, девочка успела позвонить Олегу.

— Привет! Олег, ко мне сейчас должны приехать, поэтому совсем нет времени на общение. Звоню, чтобы сказать, что жива и невредима. На нас было нападение, но я успела спастись, так что, когда будешь слушать новости, не волнуйся. Подробности я по телефону не скажу.

— Когда увидимся? — спросил он. — Ты бы хоть заскочила на несколько минут. Последний раз виделись пять дней назад да и то очень недолго.

— Не знаю, — ответила она. — Из-за этого покушения я пока буду занята. Позже, когда будет время, перезвоню.

Зазвенел звонок, и Настя пошла к входной двери. На экране был виден Зеленин и стоявшие за ним бойцы в камуфляже, поэтому она открыла дверь и повела всех в свою комнату.

— Подождите, — остановила девочка бойцов, хотевших поднять Нагиба. — Он пойдет сам.

Настя сняла с боевика паралич и приказала ему подчиняться и правдиво отвечать на все вопросы.

— Возьмите его пушку, — сказала она командовавшему оперативниками майору, — и передайте своему начальству, что я должна знать все, что вы вытянете из моей добычи. Директору я позвоню.

Следующий час она лечила полсотни пострадавших, которых доставили в одну из палат клиники. Двадцать семь человек, не считая смертника, погибли при взрыве, и еще пять умерли, до того как к ним добрались медики из проехавших по тротуарам «скорых».

— В машине было больше ста килограммов взрывчатки, — рассказывал Зеленин, когда Настя делала паузу между обработками. — В восьми домах выбиты стекла, и десятки людей

получили порезы. Сейчас им обрабатывают и зашивают раны, а завтра привезем сюда.

— Привезите сегодня, — сказала она. — Времени еще много, а я зарядилась от браслета. После обработки у них все к утру должно зажить. Дмитрий Павлович, вы слышали, что я сказала майору? Поговорите с директором сами, или это делать мне?

— Зачем вам это, Настя? — спросил он. — Вы уже оказали помощь и мы теперь сами...

— Нет, будем работать вместе, — возразила она. — Если вы не согласитесь, я рву с вами все связи. Оставлю себе только лечение, а всех остальных пошлю лесом! Вы меня учили борьбе с террористами, и теперь я хочу применить свои знания на практике. Из-за меня погибли ребята, которых я знала, и совершенно посторонние люди. И помимо погибших многие пострадали. Я считаю, что такое нельзя спускать с рук. Если у этого Нагиба остались сообщники в Москве, можете взять их сами, хотя со мной обойдетесь без стрельбы. Я просто прилечу и прикажу им выйти и сдаться. Если сюда приперся араб, наверняка следы ведут куда-то за границу. В последнее время вы сильно прижали радикальных исламистов, а это покушение может быть их мстью. Уж они-то от моей смерти ничего не теряют, наоборот, делают вам гадость, а себе — рекламу. Узнаете, где их база и дадите фотографию города и этого Нагиба или кого-нибудь другого.

— Хотите их навестить? — спросил Зеленин.

— Вы что-то имеете против? — ответила вопросом Настя. — Миг — и я на месте, а потом по наводке араба выхожу на базу. Есть у вас что-нибудь небольшое и мощное? Дадите мне, и я с ним отправлю туда своего араба, а если там будет охрана, она ему поможет. Сколько уже можно такое терпеть? Разнести там все, чтобы и следа не осталось, а потом еще объявить, кто это сделал и по какой причине! Американцы отправили свой спецназ за головой бен Ладена, не спрашивая разрешения у пакистанцев! Еще и хвастались потом, какие они крутые!

— Я все передам директору, — пообещал Дмитрий Павлович. — Решать будет он или кто-то выше.

Отец приехал после ухода Зеленина, на час раньше обычного, вошел к Насте в комнату, обнял ее и долго держал, не отпуская.

— Страшно было? — спросил он, когда они сели в кресла.

— Нет, — ответила девочка. — Вначале было некогда бояться, потом сферу так долбануло, что у меня чуть не вылетели мозги. Наверное, она все-таки как-то смягчила удар, забрав у меня для этого силу, потому что ее после лечения и языков было еще много, а когда я очухалась, осталось на доньшке, и пришлось срочно заряжаться от Раша. Потом... Понимаешь, папа, я ведь насмотрелась в том мире на тела и сама их рубила. Это сказывается, поэтому я, когда снизилась, испытывала боль, жалость и злость, но не страх.

Мама только повздыхала, но не стала допытываться подробностей, а может быть, ей обо всем рассказал отец. А вот Оля пристала как банный лист, и Настя ей в двух словах все рассказала. Этим вечером девочка ничем не занималась. Несмотря на лечебные заклинания, самочувствие было неважным. На магов плохо действовала собственная магия, а других магов, кроме Блинова, не было, но Валентин Сергеевич так и не смог освоить ни одного лечебного заклинания. Сил вылечить несколько человек у него хватало, а вот голова работала недостаточно хорошо, чтобы создать сложные заклинания исцеления.

— Наверное, ты используешь не все возможности сферы, — сказал Насте Раш. — Если она легко пролетает сквозь любые препятствия, могла бы пропустить через себя и взрывную волну. Попробуй в следующий раз приказать словами или образами, а сейчас обработай себя

магией еще раз. Пусть не очень сильно, но все равно поможет.

Она послушалась и вскоре заснула. О сообщении правительства узнала на следующий день перед завтраком. В нем коротко сообщалось, что на целительницу Анастасию Никитину было совершено покушение. Водитель—смертник на загруженной взрывчаткой машине на большой скорости выехал по боковой улице и столкнулся с центральной машиной кортежа. Взрыв привел к гибели нескольких бойцов охраны и полицейских, а также пассажиров проезжавших рядом машин и прохожих. Кроме того, тридцать пять жильцов находящихся рядом домов получили ранения от осколков оконных стекол. Анастасия Никитина не пострадала, благодаря защите артефакта «кольцо». В завершении обращения обещали не оставить этот теракт без ответа. Его организаторы и исполнители должны понести суровую кару за гибель и ранения людей и причиненный материальный ущерб. Сообщение передали еще вчера, а сегодня во многих газетах и утренних выпусках новостей о покушении говорили со всеми подробностями.

Настя ушла лечить, не успев посмотреть, какая была реакция на это покушение у нас и за рубежом. Это она посмотрела, когда вернулась. В России все поголовно были возмущены, а комментарии на самых разных сайтах пестрели нецензурными выражениями. Высказывались разные предположения о том, кто это мог сделать, но многие традиционно обвиняли американцев. В Европе возмущения покушением почти не было, больше было дебатов о том, как именно какое-то кольцо может спасти из закрытого бронированного автомобиля. В США кольцо тоже было основной темой разговоров. Большинство склонялось к тому, что кольцо и Настю отправило «на хранение», а потом вернуло назад, возможно, в другое место. Если такое перемещение действительно смертельно, значит, кольцо смогло как-то защитить свою владелицу. В связи с этим многие высказывали недоумение тем, что до сих пор не отправлены ученые для изучения всего того, что откуда-то притащила эта русская девчонка. Если ничего не получилось у русских, это еще не значит, что такая же неудача постигнет нас. Нужно пользоваться предоставленной возможностью, пока не передумали. А то только взяли образцы тканей у ее сестры и на этом успокоились. В отличие от этих недовольных, Настя знала, что задержка с ее изучением связана с доставкой оборудования из Штатов. Она уже собралась встать из-за компьютера, когда позвонил Зеленин.

— Звоню по вашей просьбе, — сказал он. — Я говорил с директором, и у него нет принципиальных возражений по вашей просьбе, но придется немного подождать. Ваш подарок оказался интересным и пополнился еще двумя такими же уже отечественного производства. Мы их купили сами, без вашей помощи. Пару дней ими попользуемся, а потом, когда будет принято решение, вас вызовут.

Такой вызов пришел на третий день, через два часа после окончания лечения. Все эти дни центр изучения языков не работал, и у Насти появилось свободное время. Вчера она даже слетала с Олегом в Камрань. Погода была замечательная, а вода чистая и теплая, поэтому они очень хорошо провели время.

Позвонил ей сам директор, и уже через несколько минут она сидела в его кабинете.

— Кроме вашего араба, в Москве были еще двое, — сказал Бабурин. — Оба русские и к исламу не имеют никакого отношения, работали за деньги. Один приезжий, а другой москвич, у него они и останавливались. Машину угнали за пару часов до теракта.

— А кто был шофером? — спросила Настя.

— Один придурак из наших, — ответил он. — Мальчишка семнадцати лет из

кабардинцев. С помощью этой троицы вышли на тех, кто переправлял им взрывчатку. Схема была довольно интересная, но вам это не нужно, поэтому я не буду вдаваться в подробности. Вашего араба в Россию отправил один из двухсот принцев—саудилов. Он никак не занят в управлении государством, поэтому мы не можем сказать, его ли это была инициатива или ее проявил кто—то другой. Вряд ли это сам король или кто—то из правительства, скорее всего, одна из радикальных исламских группировок, с которой он связан. Ваш Нагиб в такие тайны не посвящен. Он неплохо знает русский язык и успел повоевать в Чечне, поэтому и послали. Дали крупную сумму денег и переправили взрывчатку, а все остальное он у нас сделал сам. Настя, вы по—прежнему хотите послать Нагиба с взрывчаткой к принцу?

— А почему я должна передумать? — сказала девочка. — Цель у меня осталась та же самая, вот только выполню я ее по—другому. Принц живет в столице?

— Да, у него в Эр—Рияде шикарный особняк. Он один из дальних родичей короля, поэтому обходится без дворца. Как вы думаете действовать?

— Очень просто, — начала объяснять Настя. — Смотрю на фотографию столицы и перемещаюсь в нее со своим арабом и бомбой. С помощью араба отыскиваю ваш шикарный особняк, лечу в него и нахожу там двухсотого принца. Потом забираю принца с собой, а вместо него оставляю Нагиба в обнимку с бомбой. Сделайте так, чтобы она взорвалась через полминуты после активации. Мне этого времени хватит.

— У него несколько жен и дети.

— Это что—то меняет? — спросила девочка. — Среди пострадавших пассажиров и прохожих не было женщин и детей? Обмен какого—то араба на принца считаю выгодным, а для меня там никакой опасности нет. Принца я вам подарю не просто так. Я его сделаю послушным, а вы узнаете, с чьей подачи он все организовал. Дело нужно довести до конца. Мы с вами никого не трогали, по морде хрястнули нас! Подставлять другую щеку? К сторонникам Толстого не отношусь, я даже его книги читать не люблю.

— Этот вопрос будет решаться на самом верху, — сказал Бабурин. — Если ваш план утвердят, потребуется время на подготовку.

— Если на самом верху, то передайте этому верху, что я могу на него обидеться. Сколько вам нужно готовиться? Если трудно достать фотографию Эр—Рияда, я на него могу посмотреть в интернете, и я никогда не поверю, что у вас нет подходящих взрывных устройств.

— Подождите пару дней. Я вам сам позвоню.

— Тогда сделайте одолжение: организуйте мне с сестрой на завтра сдачу экстерната. Я бы это сделала и сама, но президент обещал, что мою честность будут контролировать. Ну и сестра сдаст заодно. Я ее боюсь отпускать с матерью, несмотря на вашу негласную охрану.

— Сделаем, — ответил он. — На четыре будет нормально? Ехать никуда не придется, все сделаем в вашем больничном корпусе. Оборудуем две пустые палаты и пригласим учителей и кого—нибудь из прессы. Я знаю, что у вас там есть неиспользованные помещения. Летите отдыхать и постарайтесь завтра не ударить в грязь лицом.

— Завтра мы с тобой будем сдавать экзамены, — предупредила Настя Олю, когда все для ужина собрались в гостиной. — Если не хочешь, скажи — и я позвоню, что твой экстернат отменяется.

— Что там сдавать, — с деланным пренебрежением ответила сестра. — Сдам без проблем и засяду за третий класс. До лета и его сдам!

— И куда ты так спешишь? — неодобрительно сказала мать. — Детство не должно

проходить за компьютером и за учебниками.

— Все равно вы меня здесь не отдадите в школу, а мне надо чем-то заниматься, — возразила Оля. — И потом мне это не трудно.

— Мне, наверное, скоро придется надолго уезжать, — сказала Настя. — Больных с Московской области еще можно свозить в Москву, но везти их сюда со всей России — это маразм. Сделают в областных центрах что-то вроде нашей лечебницы и свезут больных, а я приеду.

— Всю жизнь проводить в разъездах? — спросила мать. — И что это будет за жизнь?

— Не всю, — ответила девочка. — Нужно лечить по-другому, тогда я быстрее управлюсь. Наш центр строился из расчета скрытого лечения. Я хожу по коридору, а лечит аппаратура. Если не заниматься этой фигней, я могу заходить прямо в палаты. Все дело в ограниченности дальности действия моей магии. Если делать такую палату, как у нас, с двухъярусными кроватями, а мне стать в ее середину, то она может быть в четыре раза больше, а я за свои четыре часа вылечу уже двадцать тысяч больных. Ну или за пять, потому что больше времени уйдет на заполнение и разгрузку палат.

— А сила? — спросил отец.

— Недостающую силу буду брать у Раша. Ее потребуется немного, поэтому мне его силы хватит лет на двадцать. В год я вылечу пять миллионов больных! Если заниматься только тяжелыми, можно вылечить всех за два-три года, а остальных и иностранцев пусть уже везут сюда.

— А как объяснишь свои слова о недостатке силы? — спросила мать.

— А что там объяснять? — удивилась Настя. — Я никому ничего не солгала. Моей собственной силы действительно не хватает. И о браслете я говорила. Сказала, что силы в нем чуть-чуть, и это так и есть, если учесть то, сколько ее в нем было. Эта сила мне оставлена на тот случай, если я захочу вернуться в мир Вероны. Оля туда не захочет, а я... Неплохо было бы кое-кого увидеть, но из-за этого тратить силу, которая может спасти миллионы жизней? Перебьюсь. Я лучше быстрее вылечу людей и сэкономлю себе годы.

После ужина она созвонилась с Олегом и рассказала ему о завтрашних экзаменах.

— Должна со всеми разделаться за один день. Сдам и догоню тебя. А за одиннадцатый класс думаю отчитаться весной. Ты когда будешь готов?

— К весне должен успеть, — ответил он. — Настя, а у тебя нет средства улучшить память?

— Вот дура! — выругала себя Настя. — Где твой отец?

— Смотрит телевизор, — ответил юноша. — А почему дура? Ты что-то вспомнила?

— Сейчас буду, — сказала девочка. — Есть одна процедура, которая тебе очень поможет. А дура потому, что языки дала, а ее не сделала. Если принесет твоего отца, придется отводить ему глаза.

Настя уже не искала окно друга, потому что его было видно издали. По ее просьбе Олег поставил на подоконник настольную лампу, и включал ее при вечерних визитах.

— Если бы ты знала, как по тебе скучаю! — встретил ее юноша. — Садись на кровать, а я сяду рядом. Хоть немного побуду с тобой.

— Так, глаза я отвела и «полог тишины» установила, — сказала девочка. — Теперь твой отец меня не увидит и не услышит. Учти, что и ты его слышать не будешь. Садимся, и давай мне свою руку. Гордись, я этот браслет надевала только двоим: сестре и нашему президенту. Ты третий.

— И долго мне с ним сидеть? — спросил Олег. — Что он делает?

— А ты уже хочешь, чтобы я улетела? — засмеялась она. — Сиди, это недолго. Будешь гораздо умнее, а память, на которую ты жаловался, станет почти абсолютной. У меня вся семья такая, только их браслет оптимизировал на расстоянии, а на это нужно дней десять. Когда он на руке, достаточно подержать минут двадцать.

— За двадцать минут рядом с тобой я готов хоть каждый день оптимизироваться, — сказал он. — Можно взять твою руку?

— Бери, — разрешила Настя, — а вот целовать не нужно, а то заберу. Учти, что я сейчас дала тебе знание японского. Хватит пяти языков или потом еще какой-нибудь добавить?

— Хватит, — ответил он. — Я переводчиком не буду. А можно я прижму твою руку к щеке? Ну, Надя, корреспонденту даже разрешила поцеловать.

— Корреспондент для меня никто, а тебя я люблю, — покраснев, ответила она. — Ты на меня и так действуешь, не хватало еще твоих ласк. Все, снимай браслет.

— Двадцати минут еще не прошло, — посмотрев на часы, сказал Олег. — Или ты обиделась?

— Никаких обид, — успокоила она друга, — просто Раш сказал, что тебе хватит. Это у всех происходит немного по-разному.

Забрав браслет, она попрощалась, вызвала сферу и улетела.

Когда Настя утром уходила в клинику, возле больничного корпуса не было ни одной машины, а когда возвращалась домой, их там стояло три десятка.

«Неужели это из-за нашего экстерната? — подумала она. — И телевизионщики приехали. Интересно, как всех впихнут в две палаты?»

Оказалось, что для их мероприятия освободили пять помещений. Мало того что экзамены каждой из сестер предстояло сдавать в разных комнатах под прицелом камер, так там же со своим оборудованием разместились и работники телестудии. Слава богу, что хоть корреспондентов отвели в другие комнаты, где за ходом экзаменов следила специальная комиссия Министерства образования и науки. Один за другим сменялись учителя, и в табелях Насти и Ольги появлялись честно заработанные пятерки. Обе отвечали без подготовки и не допустили ни одной ошибки. Естественно, Ольга все сдала гораздо раньше. Ответив на вопросы оживившихся представителей прессы, она вместе с дождавшейся ее матерью ушла в квартиру. Настя отчитывалась два часа, а потом еще ответила на несколько вопросов корреспондентов и сама рассказала сенсационную новость о том, что хочет в четыре раза увеличить прием больных.

— А почему вы не хотели использовать этот резерв силы раньше, а теперь передумали? — спросил один из корреспондентов.

— Не была уверена в том, что не придется уйти с Земли в другой мир, — ответила девочка. — Теперь такая уверенность есть. О причинах можете не спрашивать: не отвечу.

Поблагодарив всех за внимание, она ушла домой. В гостиной на столе стоял большой торт, который с ножом в руках делила Оля, а мама здесь же из электрического чайника заваривала чай. Отец не предупредил, что сегодня вернется раньше, поэтому его приход стал неожиданностью.

— Что с тобой? — встревожилась мать, увидев его лицо. — Коля, что-то случилось?

— Случилось, — ответил он. — Отец умер.

— Как умер? — оторопела Настя. — В Карелии?

— Ни в какую Карелию он не поехал, — ответил отец, устало садясь на стул. — Смерть

наступила примерно месяц назад, а квартиру вскрыли только сегодня, когда соседи обратились в полицию из-за запаха.

— Так вот почему не было звонков! — всхлипнув, сказала девочка. — Он отключил старый телефон, а номер нового обещал передать, когда придет к другу. Из-за чего наступила смерть?

— Может быть, узнаем после экспертизы, — ответил он, — Окна были закрыты, а топят по-зимнему. Тело в таком состоянии, что...

— Он не мог умереть сам, — сказала Настя. — Я ему так подправила здоровье, что должен был прожить самое малое пять лет! Кто этим занялся?

— Занялась полиция, — ответил отец, — но это дело у нас сразу забрали, так что можешь звонить справляться своему Зеленину. Только не звони сейчас, он тебе пока все равно ничего не сможет сказать.

— Не надо плакать, маленькая, — сказала мать и обняла тихо плачущую Олю. — Твой дедушка прожил очень долго. Если бы не Настя, он бы мог и до этого времени не дожить.

— Это все из-за нас! — не прекращая плакать, ответила малышка. — Настя, ты найдешь тех, кто это сделал?

— Может, найдут спецы из ФСБ, — ответила Настя, — а я ничего не смогу сделать. Не если они найдут, тогда я буду стараться изо всех сил! Те, кто это сделал, умоются кровью! Деда я никому не прощу!

Отец позвонил Тане, и она приехала к ним вместе с женихом. Слава не стал им мешать и ушел в комнату Оли, а вся семья собралась за столом в гостиной. Мать позвонила на кухню, и ужин доставили на всех.

На следующий день, после лечения, Настю на выходе из клиники встретил Зеленин. После приветствия Дмитрий Павлович проводил девочку домой и зашел для разговора в ее комнату.

— Причина смерти пока неясна, — ответил он на ее вопрос о ходе следствия. — Попробуем что-нибудь найти на теле, но на это надежд мало. По мнению его врача, никаких предпосылок для смерти не было. Возраст у старика, конечно, большой, но он был здоров и полон сил.

— А ваша защита квартиры? — спросила девочка.

— Она должна была не допустить наблюдения за квартирой, — ответил полковник. — Мы за вашим дедом не шпионили и записи не вели. Квартиру обследуют, но если работали профессионалы, мы в ней ничего не найдем. Ваш араб клянется, что Сергеем Алексеевичем не занимался и, похоже, не врет.

— Не может он вам врать, — сказала Настя. — А что по тем, кто крутился вокруг деда?

— Это были люди, напрямую не связанные с разведкой, из фонда, который финансируют американцы. За ними понаблюдали, а потом не стали деликатничать и хорошо пугнули. С неделю понаблюдали, но никакого внимания не обнаружили, а когда узнали, что ваш дед уезжает, наблюдение сняли.

— А о том, что он уезжает, вам сказала я. Выходит, что я и в этом виновата.

— Глупое занятие — обвинять себя в подобном несчастье, — сказал Зеленин. — Вы еще скажите, что если бы не вернулись, ничего бы этого не случилось! Постараемся найти виновников, если это все-таки не естественная смерть. Теперь второй вопрос. Визит, на котором вы настаивали, состоится. Вы можете взять с собой двух взрослых мужчин?

— Мать с сестрой брала и с отцом летала, а с двумя не пробовала, но, думаю, все

должно получиться. А что, хотите дать мне телохранителя?

— Угадали, — ответил полковник. — Наш человек и вас подстрахует, и сам будет работать с взрывным устройством. Так нам будет спокойней. Сколько это может занять времени?

— От пол часа до часа, — сказала Настя. — Это если не делать экскурсий по столице. Какая у нас разница во времени?

— Никакой. Полетите сразу после лечения, а пообедаете, когда вернетесь. Такие дела лучше не делать на полный желудок.

— Алексей, вас выбрали из-за роста? — спросила Настя парня, которого ей представил майор Лопухин.

Крепкий, с невыразительным лицом, боец был всего на голову выше ее.

— И из-за роста тоже, — с улыбкой ответил он, — но у меня есть и другие достоинства.

— Постарайтесь не задерживаться без нужды, — сказал Насте Виктор Сергеевич. — Сейчас много самых разных людей будут из-за вас жечь нервные клетки. Я тоже вхожу в их число.

— Ну и зря, — ответила она. — Если ваша бомба сама не взорвется, ничего с нами не будет. Давайте сюда араба, пора уже отправляться.

В комнату ввели скованного наручниками Нагиба.

— Для чего это? — спросила девочка, показав рукой на наручники. — Снимите их, он будет мне помогать. Так, оба взяли эту штуку и стали поближе друг к другу.

Освобожденный от наручников араб и прикрепленный к Насте боец взяли за ручки пузатое взрывное устройство и стали вплотную лицом друг к другу.

— Надеюсь, поместимся, — сказала она, обхватила сзади Алексея и вызвала сферу.

— Интересный шарик, — сказал боец, ощупывая сферу свободной рукой. — Ставить можно или нам ее так и держать?

— Поставьте и садитесь, — разрешила Настя. — Никогда она у меня не была такой большой.

Комната исчезла, и они очутились на большой высоте над огромным городом, который простирался во все стороны, насколько хватало глаз.

— Куда лететь к твоему принцу? — спросила девочка у растерянного Нагиба.

— Можно подлететь к той башне? — робко спросил он, показав рукой на небоскреб, напоминавший вытянутую пирамиду. — От него легко найти путь, летя над дорогой. Только давайте немного спустимся. Видно будет лучше и не так страшно.

— А вам тоже страшно? — спросила она Алексея.

Сфера с большой скоростью приблизилась к небоскребу и снизилась до высоты в полсотни метров.

— Скорее неприятно, — напряженным голосом ответил боец. — Если бы ваш шар не был таким прозрачным, было бы легче. Он еще и тянется, как резиновый.

— Ничего, не лопнет, — сказала Настя. — По уверениям ученых его не пробьешь снарядом. Нагиб, куда теперь?

— Вон по той дороге, госпожа! — показал Нагиб. — Я скажу, когда нужно будет свернуть.

Летели на приличной скорости минут пять, прежде чем араб дважды поменял дорогу.

— Вот ворота! — наконец показал он рукой на раздвижные ворота в высокой каменной ограде. — Я заходил в ту калитку. Там повсюду камеры и охрана.

— Ничего себе, особнячок! — сказала Настя, когда подняла сферу и перелетела через ограду. — Тот же дворец, только одноэтажный. Даже жаль разрушать такую красоту.

— Много охраны, — озабоченно сказал Алексей. — Семь человек с автоматами, и наверняка они здесь собрались не все.

— Плевать, — отозвалась девочка и спросила Нагиба: — Где здесь обитает принц?

— Он здесь везде обитает, — ответил араб. — А меня водили вон туда!

К счастью, нужный принц находился в своем особняке, да еще принимал гостя. Сорокалетний мордастый смуглый мужчина в просторной белой одежде сидел на диване рядом с явным европейцем. Комната, где их нашли, была не очень большой и, по-видимому, использовалась для частных разговоров хозяина с гостями.

— Меня тоже здесь принимали, — сказал Нагиб, заставив обоих мужчин изумленно уставиться в их сторону.

Долго им удивляться не пришлось: Настя подчинила обоих и убрала сферу.

— Комната под наблюдением? — на арабском языке спросила она у принца.

— Нет, здесь никто не смотрит, и сейчас нет записи, — ответил он. — Запись могу включить только я, сейчас она отключена.

— Вы кто? — спросила Настя у «европейца». — На кого работаете?

— Брендон Тернер, — ответил он. — Национальная секретная служба США.

— Это мы удачно зашли, — довольно сказала девочка. — Алексей, оставь свой автомат, мы здесь ни с кем драться не будем. Быстро приводи в действие эту штуковину! Ставь на пару минут. Нагиб, садись возле нее и не позволяй никому трогать, а вы двое идите ко мне. Так, а теперь обнимайтесь, как родные братья. Алексей, готов? Заканчивай и хватайся за них!

На этот раз сфера получилась еще больше. Вылетев в ней через крышу, Настя удалилась на пару сотен метров и дождалась взрыва.

— Что вы в нее натолкали? — спросила она Алексея, провожая взглядом взметнувшийся над оградой столб огня и дыма. — Его соседям тоже достанется.

— Давайте отсюда убираться, — поторопил он. — Все хорошо прошло, теперь нужно так же хорошо закончить.

Очутившись у нужного здания ФСБ, Настя влетела в кабинет Лопухина и убрала сферу.

— Слава богу! — воскликнул майор. — Вижу, что вы целы. А почему привезли двоих?

— На вас не угодишь, — ответила девочка. — Если вам не нужен этот цэрэушник, я его могу прибить. Возвращать обратно не буду. Только сначала нужно узнать, что он делал у вашего принца. Брендон, вы как-то замешаны в историю с покушением на меня?

— Мы это покушение заказали, — ответил сидевший на полу американец. — Когда узнали о вашем шаре, решили, что от вас нужно срочно избавиться. Если бы акция не удалась, проверили бы ваши возможности. Исполнение заказали участникам джихада, потому что у них для этого был мотив и люди, которые уже воевали в России.

— Откуда узнали о шаре? — спросила Настя. — Быстро отвечать!

— Я не интересовался подробностями, — ответил он. — Знаю только, что допрашивали кого-то из родственников.

— Дед не мог вам этого сказать! — выкрикнула она.

— Применили химию, — сказал Брендон. — Никто не удержится, если вколоть большую дозу. Обычно так не делают, но в его случае все равно не стали бы оставлять в живых.

— И что собираетесь делать дальше? — едва сдерживаясь, чтобы не дать выход ненависти, спросила Настя.

— Проводим еще одну операцию, — сказал он, — Сегодня или в крайнем случае завтра должны похитить вашу младшую сестру. Судя по психологическому портрету...

— Разбирайтесь сами, а я домой! — крикнула девочка и исчезла.

Она не стала финишировать высоко, и хлопок получился такой, что отреагировали все, кто находился на территории клиники. Влетев в квартиру, Настя с ужасом увидела лежащие в гостиной тела. Она сразу же поняла, что мать с Олей живы, и оказала им сначала магическую помощь, а потом перенесла обеих на кровать родителей. Двое мужчин, одетые в белые халаты, были мертвы, мертвым был и лежавший у двери в свою комнату домовый. Здесь же стояла тележка с ужином. В горле мужчины, который показался ей смутно знакомым, Настя увидела один из своих метательных ножей. перевязь с остальными лежала на полу в том месте, откуда девочка забрала сестру. У второго мужчины и Марка никаких ран не было. Посмотрев магическим зрением, девочка увидела, что в домовом не осталось ни капли силы.

«Что за невезение! — думала она, сидя на корточках возле маленького тельца. — Как все неудачно сложилось одно к одному! Не могли эти сволочи напасть завтра! Наверное, с помощью приборов узнали, что я ушла, и воспользовались. Для ужина еще рано, но оправдание всегда можно найти, а с едой им бы открыли. Мать ударили по голове, а Оля успела бросить нож, а потом ударили ее. Забрать сестру уцелевший налетчик не успел из-за Марка. Скорее всего, домовый применил какую-то каверзную магию, вложив в нее все свои силы. И магам было бы опасно так тратиться, а для маленького домового это оказалось смертельным».

Прошло меньше десяти минут с момента появления Насти в квартире, когда в коридоре послышался топот многих ног, и во входную дверь требовательно позвонили.

— Здесь справились без нас, — сказала она, открыв дверь оперативникам. — Занимайтесь ими, а я пошла приводить в порядок родных. Да, тело домового не трогать!

Девочка не стала выдерживать интервалы и еще два раза обрабатывала мать с сестрой разными лечебными заклинаниями. В конце концов, потом обработку можно будет повторить, хуже им от этого не будет. Ее усилия дали результаты: сначала пришла в себя Надежда, а потом очнулась Оля. Обе рассказали Насте, как все произошло, полностью подтвердив ее догадки. Когда им полегчало еще больше, такой же рассказ услышали следователи оперативной группы.

— Кто это? — спросила Настя пожилого майора. — Его лицо кажется мне знакомым.

— Вы его, наверняка, много раз видели, — ответил он. — Гришин работал в службе внутренней безопасности центра. Вы сделали ошибку, не обработав ее работников. Благодарность — это хорошо, но не во всех семьях были больные, а когда речь идет о больших деньгах, нужно быть очень порядочным человеком, чтобы не поддаваться искушению.

До прихода отца все было осмотрено, измерено и сфотографировано. Оперативники ушли, забрав с собой тела налетчиков и метательные ножи. Марка Настя им не отдала, отправив его на хранение.

— Потом похороним его рядом с дедом, — сказала она приехавшему со службы отцу. — Они нравились друг другу, пусть и лежат рядом.

— Крупный прокол в безопасности, — отозвался он, лаская Олю. — Все могло очень плохо кончиться. Олю вывезли бы, а мать били так, что могли убить. Наверняка этот Гришин собирался делать ноги, иначе он бы ее убил. А в варианте с бегством убийство не имеет смысла: его все равно стали бы искать. Теперь у кого-то полетят погоны.

— У меня появилась еще одна дочка, — сказала мама, зайдя в гостиную с Джуной на руках. — Бедная, она так перепугалась, что забилась в шкаф. Я ее еле оттуда выманила. Обняла и прижала к себе, а она обмусолила мне щеку и назвала мамой!

— Мама, — не очень разборчиво повторила мартышка и прижалась щекой к ее лицу.

— Я о ней совсем забыла, — виновато сказала Настя. — Поработала с горлом, а потом закрутилась... Папа, ты вроде собирался менять службу, а потом замолчал. Передумал?

— Перестали приставать, — ответил отец. — Кое-кто косится, а с остальными, как раньше, нормальные отношения. Тебя, дочь, в народе любят, а когда узнали о твоих планах ездить по России и лечить в четыре раза больше больных, любить тоже стали в четыре раза больше.

— Мне не смешно, — сказала Настя. — Американцы узнали о моей сфере, поэтому и попытались убрать. Теперь непонятно, чем все закончится. Если с ними найдем общий язык, я бы и по России скакала, как блоха, и больных достаточно было бы свозить в райцентры.

— Хрен ты с ними найдешь, а не общий язык! — сердито сказал он. — Ты все рассматриваешь только с точки зрения удобств и экономии времени и забываешь о безопасности. При таких разъездах тебя рано или поздно грохнут! Обычный снайпер... Тебе об этом еще скажут!

Сказали Насте на следующий день, когда ее через час после лечения вызвал к себе Зеленин. В его кабинете присутствовали еще два офицера, которых девочка почти не знала. Одним из них был вчерашний следователь.

— Садитесь, Настя, поговорим, — пригласил ее сесть Дмитрий Павлович. — Разговор у нас предварительный, с вами еще будет говорить директор.

— Давайте поговорим, — согласилась девочка. — Для начала объясните, почему они выбрали такое неудобное время? Я ушла, но могла ведь и не уйти. Намного удобней совершить налет, когда я занимаюсь лечением. И я не помешаю, и тысячи больных снуют туда-сюда, и много автобусов и скорых...

— Это вам только кажется, что удобней, — ответил полковник. — Больных привозят на отдельную площадку, откуда автотранспорт не выпускают. Понятно, что водители остаются при нем. За этим строго наблюдают. Больные своим ходом и на носилках доставляются в накопители, а после лечения их развозят по больничным корпусам или вывозят теми же автобусами. Если даже кто-нибудь умудрится попасть в ваш корпус, обратно его просто так не выпустят. Это только в первые дни у нас были накладки, сейчас все отлажено, и проникнуть к нам с больными не так легко. Ваши комнаты, кстати, изолированы от больничных палат. Есть возможность пройти через кухню, но там пост, который такую попытку пресечет.

— Тогда почему у них все получилось? — спросила она. — Где вы не досмотрели?

— Каждый вечер в больничные корпуса завозятся продукты, — сказал Зеленин. — Машины пропускаются на специальные площадки рядом со зданиями. Поставщики обычно одни и те же, но шоферы иной раз меняются. Обо всех таких заменах службу безопасности уведомляют заранее. Пока идет разгрузка, за каждым шофером наблюдает работник службы безопасности. Как правило, они не покидают своих машин.

— А этот покинул, — сказала Настя. — Кто его должен был опекать, Гришин? Шофер подставной?

— Шофер самый настоящий, только устроился он на фирму десять дней назад. С тем, кто работал на машине до него, произошел несчастный случай. Документы мы проверили, они проходят по базам данных, поэтому, если он и самозванец, то со стажем. Сейчас его жизнь пропускают через мелкое сито, но на это нужно время. Опекал его действительно Гришин. В машине нашли тайник, куда хотели спрятать Ольгу. Вывезти вечером ее смогли

бы, а днем вместе с больными такое не получится. Вот вам еще одна причина такого позднего визита. Вы в это время частенько отлучались по нашим и своим делам, и это было замечено. Ваша квартира на втором этаже, а все помещения над вами и внизу контролируются, но не нами, а...

— Службой безопасности, — закончила за него Настя. — Что вы там нашли?

— Очень приличный интравизор, с помощью которого вас можно было пересчитать через потолок. Мы поставили в вашу квартиру многоуровневую защиту, но от внешнего прослушивания и сканирования, так что Гришин в каждый приезд своего компаньона знал, дома вы или нет. Несколько дней вы никуда не отлучались, а вчера отправились на операцию. Мы, конечно, примем меры, но настоятельно прошу вас обработать магией хотя бы службу безопасности. Их там всего две сотни человек. Это нужно сделать и для кухонных рабочих и поваров. О вас узнали, и одной попыткой не ограничились. Не так уж трудно отравить всю вашу семью каким-нибудь ядом.

— А в чем смысл такой кражи? — спросила девочка. — Шантажировать меня и требовать услуги в обмен на сестру?

— В ЦРУ составили ваш психологический портрет и выдали прогноз, что в случае опасности для жизни Ольги вы дома не усидите. Им от вас были нужны не услуги, надо было, чтобы вы раскрыли все свои возможности. И действовали бы они не сами, а через подставных лиц. Мне приказали вам сообщить, что будет предложена сделка. Мы молчим об истинных виновниках покушения, а американцы обещают молчать о том, что узнали, и прекращают попытки вам гадить. Со своей стороны мы даем гарантии, что ваши возможности к ним применяться не будут. Но у руководства очень слабые надежды на то, что нам пойдут навстречу. Лет двадцать назад такая сделка была бы реальной, сейчас те, кто правит Америкой, закусали удила и не склонны вообще с кем-либо считаться. Они вполне могут признать свое авторство в покушении, объявив вас исчадием ада и угрозой цивилизации. Цель оправдывает средства. Если вы страшнее бен Ладена, то мы ничем не лучше пакистанцев. Те из-за убийства старика не развязали с ними войну, и мы ее не начнем, а на остальное они наплюют. В мире больше всего ценят силу, поэтому у них развязаны руки.

— Мы войну не начнем, а они?

— Не должны, — не очень уверенно ответил Зеленин. — Они бы и рады с нами покончить, но пока к этому не готовы. Поэтому готовьте себя к тому, что на Западе против вас развяжут компанию травли, а здесь попытаются убить. В связи с этим представляется очень сомнительной ваша идея о поездках в разные регионы. Даже если вы в них будете летать в своем шаре, мы не сможем обеспечить вашей безопасности. Все придется готовить заранее, а это дает большие возможности для подготовки покушения. Взрыв, яды, снайпер или дрон-убийца — возможностей много! Нам и здесь нелегко, а на ваших вылетах будет гораздо труднее. Руководство настроено против вашей идеи, президент даже предложил разработать специальные санитарные поезда повышенной вместимости. Можно переделать существующие вагоны...

— И стащить в Москву всю большую Россию, — невесело усмехнулась Настя. — Из моего Ростова вы их часов за пятнадцать довезете, если ехать без остановок, а из Новосибирска? Ладно, мне еще месяц работать по одной Московской области, да и то только в том случае, если перестроим центр.

— Центр перестроить трудно, — возразил полковник, — проще построить новый. А еще

труднее обеспечить вас таким количеством больных. Мы и пять тысяч доставляем с трудом, а двадцать — это просто нереально, разве что растянуть лечение на весь день. И строить нужно где-нибудь на окраине и подвести туда рельсы. Дороги в Москве и так захлебываются от автотранспорта, а тут еще мы носимся взад-вперед. Вроде не такие уж большие перевозки, но городу мешаем. Уже есть недовольство.

— Ладно, об этом будет время подумать, — сказала девочка. — В конце концов, мне необязательно там жить. Буду лечить из сферы и после каждого лечения возвращаться домой. Поездки планировали, когда нельзя было светить своими возможностями. Неудобно, но безопасно. Ко мне есть что-то еще?

— Есть, — вздохнув, ответил Зеленин. — Допрос американца показал, что они вывели у профессора Никитина о вашем друге. Этот юноша вам дорог, а добраться до него гораздо проще, чем до вас. Просто первой целью была выбрана ваша сестра. Если бы они начали с него, мы бы приняли меры.

— А к нему вы меры не собираетесь применять?

— Не нужно на меня кричать. И сядьте обратно на стул. Приняли мы уже меры. Пока только взяли под охрану квартиру и посадили вашего Олега под домашний арест. Его отца увозим на работу и возвращаем домой служебной машиной. Кстати, для него ваша любовь оказалась сюрпризом.

— Это все полумеры!

— Эх вы как вскинулись, — неодобрительно сказал он. — Не вовремя у вас эта любовь во всех смыслах.

— Вы свою планировали? — ехидно спросила Настя.

— Уели, — согласился Дмитрий Павлович. — Вы сами можете что-нибудь предложить? Допустим, мы привезем в ваш центр Олега. Какое-то время он там может пожить. А его отец? У него своя жизнь и работа, вряд ли он согласится всем этим пожертвовать и где-то прятаться.

— А если им сменить место жительства?

— Поговорите с ними сами, — предложил он. — Мы тоже не всемогущи и можем только предложить охрану. Но если за вас и все ваше окружение возьмутся всерьез, она может не спасти. Пока вы сидите в центре, мы вас защитим, а с вашим отцом уже такой уверенности нет. Его негласно сопровождают, а завтра заменят ваш автомобиль бронированным, но и это не гарантия. Ладно, давайте подождем и посмотрим, может, с американцами удастся договориться.

Договориться не удалось. Три дня американцы молчали, а потом их СМИ подхватили и разнесли по всему миру заявление государственного секретаря Джона Клейтона о том, что русские в очередной раз всем солгали. В их распоряжении оказалось инопланетное средство передвижения, позволяющее практически мгновенно перемещаться в любое место планеты, причем такое перемещение нельзя было ничем отследить. Несколько дней назад русские с его помощью уничтожили особняк одного из саудовских принцев. Эта варварская акция стала мстью за покушение, совершенное на Настю Никитину, в котором якобы был замешан принц. Именно она владеет этим средством, с помощью которого спаслась при взрыве. Других обвинений государственный секретарь не выдвинул, но за него это сделали другие. Почти во всех американских и европейских газетах и на телевидении на Настю обрушился вал обвинений. Повсеместно требовали забрать все имеющиеся в ее распоряжении артефакты под международный контроль. Этот вопрос даже вынесли на голосование в Совет

Безопасности ООН, но представитель России воспользовался правом вето. Это только подлило масла в огонь, показав, что русские ни с кем не хотят делиться. Американцы призвали к полному разрыву торговых отношений с Россией и замораживанию всех ее счетов. Было обещано, что Америка обеспечит европейские страны сжиженным газом по низким ценам. В разгар зимы никто на это не решился, но начали готовиться к строительству в ряде стран регазификационных терминалов и проведению переговоров с Ираном о строительстве завода по сжижению газа. Французское правительство даже собралось заказать своим кораблестроителям новые танкеры. В ответ прозвучало выступление президента России, в котором он признал наличие у Насти Никитиной транспортного устройства, о котором говорил государственный секретарь США. Никто, кроме Насти, не сможет им воспользоваться, а она не собирается причинять кому-либо вред, если только дело не коснется защиты ее жизни и жизней близких ей людей. Он выразил сожаление очередной антироссийской компанией и сказал, что если европейцы так горят желанием избавиться от газовой зависимости, флаг им в руки и барабан на шею. Россия найдет кому продавать газ, пусть это даже приведет к временным трудностям. Президент предостерег от попыток замораживания счетов и конфискации собственности российских компаний и предупредил, что будет конфискована вся собственность компаний сделавших это государств, а все внешние долги будут аннулированы. Это заявление только подогрело антироссийскую истерию и привело к мобилизации всех сил блока НАТО и заявлению правительства США о переброске в Европу дополнительного контингента морской пехоты и средств ее усиления. Без всяких предупреждений на базы США в Европе перебрасывались боевые и транспортные самолеты, а в Черное море вошло крупное соединение шестого флота в составе авианосцев «Джордж Буш» и «Гарри Трумен», десяти кораблей охраны и других вспомогательных судов. Аналогичная авианосная ударная группировка была направлена к берегам Японии для усиления находящихся там кораблей седьмого флота. На базы ВВС в Японии и базу Инджирлик в Турции срочно перебрасывались боевые самолеты. Весь мир с тревогой следил за этим противостоянием, и каждый день только ухудшал положение. Попытки Китая выступить посредником для урегулирования возникших разногласий были отвергнуты правительством Соединенных Штатов.

— В Черное море идет еще группа кораблей, — говорил вечером отец. — И на Балтику перебрасывают корабли, но уже Англия и Франция. Кажется, они всерьез решили воевать.

— Неужели никто не понимает, чем это кончится? — спросила мать. — Не могут же там быть одни идиоты?

— Правят бал американцы, а европейцы уже полвека ничего не решают, — пожал плечами, ответил отец. — Расчет на то, что они нам врежут первыми, а сами отсилятся, пожертвовав европейцами. Если такой вариант пройдет, то у них после войны не останется других конкурентов, кроме Китая. Заодно обнулят все свои долги и дадут стимул развитию экономики. А с Китаем Штаты, в общем-то, могут найти общий язык. Они сейчас связаны экономикой, как сиамские близнецы, можно пойти на какой-то вид союза и подмять под себя весь оставшийся мир. Пока китайцы это не примут, но если останутся с Америкой один на один, могут и согласиться.

— Неужели у них это может получиться? — с тревогой спросила Настя.

— Вряд ли, дочь, — ответил отец, — Но если они нападут на нас первыми и пустят в ход все силы и средства, ответный удар по Америке будет сильно ослаблен. Достанется им, конечно, сильно, но вряд ли это кого-нибудь остановит. Элита уцелеет, а потом переберется

в какую-нибудь еще не загаженную страну, например, в Африке. Да не расстраивайся ты так! Во-первых, у нас сейчас все тоже держат пальцы на кнопках и спусковых крючках, а армию успели усилить. Застать нас врасплох не получится. Большую часть ракет уничтожим, об авиации я вообще молчу, да и корабли перетопим. Жертвы, конечно, будут большие, особенно в крупных городах, которые все не удастся прикрыть, но нам не нужна Африка, чтобы отсидеться: своей территории навалом.

— Это хорошо, — согласилась девочка, которая почувствовала его ложь. — Пойду к себе, немного отдохну.

— Не вздумай идти сдаваться, — предупредил ее Раш. — Кажется, такая глупая мысль у тебя только что мелькнула. Это ничего не изменит и никого уже не остановит.

— А что остановит? — с горечью спросила Настя. — Кто этих сволочей может остановить? Верона?

— Ты можешь, — спокойно ответил он. — Возьми на хранение все их корабли и подводные лодки. Это немного прочистит мозги и раза в два ослабит первый удар. Лично я думаю, что после этого никакого удара вообще не будет. Можно еще забрать стратегические бомбардировщики, это усилит эффект. А то попробуй забрать все их оружие.

— Как я это сделаю? Прекрасно знаешь, что кольцо не выполнит такой приказ.

— Зря я тебе делал оптимизацию, — с сожалением сказал Раш. — Ты сама говорила, что кольцо узнает принадлежность предметов из твоей памяти, и я с тобой в этом согласен. Так что стоит убедить себя в том, что все американское оружие принадлежит тебе? Или я не давал тебе такого заклинания? Только, если решишься его применить, поставь ограничение на время действия. Ни к чему тебе потом с пеной у рта доказывать другим, что ты только забрала свое. Никто не поверит, и сочтут чокнутой, а сошедший с ума маг — это страшно.

— Сколько же это я при этом убью людей? — задумалась Настя.

— Если заберешь все, то тысяч двести, — сказал Раш. — Примерно сто восемьдесят боевых кораблей и те танки и самолеты, в которых будут экипажи. Если получится забрать шахтные ракеты, там тоже могут быть жертвы, но по сравнению с возможными жертвами в войне — это мелочь, которой можно пренебречь. Одни американцы потеряют миллионов сто, а европейцев вообще не останется. У нас я прогнозирую потери в тридцать миллионов. Это если потом на нас не навалятся китайцы. Они вполне могут решить, что можно забрать у нас те территории, которые они считают своими. А если начнут забирать, потом будет трудно остановиться. Мы с китайцами союзники поневоле, поэтому с ними нужно дружить осторожно. Уж очень их много, а под носом огромные и почти незаселенные территории. Это все равно что голодному сунуть под нос кусок жареного мяса и рассчитывать, что он удовлетворится слюной. Европейцев будешь трогать?

— А ты как считаешь?

— Я считаю, что не стоит. С уничтожением военной мощи США рухнет вся существующая система международных отношений. За ней покатится в тартарары торговля, опирающаяся на американский доллар. Лет десять-пятнадцать все будут привыкать к тому, что американского рынка, на который раньше работали, больше нет. Это как ломка у наркомана. Штаты ее не выдержат, а Китай устоит. Возможно, Европа нам еще понадобится в качестве союзника. Когда начнешь?

— Сначала позвоню президенту и скажу, что задумала. Если у американцев исчезнет все оружие, европейцы от страха могут и ударить, а у англичан с французами есть свое ядерное оружие. Лучше, если наши будут к этому готовы.

— Тогда не тяни со звоном, — посоветовал Раш. — Все висит на волоске, поэтому лучше не затягивать, чтобы потом не кусать локти.

— Я стану величайшей убийцей в истории, — сказала Настя и взяла президентский телефон.

— Глупенькая, — ласково сказал ей браслет. — За свою жизнь ты спасешь десятки миллионов жизней, а сейчас спасаешь сотни миллионов. Что по сравнению с этим значат жизни двухсот тысяч американских вояк?

— Нас в первую очередь интересуют авианосцы, — сказал Насте президент.

— Не будет никакого оружия, — покачала она головой. — Я потребовала себе все оружие Соединенных Штатов, все и получила, включая охотничьи ножи и арбалеты в оружейных магазинах и те арсеналы, которыми запаслись рядовые американцы. Сейчас у них нет ничего, кроме кухонных ножей.

— Уже начали покупать у других, — сказал президент, — Доллар резко упал, но от него пока не отказались. Да и своя промышленность у них продолжает выпускать оружие. Правда, там сейчас такое творится... Настя, объясните, в чем проблема с авианосцами. Они по-прежнему у вас?

— Нет, я от всего отказалась, — ответила девочка. — Заклинание, которое внушило, что вся эта дрянь моя, действовало примерно неделю, потом его действие закончилось. И пользоваться им вторично бесполезно, потому что кольцо уже знает, что его обманули. Не нужно хмуриться, Владимир Викторович, давайте я вам все объясню. Я не дура и тоже подумала, что нам трофейные авианосцы лишними не будут, и спросила кольцо. Так вот, оно мне дало понять, что либо я получу все свое оружие, либо не получу ничего. Нельзя избирательно брать разные объекты из одной передачи. Золото я могу брать по частям, потому что ничего, кроме него, тогда не передавала, а вот выбрать какую-нибудь брошь уже не могу. Кольцо может мне вернуть только всю сумку с драгоценностями.

— А получать все оружие вы не захотели, — констатировал он.

— А как бы я это сделала? — спросила Настя. — Две сотни кораблей, тысячи танков и самолетов, шахтные и мобильные ракеты и гора другого оружия! Это по моим прикидкам примерно два миллиона тонн! Корабли нужно получать в море, иначе они для вас будут бесполезными, но тогда все остальное тоже ухнет в воду! Замучаетесь потом вытаскивать. И вряд ли все это будут бережно опускать, золото иной раз падает с грохотом. А там сотни тысяч тонн боеприпасов, в том числе и ядерных. Я не знаю, попало ли туда бактериологическое оружие, но химического должно быть до фига! И все это попадало бы сверху вокруг меня. Мне-то в сфере наплевать, если только не взорвется что-нибудь мощное, а вот вам была бы работа на десятилетия. Использовать большинство их оружия вы не будете, поэтому его нужно утилизировать. Гора металла — это хорошо, а боеприпасы и химия? Очень дорогое удовольствие. Те же авианосцы таят в себе опасность. Ядерные реакторы продолжают работать, а экипаж мертв! Пока вы бы еще с ними разобрались. А в подводные лодки быстро и не попадешь, для этого придется резать корпуса. Нарушите электропроводку, а там тоже ядерные реакторы. Черт его знает, чем бы все это закончилось. Не захотела я рисковать.

— Может быть, вы и правы, хоть и жаль, — вздохнув, сказал он. — Ладно, построим сами. Если договоримся с китайцами, то, может, и строить не придется. Настя, вы по-прежнему хотите ездить по стране?

— Не ездить, а летать в своем шаре, — поправила она его. — Всякая секретность побоку, поэтому я могу себе это позволить. И центров строить не обязательно, достаточно поставить в каком-нибудь большом помещении многоярусные кровати. Если в четыре яруса, будет вообще замечательно. Не торопясь загружают их больными, а потом звонят мне. Я прилетаю на сорок минут и все делаю. За пару лет можно вылечить всех тяжелых больных в

России и жить нормальной жизнью.

— Нормальной жизни у вас уже никогда не будет, — сказал Владимир Викторович. — У нас вам будут ставить памятники и называть вашим именем города, но на Западе вас будут люто ненавидеть. Вы разрушили мечту об англо-саксонском мире, уничтожили мировой порядок и сотни тысяч его защитников. Такое не прощают. С Европой мы поладим, они уже спешно сняли все санкции и даже делают намеки о военном союзе. НАТО прекратило существование, старший брат и защитник лишился зубов...

— Отрастят новые, — сказала Настя.

— Все не так просто, — возразил он. — Похоже, что Штаты начали разваливаться. У них и раньше многие хотели отделиться, а сейчас этому ничего не мешает. У них даже полиция ходит без оружия, хотя ее постараются вооружить в первую очередь. Во многих городах паника и беспорядки, а наводить порядок нечем. Посылают национальную гвардию, но дубинками много не навоюешь. Из армии массово увольняются, а большинство этих парней не имеет гражданских специальностей. Доллар уже упал в цене в два раза и продолжает падать дальше. Их спасает то, что в долларах многие держат резервы, и мы в том числе, но если развал продолжится, эта валюта рухнет. Их облигации уже трудно продать. Скорее всего, с вашей помощью одной великой державой станет меньше. Сколько лет люди стремились в Америку, скоро они начнут из нее бежать. Жизненный уровень уже упал и его падение продолжится. Мы бы выкарабкались, а они, наверное, не смогут. У них всего девять процентов населения заняты в промышленности и еще три — в сельском хозяйстве, а полезным делом занимаются не больше двадцати, остальные или занимаются ерундой, или вообще ничем. И заставить их заняться делом не получится. Они ничего не умеют и не хотят ничему учиться, зато будут требовать, чтобы обеспечили привычный уровень комфорта. Я американскому президенту не завидую.

— Ну их к черту! — зло сказала Настя. — Мы к ним не лезли, они нарвались сами! А из-за них убила уйму людей, и это будут помнить. Ладно, как смогу, так и проживу. Я вам больше не нужна?

— Вы мне нужны еще больше, чем раньше, — улыбнулся он, — но не сейчас, а вообще. Есть проект оптимизации большого количества ученых и инженеров. И сделаем это не так, как в прошлый раз. Скрываться вам уже ненужно, поэтому время проведете весело и интересно.

Расставшись с президентом, девочка уже через три минуты была дома. В последние дни вся семья чаще всего собиралась в гостиной, сейчас все тоже были там.

— Чем занимаетесь? — спросила она у отца.

— Мать, как ты видишь, смотрит новости, а мне уже надоело. По твоей милости, я вынужден сидеть дома, вот и провожу полдня у телевизора. А сейчас мы с Олей учим Джуну разговаривать. Джуна, поздоровайся с Настей.

— Здравствуй! — отчетливо сказала мартышка и довольно посмотрела на своего учителя.

— Внуки тебе нужны, — сказала мать, — надеюсь, что у Тани они скоро будут. Настя, не слышала новости с Украины?

— Я еще сегодня не включала комп, — ответила девочка. — А что там у них?

— Рада объявила импичмент президенту, — сказала мать. — Теперь у них временно верховодит дама с косой. Свернули свою АТО и распустили все эти батальоны. Идут аресты активистов «Правого сектора», а в полицию срочно набирают добровольцев и вооружают их

армейским оружием, вплоть до пулеметов и БТР. У них сейчас на руках у населения много оружия, а люди доведены до отчаяния и уже никому не верят. Боюсь, что Украину придется долго подкармливать.

— Хрен им, — сердито ответила Настя. — Рвались в Европу, вот пусть она им и помогает. У них беженцы все резервы не проели. Без Америки на Ближнем Востоке быстро наведут порядок, так что часть беженцев со временем можно будет вывезти обратно.

— И Европу заставим помогать, и самим придется, — сказал отец. — Слишком уж они залезли в дерьмо со своей революцией. Ломать — не строить. И с Ближним Востоком не все так просто. США остались без зубов, а выкормленные ими бандиты никуда не делись. И не одни США их подкармливали, там и другие спонсоры были.

— Ладно, вы тут занимайтесь, а я пойду к себе. Нужно позвонить Олегу.

Девочка зашла в свою комнату и остановилась как вкопанная.

— Что стоишь? — насмешливо глядя на нее, сказала Верона. — Заходи, ты здесь хозяйка. Пришла поблагодарить за развлечение и за то, что ты выполнила за меня часть работы.

— Так вы решили! — поняла Настя. — И что дальше?

— Дальше самое неприятное — чистка, — поморщившись, ответила богиня. — Не бойся, никакой крови не будет. Посмотри в окно.

Девочка прошла мимо нее и выглянула на улицу. В воздухе плыли сотни тысяч небольших шариков, размером с теннисный. Одни подлетали к домам и проходили сквозь стены, другие летели к идущим по улицам людям или гнались за проезжающими автомобилями.

— Этих шаров больше семи миллиардов, — сказала Верона. — Их видишь только ты. Такой шар сливается с человеком и становится его частью. Задача примерно та же, что и у жрецов в моем мире. Они должны оценить полезность человека и возможность принятия им моей реальности. Все, кто не пройдет проверку, исчезнут. Все будет сделано так, чтобы предотвратить транспортные аварии и катастрофы на промышленных объектах. Я думаю, что после этого людей останется треть от общего числа. Тоже много, но больше я их чистить не буду. Уменьшу рождаемость там, где она высокая, и через пару поколений вас станет немногим больше миллиарда. Такую нагрузку эта планета выдержит, а в случае глобальных катастроф, которые не смогу предотвратить даже я, всех оставшихся можно будет сохранить. К тому же я вам дам кое-что из своих знаний. Судьба этого поколения — чистить все, что успели загадить предыдущие. Хочешь быть моей помощницей?

— Стариков тоже убираете, как ненужных? — не отвечая, спросила Настя.

— Их нет смысла убирать, — ответила Верона. — Они за какие-то десять-двадцать лет уйдут сами. Эти люди часто полезны обществу, поэтому к ним будет тот же подход, что и ко всем остальным.

— А мое лечение? Я обещала...

— В нем не будет надобности. Всем тем, кто пройдет проверку, будет даровано здоровье.

— В таком случае я согласна, только ответьте на последний вопрос: где мой шар?

— Тебя не нужно проверять, — с улыбкой сказала богиня. — Ты свою проверку уже давно прошла.

Больше книг на сайте - Knigolub.net